

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
ЗА РУБЕЖОМ

ИСТОРИЯ

ЖАН-КЛОД ГАРДЕН

**ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ**

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
ЗА РУБЕЖОМ**

ИСТОРИЯ

JEAN-CLAUDE GARDIN

UNE ARCHEOLOGIE
THÉORIQUE

ЖАН-КЛОД ГАРДЕН

**ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ**

**Вступительная статья и редакция
Я. А. ШЕРА**

**Перевод с французского
Л. А. ЛАВЛИНСКОЙ и Л. Е. ТОРШИНОЙ**

**МОСКВА
ПРОГРЕСС
1983**

Редактор *Бутт В. П.*

Редакция литературы по истории

© Cambridge University Press, 1979

© Hachette, 1979

© Перевод на русский язык, вступительная статья, предисловие к русскому изданию издательство «Прогресс», 1983

Г $\frac{10602-312}{006(01)-83}$ 28-83

0507000000

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Открывая новую книгу, читатель вправе сразу же получить ответ по крайней мере на следующие вопросы: о чем и зачем она написана и кому адресована. По отношению к данной книге эти вопросы особенно важны уже хотя бы потому, что ее название — «Теоретическая археология» — непривычно не только любителю популярных книг об археологах, раскрывающих «тайны» и «загадки» древних памятников, но и археологу-профессионалу. В мировой археологической литературе пока не было книги с таким названием. Есть много «Основ» и «Введений» в археологию (Арциховский, 1954; Дикшит, 1960; Moberg, 1969; Smith, 1976 и др.), есть «Археология: как и почему?» (Malina, 1975), «Археология вчера и сегодня» (Malina, 1981), есть ряд сборников докладов и статей (Массон, Боряз, ред., 1975; Столяр, ред., 1978; Clarke, ed., 1972; Redman, ed., 1973; Binford, ed., 1968 и др.), посвященных теоретическим вопросам археологии, есть, наконец, «Аналитическая археология» (Clarke, 1968), а «Теоретической археологии» пока еще не было. Причем в данном случае дело не только в названии, но и в содержании книги. Правда, легко себе представить археолога-профессионала, прошедшего хорошую школу и раскопавшего не один десяток интересных памятников, который, дочитав до этого места, мысленно или вслух скажет: «Ну и что из того, что такой книги еще не было? Разве мы плохо жили и работали до сих пор без теоретической археологии? Или, может быть, с помощью теоретической археологии были открыты новая Троя или новый Пазырык?» Действительно, ни новой Трои, ни нового Пазырыка с помощью теоретической археологии не открыли, да и вряд ли когда-нибудь откроют. Более того, сам автор «Теоретической археологии» Жан-Клод Гарден за десятки лет раскопок в Афганистане открыл много интересных памятников, но

не с помощью какой-то особой теоретической археологии, а, как и все археологи, — с помощью *раскопок и рассуждений*.

Слова, выделенные курсивом, указывают на две стороны всякого археологического исследования: 1) наблюдения в ходе раскопок и другие способы *непосредственного* изучения самих памятников и иных вещественных остатков деятельности древних людей и 2) рассуждения, при помощи которых исследователь додумывает, домысливает то, что в непосредственных наблюдениях не представлено, но может быть *реконструировано мысленно* по наблюдаемым остаткам и следам. Таким образом, всякое археологическое исследование можно себе представить в виде двуединого процесса, неразрывного, как две стороны одного листа бумаги: а) поиски, сбор и изучение вещественных археологических материалов и б) рассуждения о том, что и как нужно сделать, чтобы по следам, запечатленным в этих материалах, выявить факты, события и процессы древней истории. Такое, достаточно условное, разграничение между наблюдениями и рассуждениями не следует отождествлять с широко распространенным разделением на «полевую» и «кабинетную» археологию. Разделение на «полевую» и «кабинетную» археологию еще более условно, а главное — оно вынужденное, а не порожденное внутренними потребностями науки. Там, где нет сезонного характера раскопок и других полевых работ, где данное научное учреждение, ведущее раскопки, не отстоит от изучаемого памятника на сотни и тысячи километров, нет и этого разделения. Но и там, где такое разделение неизбежно, археолог не может копать, не рассуждая, или рассуждать, не обращаясь к материалам и результатам раскопок.

В реальной научной жизни археолога непосредственное изучение материалов и рассуждения связаны неразрывно. Однако, если мы хотим глубже понять ход той или иной стороны исследовательского процесса, мы можем мысленно отвлечься от одной из них и рассмотреть другую, так сказать, в «чистом виде». Например, существует довольно много книг и пособий по полевой (или «практической») археологии. В них рассказывается о методах и технике разведок и раскопок, но ничего не говорится о рассуждениях, хотя они подразумеваются необходимыми. В данной же книге, наоборот, внимание автора сосредоточено не на «практической» археологии, методы и техника которой подразумеваются известными, а на анализе мыслительных

процедур. Именно такой смысл вкладывается автором в понятие «теоретическая археология».

Итак, отвечая на первый вопрос — о чем написана эта книга? — можно сказать, что она посвящена анализу рассуждений археолога в тех звеньях научного исследования, которые находятся между сбором исходных данных и редактированием научной публикации (или отчета). Собственно, так на этот вопрос отвечает сам автор. Думается, что здесь возможно важное, с нашей точки зрения, дополнение. Поскольку всякая мысль, всякое рассуждение может быть зафиксировано и передано другому только в терминах некоторого языка (в широком смысле этого понятия: например, рисунок, схема — это тоже элементы языка), то соответственно анализ научных рассуждений археолога является одновременно и анализом научного языка археологии (или, как это станет ясно из гл. III, научных языков).

Следует также отметить, что область теоретической археологии, конечно, не исчерпывается анализом научных рассуждений. Слова «теория», «теоретический» применительно к археологии имеют много разных смысловых оттенков, которые отражают, может быть, не всегда четко очерченные, но от этого не менее реальные иные области исследований. В книге Гардена объектом рассмотрения являются научные рассуждения археолога, их логико-семантический аппарат. Но столь же вправе называться теоретическими исследования, направленные, так сказать, не «внутрь», а «наружу», не на анализ способов научных рассуждений, а на выяснение закономерностей истории древних культур. Поэтому исследования социальной структуры древних обществ, обмена и торговли, мировоззрения, культурных контактов и т. п. — все это тоже теоретические исследования, хотя и иного плана (см., например, Массон, 1976; Leroi-Gourhan, 1964 и др.). Наконец, не менее теоретическими являются работы, в которых рассматриваются сугубо специальные проблемы археологии, такие, как «особенности археологических источников», «относительная хронология», «археологическая культура», «культура и этнос» и др.

На второй вопрос — зачем написана эта книга? — Гарден отвечает довольно скромно: исходя из собственного интереса к тому, какова «механика» рассуждений археолога. На самом же деле, конечно, этот вопрос выходит далеко за рамки личного интереса того или иного автора.

Механизм научного мышления археолога, перерабатывающий первичные факты и наблюдения в исторические выводы, в каждом случае в чем-то индивидуален и неповторим. Вместе с тем каждый из нас последовательно выполняет одинаковые или очень близкие по характеру исследовательские действия: описание памятников и вещей, их систематизацию, сравнение их между собой в поисках аналогий для датировок, сравнение с предметами, употребление которых известно по этнографическим наблюдениям и т. д.

В результате всех этих действий мы, наконец, приходим к воссозданию более или менее полной или фрагментарной исторической картины жизни той древней культуры, памятники которой нами изучаются. В каждом из перечисленных звеньев исследовательского процесса параллельно «работают» логические средства анализа и интуитивные догадки. Без интуиции, как известно, не обходится никакая наука. Но всякая, даже гениальная догадка нуждается в проверке и доказательстве. Для этого, помимо критериев практики (где это возможно), требуются специальные логико-семантические средства. Они позволяют либо доказать данную догадку, либо опровергнуть ее, либо (что тоже не исключено) показать, что пока данных недостаточно ни для доказательства, ни для опровержения, и догадка остается догадкой, гипотезой, но еще не фактом науки. Значительная часть книги Гардена посвящена средствам обоснования и проверки гипотез при изучении археологических памятников. На эту тему пока написано немного, а книг — ни одной. Таким образом, на вопрос «зачем» можно ответить вполне определенно: тема книги актуальна и мало разработана.

Отсюда уже напрашивается ответ на третий вопрос: «Кому адресована книга Гардена?» Широкому читателю, которого волнуют «тайны забытых пещер» и «загадки древних курганов», она вряд ли будет интересна. Прежде всего предлагаемая книга будет полезна студентам, причем не только студентам-археологам, но и другим студентам, изучающим исторические и даже шире — гуманитарные науки. В отличие от многих своих западных коллег автор этой книги исходит из того, что археология — историческая наука, а археологические материалы в конечном счете служат для нас источниками исторической информации. Исследовательские действия, которые выполняет археолог при изучении вещественных источников, имеют много общего с подобными же действиями относительно других источни-

ков в таких областях знания, как история, этнография, нумизматика, искусствоведение. Поэтому методы построения и обоснования научных рассуждений археолога могут пригодиться и при анализе других источников по истории культуры.

Замечание автора о том, что эта книга — не учебник, не следует считать проявлением излишней скромности. Это действительно так, хотя она и отражает курс лекций, читавшихся автором в Женевском университете в 1976—1977 гг. Думается, что вообще, если не невозможно, то очень трудно написать учебник о том, как следует рассуждать исследователю, работающему в любой области науки. Поскольку эта книга не учебник, знакомство с ней не ущемит самолюбия тех, кто уже вышел из студенческого состояния, и даже тех, кто уже достиг определенных успехов в своей области. Ведь если опытному археологу показать обработанный камень или черепок глиняного сосуда, он довольно уверенно скажет, к какой эпохе или даже к какой культуре относится показанный предмет. Но если его спросить, каким образом он пришел к этому выводу, какова цепочка рассуждений, приведших его к ответу, то этот вопрос окажется для него более сложным, чем первый, поскольку подобные заключения, как правило, основаны на опыте и интуиции исследователя, а проверкой и обоснованием наших интуитивных заключений мы утруждаем себя не очень часто.

Таким образом, «Теоретическая археология» Гардена только с первого взгляда кажется непривычной и необычной. При более внимательном рассмотрении становится ясно, что в ней подняты проблемы, с которыми приходится сталкиваться каждому археологу в его повседневной исследовательской работе, проблемы вполне практического характера, как бы это ни казалось противоречащим названию книги. Проблемы эти достаточно новые. Появились они в нашей науке за последние два-три десятилетия и поэтому пока не получили ясного разрешения. Попробуем кратко сформулировать некоторые из них.

Археология как единая наука. Одной из характерных особенностей археологии является обилие ее регионально-хронологических направлений и предметно-исторических разделов. Как вполне реальные, едва ли не самостоятельные науки только в пределах нашей страны существуют и успешно развиваются археология Средней Азии, археология Кавказа, Сибири, Восточной Европы и т. д. Одновре-

менно можно назвать такие направления, как первобытная археология, античная археология, археология кочевников и т. п. Причем параллельно с этими направлениями, или внутри них, или на их пересечениях разрабатываются такие вполне самостоятельные разделы археологии, как «история хозяйства, история социального развития, история религии и искусства, этногенез и миграции древних племен, проблема возникновения государственности, проблема развития античного или средневекового города, история торговли, проблема взаимовлияния культур и т. д.» (Рыбаков, 1978, с. 5). Каждое из таких направлений и ответвлений имеет свою специфику, свою терминологию (т. е. свой язык) и даже свои особенности полевых методов исследования (см., например, Блаватский, 1967). Не следует также забывать целый ряд относительно новых методических направлений: экспериментальная археология, физико-химические методы датирования, методы исследования состава древних материалов, математические методы обработки наблюдений, палеогеография, геофизические методы полевых исследований и пр. Эти направления тоже достаточно самостоятельны, со своим языком, спецификой и методикой.

В условиях такого многообразия специализаций всякая попытка постановки и разработки общетеоретических проблем археологии сталкивается с большими трудностями. Необходимо выбрать такой уровень интеграции науки, который бы, с одной стороны, позволил отвлечься от частностей, а с другой — не превратился бы в чрезмерную абстракцию, оторванную от реальных задач науки. Иными словами, необходимо, чтобы этот уровень обобщения был и понятным, и полезным специалистам разных направлений археологии. Уже сама по себе проблема выбора такого уровня достаточно сложна, и отдельные попытки ее решения (Clarke, 1968, с. 36, рис. 2) нельзя признать вполне удачными.

Гардену удалось найти такой уровень и тем самым обеспечить себе вполне реальный и вместе с тем удобный «наблюдательный пункт», который позволяет, не упуская из виду специфики разных направлений археологии, рассмотреть ее наиболее общие проблемы. Не всегда бывает ясно, что является основным предметом анализа в работах, посвященных теоретическим вопросам археологии. Обычно авторы таких работ строят некую схему археологии как науки в целом (или отдельных ее частей) и рас-

сма­тривают эле­мен­ты этих схем и связи между ними. Гар­ден по­ступил иначе. Основ­ным пред­ме­том его ана­ли­за ста­ла ар­хеоло­гическая на­учная ли­те­ра­ту­ра (раз­у­ме­ет­ся, не в ис­чер­пы­ва­ю­щем объ­еме, а в об­об­щен­ном ви­де). Та­кой под­ход пред­став­ля­ет­ся бо­лее удач­ным в том плане, что в его ос­но­ве ле­жит не аб­стракт­ная схема, ко­торая са­ма по се­бе яв­ля­ет­ся пло­дом раз­мыш­ле­ний то­го или ино­го ав­то­ра, а ре­аль­ная со­во­куп­ность фак­тов и ме­то­дов ис­сле­до­ва­ния в том ви­де, как она от­ра­же­на в ар­хеоло­гичес­кой ли­те­ра­ту­ре.

Но ар­хеоло­гическая ли­те­ра­ту­ра то­же весь­ма раз­но­об­раз­на, не го­во­ря уже о том, что ее пол­ное рас­смот­ре­ние про­сто немыс­ли­мо. Все мно­го­об­разие ар­хеоло­гичес­ких на­уч­ных тек­стов (от­че­ты о рас­коп­ках, ка­та­ло­ги кол­лек­ций, своды па­мят­ни­ков, пу­бли­ка­ции ма­те­ри­а­лов, ста­тьи и мо­но­гра­фии) Гар­ден объ­еди­няет в рам­ках од­но­го по­ня­тия — *по­стро­е­ние* (на­уч­ное). Ан­глий­ский ва­ри­ант дан­ной кни­ги на­зы­ва­ет­ся «Ар­хеоло­гичес­кие по­стро­е­ния (од­ин ас­пект те­о­ретичес­кой ар­хеоло­гии)».

Все по­стро­е­ния де­лят­ся на два круп­ных клас­са, на­зва­ния ко­то­рых звучат по­на­ча­лу не­привыч­но: ком­пи­ля­ции¹ и эк­спли­ка­ции. Раз­у­ме­ет­ся, та­кое про­ти­во­пос­та­в­ле­ние до­ста­точ­но ус­лов­но, и, осоз­на­вая эту ус­лов­ность, Гар­ден не­од­но­крат­но под­чер­ки­ва­ет ди­алек­ти­чес­кую вза­имос­вязь между опи­са­ния­ми и ис­сле­до­ва­ния­ми. Со­став­ле­ние «ком­пи­ля­ций» не яв­ля­ет­ся чи­сто ме­ха­ни­чес­кой де­я­тель­но­стью,

---

¹ В на­шей ли­те­ра­ту­ре сло­ва «ком­пи­ля­ция», «ком­пи­ля­тор» не­воль­но вос­при­нима­ют­ся с опре­де­лен­ным не­га­тив­ным от­тен­ком, как не­что не­пол­но­цен­ное. По­это­му при пе­ре­во­де этой кни­ги сна­ча­ла пред­при­ни­ма­лись по­пыт­ки за­ме­нить сло­во «ком­пи­ля­ция» сло­ва­ми «из­ло­же­ние», «со­став­ле­ние», «свод», «ка­та­лог» и т. д. В от­дель­ных слу­чаях, где это пред­став­ля­лось умест­ным, та­кие за­ме­ны бы­ли сде­ла­ны. В об­ще­те­о­ретичес­ком смыс­ле по­ня­тие «ком­пи­ля­ция» ис­поль­зу­ет­ся в дан­ной кни­ге для то­го, что­бы вы­де­лить осо­бый ви­д по­стро­е­ний, це­лью ко­то­рых яв­ля­ет­ся све­де­ние в од­ном ме­сте (в от­че­те, кар­то­те­ке, ка­та­логе, пу­бли­ка­ции) *о­пи­са­ний* ка­ких-то пред­ме­тов ма­те­ри­а­льной ку­ль­ту­ры в от­ли­чие от *объ­яс­не­ний* (эк­спли­ка­ций). Од­ним и тем же тер­ми­ном «ком­пи­ля­ция» на­зы­ва­ет­ся и про­цесс соз­да­ния та­ких сводов или ка­та­ло­гов, и ре­зуль­та­ты это­го про­цес­са. По ме­ре чте­ния кни­ги к те­о­ретичес­ко­му смыс­лу сло­ва «ком­пи­ля­ция» по­сте­пен­но при­вы­ка­ешь. Для на­ча­ла мож­но по­ре­ко­мен­до­вать мыс­лен­ное со­пос­та­в­ле­ние слов «ком­пи­ля­ции» и «эк­спли­ка­ции» с об­ще­при­ня­тым в со­вет­ской ар­хеоло­гичес­кой ли­те­ра­ту­ре раз­ли­чием смыс­ловых от­тен­ков между та­ки­ми по­ня­тия­ми, как «ма­те­ри­а­лы» и «ис­сле­до­ва­ния».

а всегда опирается на некоторое (возможно, не полностью осознанное) осмысление данного материала. В свою очередь историческое объяснение, т. е. «экспликация», всегда в известной мере обусловлено отбором и первичным описанием материалов.

При определении «компиляций» Гарден сразу расставляет все теоретические акценты. До сих пор широко распространено представление о возможности так называемого «объективного» описания археологических данных. Сводные и каталоги считаются если не вполне объективными описаниями, то уж, во всяком случае, нейтральными по отношению к последующему исследованию («экспликации»). Гарден убедительно показывает, что это не так, и любое описание археологического объекта несет на себе отпечаток знаний составителя и тех задач, которые он перед собой ставит.

Если компиляции в основном обращены к описанию самих памятников и объектов, то экспликации — это такие построения, в которых речь идет уже не столько о памятниках и объектах, сколько об оставивших их древних людях, их образе жизни и истории. Это — разграничение по объекту исследования. С гносеологической точки зрения различия между компиляциями и экспликациями состоят в том, что первые являются результатом первичного, непосредственного восприятия фактов, а вторые — плодом их последующего осмысления.

Сгруппированные таким образом два крупных класса археологических построений и становятся, собственно говоря, основным предметом рассмотрения. Автор анализирует их структуру, логический и языковой аппарат. При анализе компиляций акцентируется внимание на том, насколько они удобны для практического использования. При рассмотрении экспликаций акцент смещается в сторону способов и средств логико-семантического обоснования выводов, сделанных на основе первичных наблюдений. Автор считает необходимыми определенные методы оценки построений обоих видов с точки зрения эффективности компиляций и достоверности экспликаций.

Итак, первое, что хочется отметить при чтении книги Гардена, это — удачное сочетание абстрактного и конкретного: возможность, не теряя из поля зрения разнообразия задач, методов и специфических особенностей, отличающих археологию от других дисциплин, взглянуть на нее в целом, как на единую науку, причем науку историче-

скую. По вопросу об историзме археологии, очень важном с методологической точки зрения, Гарден сформулировал свою позицию четко и недвусмысленно: «Археология потеряла бы всякий смысл, если бы занималась только исследованием вещественных остатков древности, не ставя перед собой задач изучения истории и образа жизни древних народов» (с. 71).

Отбор источников. Отличительной особенностью современной археологии являются раскопки широкими площадями и изучение массовых материалов, что позволяет делать более обоснованные и глубокие исторические обобщения. Именно за последние десятилетия на основе археологических материалов были написаны целые разделы *Истории* ранее вообще неизвестных или малоизвестных народов и их культур. Однако работа с массовыми материалами поставила перед археологами ряд новых методических (и методологических) вопросов, на которые не было готовых ответов.

По грубым, приблизительным подсчетам, количество археологических материалов, получаемых при раскопках, сейчас удваивается за каждые 7—10 лет. Исчерпывающе полный учет, и тем более публикация всех материалов до последнего черепка, становится невозможным или крайне трудным. Вполне понятно, что в таких условиях каждый исследователь всякий раз решает для себя проблему отбора исходных данных (памятников, объектов, вещей, наблюдений), которые станут фактической базой данной работы. На разных примерах Гарден показывает, что в неявном виде отбор источников существует всегда. Широко распространенное мнение о необходимости использования «как можно большего» количества данных по избранной теме по существу остается не более, чем риторикой. К проблеме отбора источников Гарден обращается в разных местах своей книги (гл. III, § 2; гл. V, § 1.2; гл. VI, § 2). Он не пытается навязать читателю готовых решений (что сейчас представляется вообще невозможным), а рассматривает ее с разных позиций, что само по себе достаточно важно, поскольку в литературе эти вопросы пока обсуждаются редко (см., например, Каменецкий и др., 1975, с. 14—15).

Основная мысль автора сводится к тому, что существующие на практике неявные критерии отбора источников, или, как он пишет, якобы «понятные без слов», должны в каждом случае четко формулироваться. Заглядывая впе-

ред, Гарден показывает, что даже тогда, когда новые технические средства (банки и базы данных, информационные сети) существенно облегчат доступ к источникам и их обработку в больших объемах, возникнет ряд новых трудностей, которые не снимут проблемы *обоснования* отбора первичных материалов. Поэтому главным в данном вопросе Гарден считает не столько стремление к тому, чтобы собрать как можно больше данных, сколько умение определить, обосновать и продемонстрировать читателю методику отбора, которая позволяет *минимизировать* количество материалов, необходимых для решения данной исследовательской задачи. С таким требованием нельзя не согласиться, хотя здесь и есть один спорный аспект, к которому мы еще вернемся.

Язык представления источников. Проблема научного языка археологии тоже возникла относительно недавно и в значительной мере связана с двумя потребностями: 1) точность описания источников и исследовательских процедур, 2) компактность и обозримость представления в публикациях массовых материалов. Кроме того, здесь действует и более глубокий «механизм», согласно которому состояние языка науки отражает уровень ее развития. По мере дальнейшего развития фактического, теоретического и методического потенциала археологии будет меняться и ее язык. Гарден говорит о трех видах языков, которые используются в археологии: естественный, научный и документальный (или информационный). Первые два не требуют пояснений, а третий — это искусственный язык, разработанный специально для описания той или иной предметной области (в данном случае для описания археологических материалов). Примеры использования таких искусственных языков для описания археологических источников можно найти в ряде публикаций (например, Маршак, 1970; Алексеева, 1970; см. также сноску 21 на с. 87 настоящего издания).

Для чего нужны искусственные документальные языки? Принято считать, что археолог работает с вещами, «читая» их примерно так, как историк читает древнюю хронику. На самом деле ни один древний предмет (не имеющий надписей) или памятник не содержит никакой исторической информации, она возникает только в процессе его изучения и фиксируется исследователем в терминах какого-то используемого им языка. Таким образом, историко-культурное «прочтение» источника во многом зави-

сит от того, как он изначально описан. А язык первичного описания формируется самим автором, причем без каких-либо жестких правил, но всегда, как это уже отмечалось выше, зависит от знаний исследователя, задач, которые он перед собой ставит, и многих других факторов, трудно поддающихся учету. Отсюда с неизбежностью следует, что всякое описание археологического объекта не может не быть хоть в какой-то мере субъективным. В данном случае «субъективный» не значит что-то сортом хуже. Такова природа фактов нашей науки. Мы не можем, подобно физикам, ограничиваться характеристиками объектов и явлений, снимаемыми в виде измерений приборами. Кстати, и здесь единицы измерения тоже в какой-то мере «субъективны» в том смысле, что они не заданы природой, а, как правило, являются результатом соглашения между специалистами. Таким образом, несовершенство методов описания археологических материалов состоит не столько в их «субъективности», сколько в том, что обычно для описаний используется естественный язык, который по своей природе не может быть пригоден для точного описания фактов науки (полисемия, синонимия, расплывчатость грамматических конструкций и т. д.).

Искусственные языки (документальные или информационные) создаются специально для описания конкретной предметной области. Их термины строго однозначны, а грамматика (если она есть) имеет жесткую структуру. Еще В. А. Городцов более восьмидесяти лет тому назад сформулировал основные требования к такому языку археологического описания. «Вполне выработанная система должна дать возможность исследователю быстро описывать и характеризовать предметы какой угодно доисторической коллекции не только при кабинетной обстановке, но и в поле, во время раскопок, а по составленным таким образом описаниям — столь же быстро следить за районами распределения тех или других... типов и делать между ними сравнения, не прибегая всякий раз к помощи описываемых вещей или их рисунков. Я полагаю, что этому может удовлетворить табличная система, имеющая в основе точно выработанную и однообразную терминологию. При таких условиях исследователю оставалось бы делать лишь краткие отметки против заранее напечатанных в таблицах терминов или, в случае новых открытий, вводить новые термины, отводя им соответствующие места в системе. Число терминов должно соответствовать числу всех

существенных признаков...» (Городцов, 1901, с. 579). Взглянув теперь на рис. 13 книги Гардена, читатель может убедиться, насколько проницательным был В. А. Городцов, предвидя в деталях системы описания, которые только сейчас со «скрипом» входят в употребление.

Искусственные языки тоже не гарантируют «полной» объективности, поскольку они состояются людьми с их опытом, знаниями и в соответствии с задачами. Не следует также надеяться, что при помощи искусственных языков возможно исчерпывающе полное описание археологического объекта. Оно вообще от языка не зависит, а определяется задачами и методами исследования. Преимущество искусственных языков состоит в том, что с их помощью дается полное перечисление признаков, отобранных исследователем для изучения, и каждый из этих признаков получает свое строго определенное название. Названиями могут служить как слова естественного языка, так и другие средства: условные знаки, цифры, графические элементы.

Другая особенность искусственных (информационных) языков состоит в том, что без них невозможно создание автоматизированных информационных систем: банков и баз данных, информационных сетей. Как известно, такие системы сегодня уже становятся реальностью (см., например, Асеев и др., 1980; Асеев и др., 1982; Museum, XXX, № 3/4, 1978; Chenhall, 1975).

Систематизация факторов и наблюдений. Со студенческой скамьи каждый археолог знает о существовании типологического метода. В отличие от вопросов, рассмотренных выше, проблема роли и места типологических исследований в археологии не нова. Самому методу в том виде, как его сформулировал О. Монтелиус, уже почти сто лет. Однако за это время первоначальный типологический метод «обрастал» многими иными способами систематизации и классификации и превратился в весьма аморфный набор разных методов, хотя и сохранил свое первичное название, теперь уже мало соответствующее прежнему содержанию.

Так или иначе, методы группировки и систематизации используются почти в каждой археологической работе, причем с самыми разными целями: от элементарных соображений удобства рассмотрения материала до попыток построения рядов, отражающих культурно-исторические изменения объектов во времени и пространстве. Даже когда

объектом изучения становится один уникальный предмет, поиск неизбежных в таком исследовании аналогий по своей логической структуре равносителен построению типологических рядов. При таком многообразии применений методов систематизации археологических данных всякие попытки их обобщения сталкиваются с большими трудностями.

Гарден пытается преодолеть эти трудности следующим образом. Все подобные процедуры он объединяет в одном понятии — «упорядочивание». Подобно тому, как не может быть «нейтрального» описания, не может быть и «нейтральной» систематизации, не связанной с задачами данной работы. В частности, характер систематизации определяется тем, какие свойства объектов изучаются. Автор разграничивает два вида свойств археологических объектов: внутренние и внешние. Первые — это непосредственные свойства самих вещей: их «физика», «геометрия» и «семиотика». Вторые — это данные, непосредственно в вещах не представленные, но получаемые из изучения «контекста» и сравнительных материалов: «место», «время» и «функция».

Порядок группировки материалов в сводах и каталогах (т. е. в компиляциях) основывается, как правило, на систематизации внутренних свойств объектов и на соображениях удобства (как они понимаются составителем). Этот порядок не всегда удовлетворяет потребителя, и последний может его свободно перестраивать. Задачи таких группировок и систематизаций чисто источниковедческие. Конечно, есть корпуса, своды и публикации материалов с более глубокими целями, но тогда их нельзя относить к компилятивным построениям.

В экспликациях упорядочивание материалов подчинено другим задачам: фактически оно является основой для последующей исторической интерпретации, поэтому в таких построениях большое место занимает анализ внешних данных. Типологическими Гарден предлагает считать такие методы систематизации и классификации материалов и наблюдений, которые основаны на систематическом сопоставлении внутренних и внешних признаков с целью получения данных пространственно-временного характера. Вместе с тем автор осознает, что «граница между классификациями, применяемыми в Компиляциях, и классификациями, претендующими на звание Типологий, не всегда бывает четкой» (с. 134).

Кроме этих основных моментов, следует отметить оригинальный подход к некоторым «внутритипологическим» вопросам, в частности — классификацию типологических построений по «степени свободы», которой располагает исследователь (или на которую он вынужден согласиться): таксономические ряды, индуцированные типологии и дедуктивные типологии. Не менее интересна попытка автора проанализировать логико-семантическую схему типологических построений в терминах сопоставлений между внутренними и внешними признаками. Насколько известно, такого подхода пока никто не предлагал. Если воспользоваться аналогией с языковыми явлениями, то место, которое, по Гардену, занимает типология в общей цепи археологического исследования, соответствует начальному этапу «перевода» с языка эмпирических данных на язык исторических объяснений.

Историческая интерпретация. Историческая интерпретация археологических фактов и наблюдений — самое ответственное и сложное звено в археологическом исследовании. Если сбор материала (в поле или в музеях) сравнить с добычей сырья, описание и классификацию — с обогащительным комбинатом, то историческое объяснение следует приравнять к цеху синтеза готовой продукции, качество которой зависит не только от сырья и заготовок, но и от уровня технологии на завершающем этапе. Однако и при сверхсовременном уровне этой «технологии» (статистика, логика, системный анализ, ЭВМ и т. д.) ее природа такова, что на нее всегда будет влиять трудно учитываемое множество факторов разного масштаба, начиная с мировоззренческих, философских позиций и кончая тонкостями интуиции и творческого мышления данного исследователя. Именно поэтому иногда создается обманчивое впечатление, будто бы «каждый археолог интерпретирует исследуемые им археологические факты по-своему, как правило, мало заботясь о согласовании своих взглядов со взглядами других исследователей. В результате такой практики неизбежен разнобой в решениях и взглядах исследователей по различным актуальным вопросам археологической науки» (Захарук, 1973, с. 8). То, что названо здесь «разнобоем», на самом деле является вполне естественными в данном случае расхождениями в интерпретациях. Развитие науки было бы остановлено, если бы в ней не существовало борьбы мнений. Следовательно, главной опасностью является не «разнобой», а то, что нет методики

сравнения разных интерпретаций. Но возможно ли создание такой методики вообще? Особенно в свете только что отмеченного выше влияния самых различных факторов на «технология» научных рассуждений.

Проблему интерпретации археологических фактов и наблюдений можно рассматривать с двух сторон, или с двух точек зрения: с точки зрения исторического содержания и с точки зрения логической структуры. При рассмотрении содержательного аспекта мы отвечаем на вопрос «что»: что объясняется? что объясняет? Например, так называемая микролитизация орудий в эпоху мезолита объясняется развитием рыболовства и специализированной охоты на мелкую дичь, что в свою очередь объясняется изменениями в составе животного мира, происходившими в начале голоцена, и в частности — исчезновением крупных животных. С содержательной стороны проблема интерпретации в археологии очень широка и многоаспектна, а литература — почти необозрима. Поэтому говорить о выработке методики сравнения разных интерпретаций по их содержанию можно только применительно к узким областям археологии. Эта задача осложняется еще и очень характерной для археологии узкой специализацией исследователей, при которой нередко случается так, что лучше данного автора вообще никто этого материала не знает и поэтому квалифицированно оценить истинность его построений не может.

Гарден рассматривает в своей книге в основном логическую структуру интерпретативных построений. Такой подход позволяет отвлечься от многообразия содержательных отличий и поставить общий вопрос «как»: с помощью каких рассуждений мы приходим к данному объяснению? С точки зрения структуры Гарден выделяет три типа интерпретаций: простые, нормативные и динамические. Но не эта, весьма условная классификация интерпретативных построений является главным достижением автора. Наибольший интерес представляет попытка Гардена представить развернутую схему последовательности рассуждений в виде, так сказать, типовой, блочной конструкции. Такая схема названа автором логико-семантической организацией (ЛСО). Разумеется, в этой схеме не предусмотрены все тонкости и детали, что, вообще говоря, и не нужно, но в ней четко сформулирована главная мысль, которая сводится к следующему. Историческая интерпретация археологических материалов и наблюдений с точки зрения логики

представляет собой многоступенчатый процесс с рядом переходов от рассуждений одного уровня к рассуждениям другого, логически и семантически более высокого уровня. Гарден называет этот процесс трудно переводимым с французского термином *les échafaudages* (нечто вроде последовательного надстраивания строительных лесов).

Если мы хотим, чтобы завершающая часть такого многоступенчатого сооружения была обоснованной, необходима обоснованность и всех предшествующих «этажей». На конкретных примерах Гарден показывает, что в интерпретационных построениях нередко случаются пропуски каких-либо звеньев. С точки зрения интуитивного подхода к объяснениям эти пропуски вполне понятны и неизбежны. Однако для четкого обоснования выводов необходимо проследить не только все ступени, но и выяснить характер логических связей между ними. Последние, как показал Гарден, могут иметь различную природу (составные определения, ассоциации, абстрагирование) и тоже оказывают влияние на обоснованность выводов.

Гарден не считает схемы логико-семантического анализа обязательным инструментом всякого исследования. Вообще для его книги характерно отсутствие каких-либо императивных предписаний. ЛСО следует использовать тогда, когда ощущается шаткость или недостаточная четкость того или иного вывода. При этом становится не очень важным принадлежность данного исследования к какой-то из многочисленных в западной археологии школ и направлений. Гарден показывает, что различия между ними нередко сводятся к различиям в языке и в форме построений: «снизу вверх» (т. е. от фактов к гипотезам) или «сверху вниз» (от гипотез к фактам). И к тем и к другим логико-семантический анализ применим в равной степени. Применим он и к компилятивным построениям, поскольку всякое описание содержит в себе определенные элементы интерпретационных суждений.

Разумеется, из этого не следует, что ЛСО являются универсальным ключом к решению любых проблем археологии. Никакими ЛСО невозможно проанализировать такие элементы рассуждения, как методологическая сущность, историческая достоверность или научная ценность. Логико-семантический анализ не может заменить собой всего комплекса научного творчества, но, выявляя слабые места в рассуждениях, заставляет обращаться к новым фактам, анализировать связи между ними и тем са-

мым способствует повышению общего уровня исследования.

О «волшебной палочке». При первом же знакомстве с ЛСО и вообще с подходом, который Гарден называет логистическим (или логицистическим) анализом, становится ясно, что все это находится в очень близком соседстве с методами формализованного описания и математической обработки археологических данных. В свое время на них возлагались большие надежды, но результаты оказались самыми разными. Наряду с конкретными, новыми выводами, полученными с помощью математических методов, появилось немало публикаций, авторы которых считают, что уже использование формул и схем, графиков и таблиц, а также обработка данных на ЭВМ является гарантией строгости и точности исследования, хотя на самом деле все перечисленные атрибуты формализации иногда являются не более чем «виньетками», украшающими публикацию и придающими ей вид современной науки.

Не исключено, что логистический анализ Гардена, как и всякое нововведение, может сначала вызвать скептическое отношение читателя: не предлагается ли очередная новая «волшебная палочка», которая превратит «донаучную» археологию в «научную»? Предвосхищая такой, вполне резонный скептицизм, следует отметить, что Гарден сам достаточно критически относится к таким псевдоуниверсальным методам, обещавшим (теоретическая лингвистика) или обещающим (искусственный интеллект) некие общеприемлемые для всех наук способы повышения строгости и точности исследований, связанных с анализом текста.

В свое время Гарден был одним из пионеров использования ЭВМ в археологических исследованиях (в основном с целями информационного поиска). Может быть, поэтому он раньше других обратил внимание на то, что нередко исчезает из поля зрения других исследователей: *язык и логика рассуждений археолога не настолько жестки, чтобы их можно было легко представить в виде алгоритма и машинной программы*. Из этого следует, что нередко алгоритмизации и математическому моделированию поддаются лишь тривиальные исследовательские процедуры, не оказывающие решающего влияния на конечные результаты, если их рассматривать с содержательной, т. е. с историко-археологической точки зрения. Поэтому главный вопрос, которому, собственно, посвящена вся книга Гардена, — это

попытка построить языковой и логический аппарат описания данных и рассуждений, который находился бы между расплывчатым по форме, но богатым по содержанию естественным языком традиционного археологического описания (и рассуждения) и жесткой формально-логически, но тривиальной и содержательно бедной схемой, легко поддающейся алгоритмическому описанию и программированию на ЭВМ. Иными словами, есть ли возможность так сформулировать рассуждения археолога, чтобы они по содержанию были столь же богатыми, как рассуждения на естественном языке, а по форме — столь же последовательными и четкими, как алгоритм решения задачи на ЭВМ?

В соответствии с этой задачей автор пытается найти подходящий методический принцип анализа. Понятно, что чисто формализованный анализ (например, логико-математический) здесь не годится, поскольку он не способен анализировать семантику рассуждений. Не годится и анализ типа литературоведческого, богатый своей семантической стороной, но не приспособленный к рассмотрению логики научного текста. Тогда Гарден разрабатывает некий «промежуточный» логико-лингвистический аппарат, которому дает название *логистический* анализ.

Насколько этот аппарат окажется эффективным, покажет будущее. Пока же можно отметить одну его важную особенность: он не потрясает основ, ничего не отвергает из традиционного аппарата археологического исследования и не претендует на роль «волшебной палочки». Уже эти его свойства создают положительное впечатление в сравнении с другими новыми методами и подходами.

Спорные вопросы. Спорные вопросы можно найти во всякой научной монографии. Есть они и в «Теоретической археологии», и если бы их не было, книга была бы менее интересной. На некоторых из таких вопросов хотелось бы остановиться, сознавая, что читатель может найти другие, не отмеченные в данном предисловии.

Рассматривая средства описания археологических материалов в различных сводах и каталогах (т. е. в компиляциях), Гарден полемизирует с теми авторами, которые считают возможным заменить описание предмета (в том числе и на документальном языке) его изображением (гл. III, § 1). В том, что вторым невозможно полностью заменить первое, Гарден, конечно, прав. Однако его позиция сформулирована здесь недостаточно четко, и может

сложиться впечатление, что он считает возможной обратную замену (замену изображения описанием на документальном языке). Например, в начале гл. IV Гарден пишет о хорошо всем известном поиске аналогий так, будто бы аналогии ищутся не по зрительному образу предмета, а по его «словесному портрету». Дальше становится ясно, что автор правильно понимает отношение дополнительности между описанием и изображением (гл. VI, § 3.1), но для этого нужно прочесть еще три главы. Вопрос этот далеко не второстепенный, и следовало ожидать, что Гарден сразу сформулирует его ясно и недвусмысленно. Никакое противопоставление описания предмета его изображению вообще невозможно. Это — два разных, несводимых один к другому языка, которые в любой информационной системе могут только дополнять друг друга. Каждый читатель может в этом убедиться, сыграв сам с собой или со своим коллегой в следующую «игру». Отобрав из литературы несколько описаний археологических объектов и не глядя на иллюстрации, нужно попытаться нарисовать данные объекты. Сразу станет ясно, что воспроизвести внешний вид предмета по его описанию почти невозможно (не считая самых простых случаев: гвозди, шилья и т. п.). Здесь нелишне отметить, что в результате коллективного опыта археологов сложился особый вид археологической графики (подобно тому, как, например, существует инженерная графика), обладающей мощным информационным потенциалом и заслуживающей специального методического и теоретического обобщения, пока, к сожалению, довольно редкого (см., например, Van den Driessche, 1975).

Возвращаясь к рассмотренной выше позиции Гардена относительно минимизации количества материалов в каталогах и исследованиях, следует усомниться в универсальном характере данного принципа. Конечно, с точки зрения перспектив развития науки (а такая точка зрения может легко превратиться в риторику), абсолютно полный охват материала по той или иной теме невозможен. Но, отказываясь от «возможно более полного» охвата источников, мы рискуем получить чрезмерную свободу отбора тех данных, которые не противоречат уже сложившейся исторической концепции. А такое, к сожалению, случается. Пока единственным реальным методом, способным обеспечить предлагаемую Гарденом минимизацию, является основанный на проверяемых критериях выборочный метод статистики. Однако этот способ применим только при работе с массо-

выми, однородными и достаточно простыми вещами. При изучении сложных предметов с большей степенью изменчивости любой археолог будет стремиться к охвату наибольшего числа доступных ему материалов, и никакими теоретическими соображениями убедить его в обратном не удастся.

Представляется также спорным вопрос о том, к какому типу анализа относится предложенный Гарденом логистический метод. Сначала Гарден отмечает, что «подобный анализ напоминает методы, распространенные в таких формализованных дисциплинах, как кибернетика, системный анализ, информатика, когда изучаемые процессы представляются в виде программ для ЭВМ» (с. 51). Затем он пишет: «...мы останемся на уровне гораздо меньшей схематизации, чем программа или алгоритм, составленные для ЭВМ. Основными элементами нашего рассмотрения будут мыслительные операции, подобные тем, которые мы совершаем ежедневно в повседневной жизни, но не более точные и не более тонкие, необходимые для построения алгоритма или действующей машинной программы». Из этого делается вывод, что «наш анализ никак не может считаться логическим в техническом смысле этого слова, ни тем более — формализованным, разве только в метафорическом смысле» (с. 53).

Но такой вывод не согласуется ни с многочисленными примерами, которыми автор иллюстрирует логистический анализ (гл. I, § 3.1—3.4; гл. IV, § 2, § 4), ни с определением (гл. I, § 3.5). Правда, термин «формализованный» можно тоже понимать неоднозначно. В философии формализация понимается как уточнение содержания через элементы формы. В логике — как выявление структуры суждений путем замены слов символами. Сам Гарден придает аппарату логицизма достаточно абстрактную форму, чтобы приспособить его для разбора построений разных уровней сложности и разного назначения (компилятивных, типологических, экспликативных). Конечно, если говорить о формализации в самом предельном выражении (логические исчисления, алгоритмы и программы для ЭВМ), то, возможно, Гарден отчасти прав, ибо с этой точки зрения схемы ЛСО не могут считаться в полной мере формализованными. Но только отчасти, потому что его определение логистического анализа почти совпадает с определением алгоритма (четко определенная последовательность операций, перерабатывающих исходные данные в искомый ре-

зультат). Во всяком случае, если исходить из понимания формализации как уточнения *содержания* данного построения путем выявления его структуры, то логистический анализ Гардена намного ближе к формализованным методам, чем к содержательным.

Неудачна, с нашей точки зрения, попытка автора придать своей работе общефилософское звучание. При чтении книги вспоминаются глубокие по сути и убийственно иронические по форме критические оценки, высказанные Гарденом по поводу торжественной риторики проповедников «новой археологии», искусственного интеллекта и т. п., которые невольно примеряются к некоторым высказываниям самого автора.

Неясно, зачем Гардену вообще понадобилось философское «оправдание» основных идей его интересной и полезной книги. При всей своей теоретичности книга Гардена во многом по-хорошему практична: дает конкретные рекомендации, будит мысль, способствует новому видению известных вещей и, что особенно ценно, не уводит в «облака» оторванных от конкретных задач сомнительных теоретизирований. Действительно, в книге Гардена подняты вопросы, которые выходят за рамки одной археологии и имеют прямое отношение к другим гуманитарным наукам и к философии науки. Собственно, речь идет о проблеме с точки зрения нашей философии достаточно ясной, хотя и сложной: о диалектическом взаимодействии логического и исторического, рационального и интуитивного начал в любой науке, в том числе и в археологии.

Именно этой теме посвящены не лишённые торжественной риторики высказывания автора (с. 263—266). Гарден совершенно прав, отмечая опасность преобладания одного из этих начал над другим, однако диалектический характер их непрерывного, противоречивого взаимодействия им не подчеркнут. Вместо этого он говорит о «счастливых эпохах, когда на некоторое время устанавливается своеобразное равновесие сил между обеими партиями» (с. 265).

Вообще причина неясного характера философских высказываний Гардена, кажется, состоит в следующем. В начале книги Гарден писал, что «всякое заимствование или изобретение нового «-изма» заведомо подозрительно» (с. 54). Но в конце ее, пытаясь определить свое место в философии науки, автор встал перед дилеммой: предстать апостолом новой философии (т. е. заведомо подозрительного нового «-изма») или примкнуть к чему-то уже хорошо известному.

Ссылаясь на столь широко распространенный на Западе логический позитивизм, Гарден как-то очень осторожно пробует к нему присоединиться: «...речь идет только о некоей разновидности логического позитивизма» (с. 260). В то же время он не может не осознавать, что многие места его книги, особенно его верная позиция по вопросу о роли и месте формализации, противоречит основным установкам этой философии. И тогда в следующей фразе появляется оговорка о «свободном отношении» автора к логическому позитивизму. Недостаточная последовательность некоторых философских суждений Гардена не снижает достоинств основной части книги, в чем читатель, вероятно, убедится сам.

В заключение несколько слов об авторе. Жан-Клод Гарден родился в 1925 г. в Париже. В годы войны он участвовал в борьбе с фашизмом в рядах Сопротивления. Образование Гарден получил в Лондонском университете и в Сорбонне, где изучал археологию, историю религии, логику, лингвистику, а в Высшей школе живых восточных языков — иранские языки. С 1950 г. Гарден принимает участие в работах Французской археологической миссии в Афганистане. С 1980 г. он возглавил эту экспедицию. Его первые публикации были посвящены керамике Балха (центр древней Бактрии) и отмечены положительными оценками в нашей литературе (Мандельштам, 1959, с. 278—281). Последующие исследования Гардена по керамике Бамиана, Лашкари Базара, а также по ирригации и освоению района Ай-Ханум тоже хорошо известны своими новыми материалами и интересными интерпретациями. В 1953—1957 гг., будучи сотрудником французского Археологического Института в Бейруте, Гарден выполнил новаторскую для того времени работу: составил картотеку на перфокартах для описания и каталогизации археологических коллекций (Gardin, 1956). Вскоре после этого, в 1958 г., он создает в Марселе Центр археологического источниковедения, которым руководил 12 лет (Ковалевская, 1970, с. 211—217). Здесь в целой серии публикаций впервые были реализованы основные идеи Гардена по рационализации археологического источниковедения на основе методов и средств информатики, которая в то время еще только формировалась как наука. Им и его сотрудниками были разработаны и опубликованы специальные системы описания разных видов археологических источников, получившие название «Аналитических кодов». Тем самым

было практически доказано, что, несмотря на огромное разнообразие археологических материалов (керамика, бронзовые орудия, цилиндрические печати, римские мозаики, орнаменты, сасанидские и арабские монеты, церковная и светская архитектура и т. д.), они могут быть описаны на основе общих и достаточно строгих правил, иными словами — при помощи специально разработанного для этой цели языка. Такие системы описания с высоким уровнем унификации и стандартизации не только улучшают общую информационную ситуацию в науке, но и расширяют возможности последующих исторических обобщений, создавая условия для сопоставления данных, полученных разными исследователями для разных памятников и регионов.

Разумеется, методы дескриптивного анализа, созданные под руководством Гардена, — не единственный путь совершенствования средств описания археологических данных, а «коды» марсельского Центра — не первая попытка в этом направлении (см. упоминавшуюся выше работу Городцова). До Гардена и одновременно с ним в этой области работали и другие археологи, предложившие ряд иных дескриптивных систем (Ф. Борд, Ж. Лаплас, Е. М. Алексеева, И. С. Каменецкий, Б. И. Маршак, Г. А. Федоров-Давыдов и др.).

Работая над вопросами археологической информатики, Гарден внес вполне ощутимый вклад и в общие проблемы информационного поиска в виде известной универсальной информационно-поисковой системы СИНТОЛ (Крос, Гарден, Леви, 1968), а также в разработку международной системы научно-технической информации Совета научных союзов ЮНЕСКО, известной под названием ЮНИСИСТ.

В 1971 г. Гарден организовал в Париже Центр археологических исследований, в котором сейчас он возглавляет тему «Ирригация и население Центральной Азии», связанную с его работами в Афганистане. Хорошо зная русский язык, Гарден постоянно поддерживает научные контакты с советскими коллегами из Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Душанбе и неоднократно бывал в нашей стране.

Зарубежные книги по археологии издаются в переводе на русский язык не столь уж часто. Как правило, это либо увлекательные «романы археологии», т. е. популярные рассказы о наиболее выдающихся археологических открытиях (книги К. Керамы, Л. Вулли и др.), либо фундаментальные специальные работы, посвященные большим древним периодам и регионам (книги Гордона Чайлда, Грехэма

Кларка). И те и другие быстро находят своих читателей и не залеживаются на полках книжных магазинов. Предлагаемая книга не принадлежит ни к первой, ни ко второй группе. Найдет ли она своего читателя? Думается, что тот, кто сам внес свою лепту в дело изучения истории культуры, с интересом ознакомится с попыткой раскрыть другую, может быть, не менее интересную загадку: как работает профессиональное научное мышление археолога в процессе его исследовательской работы.

**Доктор исторических наук
Я. А. Шер**

«Тщательное критическое рассмотрение примеров рассуждений и доказательств, используемых в археологии, тотчас же показывает фундаментальное значение логики для археологического исследования. Логика призвана наметить общие контуры теории корректных рассуждений в нашей науке и предостеречь нас от поспешных выводов о том, что логические построения и способы научной интерпретации универсальны и одинаковы для разных дисциплин и разных уровней исследования... При этом возникает проблема природы логических связей между выводами в археологии и их обоснованием»*.

Дэвид Л. Кларк

---

* Clarke D. L. Archaeology: the loss of innocence. — "Antiquity", 1973, 47, p. 45.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

В поисках ответа на вопрос, почему мне, автору книги «Теоретическая археология», оказана честь тем, что она издается на русском языке, я вспоминаю свои прошлые приезды в СССР и самые разнообразные дискуссии, которые, как мне кажется, сыграли в этом деле свою роль.

Впервые я приехал в Советский Союз лет двадцать назад, и эта поездка была связана с проблемами, ничего общего с археологией не имеющими. В то время я занимался вопросами научной информации в целом и перспективами ее автоматизации во Франции и прибыл в Советский Союз как специалист в этой области. Кажется, это было в 1960 г. Наши рабочие заседания проходили в институте, о котором, конечно, знают все советские ученые: это Всесоюзный Институт научной и технической информации. Наши дискуссии в ВИНТИ касались автоматической документации, как в то время называлось кодирование и автоматический поиск информации в любой области знаний — физике, медицине, а также и в гуманитарных науках, в том числе и в археологии.

Вскоре стало ясно, что наиболее интересными в этом направлении теоретическими проблемами являются проблемы лингвистические, поскольку информация, предназначенная для автоматизированной обработки, содержится в научной литературе, т. е. в текстах, написанных на разных языках (русском, английском, французском и т. д.). Мировая техническая литература — это гигантская «Вавилонская башня». Каким же методом сможет компьютер анализировать тексты или их фрагменты, если одни и те же объекты описываются в разных научных текстах по-разному?

Моя вторая поездка в СССР была посвящена выяснению этой проблемы. Я получил возможность познакомиться с рядом ученых в Москве и Ленинграде. Большинство

из них выступало как бы в двух ипостасях: с одной стороны, это были лингвисты или по крайней мере лингвисты-прикладники; однако это были также и физики, специалисты по мифологии, химики — в зависимости от области их научных интересов. Это можно было сказать и обо мне: к тому времени я в течение десятка лет занимался использованием компьютеров в археологии, в частности, возникающими при этом проблемами источниковедческого анализа.

Термином «источниковедческий анализ» мы обозначали несколько различных методов: а) собственно лингвистический анализ, который применяется в тех случаях, когда археологические документы являются письменными источниками (например, клинописные таблички, надписи); б) более общий семиологический анализ, применяющийся в тех случаях, когда исследуемые источники включают в себя также и материальные (например, орудия, строения) и иконографические (например, фигурки, рисунки) объекты; в) математический метод, используемый прежде всего при изучении проблем классификационного характера, которые занимают в археологии значительное место; г) логический, или «логистический», метод, имеющий своей целью определение механизмов рассуждений в археологии, начиная от первоначального описания материальных остатков до формулирования конечных интерпретационных выводов в том или ином построении.

Академия наук СССР пригласила меня еще раз принять участие в обсуждении этих проблем, и это был мой третий приезд, во время которого я посетил ряд городов — Москву, Ленинград, Киев, Новосибирск. Теперь уже наши дискуссии велись вокруг археологии, однако мы отнюдь не разрывали связей, которые мы установили с такими науками, как информатика, семиотика и математика.

Следует сказать, что большинство археологов проявляли некоторый скептицизм в отношении такого рода исследований: одни обвиняли нас в формализме, другие — в неопозитивизме. Почти все археологи считали, что наши исследования непригодны для гуманитарных наук. Поэтому нужно было доказать, что можно одновременно заниматься и теоретической археологией, и полевыми археологическими исследованиями. Мой следующий приезд в СССР совпал по времени с выходом английского и французского изданий предлагаемой книги. Тогда мы обсуждали в Эрмитаже и Ленинградском вычислительном центре АН

СССР практические задачи создания с помощью ЭВМ автоматизированных музейных каталогов; в 1982 г. я был приглашен еще раз в СССР, но уже не как «теоретик», а как археолог-практик для участия в советско-французском симпозиуме по археологии Средней Азии, проходившем в Душанбе.

Ретроспективно мне кажется очень важным, что мой путь в науке отмечен встречами с советскими учеными-специалистами в каждой из интересующих меня областей — информатике, семиотике, математике, археологии. Теперь остается сделать последний шаг — и мы, наконец, сможем быть свидетелями слияния этих двух, до сих пор, по правде говоря, игнорирующих друг друга археологий: ведь теоретическая археология все еще не представила доказательств своей необходимости. И все же я убежден, что это положение слишком долго сохраниться не может.

В заключение я хочу заметить, что надеюсь в недалеком будущем принять участие в семинарах, посвященных именно этому необходимому слиянию двух археологий. Это может быть в Москве, Ленинграде, Душанбе и т. д. и, возможно, раньше, чем эта тема станет предметом аналогичных дискуссий во Франции.

Мне хочется высказать здесь свою глубокую признательность инициатору перевода моей книги Я. А. Шеру и его двум сотрудницам-переводчицам Л. А. Лавлинской и Л. Е. Торшиной.

Ж.-К. Гарден
ноябрь 1982 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная книга посвящена анализу приемов научных рассуждений в археологии, представленных в публикациях, из которых состоит литература этой науки: отчеты об археологических раскопках, каталоги, монографии и т. д. Мой интерес к этой теме связан с двумя соображениями. Сначала это было цепкое ощущение монотонности в построении археологических сочинений, каким бы очевидным не казалось разнообразие их форм и целей. Рискуя вызвать сомнения в моих способностях, признаюсь, что я затратил около двадцати лет, стараясь объяснить себе это ощущение. По мере понимания причин этой монотонности, я пришел к некоторой схематизации рассуждений археолога, не только объяснявшей, но и известным образом оправдывавшей их однообразие, правда, при условии, что мы хотим извлечь из этого какие-то уроки.

Моя цель состоит в том, чтобы представить эту схематизацию и выводы, которые показались мне полезными для разных направлений археологии, например, такие, как мера научности¹ археологических построений; действительное или мнимое противопоставление между традиционной и так называемой новой археологией; достоинства и недостатки формализованных методов, а также пределы их приложения к обработке археологических данных (математика, информатика, системный анализ); необходимость изменения современной практики составления публикаций и т. д. Разнообразие этих вопросов не должно скрывать ограниченного характера данного исследования. Я не предлагаю нового общего учебника, охватывающего комплекс приемов наблюдения и интерпретации археологических материалов. Скорее это — личные соображения, от-

---

¹ Понятие «научный» (*scientifique*) в европейских языках имеет несколько иную, чем в русском, смысловую окраску, с помощью которой отличают естественные науки от гуманитарных. — *Прим. ред.*

носящиеся только к одному аспекту археологии как науки, а именно к характеру мыслительных операций, используемых в той части научного исследования, которая находится между сбором исходных данных и редактированием публикации.

Поскольку речь идет об абстрактных операциях, эта книга, несомненно, не столь доступна для восприятия, как публикации археологических находок (вещей, поселений, памятников и т. д.), их общее описание или исторические выводы, сделанные на основе их изучения. Тем не менее я старался не упустить из виду конкретных разновидностей археологического материала и исследования, стремясь проиллюстрировать аргументацию примерами, взятыми из той же литературы. Читатель может выразить сожаление, что большинство этих примеров только упомянуто в виде ссылок на предшествующие работы без дополнительных разъяснений. Я принял этот способ изложения только потому, что объем книги не позволил бы мне представить одинаково полно и выводы, которые являются главным предметом исследования, и детальный анализ упомянутых работ.

Одно замечание относительно названия. Сначала я выбрал название «Формализованные методы в археологии». После некоторого размышления мне показалось, что оно относится только к части моей темы, поскольку неформализованные рассуждения меня тоже интересуют. Их достоинства не могут быть скомпрометированы недостатками формы. Бывает трудно выбирать между типологией, установленной наблюдением, но без логико-математического обоснования, и классификацией, полученной строгим исчислением, но не согласующейся с эмпирическими данными. Я предпочел включить и то, и другое в поле зрения моей работы, будучи убежденным, что и традиционная типология, и формализованная классификация полезны для построения теоретической археологии такой, как я ее понимаю.

Основные идеи этой книги были представлены в курсе лекций, прочитанных в Женевском университете в 1976—1977 гг. Моя первая благодарность адресуется друзьям из отдела антропологии и из музеев этого города за то, что они обязали меня взяться за обобщающую работу, в результате которой должна была появиться эта книга.

Жан-Клод Гарден

Глава I

АНАЛИЗ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПОСТРОЕНИЙ

«Анализ приемов научных рассуждений в археологии» — эта фраза из предисловия хорошо выражает суть моих намерений, но не избавляет от риска быть не вполне правильно понятым в точном смысле этих слов. Поэтому сначала необходимо уточнить смысл каждого термина. Где начинается и где заканчивается *археология* среди таких родственных дисциплин, как история, антропология, палеогеография и т. д.? Что понимается под приемами рассуждения, которыми мы занимаемся (разве не являются все способы исследования мыслительными?)? И какую форму анализа можно выбрать из тех, что сегодня объединяются этим, ставшим столь общим понятием?

1. АРХЕОЛОГИЯ В ШИРОКОМ СМЫСЛЕ СЛОВА

Я не берусь заново определять специфику археологии как особой дисциплины. Этим занимаются все учебники, и особенно труды по методологии, которые выходят на всех языках во всех странах уже с добрый десяток лет (Chang, 1967; Deetz, 1967; Clarke, 1968; Moberg, 1969; Binford, 1972; Malina, 1975; Каменецкий и др., 1975; Schiffer, 1976; South, 1977 и т. д.). Напротив, исходя из задач последующей аргументации, необходимо свободное расширение семантического поля этого определения таким образом, чтобы включить в состав археологии работы очень разные по природе, по их области, по целям и, разумеется, по типам памятников и объектов, к которым они относятся.

1.1. Прежде всего о свободном расширении смысла понятия *область наблюдений*: я понимаю под этим географическую среду и период, которые образуют пространственно-временные рамки исследования и, во-вторых, — тип

обществ, материальные остатки которых изучаются — более или менее широкую этнокультурную группу (например, индейцы хопи или византийские кузнецы); организованное общество, на каком бы уровне оно ни было (например, группы охотников-собирателей Украины или Пергамское царство); специфический индивид или коллектив (например, греческий художник Софилос, ассирийские купцы из Каппадокии) и т. д. Разнообразие областей, более или менее установленных археологическими исследованиями, отражает не более, чем условные срезы по одному или другому из следующих трех планов: место (М), время (Вр) и рассматриваемое общество (О), например:

— археология Южной Америки, восточная археология — срез по М;

— доистория, индустриальная археология — срез по Вр;

— средневековая археология, классическая археология — срез по М и Вр одновременно;

— исламская археология, археология эскимосов — срез по О;

— археология кельтской Ирландии, раннехристианская археология — срез по МО и ВО во взаимном сочетании.

Мера различий между этими областями археологии определяется больше силой привычки и традицией, чем обоснованными рассуждениями. Правда, «специфика» той или иной области отстаивается по-прежнему горячо, особенно когда, например, доистория противопоставляется археологии письменных цивилизаций или еще лучше — классическая археология — всем остальным и т. д. По данному вопросу каждый может придерживаться мнения, которое ему больше нравится. Я хочу только подчеркнуть, что в *последующей аргументации* эти проблемы срезов не ставятся и тем более не имеется в виду иерархия каких-то более или менее «благородных» областей археологии, положение которых меняется в зависимости от моды. Будем считать относящимися к археологии все работы, посвященные материальным остаткам деятельности людей прошлого (О), в данных геоисторических рамках (МВр), без какого бы то ни было сужения возможных значений О, М и Вр.

1.2. Следуя упомянутому широкому пониманию археологии, я буду относить к ней работы разных жанров, которые считаются археологическими независимо от целей,

стоявших перед каждой из них. В археологической литературе принято различать два типа сочинений. Так называемые научные публикации, предназначенные для ознакомления с памятниками материальной культуры и с идеями, высказанными по этому поводу специалистами, образуют первый тип. Наряду с этим имеется литература, с самого начала предназначенная для других целей, созданная далекими от археологии людьми (любителями, путешественниками, коллекционерами и т. д.) или теми, чьей целью является популяризация. Однако на практике трудно найти критерий для обоснования различий между той и другой литературой. Иногда противопоставляют в основном описательный характер работ дилетантов высоко научным интерпретациям ученых. Однако много примеров тому, когда профессиональный археолог ограничивается описанием коллекций, привлекая вичуть не более знаний, чем это мог бы сделать просвещенный коллекционер. Между тем, наоборот, любитель или популяризатор иногда обнаруживает способность к историческому построению, которое не может считаться монополией профессионалов. Ничто, следовательно, не обязывает придерживаться в этом какой-то иерархии. Таким образом, для моего широкого определения археологии глубина и строгость рассуждений, основанных на изучении археологических памятников, важнее, чем академическое положение автора или характер публики, к которой этот автор обращается.

Разнообразие археологических научных построений проявляется также и в другом плане, когда, исходя из наблюдений над материальными остатками результатов человеческой деятельности, переходят ко всякого рода заключениям о природе этой деятельности, об обстоятельствах, в которых она происходила, о системе социальных отношений, которая делала ее возможной или необходимой, о роли естественных факторов в ее происхождении, развитии и т. д. Возьмем, к примеру, случай изучения остатков поселений любой эпохи, видимых на поверхности в данном регионе. Если материал достаточно богат, из него можно извлечь данные по всякого рода темам, таким, как история поселения, техника строительства, обработка почвы, социальные функции и трудовая деятельность, характеризующие различные эпохи, природа и разделение политической власти и т. д. (ср., например, Willey, 1953; Nelson-Terner, MacNeish, 1971). Следует ли считать подоб-

ные исследования выходящими за пределы археологии и вступающими в область всеобщей истории, социологии, географии, технологии, экологии с добавлением необходимого префикса «палео-»...? Мнения по этому вопросу расходятся, но у нас, как и прежде, нет оснований для подобных споров. Следуя цели данной книги, нужно заниматься процессом рассуждений в целом, начиная с первичного описания материала вплоть до заключительных объяснений, с какой бы дисциплиной они ни были связаны: историей, социологией, географией и т. д. Отсюда — удобнее всего договориться рассматривать все построения такого типа как археологические, исходя из того, что в их основе лежат археологические материалы, и не слишком заботясь о второстепенных этикетках, которые могли бы отразить различия в конечных выводах.

1.3. Рассмотрим, наконец, разнообразие *объектов и памятников*, которые иногда объединяются под названием «материальная культура»: обработанные камни, ямы от столбов, драгоценности, литейные шлаки, черепки, настенная живопись и т. д. Общеизвестно, что все виды этих остатков без исключения входят в область археологии, но тем не менее некоторые более или менее осознанные ограничения существуют. Например, противопоставление между вещественными памятниками в прямом смысле этого слова, какого бы типа они не были, и надписями на них. Или более широко — противопоставление между древними текстами, изучением которых занимаются эпиграфисты и историки, и материальными объектами, находящимися в компетенции доисторика или археолога. Не будем лишним раз вступать в малоперспективную полемику о том, стоит ли давать новое или составное название археологу, изучающему древнюю культуру как на основании письменных данных, так и на изучении материальных предметов. Открытие эпиграфических материалов или литературных текстов, относящихся к народам, известным до этого только по бесписьменным памятникам, очевидно, также интересует и археолога. Иными словами, я следую той же свободной точке зрения, что и прежде, включая в археологию всю область обобщающих построений, основанных на изучении различных памятников с надписями и без них и, если представится случай, на изучении самих этих надписей, как и всякого другого письменного источника, который может обогатить тем или иным путем знания, извлекаемые из анализа памятников.

Существует и другое противопоставление двух широких категорий материальных остатков древности: объекты, которые считаются предметами искусства, согласно любому критерию (цели автора, функция памятника в его первоначальном контексте, традиции и вкус современного исследователя и т. д.), и все остальные объекты, которые не считаются произведениями искусства... Поскольку характер этого противопоставления неясен ни по месту, ни по времени, я не задерживаюсь на нем больше. Археологию памятников искусства мы не будем отделять от археологии других памятников, и для нас неважно, связано ли, например, изучение первых христианских церквей с христианской археологией или архитектурой, с историей западного искусства или с историей религиозных памятников... Единственное, что нас интересует, это — природа рассуждений, которыми оперирует исследователь, чтобы перейти от первоначального понимания памятников, которыми он занимается, к выражению того, что он хочет об этом сказать в понятийном плане более высокого порядка, даже если это план эстетических суждений по данному вопросу.

Напомним, наконец, что материальные объекты, изучаемые археологией, это не только те, которые считаются «сделанными» (от кремневого скребка до собора). Для реконструкции событий и прошлых форм жизни, особенно для эпохи первобытности и для археологии последующих эпох, одинаково важно всё: костные останки людей и животных, ископаемые окаменелости, пыльца растений, минерализованный осадок на стенках сосудов. Одним словом, все, что может пролить свет на естественную среду, в которой проходила изучаемая археологом человеческая жизнь, и на способы использования древними людьми этой среды для удовлетворения своих материальных и духовных потребностей в данном месте и в данную эпоху. В английском языке для обозначения этой категории данных появилось новое слово: «экофакты», т. е. факты естественной среды, на которую влияет или нет господство человека, в противоположность «артефактам», т. е. объектам материальной культуры, созданным руками человека. Выражаясь более определенно, «экофакты» являются частью широкого ряда объектов и остатков, поскольку они тоже всегда важны в археологическом исследовании.

1.4. Итак, говоря о разнообразии объектов, охватываемых археологическим исследованием, мы исходим из той

же широкой точки зрения, сформулированной выше относительно множества допустимых целей, распространив ее и на множество планов: социологического, эстетического и т. д.

Тотчас же возникает возражение: относя к археологии любой вид построений, основанных по меньшей мере на изучении древних материальных остатков, не рискуем ли мы потерять из виду научную специфику археологии и заблудиться в исследованиях, гораздо более обширных, касающихся гуманитарных наук вообще? Это верно, но только в следующем смысле: схематизация археологических рассуждений, к которой мы подойдем, в сущности, предстанет как не очень специфическая, и я надеюсь определить основания, в соответствии с которыми действительно следует распространить эту схематизацию и на другие построения в гуманитарных науках во имя тех же эпистемологических требований (гл. VII, § 2). Но сначала нам нужно проделать долгий путь. Поэтому прежде всего суммируем сказанное в этом разделе следующим широким определением, соответствующим целям данной книги: *археология — это совокупность исследований, относящихся к материальным объектам, которые вместе с другими данными могут осветить историю и образ жизни людей прошлого (отдельные события, повседневную деятельность, институты, верования и т. д.).*

2. ПРИЕМЫ НАУЧНЫХ РАССУЖДЕНИЙ В АРХЕОЛОГИИ

В работе археолога можно выделить две категории исследовательских операций. Одни из них относятся к непосредственному изучению самих материальных объектов в определенном выше широком смысле (гл. I, § 1.3): практика раскопок, методы поиска, техника отбора образцов, методы консервации на месте или в лаборатории и т. д. Затем следуют рассуждения, в результате которых археолог переходит от собранных таким образом материалов к высказыванию обоснованных предположений о них в самых различных направлениях: хронологические или географические атрибуции, реконструкция исторических событий, выводы о социальной организации, экономике, религиозной практике, технологии и т. д. (гл. I, § 1.2). Рис. 1 схематически воспроизводит соотношение между этими двумя типами действий в общей цепи исследования, кото-

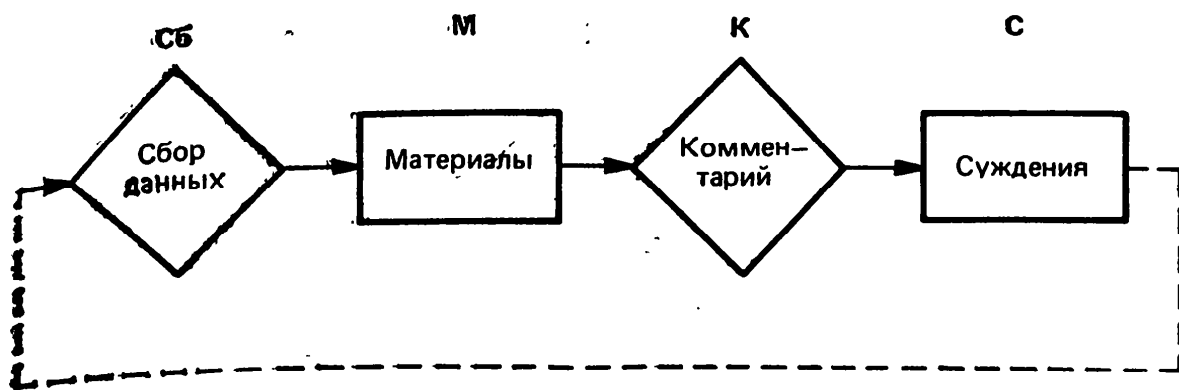
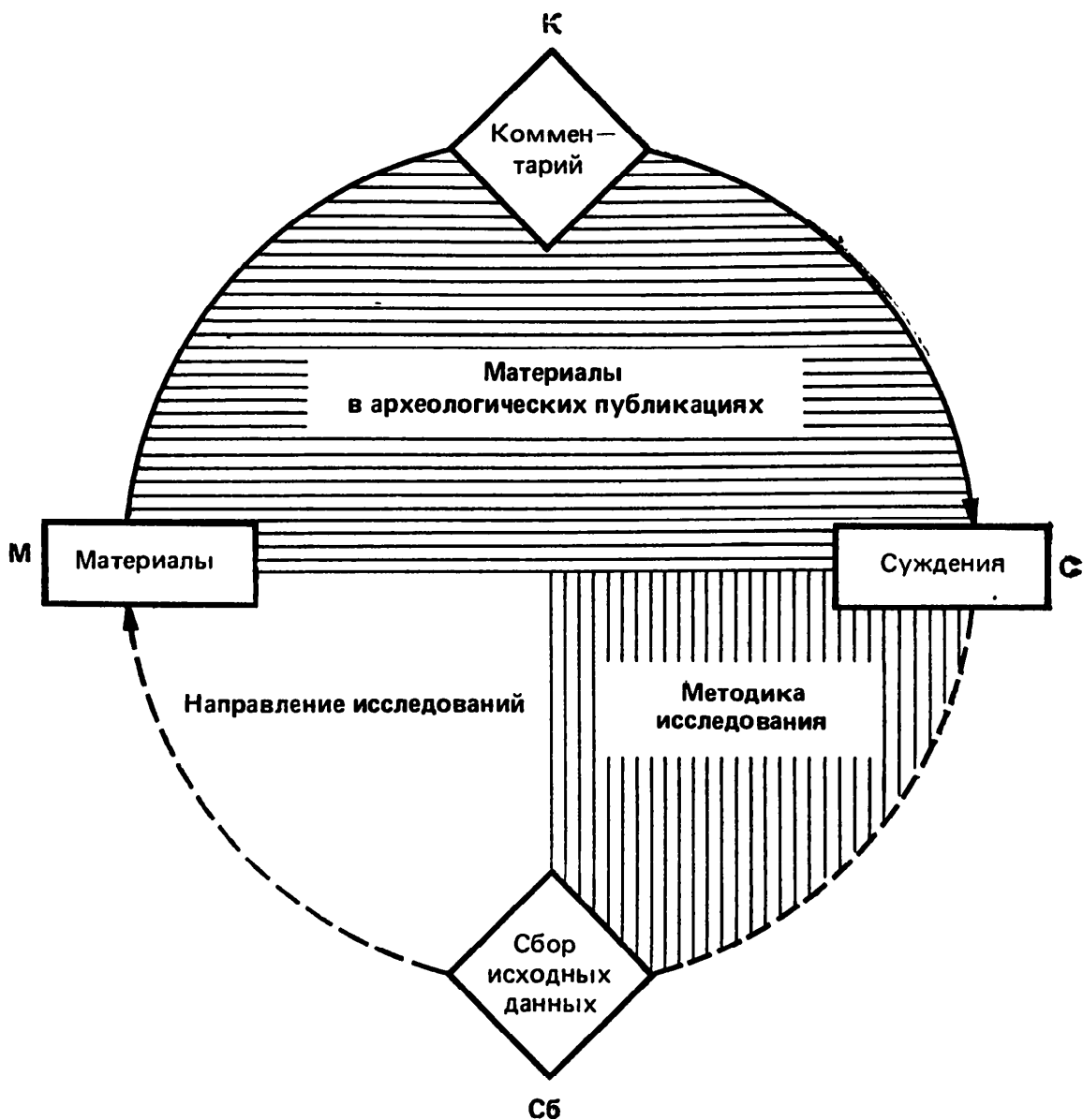

Рис. 1. Последовательность обработки информации при археологическом исследовании: от сбора материала (объекты, памятники, органические остатки и т. д.) к их комментарий в терминах дискурсивных суждений (описания, идентификации, объяснения и др.).

рая предполагается линейной. Последовательно здесь можно увидеть: (а) способы сбора исходных данных, приводящие к составлению свода материалов (коллекции предметов, группы поселений, физические образцы и т. д. с неперенными контекстуальными обозначениями в границах различных пространственных единств); (б) способы объяснения или комментарий, приводящий к формулированию обоснованных суждений в изложенном выше смысле. В первом приближении «приемы рассуждений», которыми мы занимаемся, это главным образом операции второго типа, правда, с двумя оговорками.

Прежде всего, само собой разумеется, что сбор исходных данных не сводится только к каким-то механическим действиям материального характера. Он сам является продуктом осмысления технических методов поиска и сбора данных в том же смысле, как и любые исследовательские приемы в науках о человеке или о природе.

Во-вторых, между сбором и объяснением исходных данных существует явное взаимодействие, не нашедшее отражения в линейной схеме. Сбор археологических материалов (непосредственно в поле или по публикациям) подчинен или всегда должен быть подчинен более или менее точно определенной «стратегии исследования», которая в свою очередь базируется на комплексе предшествующих знаний и на целях исследования. А знания и цели представляют собой не что иное, как результаты других, предыдущих или последующих процессов интерпретации фактов. Следовательно, к схеме на рис. 1 нужно добавить обратную связь справа налево (пунктир на рис. 1), а «стра-

Рис. 2. Другое представление рис. 1, иллюстрирующее части исследовательской цепи, рассматриваемые в этой книге. Верхняя половина круга (от «Материалов» до «Суждений») соответствует процессу создания археологических сочинений. Правый нижний сегмент («Суждения»—«Сбор материала») — выработка методики исследования, определяющей выбор «Материала». Левый нижний сегмент (сам процесс сбора материалов в поле, в музеях и т. д.) не входит в область нашего исследования.

тегию», о которой идет речь, включить в число интересующих нас приемов рассуждений.

Условимся также, что часть схемы «Сб—М» включает в себя принципы составления отчета о раскопках в техническом или, если угодно, в тактическом плане. Например, производилось ли просеивание отвала, определялись ли стратиграфические различия, какова роль мер консервации, количество и тип геофизических измерений, пред-

ставленных в данном отчете и т. д. Здесь я не буду рассматривать ни сами методы полевого исследования, ни — тем более — их обоснование и регламентацию с технической и тактической точек зрения. Вместо них я включу в схему обратную связь «С—Сб», исходя из того, что во всей последующей аргументации стратегия наблюдения играет важную роль.

Рис. 2 демонстрирует рассматриваемое разделение более четко. В его верхней части можно видеть непосредственный аспект рассматриваемой темы: какие дискурсивные приемы приводят от понимания археологических материалов (М) к формулированию относящихся к ним суждений (С)? Отмеченная ранее обратная связь занимает нижнюю часть схемы, которая распадается на два сегмента. Первый, С—Сб, напоминает, что процессы сбора и каталогизации исходных данных всегда определяются или должны определяться, с одной стороны, тем, что принято называть комплексом знаний в области рассматриваемого исследования, с другой — гипотезами или задачами нового изыскания, которое предпринимается в той же области. Второй сегмент, Сб—М, соответствует использованию тех или иных методов и средств наблюдения, чтобы получить необходимые материалы для изучения поставленного вопроса. Эти методы выходят за пределы задач моей работы.

3. ЛОГИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ³

Остается уточнить тип и цель анализа, которому я попытаюсь подвергнуть приемы научного рассуждения в археологии. Приведу примеры, призванные помочь читателю убедиться в том, что общая схема на рис. 2 хорошо понята. Эти примеры должны показать ее всеобщность и относительную изоморфность (с точки зрения логики) проблем, возникающих каждый раз, когда выполняется полный цикл рассуждения, приводящий к каким-то высказываниям (С).

3.1. ПЕРВЫЙ ПРИМЕР: КАТАЛОГИЗАЦИЯ

Несомненно, что самые простые высказывания форму-

---

³ Объяснение понятия «логистический» см. глава I, § 3.5.

лируются для описания различных памятников, когда исследователь преследует только одну цель: констатацию наличия и природы этих памятников до научного анализа или параллельно с ним. Публикации такого рода весьма многообразны: археологические отчеты, описи материалов, музейные каталоги, национальные или международные своды памятников и т. д. Общее между ними это — более или менее подробные перечни описаний комплексов памятников, обладающих сходными характеристиками, такими, как место исследования (например, отчет о раскопках), тип или функция вещи (каталог скульптур, свод орудий), место хранения (каталог музея) и т. д. Отвлекаясь в данный момент от очевидного разнообразия этих публикаций, объединим их в едином жанре — «каталог» — в широком смысле и вернемся к рис. 2.

На этой схеме С (суждения, высказывания) представлены в виде описаний: описание сосудов в главе «Керамика» отчета о раскопках; описание монет в нумизматическом каталоге музея; описание сцен, представленных в «Корпусе античных ваз» и т. д. Характер этих описаний определяется не только знаниями составителей каталогов (это само собой разумеется), но и назначением каталога, что учитывается составителями гораздо реже. Одна и та же голова Афины может быть описана по-разному: в инвентарной книге музея, в каталоге аукциона или в своде памятников эллинистической скульптуры и т. д.; однако никто не осмелится утверждать, что он знает правила перехода от одного вида описания к другому.

Следовательно, основная наша проблема — это проблема обоснования выбора средств представления объекта в терминах данного описательного языка. Иными словами, существуют ли аргументы, оправдывающие отличия между каталогами, если и назначение каталогов, и описанные в них вещи сравнимы или идентичны? Или наоборот, можно ли вообразить процедуру, которая позволила бы различным авторам составить одинаковые описания одних и тех же объектов, если эти описания предназначены для сходных целей?

Изложенная таким образом процедура археологической каталогизации представляет собой частный случай схемы на рис. 2: «интерпретация материалов» сводится к проблеме их представления в указанном выше смысле, а «Суждениями» являются описания (рис. 3, ряд *a*). Эта процедура может показаться одной из самых элементарных, однако ее

обоснование не так просто, что мы увидим в главе, посвященной этому первому типу археологических исследовательских построений (гл. III).

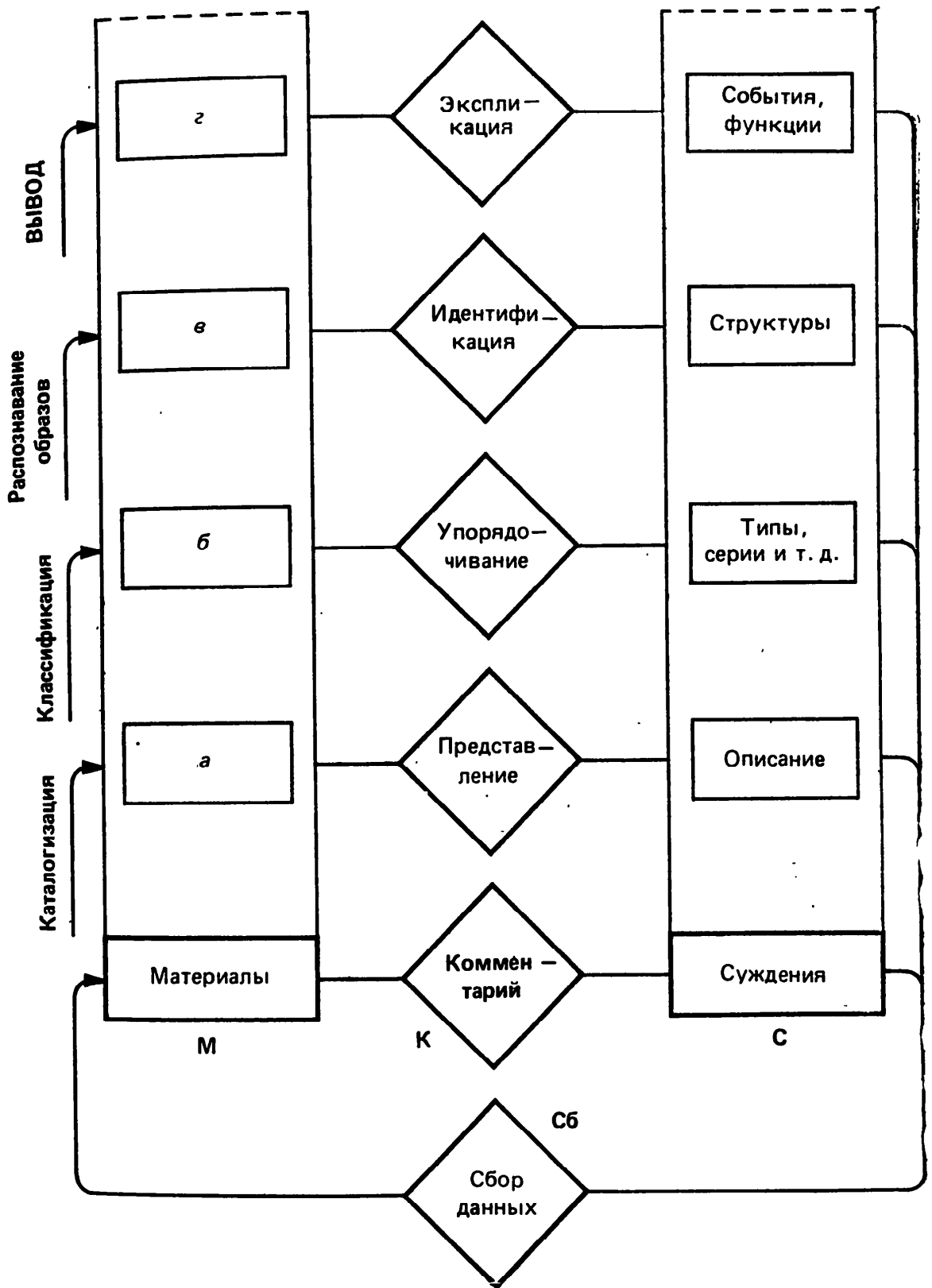

Рис. 3. Разные способы перехода от «Материалов» к «Суждениям» в соответствии со схемами рис. 1 и 2. Все четыре случая а, б, в и г рассмотрены в гл. I § 3.1—3.4.

3.2. ВТОРОЙ ПРИМЕР: КЛАССИФИКАЦИЯ

Представление исходных данных в изложенном выше смысле — это вообще только промежуточная операция между изначальным восприятием памятников и высказыванием суждений более научного характера, нежели конкретное описание отдельных объектов. Хорошим примером развернутого теоретического построения является классификация археологических объектов, даже если она не является конечной целью исследования. В самом деле, объединением изучаемых материалов в группы (под разными названиями: классы, типы, формы, школы, стили, мастерские, культуры и т. п.) в той или иной степени занимается каждый археолог. Он делает это на тех же основаниях, что и в любой другой науке: множество индивидов (растения, химические вещества, ископаемые) заставляет искать некоторый способ их распределения по меньшему числу классов, каждый из которых характеризуется свойствами, общими для всех членов данного класса (класс знаков, класс азотнокислых соединений, класс аммонитов и т. д.). Классификации, построенные по такому принципу, могут демонстрировать отличительные особенности более глубокого, структурного плана. Как бы они не назывались (иерархия, генеалогия, политетическая классификация и т. п.) и каким бы ни было их разнообразие, это в данном случае неважно. Важно то, что в них отражены закономерные различия в изучаемых объектах и что они являются одним из способов организации исходных данных для какого-то исследования в соответствии с целями классификации. Например, классификация монет по периодам и месту их чеканки может быть удобным средством поиска нужных сведений, таких, как, скажем, каталог почтовых марок. Правда, есть риск, что в такой классификации могут затеряться тонкости в различиях между изображениями или надписями на монетах, не связанные с местом чеканки или датой. И наоборот, классификация, построенная на этих тонкостях, может выявить отдельные «стили» и их распространение во времени и пространстве, но при этом характер предложенных групп может показаться спорным, а сама классификация — неадекватным источниковедческим инструментом. Следовательно, обе формы организации данных приемлемы, равным образом и в более общем смысле приемлемы все, связанные между собой способы организации данных, если они с одинаковым успехом от-

вечают различным задачам исследователя. Единственный вопрос, который, с нашей точки зрения, может быть поставлен, это — опять же вопрос об обосновании приемов построения классификаций: существуют ли четко определенные правила, приложимые к сводам каких-то объектов, которые порождают «удачные» в указанном выше смысле организации исходных материалов и наблюдений? Или, возвращаясь к общей схеме на рис. 2, какова логика перехода от наблюдения «Материалов», взятых в беспорядке, к «Суждениям» о наличии классов, составляющих каждый из предполагаемых рядов? Рис. 3, ряд б демонстрирует формальную аналогию между этой задачей и задачей описания в предыдущем примере. В главе IV мы рассмотрим различные способы ее решения.

3.3. ПРИМЕР ТРЕТИЙ: РАСПОЗНАВАНИЕ ОБРАЗОВ ⁴

В двух предыдущих примерах предполагалось, что восприятие материалов не вызывает трудностей: можно было колебаться в выборе способа описания или классификации памятников, но не в способе их истолкования. Однако значительное количество археологических работ посвящено проблемам восприятия памятника или, если угодно, «прочтения» в связи с фрагментарностью изучаемых остатков прошлого. Это может быть в прямом смысле слова прочтение эпиграфических материалов для восстановления текста неясных надписей. Может быть и в переносном смысле — прочтение иконографии, когда необходимо понять смысл изображений, если он не воспринимается непосредственно, или если нужно восстановить утраченные части фрески, барельефа и т. д. В каждом из этих случаев опыт и рассуждение выступают в нерасчленном единстве, чтобы показать, как трудно отделить формальный этап построения, ограниченный, казалось бы, лишь восстановлением материальных «знаков» (начертание букв, контуры изображений и т. д.) без их осмысления, от этапа семанти-

---

⁴ Автор вводит здесь понятие «распознавание образов» в том смысле, как оно трактуется в математической теории искусственного интеллекта. Однако из содержания данного раздела явствуют несколько иные, сугубо археологические смысловые оттенки («прочтение» памятника). Читатель, не знакомый с математической терминологией, может без ущерба заменить это понятие понятием «распознавание памятников». — *Прим. ред.*

ческого, который должен подвести к пониманию смысла той или иной конфигурации знаков. Чаще всего обе операции взаимосвязаны так, что установление подлинности или целостности памятника может быть воспринято как гипотеза, относящаяся к его структуре или функции. Не обязательно напоминать о тонкостях психологии восприятия или *гештальттеории*, чтобы подтвердить это тривиальное утверждение. Без труда нашлась бы тысяча примеров археологических построений, в которых восприятие памятника и способ его описания подчинены условному или обоснованному видению его «природы», от которого мы всегда вправе отказаться. Это равным образом относится к любой категории археологических материалов: от самых простых предметов до самых сложных памятников. Например, описание глиняного сосуда меняется в зависимости от того, признается ли в нем расширяющаяся кверху чаша или, перевернув его вверх дном, — расширенная книзу крышка. Другой пример — компактный и разветвленный древний город, план которого может быть прочтен по-разному, начиная с простых различий между дворами и площадями, коридорами и улочками и т. д. Во всех подобных случаях объектом нашего рассмотрения является поиск специфической структуры в формах, которые могут быть восприняты или интерпретированы по-разному. Правда, в термины «форма» и «структура» вкладывается достаточно общий смысл, охватывающий не только конкретные объекты, но и абстрактные конструкции. Поэтому такая формулировка рискует оказаться не очень точной. К тому же большинство археологических истолкований, собственно, преследует те же цели...

Такой прием, когда конкретное понятие приобретает более общий смысл, не нов: в иной области, чем наша, выражением «распознавание образов» обозначают комплекс исследований интеллектуальной деятельности вообще (см., например, Chen, 1976, с. 128 и сл., с. 172; Глушков, ред., 1979, с. 457—459; Загоруйко, 1972 и др.). В таком словоупотреблении с формальной точки зрения есть свои достоинства, однако мы будем избегать его, ограничив наш третий пример «прочтением» памятников, неясных по их функции или общему смыслу.

Особый случай в подобной ситуации это — иконографический анализ изображений, значение которых спорно. Далее мы разберем один из таких, относительно простых примеров (гл. IV, § 4.2), а сейчас в нескольких словах

проиллюстрируем эту задачу. Исследователь описывает барельеф, на котором представлены «два персонажа лицом друг к другу, в одинаковых одеждах. Один из них сидит на легком сиденье и держит в правой руке, одетой в перчатку, большую птицу. Другой персонаж меньшего роста стоит, заложив левую руку за свой пояс, а правую — за пояс сидящего человека (рис. 24)». Изложив свою аргументацию на нескольких страницах, исследователь делает вывод, что в данной сцене представлена «церемония приобщения к охоте: некий властитель жалует своему сыну, достигшему совершеннолетия, право на охоту». Поставим вопрос: каковы те способы анализа, которые позволяют перейти от первого высказывания, взятого в кавычки, ко второму? Или, пользуясь терминами рис. 2, чем порождено второе высказывание, если первое рассматривать как исходный «материал» для рассуждения?

Казалось бы, что ответ на этот вопрос должен содержаться в статье, в которой данный исследователь излагает свои рассуждения. Казалось бы также, что иконографический анализ тем и отличается от «простого» описания или классификации, что он должен давать ясные обоснования тому или иному истолкованию в противовес любому другому. Увы, такая надежда была бы наивной. Во-первых, потому, что методы, предлагаемые иконологами, не всегда удовлетворяют требованиям строгой науки (см. ниже гл. IV, § 4). Во-вторых, потому, что вопреки общепринятому мнению, обоснование описания или классификации, которую называют «простой» или никак не называют, на самом деле поднимает проблемы того же порядка, что и рационализация иконографического истолкования (рис. 3, ряд *в*), к тому же и более трудные для разрешения (гл. IV, § 4.3).

3.4. ЧЕТВЕРТЫЙ: ПРИМЕР: ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ

Переход от описания рассмотренной выше сцены к ее объяснению в указанном ранее смысле уже является примером исторического вывода. Исходя из характерных элементов изображения, рассмотренных последовательно или в сочетаниях, автор приходит к некоторым предположениям. Например, *птица на руке в перчатке*, позволяет предположить, что показан *сокол*, дрессированный для *охоты*. Эти предположения, сочетаясь в свою очередь с историче-

скими данными, порождают новые предположения, более специфические, вплоть до заключительного вывода (см. пример, разобранный в гл. IV, § 4.2). Любые археологические построения, как бы мало они ни были разработаны, следуют этим путем. Например, в результате классификации установлены типы каких-нибудь вещей. Установлено также, что во времени и пространстве они распределяются по-разному. Отсюда приходят к выводу об изменениях в распространении этих вещей либо об их эволюции. Точно так же корреляции между архитектурным обликом древних жилищ и найденными в них вещами порождают у исследователя гипотезы относительно социальной дифференциации жилищ, утилитарного назначения вещей и т. п. Или же еще пример: повреждения какого-либо исторического здания, изучаемые в связи с известными по письменным источникам событиями, позволяют объяснить обнаруженные в этом здании следы перестроек.

Примеров подобных способов рассуждений неисчислимо множество в археологии «традиционной» и в современной, в старой и в «новой». Я не хочу торопить познавательную революцию в археологии, подчеркивая единство индуктивного⁵ процесса и его формальную аналогию с умозаключениями, лежащими в основе рассмотренных выше конструкций. Мышление исследователя при построении каталогов и классификаций или при анализе изобразительных памятников кажется простым лишь потому, что сами эти работы не содержат его объяснения.

3.5. ПРИРОДА И ЦЕЛЬ ЛОГИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Предшествующие примеры и способ их изложения достаточно ясно иллюстрируют избранный мною подход к анализу теоретических построений в археологии, на каком бы уровне кажущейся сложности они ни находились. Примеры будут браться из существующих публикаций, независимо от их жанра и школы. Термин *построение*, которым я уже пользовался выше, не давая его определения, отныне будет обозначать *любой вид текста, представленный в археологической литературе как отдельная единица (статья, книга, курс лекций, снабженные иллюстрациями)*,

⁵ Автор имеет в виду способ рассуждений и метод исследования, при которых переходят от отдельных фактов к общим выводам.— *Прим. ред.*

имеющая целью познакомить с результатами раскопок или разведок, с содержанием какой-либо коллекции, с интерпретацией памятника или группы памятников и с фактами, которые, согласно приведенному выше общему определению (гл. I, § 1.4), могут пролить свет на историю и образ жизни людей прошлого. Для всех перечисленных выше построений я буду пользоваться общим обозначением *П*, как и в другой моей работе (Gardin, 1974, p. 21). Схема анализа будет одинаковой во всех случаях для всех видов построений. В сущности проблема будет состоять в выделении трех главных составляющих, указанных на рис. 3:

(а) исходное множество объектов и памятников, составляющее материальную базу построения (гл. I, § 1.3), отобранное автором в соответствии с определенными целями (гл. I, § 1.2); назовем его «материалы» (*М*) построения;

(б) заключительные суждения, т. е. утверждения разного рода (обобщающие описания, классификации, исторические выводы и т. д.), резюмирующие результат построения — *Р*;

(в) промежуточные данные и операции, использованные для объяснения перехода от материалов к суждениям, когда их содержание уже установлено или, иными словами, элементы комментария в том широком смысле, в каком это понятие используется в данной главе.

Необходимо внести уточнение относительно последней составляющей — «комментария». На самом деле промежуточные данные или операции выявляются двумя способами. В первом случае они определяются самим автором, если он стремится к отчетливости всех сочленений своего построения. Во втором — комментатором, вынужденным восполнить обнаруженные им в этом плане лакуны и предложить от себя *разъяснение, которое может быть совсем другим, чем то, какое сам автор счел бы верным*. Первый случай встречается пока очень редко, и я буду опираться главным образом на второй, оставляя за собой право показать в свое время, что оговорка, сделанная курсивом, никоим образом не умаляет его теоретического значения (гл. IV, § 3.4).

Подобный анализ напоминает методы, распространенные в таких формализованных дисциплинах, как кибернетика, системный анализ, информатика, когда изучаемые процессы представляются в виде программ для ЭВМ. Тра-

Рис. 4. Аналогия со схемой кибернетического «черного ящика»: переход от «Материалов» к «Суждениям» можно рассматривать как изменение состояния от E_1 к E_j , которое происходит в процессе исследования, производимого «машиной» в широком смысле этого слова (автоматом, человеческим мозгом, ЭВМ и т. д.).

диционной в таком исследовании является схема «черного ящика» (рис. 4): что происходит или что должно происходить в «машине», перерабатывающей информацию (будь то робот, ЭВМ или человеческий мозг), чтобы преобразовать исходные материалы в искомые результаты: физическом или абстрактном смысле обоих терминов? Иными словами, последовательность каких программируемых операций преобразует изучаемый предмет или знание из одного состояния E_1 , каким бы способом оно не определялось, в другое состояние E_j , избранное целью «обработки» на машине?

Если вернуться к примерам на рис. 3, нетрудно увидеть, чем могут быть E_1 и E_j в интересующей нас области применения. Состояние E_1 прежде всего соответствует более или менее непосредственному восприятию и пониманию комплекса материальных объектов, таких, какими мы привыкли или приучены их видеть (в результате общераспространенного опыта или систематического образования), применяя или не применяя какие-либо еще приемы познания, кроме нашей интуиции. Если говорить об археологических памятниках, то в E_1 могут быть добавлены сведения о людях, создавших, использовавших или разрушивших эти объекты; о событиях, с которыми они были связаны; об образе жизни или формах организации, которые им были свойственны и т. д.

Состояние E_j в свою очередь соответствует обогащенному знанию упомянутых выше памятников и людей, тому, которое обозначено здесь термином «построение». При этом археолог осуществляет ту или иную из операций, указанных в ромбах рис. 3:

— (а) «представление» изучаемых объектов в специальной описательной системе;

— (б) «упорядочение» объектов по классам или сериям при помощи более или менее систематических методов;

— (в) «идентификация» изучаемого изображения (живописное изображение, скульптура, абстрактные рисунки), т. е. изложение его в виде текста, раскрывающего значение отношений между элементами;

— (г) «объяснение» археологических фактов, изучение их соответствия данным, почерпнутым из других источников (литературные тексты, другие объекты, естественная среда и т. д.), для перехода к историческим, социологическим и иным выводам.

Таким образом, «черный ящик» (в середине рис. 4) следует понимать как последовательность перечисленных операций, преобразующих наши знания о памятниках из состояния E_1 в состояние E_j . В перспективе, намечаемой информатикой, анализ этих операций должен привести к составлению машинных программ, способных производить эти преобразования с помощью ЭВМ. Известно, что уже сейчас существуют многочисленные программы такого типа, соответствующие каждому из отмеченных выше пунктов: автоматическое распознавание образов (пп. «а» и «в»), автоматическая классификация и сериация (п. «б»), моделирование археологических рассуждений (пп. «в» и «г») и т. д.

Наша задача в данном случае скромнее. Говоря о тех же самых процессах перехода E_1 в E_j в том виде, в каком они имеются в археологической литературе, мы останемся на уровне гораздо меньшей схематизации, чем программа или алгоритм, составленные для ЭВМ. Основными элементами нашего рассмотрения будут мыслительные операции, подобные тем, которые мы совершаем ежедневно в повседневной жизни, но не более точные и не более тонкие, необходимые для построения алгоритма или действующей машинной программы.

Следовательно, наш анализ никак не может считаться логическим в техническом смысле этого слова, ни тем более — формализованным, разве только в метафорическом смысле. Однако, поскольку я рассматриваю археологические построения способом, который все же близок к требованиям логического порядка, то, не имея более точной терминологии, я решил использовать новое слово, по крайней мере выявляющее эту тенденцию. Мне показался подходящим термин «логицизм» при условии, что он не будет

употребляться в своем специальном значении⁶. Смысл жорня ясен и одновременно ослаблен соответствующим суффиксом, придающим этой ссылке на логику метафорический и даже несколько причудливый характер, который придает этому термину дополнительный оттенок: «наподобие логического анализа», но без всякой связи с исчислением высказываний.

Надеюсь, что в дальнейшем эта книга проиллюстрирует природу и назначение логицизма как метода рассуждений, занимающего промежуточное положение между излишне расплывчатым археологическим языком и слишком жесткими ограничениями формального мышления, а пока ограничимся приблизительным определением: *логицистический анализ имеет целью выразить рассуждения, лежащие в основе археологических построений, в форме последовательности четко определенных операций*. Нельзя не учитывать, что всякое заимствование или изобретение нового «-изма» заведомо подозрительно. Достоинство логицизма, на мой взгляд, состоит в том, что в нем отражены идеи, распространяющиеся и на другие гуманитарные науки. Правда, это еще не общепризнано и поэтому не имеет адекватного названия. Позднее я уделю несколько страниц изложению этого тезиса с тем, чтобы в рамках данной книги все это не выглядело случайностью, присущей только археологии.

Это вовсе не значит, что я считаю себя одним из апостолов «революции», столь часто провозглашаемой в гуманитарных науках вообще и в «новой» археологии, в частности, вот уже на протяжении более чем десятка лет. Логицизм никоим образом не следует смешивать с шумны-

---

⁶ Упомянутое мною специальное значение — это то, которое придают данному слову сами логики, рассматривая математические построения как результат логических правил и теорем или как особую логику, которую им надлежит выявить (например, Frege, цит. по Gochet, 1978, с. 162—163). Интересным применением логицизма в этом смысле является анализ грамматических структур, заложенных в математическом языке (например, Hiz, 1967). То, что я применяю этот термин к анализу научного языка любого вида, в данном случае — археологического (другие области научного языка будут упомянуты позднее — гл. VII, § 2), с очевидностью демонстрирует отсутствие у этого термина узкоспециального содержания, правда, если не учитывать попыток найти такое содержание в понятии «естественная логика», что уже лет десять предлагают специалисты в области анализа языка естественных наук (гл. IV, § 4.3). Но и в этом случае отношение к формальной логике математиков останется весьма отдаленным.

ми декларациями по поводу очередного «фундаментального» метода создания так называемой истинно научной археологии. На роль таких методов уже претендовали количественный анализ, гипотетико-дедуктивный метод, системный анализ или, что еще хуже, уверенность в том, что наличие вычислительной техники является необходимым и достаточным условием для всякого хорошо организованного научного построения. Разумеется, ни один из этих методов не следует отбрасывать вообще, но и ни одним из них я не воспользуюсь для характеристики логистического анализа. Во-первых, потому что логицизм имеет гораздо более общий характер и во многих отношениях более тривиальный, чем методы, только что перечисленные под тем или иным флагом. Во-вторых, и это более существенно, логицизм в том смысле, как я его понимаю, имеет целью выявить не только достоинства, но также и *пределы* наилучшим образом организованных научных построений в познании некоторых фактов. Признание этих пределов столь же важно, как и обоснование археологических построений на более прочной основе. Несколько страниц, посвященных этому вопросу в конце книги, напоминают о желаемом равновесии между различными методами реконструкции человеческой истории. Логистический метод — только один из них (гл. VII, § 3).

Глава II

КОМПИЛЯЦИИ И ЭКСПЛИКАЦИИ

Приведенное выше определение археологических построений (гл. I, § 3.5) позволяет рассматривать в качестве такого построения любое высказывание или любую последовательность высказываний относительно археологических материалов, которые могут служить источниками знаний о древних людях. Только что мы отметили разнообразие жанров, охватываемых столь широким определением: каталоги, классификации, всякого рода сопроводительные комментарии и т. п. (гл. I, § 3). Цель данной главы — прежде всего показать, что это разнообразие является скорее кажущимся, чем реальным; что во всех археологических сочинениях прослеживается одна и та же диалектическая связь между непосредственным *рассмотрением* памятников и *целью* их изучения, хотя смысл и степень этой связи меняется в соответствии с типом изучаемого построения (гл. II, § 1).

Тем не менее иногда представляется удобным разделить археологические построения на два широких класса (гл. II, § 2): относящиеся к самим памятникам (гл. II, § 3) и относящиеся к историческим выводам, проистекающим из изучения памятников (гл. II, § 4). Это деление подобно дихотомиям, предложенным другими теоретиками. В заключение я укажу основания, которые побудили меня предпочесть именно такую формулировку другим (гл. II, § 5).

1. ОТНОСИТЕЛЬНОЕ ОДНООБРАЗИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПОСТРОЕНИЙ

Начнем с простого случая. Представим себе, что при раскопках или в музее обнаружен некий памятник, который по той или иной причине рассматривается как уни-

кальный: своеобразие формы, неопределенность функций, исключительность материала, неясное происхождение и т. д. Естественно, в подобном случае археолог стремится привлечь внимание к этому уникаму путем его публикации в статье, сообщении, монографии и т. п. Схема такой публикации обычно примерно одна и та же: обстоятельства находки и описание самой вещи, неясные моменты в понимании памятника (происхождение, датировка, функция и т. д.), предположительные выводы автора. Может случиться, однако, что этой, последней части будет не хватать, и неясные моменты останутся невыясненными. Публикация от этого не перестает быть «построением», согласно букве и духу данного выше определения (гл. I, § 3.5). С точки зрения буквы, простое описание представляет собой последовательность высказываний, относящихся к предмету, который может служить источником исторических знаний, иначе его публикация не имела бы смысла. Равным образом соблюдается и дух определения в том смысле, что признание уникальности или неясности предмета можно считать хотя бы попыткой исторического понимания, которое выходит за рамки нейтрального характера описания.

Таким образом, рассматривая любые публикации памятников как некое построение или, если угодно, как результат более или менее научного размышления о природе, происхождении, функции или значении этих памятников, мы не допускаем никакого сужения понятия «построение». Примеры, приведенные на рис. 5, умышленно-разнородные, позволяют понять весьма существенную разницу между непосредственным восприятием объекта и тем, что можно о нем сказать на разных уровнях его проработки в публикациях такого рода.

Вообразим теперь, что, изучив тот или иной из объектов, представленных на рис. 5, археолог испытывает необходимость издать не отдельную вещь, а целую серию вещей, в известной мере подобных по функции, происхождению, технологии и т. д. Как известно, именно на изучении таких серий основано большинство археологических трудов, и стало правилом публиковать различные серийные каталоги, которые считаются основным источниковедческим орудием археолога. Вернемся к примерам, представленным на рис. 5. В голову сразу приходят названия потенциально возможных каталогов в соответствии с определенными принципами группировки: по месту находки

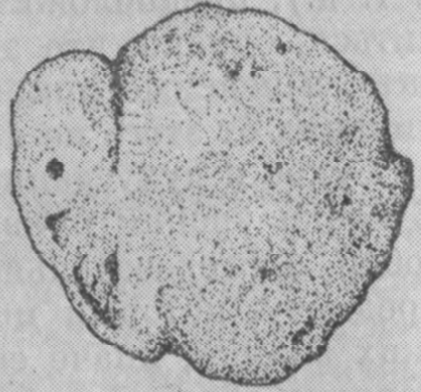
a

б

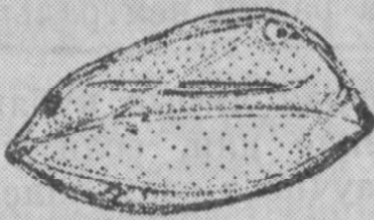
в

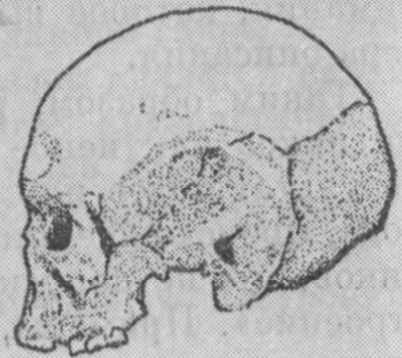
г

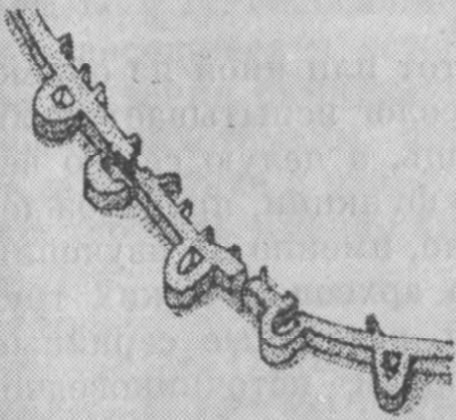
д

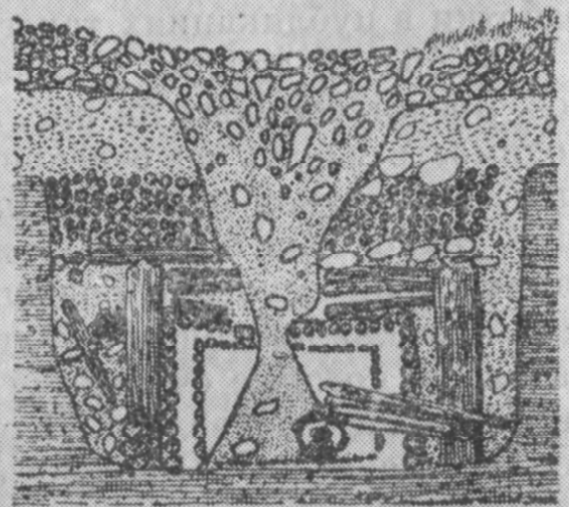
е

ж

з

и

(каталог гвоздей, найденных при раскопках Олинфа в Греции); по теме (каталог фантастических изображений в искусстве майя); по материалу (каталог образцов древней пыльцы Евразии); по функции (каталог укрепленных поселений неолитического времени) и т. п. Кроме того, в каждом случае могут быть выделены обычные пространственно-временные характеристики. Подобные публикации составляют один из наиболее распространенных видов археологических построений. Их общая черта, присущая им именно в силу серийного характера, состоит в том, что они существуют в форме классификаций или таблиц, а форма и содержание — это результат рассуждений, составляющих в данном случае суть построения.

Рассмотрим, например, каталог монет. Возможны разные способы его организации. Монеты могут быть сгруппированы по датам выпуска (хронологический каталог), по месту чеканки (географический каталог) или в сочетании, объединив оба этих признака в любом порядке (сначала дата, потом место или наоборот). Можно также предпочесть классификацию, основанную на характере изображений или надписей на монетах (каталог иконографический или эпиграфический), рассматривая их независимо от упомянутых выше пространственно-временных различий. Такие каталоги предназначены как для обоснования исторической интерпретации, так и для облегчения исследовательского поиска. Можно даже отказаться от всякой классификации и представить монеты в более или менее слу-

Рис. 5. Разнообразие археологических материалов, которое описывается и объясняется по-разному, в зависимости от характера объектов:

а — элементарный объект (гвоздь); *б* — геометрический орнамент (глиняная печать, Чатал-Гююк, неолитический слой, Анатолия); *в* — фигуративное, очень стилизованное изображение (настенный декор из Теотиуакана, Мексика, около 400 г. н. э.); *г* — палеолитическая статуэтка мамонта (Авдеево, Украина); *д* — органические остатки, видимые невооруженным глазом (колос маиса, долина Техуакан, Мексика, около 3000 г. до н. э.); *е* — микроскопические органические остатки (зерно цветочной пыльцы маиса, Мексика, около 80 000 лет); *ж* — костные останки (череп из Кейлора, Австралия, около 18 000 лет); *з* — фортификационные сооружения (Сирос, Греция, эпоха бронзы); *и* — курган скифской эпохи (Пазырык, Сибирь). Заметим, что понятия «элементарность» и «сложность» очень относительны: описание «элементарного» объекта (*а*) может быть результатом сложных лабораторных исследований, а «примитивная» фигурка (*г*) может подсказать историкам искусства или религии самые неожиданные комментарии.

Рисунки заимствованы из: Fagan, 1975; Mellaart, 1967; Millon 1964; Klein, MacNeish, 1973; Mulvaney, 1971; Renfrew, 1972; Руденко, 1953.

чайном порядке (по месту их находки или по той коллекции, в которую они входят), добавив в этом случае к каталогу указатели или аналитические таблицы, облегчающие пользование им (указатель места чеканки, тем и сюжетов, слов или формул легенды и т. д.). Некоторые музейные каталоги задуманы по этому прототипу, но в целом им обычно недостает указателей и аналитических таблиц. Другая возможность открывается в связи с прогрессом археологической информатики. Монеты описываются по признакам в терминах какого-то аналитического языка или специального кода. Элементы этого кода, взятые в отдельности или в сочетании, могут служить поисковым критерием в каталоге. Каталог в этом случае составляется не в форме печатной книги, а в виде картотеки на перфорированных картах или в форме записей на магнитной ленте, магнитных дисках и т. п. (Le Rider, 1975).

Выбор принципа организации каталога зависит, разумеется, от задач публикации. Отметим при этом, что построения типа упомянутых выше каталогов имеют двойственную природу. С одной стороны, они являются описаниями некоторых классов объектов. Но, с другой стороны, выбор способа *описания* каждого класса неизбежно опирается на более или менее явные соображения о том, как эти классы могут быть использованы для *объяснения* археологических данных.

Это соотношение между порядком описания и порядком объяснения становится еще более отчетливым, когда классификация или предлагаемые серии прямо связаны со специальной теоретической интерпретацией. Наиболее распространённый тому пример — это «типологии» в точном значении этого термина (см. гл. IV), когда различия между типами любых категорий памятников (посуда, дома, украшения) предполагаются значимыми с точки зрения исторического смысла: разное происхождение, различные эпохи, разные утилитарные или социальные функции и т. д. Но можно прийти к еще большему обобщению. Выявление некоторого «типа» всегда происходит в результате установления сходства или различий между изучаемыми объектами. Например, на рис. 6 планы и способы перекрытия домов Д₁, Д₂, Д₃ обнаруживают достаточно явное сходство, чтобы предположить в них проявление одного и того же «типа» (географического, хронологического, функционального), в то время как дома Д₄, Д₅, Д₆ в силу их разной структуры отличаются от первых, безотносительно к тому,

образуют ли они один или несколько типов. В настоящее время эта игра в установление сходства или «параллелей» наблюдается не только в типологиях, но и в других постро-

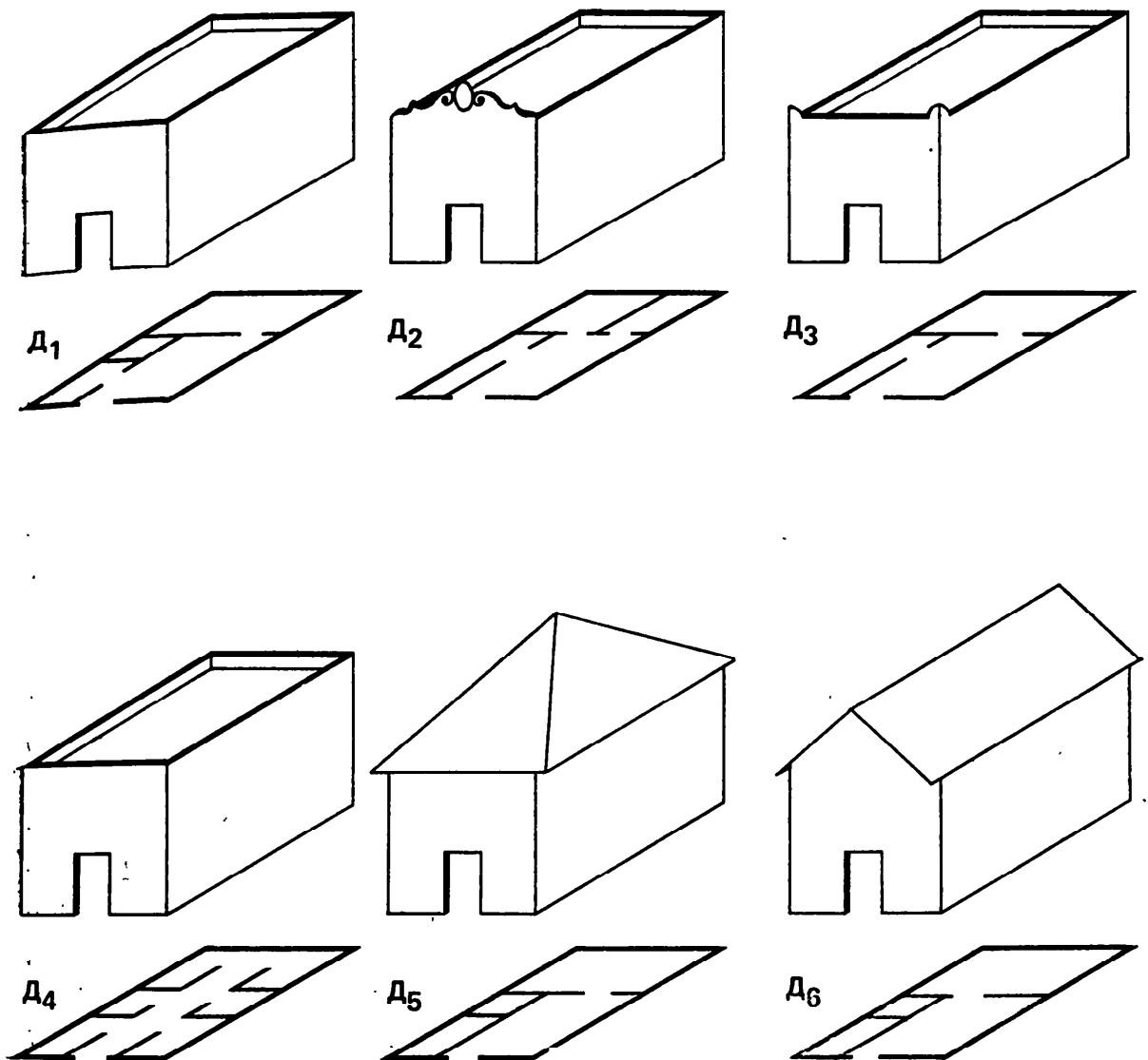

Рис. 6. Множественность возможных классификаций зависит от выбора признаков сходства или различия. Например, если, рассматривая дома D_1 — D_6 , исходить из расположения комнат, то в одном классе окажутся D_1 , D_6 и, возможно, D_5 ; в другом D_2 и D_3 ; в третьем— D_4 . Если исходить из формы крыши, то соответственно (D_1 , D_2 , D_3 , D_4), и (D_5 , D_6). Если же исходить из расположения комнат и формы крыши, то (D_1 , D_2 и, возможно, D_3), (D_4), (D_5 , D_6) и т. д.

ениях. Достаточно археологу выявить одно из многочисленных проявлений формулы « x подобен y » (или, наоборот, « x не подобен y »), чтобы сразу сформировать класс, а именно — класс $\{x, y\}$, формально подобный типу, даже если природа и интерпретация таких сравнений и их обоснование не всегда оправдывают употребление этого термина. Так, возвращаясь к рассмотрению тех же домов,

можно обнаружить сходство между D_4 и D_1, D_2, D_3 по способу перекрытия (глинобитная крыша) и включить их в один тип, не принимая во внимание, что класс $\{D_1, \dots, D_4\}$ уже составляет единый тип в историческом или функциональном смысле этого слова. Следовательно, ничто не мешает образованию класса, который характеризуется наличием одного общего признака (в данном случае — глинобитной крыши). Как только в группе $\{D_1, D_2, D_3\}$ обнаруживается сходство в терминах времени, пространства или функции, тотчас же появляется тенденция «объяснить», в чем сходство между этой группой и D_4 , т. е., иными словами, объяснить класс $\{D_1, \dots, D_4\}$ при помощи обычных концепций: диффузии, влияния, эволюции, технической предопределенности и т. д. Тогда класс $\{D_1, \dots, D_4\}$ появится не как результат естественной группировки, а как в высшей степени искусственный, выбранный из многих возможных других для того, чтобы обосновать данное историческое построение, которое не имеет иной научной реальности, кроме себя самое. В итоге начинает казаться, что мы не располагаем другим способом восприятия и описания археологических объектов, чем использование предопределенных фильтров, т. е. давно устоявшихся средств описания, принятых как в повседневной жизни, так и при создании исторических трудов. Всякое научное описание является одновременно плодом прошлых построений и, как по крайней мере следует надеяться, источником для современных или будущих построений, которые призваны обогатить или заменить настоящие. С этой точки зрения все археологические публикации очень похожи одна на другую. Ни один объект не может быть описан без хотя бы неявной опоры на существующие знания и без учета задач исследования, которые в свою очередь определяют надежную методологию описания по существу и по форме. Поэтому любой каталог, в особенности такой, который считается «толковым», является в той же мере теоретическим построением, как и любое историческое эссе.

Остается определить меру различия между первым и вторым. Именно из этого следует исходить, чтобы показать, насколько удобно подразделение археологических построений на два широких класса в соответствии с их некоторой полярностью, не выражающей, однако, полностью контраста между описанием памятников и их интерпретацией.

2. ДВА ТИПА ПОСТРОЕНИЙ: КОМПИЛЯЦИЯ И ЭКСПЛИКАЦИЯ

Среди всех жанров археологической литературы легко различаются два типа работ: с одной стороны, это публикации, в которых автор прежде всего стремится познакомить с неизданными или малодоступными материалами, с другой — аналитические работы, цель которых выдвинуть новые идеи о месте того или иного объекта или группы объектов в системе исторических реконструкций (происхождение, символическое значение, социальная организация и т. п.). Разумеется, оба жанра могут сочетаться в одной и той же публикации. Например, в некоторых отчетах сначала перечисляется комплекс находок сезона, казалось бы, только с одной целью — точно описать стратиграфию и особенности вещей (материал, техника, декор и т. д.), а затем дается историческая интерпретация этих предметов. В конкретном археологическом построении можно без особого труда выделить определенные части, относящиеся к каждому из этих двух типов. Компилацией можно назвать, например, большую часть каталогов в том широком смысле, как они были определены выше (гл. I, § 3.1), или по крайней мере те каталоги, тип организации которых имеет целью скорее облегчить пользование ими, нежели снабдить данными для исторического анализа. И напротив, к Экспликациям можно отнести классификации, составленные с целью выявления осмысленных групп (типы, школы, стили и т. д.; см. гл. I, § 3.2), и особенно такие, явно интерпретационные работы, в которых описываются и классифицируются только те факты, которые способствуют доказательствам автора. Выше приводились примеры таких построений (гл. I, § 3.3 и 3.4) и было показано, что использование столь распространенного в археологии сравнительного метода связано, по существу, с процедурой осмысления фактов (гл. II, § 1). Можно представить себе некую непрерывную шкалу, на которой размещаются все археологические построения от малопритязательных к более богатым, от нейтральных к пристрастным в зависимости от того, является ли их главной целью изложение материалов или, напротив, последние служат средством установления исторических фактов в результате более или менее сложного исследования.

Достоинство такой схемы состоит в том, что мы получаем возможность подчеркнуть явную относительность этого,

казалось бы, противоположного противопоставления. На самом деле следует говорить не об оппозиции между этими двумя типами построений, а о колеблющемся взаимодействии акцентов в каждом археологическом построении: элементы анализа имеются в самых сжатых каталогах и, наоборот, нет такого историко-археологического исследования, которое не включало бы в себя изложение материала. При этом следует быть готовым встретить такие работы, которые в равной степени относятся и к тем и к другим. Мы их действительно встретим среди некоторых таксономических построений, более «аналитических», чем обычные каталоги, но преимущественно фактографических по своей сути (гл. IV, § 2.1).

Остается дать более точное определение каждому из этих двух жанров, прежде чем подвергнуть их анализу.

3. КОМПИЛЯЦИИ

Будем называть одним термином «компиляция» и процесс создания построений первого рода, и сам результат этого процесса. Тогда под «компиляциями» во множественном числе следует понимать сами работы, появившиеся в результате деятельности, называемой тем же словом, но в единственном числе. Для обозначения этой подгруппы археологических построений будем пользоваться символом Пк.

До сих пор мы пытались определить эту подгруппу простым перечислением некоторых примеров: своды памятников, каталоги музеев, археологические отчеты, инвентарные записи и т. д. Попытаемся теперь пойти дальше и определить их более глубоко. Если присмотреться к самым очевидным внешним особенностям публикаций, включаемых в одну из рассматриваемых категорий, нельзя не заметить преобладающую в них долю описаний: описания объектов или классов объектов, описания обстоятельств их открытия и их современного состояния, описания поселений и среды, в которой они появились и существовали и т. д. Означает ли это, что Компилляции определяются именно этим общим свойством и что они противопоставляются более разработанным археологическим построениям подобно тому, как описание противопоставляется интерпретации? Некоторые археологи именно так и думают в силу настойчивой веры в существование и достоинство того, что они называют «объективным описа-

нием» фактов, предваряющих любое археологическое исследование. По их мнению, каталоги и корпуса поставляют сырой материал для последующих археологических размышлений. Во всяком случае, они дают этот материал неким нейтральным способом, защищенным от вариаций «субъективности», неизбежно присутствующей в любом исследовании.

Кавычки в предыдущей фразе позволяют понять, что я не разделяю этой точки зрения. Позиции такого рода анахроничны. В них проявляется живучее нежелание признать, что путь паучьей мысли идет точно в обратном направлении: от относительной произвольности непосредственных наблюдений, *в этом смысле* субъективных, к обоснованной последовательности проверяемых теорий, *в этом смысле* объективных⁷. Впрочем, стоит только взглянуться пристальнее в описания археологических материалов, чтобы заметить, что они могут меняться от одного исследователя к другому и несут на себе вполне естественный отпечаток знаний каждого автора и частных задач, стоящих перед ним. Если этому нужны доказательства, возьмем, к примеру, описания сцен, изображенных на греческих вазах в *Corpus Vasorum Antiquorum*, или темы и сюжеты, собранные в фундаментальном *Index of Christian Art* Принстонского университета, или краткие указатели, сопровождающие воспроизведения менее ценных предметов (орудий труда, керамики, конской упряжи и т. д.) из *Inventaria Archaeologica Mariensia*. Во всех этих случаях ясно, что поставляемая информация не содержит никакой так называемой «объективной» доли того, что археолог постигает или распознает при изучении памятников. В этой информации можно скорее видеть отбор каких-то отличительных черт из тысяч других, и самое меньшее, что можно сказать об этом отборе, это то, что он всегда очень субъективен, даже когда его силится подчинить общим правилам.

Ниже я еще вернусь к этой точке зрения (гл. III, § 3), по поводу которой еще существует большая путаница. Пока же запомним, что Компильции невозможно охарак-

---

⁷ В порядке пояснения отметим, что классификация химических элементов Менделеева является продуктом не только экспериментов, но и рассуждений, что делает ее для *научной перспективы* более «объективной», чем любая классификация, основанная на непосредственных наблюдениях самых просвещенных коллекционеров или натуралистов.

терминировать одной лишь ссылкой на то место, которое в них занимают так называемые нейтральные, неинтерпретационные описания, и посмотрим, не лучше ли поддаются анализу другие общие характеристики Компилаций.

Одна из них, которая, казалось бы, тоже обнаруживается с первого взгляда, — это табличная форма представления объектов в отличие от последовательного способа изложения фактов и идей в научных построениях более высокого уровня. Действительно, если обобщающие исторические труды всегда пишутся в форме повествовательных текстов, то это вовсе не обязательно для интересующих нас инвентарных записей и каталогов. Их текст обычно расчленяется на столько частей, сколько насчитывается объектов или областей описания, образуя некоторые группировки. Например, группировка находок из одного археологического комплекса по функциональным категориям (архитектура, керамика, скульптура), группировка музейных предметов по периодам или культурно-историческим зонам (первобытная эпоха, античная классика, древний Восток и т. д.), группировка памятников по административным областям (швейцарские кантоны, французские департаменты, американские штаты и т. д.) — все эти группировки хорошо известны так же, как и всякого рода указатели, которые помогают исследователю в поиске нужных сведений, рассеянных данным порядком классификации (материал, место происхождения, декоративные элементы и т. д.). Тогда не эта ли форма группировок и таблиц отличает рассматриваемые Компилации материалов от любых других видов археологических построений?

На этот вопрос тоже нельзя дать точного ответа. Имеется немало примеров публикаций, по структуре составленных подобным образом, но посвященных значительно более сложным задачам, чем простое описание материала. Таковы многочисленные монографии, посвященные отдельным категориям археологических памятников (например, микенской керамике, восточным орудиям бронзового века, греческой архаической скульптуре), в которых автор выступает одновременно и как составитель свода материалов, и как историк. Функция составителя выполняется им только для того, чтобы, составляя в определенном порядке каталог избранной категории памятников, подойти к историческим обобщениям, для которых каталог является лишь источником или отражением. Таким образом, форма группировок или таблиц не может служить достаточным кри-

териум для отнесения данной публикации к числу описательных.

Остается третья возможная особенность, подсказанная, впрочем, предыдущим примером или контрпримером. Типологическую классификацию невозможно уподобить каталогу (даже допустив, что они вполне идентичны по объему и порядку вещей) только потому, что они предназначены для разных целей. Цель типологической классификации — как было отмечено выше — состоит в том, чтобы выявить исторические взгляды на данные явления, подсказанные или обусловленные самой ее структурой. Задача каталога, напротив, заключается в публикации археологических данных в форме, позволяющей каждому найти их без особого труда для сравнительных наблюдений или других исследований, которые не могут быть заранее предусмотрены автором каталога или полностью сведены к его интересам. Только за этим, последним жанром археологических работ я сохранию определение «Компиляция». Далее увидим трудности, возникающие при определении этого жанра на его границах с другими (г. IV, § 1.2).

Разделив археологические построения на два класса по их назначению, а не по содержанию или структуре, легко увидеть, что одни и те же группы памятников могут быть объектом построений двух типов: 1) Компилации, открывающие доступ к сведениям о памятниках, когда они нужны и 2) более обобщающие работы, выдвигающие новые точки зрения о месте этих памятников в истории отдельной группы людей или общества. Остается дать определение Компилациям, чтобы обозначить место, которое они занимают среди археологических построений в целом. Я предложил бы следующее: *Компиляция — это любая последовательность взаимосвязанных высказываний, предназначенная для описания предметов материальной культуры, которые нужно объединить в одном своде, чтобы облегчить изучение связанных с ними исторических проблем.* Теоретические вопросы относительно этой первой категории археологических построений будут рассмотрены в следующей главе (гл. III).

4. ЭКСПЛИКАЦИИ

Выше говорилось (гл. II, § 2) о стремлении археолога найти в сводах и каталогах (в смысле только что данного определения) материал для построений более сложных,

относящихся не только к объектам и памятникам прошлого, но и к самим древним людям, к событиям, которыми была отмечена их история, или к способу, которым была организована их жизнь как в плане материальном, так и в социальном. Построения, обладающие такими свойствами, я называю пояснительными, «экспликативными», или сокращенно «Экспликации» (Пэ). В отличие от предыдущих археологические материалы рассматриваются здесь шире, не только как средство познания самих результатов производства в данный момент и в данном месте, но и через вещественные источники — к познанию форм человеческой деятельности, материальной и духовной. Так, исходя из физических наблюдений, можно понять технический уровень способов добычи ресурсов и обработки материалов для изготовления разных вещей и объектов — *артефактов*. Точно так же изучение *экофактов* естественной среды, окружавшей древних людей, позволяет понять способы, которыми эта среда использовалась для получения средств к существованию, как прямые (земледелие, скотоводство и т. д.), так и опосредствованные (ремесла, торговля и т. п.). Но экспликативные археологические построения не ограничиваются исследованием материальной деятельности. На основе тех же вещественных материалов можно прийти к рассмотрению таких более общих явлений, как мировосприятие, религиозные верования, социальная структура, политическая организация (например, на основе анализа структуры древнего поселения), экономическая жизнь, торговые связи (на основе изучения ареалов разных вещей и монет) и т. д. Во всех случаях общий принцип построения одинаков. Сначала высказываются формулировки определенных отличительных свойств одного или многих вещественных объектов (при условии, что выбор этих свойств достаточно ясно обусловлен целью или гипотезой данного построения). Затем производится последовательная серия логических или математических операций, включающих одновременно как дедукцию, так и индукцию (см. гл. V, § 3), в результате которой автор приходит к предположениям об отношениях людей к изучаемым объектам или об отношениях между людьми древности. Главное отличие экспликативных построений от Компилаций состоит именно в этом переходе от археологических фактов и наблюдений к людям древности, к их истории. Теперь можно сформулировать определение. *Археологическая экспликация* — это упорядоченное множество выска-

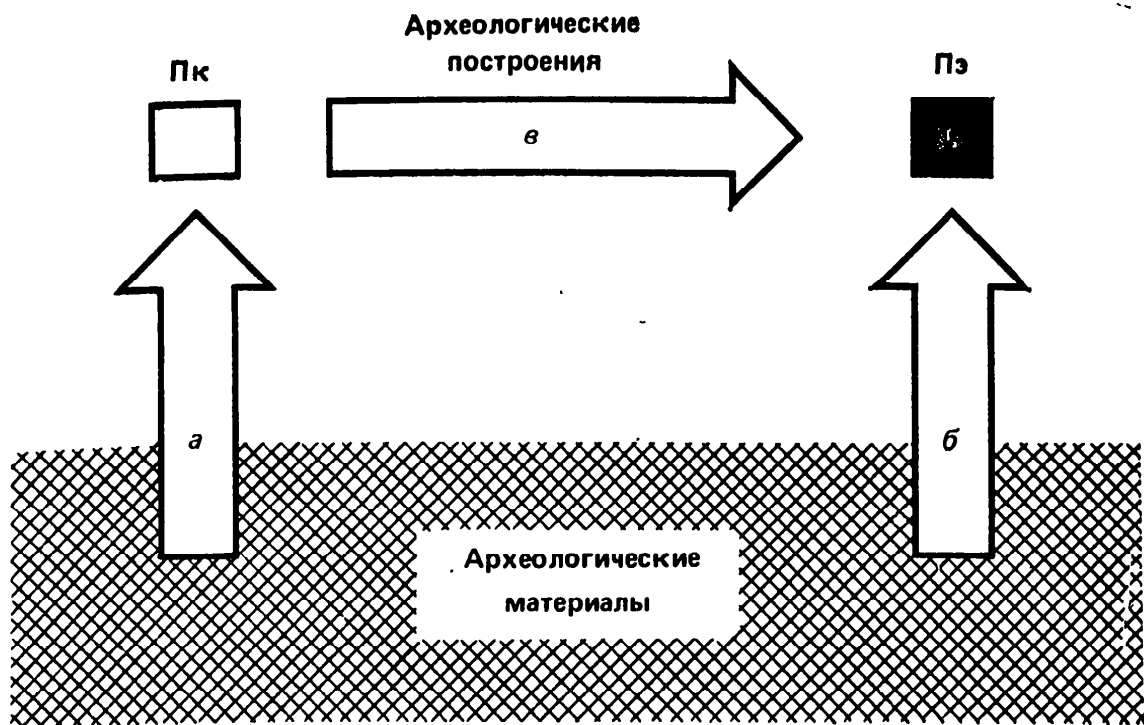

Рис. 7. Компилятивные построения ($П_k$) создаются в результате непосредственного изучения археологических материалов (стрелка a). В известном смысле их создание зависит также и от Экспликаций ($П_э$), о чем речь пойдет дальше (гл. III, § 3—4 и рис. 12). Экспликативные построения ($П_э$) создаются двумя дополняющими друг друга путями: на основе непосредственного изучения материалов (стрелка $б$) или, исходя из уже существующих Компилаций (стрелка $в$).

зываний, направленных на реконструкцию событий или способов жизни древних людей и общественных групп на основе тех особенностей, которые выявляются в данном комплексе археологических материалов и наблюдений⁸.

Иногда выбор этих материалов и их отличительных свойств может быть полностью predetermined Компилациями, в которых эти материалы представлены. Например, какой-нибудь каталог монет, задуманный сначала как справочник, без специальной исторической цели, однажды дает материал для исследования (Экспликации) соответствий между пробой металла, датой выпуска, иконографическими особенностями и любыми другими данными, со-

⁸ Можно возразить, что реконструкция событий прошлого не является их объяснением. Это верно, но здесь говорится об объяснении археологических материалов как следов событий и образа жизни прошлого. Объяснить последние законами или факторами, определяющими человеческое поведение, — это задача не только археологии, хотя археолог имеет полное право высказать свой взгляд по данному вопросу.

бранными в каталоге. В этом случае Экспликация является прямым результатом Компиляции. Можно найти много аналогичных примеров для самых разных сводов памятников: поселений, посуды, орудий труда и т. д. Однако из этого вовсе не следует, что Компиляция должна неизбежно предшествовать экспликативному построению, или, говоря иначе, последовательность во времени этих двух видов работ не является методическим правилом. Так же легко можно найти бесчисленные примеры таких археологических построений, в которых, наоборот, компилятивный пролог, т. е. изначальное *описание* изучаемых объектов, полностью определен, как по форме, так и по содержанию, экспликативным эпилогом, в котором автор излагает свои *заключения*.

Такое соединение или смешение двух жанров может показаться неизбежным. Тем не менее оно отвергается большинством археологов, как «традиционными», так и «новыми». Поэтому в дальнейшем я буду неоднократно возвращаться к данному вопросу. Пока же запомним, что путь к археологическим экспликациям в одних случаях пролегает от собрания данных (Компиляции), а в других — непосредственно от памятников, т. е. от самих вещественных материалов, как если бы оба процесса (сбор данных и объяснение) были нерасчленимы (см. рис. 7).

5. ДРУГИЕ ФОРМУЛИРОВКИ РАЗЛИЧИЙ МЕЖДУ Π_k И Π_2

Рассмотренная выше альтернатива имеет важное для современной археологии стратегическое значение: целесообразно ли создание Компиляций «дальнего прицела» или, как сейчас модно говорить, археологических «банков данных»? Они подобны упомянутым выше «собраниям данных», на основе которых создаются Экспликации первого типа (рис. 7, путь а—в). Может быть, сначала разумнее понять причины, почему прямой путь б сохраняет свои преимущества даже тогда, когда наличие «банков данных», казалось бы, отвергает его? Решить эти вопросы будет легче, вооружившись пониманием структуры и функции этих двух видов археологических построений (гл. VI). Прежде всего следует подчеркнуть, что этот дуализм не нов. Он мало чем отличается от двойственности, которую несколько лет назад отметил американский археолог Ирвин Рауз, отделив археологию аналитическую, изучающую

памятники «такими, каковы они есть» (Rouse, 1973, с. 23), от синтетической археологии, обращенной скорее к людям, создававшим некогда изучаемые нами объекты (там же, с. 25—26). Опасность этой фразеологии, однако, состоит в том, что она может породить мнение о существовании двух видов археологии, между которыми возможен выбор в соответствии с личными вкусами и задачами данного археолога. На деле же положение иное. Аналитический метод И. Рауза (попутно отметим, что его не следует смешивать с «аналитической археологией» Дэвида Кларка) может быть только этапом или дополнительным средством в археологическом исследовании. Археология потеряла бы всякий смысл, если бы занималась только исследованием вещественных остатков древности, не ставя перед собой задач изучения истории и образа жизни древних народов (гл. I, § 1.4) ⁹.

Примерно так же шведский археолог Карл-Аксель Мoberг отделяет «археографию», как систематическое изучение вещественных материалов, от собственно археологии, синтезирующей на основе этих материалов историю древних народов (Moberg, 1969, с. 41—43; иными словами, как оппозиция между «найденной структурой» и «живой структурой» — Moberg, 1976 ¹⁰).

---

⁹ Впрочем, было бы смешно вообразить, что сам И. Рауз думает иначе. Спор, который надолго противопоставил его в этом вопросе Чжану Гуанчжи (Chang, 1968, с. 1—30), — только один из примеров тех невольных недоразумений, которые создают видимость глубоких различий между вчерашним и сегодняшним способом мышления в узком мире археологии (см. на эту тему весьма мудрые замечания Гордона Уилли, высказанные уже десять лет тому назад — Chang, 1968, с. 209). Мне не приходилось видеть примеров того, чтобы представители старой археологии отказывались использовать для исторических и социологических выводов имеющиеся у них данные, замыкаясь в рамках изучения вещей. Контр-примеры столь многочисленны, что подобный упрек можно объяснить только незнанием или нежеланием их видеть. Вот почему изобилие литературы, расхваливающей за последние пятнадцать лет «археологию как антропологию» (см., например, Binford, 1962; Longacre, 1963; Meggers, 1968), как мне кажется, не означает никакого поворота в истории нашей науки.

¹⁰ Имеется в виду гектографированное пособие для студентов-археологов Гетеборгского университета, подготовленное К.-А. Мoberгом в виде живого и занимательного комментария к книге Д. Дорана и Ф. Ходсона «Математика и компьютеры в археологии» (Doran, Hodson, 1975), где говорится о разнице между структурой описания памятника и той «живой» структурой, частью которой этот объект был в древности. — *Прим. ред.*

Если Компильцию (сбор материалов) рассматривать как определенный момент археологического исследования на пути к Экспликации или к историческому синтезу, то возникает другая, более плодотворная аналогия. Она касается всех гуманитарных наук, если не вообще всякого научного рассуждения, приложимого к любым объектам. Речь идет о различии между двумя способами анализа человеческого поведения, сформулированном американским лингвистом Кеннетом Пайком (Pike, 1967). Сначала исследователь перечисляет те признаки или особенности наблюдаемого явления, которые кажутся ему отличительными, однако из этого не следует, что данные признаки обязательно должны быть значимыми. Допустим, что мы изучаем некую религиозную церемонию, происхождение и смысл которой нам неизвестны. Сначала мы отметим множество деталей внешности участников (возраст, пол, одежды и т. п.), их жесты в определенные моменты церемонии, предметы, служащие аксессуарами или украшениями церемонии и т. д. Каким бы точным и насыщенным ни было это описание, оно может не выявить значение и структуру данной церемонии, поскольку перечень отмеченных фактов может оказаться для этого вдвойне непригодным: либо потому, что они не имеют определенного значения (например, точное число ударов колокола, сзывающего верующих к мессе), либо потому, что, наоборот, важные для понимания данного явления факты окажутся неотмеченными (например, если бы исследователь мессы пропустил бы некоторые «отклики» верующих на «призывы» служителя культа). Таким образом, исследование структуры или смысла церемонии является вторым этапом изучения. Здесь первичное описание сопоставляется с новыми наблюдениями для того, чтобы подойти к иному видению отличительных признаков, при котором они становятся значимыми.

Следовательно, отличительными здесь следует считать не те свойства, которые мы замечаем непосредственно, как в первом случае, а те, которые устанавливаются в результате сложного взаимодействия процедур наблюдения и рассуждения.

Именно этой альтернативой Пайк обосновывает противопоставление между двумя типами описаний, ставшее теперь обычным для культурной антропологии. Первый — это так называемые «-тические» описания, полученные из первичного, непосредственного восприятия. Второй тип

составляют описания «-мические»¹¹, возникающие в процессе осмысления наблюдаемых фактов. Причем первые входят в поле научных построений только в той мере, в какой они способствуют формированию вторых¹². Мы еще вернемся к вопросу о важности этого различия для нашей темы, и особенно к пока неясной природе генетической связи, которую желательно было бы установить между этими двумя типами описаний специально для археологии (гл. III, § 3.3). Достаточно сказать, что оппозиция «-тический» — «-мический» во многом совпадает с противопоставлением П_к/П_э, хотя практическая археология с этой дихотомией не очень считается и перекраивает ее довольно свободно. С некоторыми оговорками относительно взаимозависимости этих двух видов исследования мы можем считать, что Компляции собирают данные «-тического» характера, в то время как Экспликации стремятся выявить элементы «-мического» порядка для понимания фактов археологии в том смысле, как мы определили эту науку выше¹³.

---

¹¹ Подробнее о так называемых «-тических» и «-мических» описаниях см. Клейн, 1979, с. 62—63; 1980, с. 105. Правда, во второй работе дана несколько упрощенная трактовка.— *Прим. ред.*

¹² Кроме упомянутого фундаментального труда (Pike, 1967), читателю, желающему глубже уяснить суть этого различия, полезно обратиться к следующим работам, перечисленным в хронологическом порядке: Gardin, 1958; Dundes, 1962; Scott, 1965; Goodenough, 1970, p. 104—130; Brend, 1972; Roulet, 1974; Waterhouse, 1974; Harris, 1976.

¹³ Другая возможная оговорка была подсказана мне Джорджем Коугиллом. Она состоит в том, что «-мический» подход направлен на выявление категорий и понятий, существовавших в мышлении изучаемых нами людей. Обычно археолог претендует на это в тех редких случаях, когда он обладает пригодными для такого исследования текстами. Я бы ответил на это так: всякий, говорящий по-французски, не держит в своей голове «-мических» категорий фонологии французского языка, что, однако, мало беспокоит фонолога. По этому очень общему вопросу об этнокультурном значении аналитических единиц, употребляемых антропологами, см. Burling, 1964 и материалы последующей дискуссии, а также различные работы, собранные в Hammett, 1965.

Глава III

АНАЛИЗ КОМПИАЦИЙ

Рассмотрим заново совокупность археологических построек, объединенных общим названием «Компиляции» (P_k). Как уже было сказано, это труды, различные по форме, но единые по своей цели. Она была сформулирована выше следующим образом: «описать предметы материальной культуры и собрать их в единый свод, чтобы облегчить изучение прошлого человечества» (гл. II, § 3). Наша первая задача будет состоять в демонстрации того, что эта цель, объединяющая Компииции, важнее, чем заметные на первый взгляд случайные различия между ними. Исходя из этого, цепь операций, образующих любое построение P_k , можно свести к единой модели для последующего логистического анализа, определение которому было дано выше (гл. I, § 3.5).

1. СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ КОМПИАЦИЙ

Начнем с признания очевидного разнообразия жанра. Во-первых, оно проявляется в большом выборе форм публикации предметов материальной культуры, изучаемых данным автором, а описание — это только одна из них. Известно, какое значение придают археологи графическим приложениям (планы, фотографии, рисунки), предназначенным, по их мнению (несколько наивно), компенсировать недостаточную точность слов. Более того, взамен иллюстративных приложений иногда используются муляжи, копии, макеты, настолько точные, что всякая словесная характеристика кажется совсем излишней: разве нет перед глазами двойников тех памятников, которые представлены в Компиициях? Ответ на этот вопрос кажется вполне убедительным, если изучаемые предметы входят в состав коллекций, доступных тому, кто захочет их изучить, навести

справку или использовать в качестве аналогии (образцы, полные серии, редкие экземпляры).

Во-вторых, широкая возможность варьирования остается даже после того, как общая форма Компилляции уже выбрана. Имеются сотни различных способов графического воспроизведения одного и того же здания, тысячи методов соотнесения иллюстративной и текстовой части публикации памятника и бесконечное число сочетаний слов, пригодных для его описания. Кроме того, форма Компилляции, удобная для архитектурного памятника, неприемлема для описания кремневых орудий или костных остатков. Храм майя невозможно описывать так же, как резной камень или фрагменты керамики, а глиняную посуду — на той же основе, что и греческую скульптуру. Таким образом, всякая попытка свести разнообразие формы Компилляций к единой матрице кажется безнадежной. Следует ли в таком случае стремиться к всеобъединяющей, но, несомненно, и всеупрощающей перспективе логицизма?

Попробуем доказать, что следует, опираясь на общепризнанный факт, который можно считать обнадеживающим постулатом. Общепризнанно, что всякая Компилляция должна иметь словесную часть, что бы об этом ни думали сторонники документации в виде рисунков, муляжей или копий. В самом деле, мало, например, сфотографировать все греческие монеты, найденные на иранских поселениях, и собрать эти фотографии в одном альбоме, чтобы иметь основания говорить о своде или каталоге этих предметов. В таком случае этой немой массе источников будет недоставать многих видов информации. Достаточно только упомянуть их, чтобы стало ясно, в какой мере они неотделимы от самого замысла археологического каталога.

1. Прежде всего, это внешние данные, которые не «прочитываются» по самим предметам или их репродукциям, и, следовательно, их надо тем или иным способом облечь в слова. Например, место находки, археологический контекст (стратиграфический уровень, сопутствующие предметы и т. д.), естественная среда и т. п.

2. Затем, некоторые другие материальные особенности предмета, которые не передаются ни изображением, ни муляжем. Например, материал (в данном случае — металл монеты) или вес предмета, если, как в данном случае, он имеет историческое значение.

3. «Прочтение», в той или иной степени основанное на элементах авторской интерпретации предмета, сопровож-

даемое соответствующими библиографическими ссылками, чтобы показать степень изученности данного вопроса. Это может быть прочтение в прямом смысле (легенды на монете), а также и в переносном: «прочтение» иконографии изображений, если она требует объяснения.

4. Наконец, характеристика компонентов сплава, когда она не очевидна и необходимо использовать какие-то технические средства для ее установления.

То, что очевидно для каталога греческих монет из Ирана, в той же мере бесспорно и для любого другого вида Компилаций, идет ли речь о керамике из одного раскопа, о надписях эпитафического свода, о скульптурах из музея, об архитектурных остатках, найденных при каком-то исследовании и т. д. В любом подобном случае ясно, что труд составителя каталога не сводится к изготовлению копий или к съемкам и что развитие этих технических средств никоим образом не дает повода уклониться от «проблем описания», как это иногда случается¹⁴.

От констатации этих, весьма банальных фактов обратимся теперь к постулату: словесная часть археологических Компилаций важна сама по себе, а не только как неизбежное дополнение изобразительных материалов. Она должна быть достаточно подробной и сопровождаться обоснованно подобранными иллюстрациями любого вида. Этот постулат покоится на двух простых основаниях. Первое из них состоит в *научном* значении археологических Компилаций. Их цель — способствовать обогащению наших знаний путем, не совпадающим с путями коллекционера, в том числе и просвещенного. Было бы неуважением к читателю доказывать слишком очевидную истину, великолепно выраженную в афоризме, существующем уже два столетия: «Наука — это хорошо организованный язык» (кажется, Кондорсе). Желание избежать трудностей словесного представления фактов попросту равносильно запрету на науку об этих фактах. Зло было бы не так велико, если бы потребность в науке, в строгом смысле этого слова, была не так велика. Правда, по этому поводу тоже можно поставить не один вопрос (см. гл. VII, § 3.3). Но если мы

---

¹⁴ Мне приходилось слышать, что иллюстрирование якобы снимает проблему описания. Сторонники такого решения не вполне ясно представляют себе его парадоксальность, поскольку речь идет о проблемах логических (см., например, Vallet, 1977, с. 282—288). Последующая аргументация призвана предупредить подобное заблуждение.

принимаем всерьез все более настойчивые ссылки на археологию как на науку, то следует также серьезно отнестись и к афоризму Кондорсе, и к его прямым последствиям. Публикация археологических материалов, начиная уже со стадии составления свода или каталога, должна неизбежно иметь словесную или, говоря более обобщенно, — знаковую форму (подробнее об этом см. Gardin, 1975).

Второе основание нашего постулата связано с особой ролью языка археологических описаний (словесного или символического) в процедурах так называемого информационного поиска или, проще говоря, поиска источников, каким бы способом он ни осуществлялся. В самом деле, суть не только в том, чтобы собрать вместе тысячи или миллионы описаний памятников. Эта масса материалов должна быть еще и организована так, чтобы археолог имел возможность эффективно найти нужные ему данные. Ведь еще недавно даже ведущие ученые открыто отвергали идею о необходимости помочь коллеге в ознакомлении с материалами, на сбор которых ими был затрачен большой труд. Уже с этой точки зрения публикации сводов облегчают работу исследователя. Стоит ли добавлять к ним еще и такие аналитические инструменты, как картотеки, указатели, таблицы и т. д., которые позволили бы «всякому» без долгой возни с источниками найти материалы, необходимые для дальнейшего исследования? Эта позиция еще полностью не исчезла. Скорее, она уступает велению времени, требующему отказаться от теперь уже абсурдной практики работы с источниками, которая требует пересмотра.

Не буду задерживаться, доказывая еще раз необходимость того, о чем уже говорилось двадцать лет тому назад (Gardin, 1955, 1958 и др.). «Кризис научной информации», испытываемый с тех пор повсюду, отразился и в сравнительно малом мире археологии (Chenhall 1968, 1975; Гарден, 1968, 1974b, 1975; Scholtz, Chenhall, 1976). Следует только подчеркнуть, что проблема наилучших средств овладения источниками, независимо от способов ее реализации, прямым образом связана с проблемой представления археологических материалов на языке, который лучше, чем язык современных Компилаций, удовлетворял бы требованиям информационного поиска.

Так, двумя разными путями мы приходим к пониманию основного назначения сводов археологических материалов (Компилаций). Хотя главный их смысл состоит в собирании данных, по существу — это *знаковые построения*

ния. Используемые в них система обозначений или язык должны соответствовать как теоретическим требованиям науки, так и практическим задачам источниковедения. На фоне такого функционального сходства всех Компилаций наблюдаемые между ними различия в форме и содержании представляются второстепенными. Именно в этом смысле ими можно пренебречь и сформулировать, согласно все той же логистической схеме, основной принцип всех таких построений, рассматривая их как знаковые системы коммуникации между археологическими источниками и исследователями, изучающими их.

Рис. 8 иллюстрирует функционирование одной из таких систем и этапы ее построения.

А. Цель Компилации — представить совокупность материалов M , выбранных среди многих других (блок 1) в такой форме $Пмг$ (блок 2), чтобы описание содержало ответы на некоторое количество запросов $Зп$, опять же выбранных среди многих других (блок 3) и выраженных теми же средствами $ПЗп$, что и описание (блок 4).

Б. Функция Компилации становится теперь ясней: это некий накопитель сведений, в котором данные и запросы более или менее точно соответствуют друг другу (блок 5), что позволяет получать результаты (P), удовлетворяющие специфике исследования.

В. Адекватность системы оценивается сравнением результатов (P) с теми, которые исследователь предполагал найти в исходном своде M для каждого из поставленных запросов $Зп$ (блок 6). Из результатов этого сравнения можно понять, какие требуются исправления системы и в каких ее частях, чтобы тем самым повысить ее эффективность (возврат к блоку 1 и последующим).

Рис. 8 представляет собой не что иное, как стандартную схему информационных систем вообще, где центральный элемент (блок 5) — это ЭВМ¹⁵, причем принцип схемы

¹⁵ Недостаточно подготовленному читателю будет полезно обратиться к одной из теперь уже многочисленных книг, посвященных источниковедческой автоматике или, более широко, методам научной информации. Например, на английском языке (Vickers, 1973; Meadow, 1973), на французском языке (Alouche et al. 1967), на обоих этих языках, а также на испанском, русском и др. имеется работа, выполненная в 1970 г. по заказу Международного Совета научных связей ЮНЕСКО, которая содержит общий обзор систем научной информации, полезный с точки зрения настоящей задачи (Gardin, 1971, с. 25—61). На русском языке см. также (Устинов, 1963; Устинов, Фелингер, 1973; Михайлов и др., 1968; Шер, 1965 и др.).

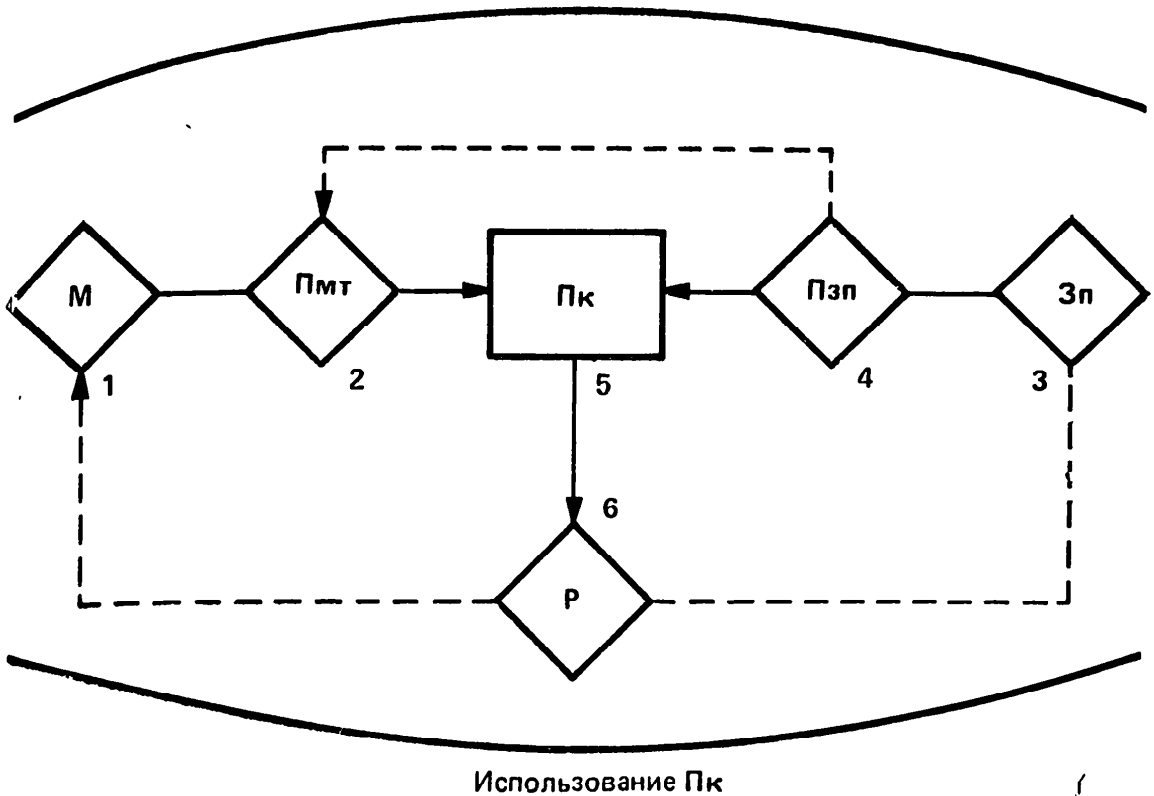

Рис. 8. Общая схема назначения и использования Компилаций (Пк). Материалы (М), зафиксированные в соответствующей форме представления (Пмт), могут быть затем найдены по запросам (Зп), представленным в той же форме (Пзп). Сначала при составлении Компилации (свода, каталога и т. д.) рассматриваются различные формы представления материалов и запросов с тем, чтобы выбрать наиболее подходящие (стрелка обратной связи сверху). Обычно это достигается сопоставлением Пзп с Пмт каким-либо способом (визуальным, механическим, электронным). Результат поиска (Р) по данному запросу может быть сопоставлен с самими материалами (стрелка обратной связи внизу).

не изменится, если заменить ЭВМ любым другимместилицем информации: каталогом, указателем, предметной картотекой, перфорированными картами и т. д.¹⁶. Рассмат-

¹⁶ Такой общий взгляд на информационные системы оспаривался теми, кто считал, что могущества ЭВМ скоро будет достаточно для того, чтобы исключить необходимость рассмотрения теоретических проблем, которые возникают между *М* и *Зп* со всеми их промежуточными связями и циклами (см. рис. 8). В этом предположении был один порок, к которому мы вернемся. (гл. III, § 3, 2). Ошибочность такого предсказания широко проиллюстрирована тем, что большая часть современных автоматизированных информационных систем пользуется теми же методами анализа или представления данных, что и неавтоматизированные (Gardin, 1973, с. 141, 160, прим. 2).

ривая Компиляции с такой широкой точки зрения, можно выделить три главных теоретических вопроса, требующих более пристального внимания:

а) каковы процедуры и критерии выбора материалов, из которых формируются Компиляции (блок 1);

б) чем обоснован выбор того или иного языка представления данных? В частности, отвечает ли этот выбор ясному определению темы, изучению которой должна способствовать данная Компиляция (блоки 2, 3, 4)?

в) каковы операции, обеспечивающие надежное соответствие Компиляции поставленным перед ней целям, и какие меры можно принять, чтобы изменить содержание и форму Компиляции по мере обнаружения несоответствий (блоки 5, 6)?

В следующих разделах будут рассмотрены ответы на эти вопросы.

2. ОТБОР МАТЕРИАЛОВ

Начиная с первой главы, я неоднократно подчеркивал обоснования, которые требуют, чтобы мы рассматривали отбор совокупностей материалов для того или иного археологического построения как часть объекта нашего исследования (см. гл. I, § 2, рис. 1 и 2). В связи с этим рассмотрим, насколько обоснован отбор материалов для Компиляций, т. е. чем аргументированы начальные границы исследования и решения включать или не включать данный объект в свод.

Критерии отбора можно разделить на две группы, используемые порознь или вместе: а) происхождение или местонахождение археологических материалов независимо от их природы (например, документация раскопок, каталоги музеев или частных коллекций, инвентари национальных или региональных фондов и т. д.); б) природа материалов независимо от их происхождения или местонахождения, например большие международные корпусы (греческие вазы, латинские надписи и т. д.) или некоторые тематические своды, составленные в определенных пространственно-временных рамках (геометрический орнамент, погребальные сооружения и т. д.). Практически раздельное употребление критериев почти не встречается. Своды первого типа, как правило, подразделяются по категориям памятников (например, керамика, скульптура, монеты и т. д.), а своды второго типа — по месту находки или хранения (гео-

метрический орнамент: Египет, Восток, Америка и т. д.; греческие вазы: Британский Музей, Лувр, Эрмитаж и т. д.). Следовательно, возможно слияние обеих разновидностей: каталоги античных vaz Британского музея не очень отличаются от тех томов *Corpus Vasorum Antiquorum*, которые посвящены коллекциям Британского музея... Однако полезно рассмотреть это различие. Оно позволяет лучше увидеть, где возникают проблемы отбора материала при составлении сводов, а также уяснить характер этих проблем. Именно этим мы теперь и займемся.

Нельзя не согласиться, что применение первого критерия почти не вызывает трудностей. Определение границ территории, страны или рамок коллекции, на основе которой составляется данный корпус археологических материалов, это не тот труд, который допускает большую долю субъективности. Тем не менее проблема выбора существует и в этом случае и относится к самому принципу осуществления выбора. Какова логика выбора пространственных границ данного свода? Ответ на этот вопрос легко предвидеть: думал об этом составитель или нет, логика, о которой идет речь, — это, безусловно, логика *составителя*, а не того, кто пользуется сводом. Иными словами, если помнить, что цель свода — «облегчить изучение древних народов» путем систематического сбора материальных следов их жизни, то способствуем ли мы достижению этой цели, если наряду с систематическим отбором фактов учитывать и такие случайные данные, как, скажем, положение древнего поселения в современных административных границах или приобретение этрусского украшения частным коллекционером из Перу. Такой способ выбора можно оправдать только тем, что он облегчает сам процесс создания Компилаций, распределяя труд между странами, учреждениями и людьми, *составляющими* Компилации. Однако с точки зрения тех, кто *пользуется* Компилациями, этот способ вряд ли будет признан самым рациональным.

Между тем еще труднее представить себе некий альтернативный способ, при котором составитель Компилаций учитывал бы задачи и области возможных исследовательских тем археологии. Определенным шагом в этом направлении является введение критериев второй категории. С точки зрения исследователя, пользующегося Компилациями, их разграничение по категориям археологических памятников и материалов более существенно, чем по современным административным границам или по музеям, Осо-

бенно, если эти категории определяются не только функцией и природой материалов, но и пространственно-временными или «культурными» характеристиками, смысл которых всем понятен (например, Египет времени фараонов, верхний палеолит и др.). Правда, здесь возможно определенное затруднение, связанное с частичным взаимным перекрыванием категорий и областей, которые необходимо учитывать. Может ли, например, свод египетских погребальных памятников не иметь отношения к другим вещам, найденным в долине Нила, если эти вещи часто встречаются и в погребальных сооружениях и помогают понять их значение? И следует ли из этого, что каталоги вещей и недвижимых памятников должны быть всегда объединены, хотя они и приводят к ненужному утяжелению исследований, обращенных исключительно или к вещам, или к сооружениям? Но это еще не все. Например, что делать с египетскими вещами, найденными на других территориях или среди памятников иного происхождения — в Финикии, на Кипре, в Анатолии и т. д.? Нужно ли включать их в другие своды, составленные как работы по археологии этих стран, но не по археологии Египта? Или, наконец, говоря опять же о Египте, с какого момента следует считать некоторые египетские памятники уже в определенном смысле не египетскими (после завоевания этой страны Александром Македонским), а эллинистическими и включать их в соответствующие своды?

Невозможно перечислить все вопросы такого рода по поводу любой реальной или воображаемой археологической Компилляции, составленной на основе классификации вещей по природе и функции или по происхождению. Значит ли это, что следует вообще отказаться от всякого обоснования выбора тематических областей Компилляций? Я так не думаю, и для пояснения позволю себе изложить проблему несколько иначе. Из всего, сказанного выше, следует, что подвергнуть критике можно любые мыслимые способы выбора материалов для составления Компилляций. Было бы тщетно искать такую четкую программу разделения подобных работ, которая бы удовлетворила всем требованиям, и любые обоснования такой программы, если она вообще возможна, были бы сомнительны (см. Gardin, 1974b, с. 24—26; 1975, с. 820—823). Поэтому разумнее рассматривать нынешние и будущие Компилляции как логически не связанные, локальные вклады в источниковед-

ческий аппарат археологии почти без заранее запланированных взаимосвязей друг с другом. Однако в сумме, *a posteriori*, они должны составлять логическое единство, как бы ни были незначительны меры обеспечения последовательной интеграции всех частей. Под интеграцией я понимаю, во-первых, выявление до сих пор не привлекавших внимание связей между Компилациями, составленными независимо одна от другой, но посвященными общим материалам и относящимися к единым пространственно-временным рамкам. Во-вторых, интеграция — это соблюдение единых принципов представления и организации данных. Речь идет не о стандартах или жестких нормах, неприемлемых в данной науке, а только о повышении эффективности использования всего источниковедческого аппарата.

Для обеспечения такой интеграции археологам нужно прежде всего договориться о введении в действие международной системы информации, которая нацеливала бы составителей Компилаций на использование доступных и общепринятых терминов, не ограничивая свободы выбора относительно содержания¹⁶. Вторая мера скорее техническая по содержанию и, вероятно, не так легко осуществимая. Она требует предварительного изучения возможностей компромисса между правом составителя выбирать форму и порядок описания данных и не менее законным правом пользователя рассчитывать на определенную рационализацию предлагаемых ему источниковедческих документов (Le Maitre, 1978). Суть этой рационализации мы и попытаемся уточнить на последующих страницах.

3. ПРОБЛЕМА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Прежде всего напомним постулат, на котором основана аргументация настоящей главы. Отличие научного описания от сочинений коллекционера состоит в использовании

---

¹⁶ Подобные системы уже давно существуют в разных областях естественных и общественных наук: систематические указатели источников, системы данных, системы библиографические и справочные и т. д. Относительно их общего смысла см.: Gardin, 1971, с. 19—20, 68—69, 112—113, 120—121; относительно особенностей их применения в общественных науках см. обобщающую работу (Nasatir, 1973).

Такого языка представления данных, который способен служить как теоретическим целям (накоплению научных знаний), так и практическим задачам (работа с источниками). Из этого постулата следует, как уже было показано выше, что простой перечень предметов или репродукций еще не является научной Компилацией. То же самое относится и к таким Компилациям, какими являются своды изобразительных материалов. Кое-кто надеется найти здесь решение всех пелегких проблем описания археологических объектов, обращаясь к автоматизированному анализу форм при помощи ЭВМ. Принцип его известен и показан на рис. 9. Считывающее устройство или специальная камера, соединенная с ЭВМ, преобразует форму изучаемого объекта (например, сведенные к двум измерениям профили сосудов или планы поселений) в ряд чисел, соответствующих пространству, занятому этим предметом на более или менее густой сетке координат. Зная эту последовательность чисел, можно обратным действием восстановить на той же сетке (например, зачернив клетки, обозначенные числами) форму изучаемого предмета с точностью, зависящей от густоты сетки. Отсюда остается сделать, как говорится, только один шаг¹⁷, и можно считать, что этим ловким приемом решается проблема «объективного» представления формы предмета, поскольку устраняются всякие неточности обычных описаний (различия в языках, расплывчатость терминов, неодинаковость масштабов наблюдения и т. д.). Таким образом, ЭВМ и числа избавляют нас от недостатков человеческого разума и чувств. Этот подход имеет только один дефект¹⁸: он полностью игнорирует цели, которым должно служить символическое представление форм в археологии. Прежде всего оно должно облегчить информационный поиск и сравнение морфологических особенностей изучаемых археологом объектов и памятников. Нетрудно продемонстрировать, что эти операции не могут быть осуществлены только посредством сопоставле-

---

¹⁷ Шаг, который по совету воодушевленных кибернетиков без малейшего сомнения был сделан не одним археологом (см., например, Ankel, 1969; Gundlach, 1969). Наши критические замечания направлены, разумеется, не против использования ЭВМ для получения планов и чертежей (см. Doran, Hodson, 1975, с. 81—86), но лишь против того, что эти чертежи дают исчерпывающее для научной археологии представление объектов и памятников.

¹⁸ Не говоря уже о более явном недостатке, анализ археологических объектов не сводится лишь к описанию их форм.

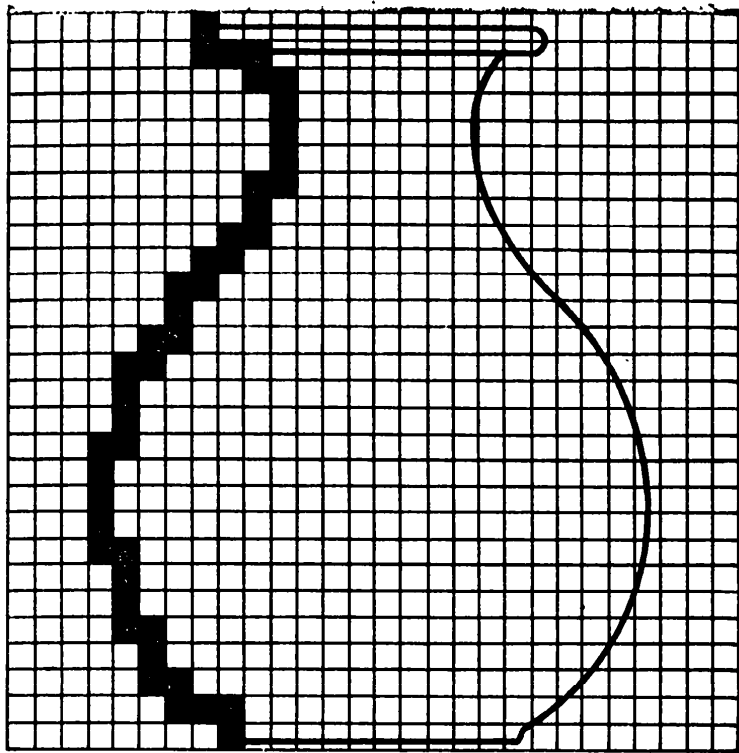

Рис. 9. Упрощенный способ решения задачи «объективного» описания археологических объектов: профиль сосуда фиксируется в виде кривой или в виде последовательности зачерненных квадратов на координатной сетке.

ния числовых рядов, аналогичных изображенному на рис. 9¹⁹. Но другая функция средств представления данных состоит в том, чтобы снабжать науку знаковыми элементами, нужными для *формулирования теорий*. В этом отношении координаты $\{x, y\}$ приведенных выше числовых выражений, мягко выражаясь, не слишком многообещающи.

Таким образом, мы вернемся к знаковым системам представления данных, или к кодам, предназначенным для данного случая. При этом, безусловно, в случае необходимости можно обращаться к языку чисел. В отличие от «чистого» языка чисел такая система представления данных позволяет пользоваться качественными элементами для выполнения упомянутых выше теоретических и практических задач. Одной из подобных систем, безусловно, является так называемый «естественный» язык, т. е. язык нашего повседневного общения. Как подчеркивал Ферди-

¹⁹ Такую демонстрацию читатель может найти в Borillo et al., 1973, где изложены результаты эксперимента по автоматизированному анализу форм глиняных сосудов, подобного экспериментам К. Анкеля и Р. Гундлаха.

На́нд де Соссю́р, естественный язык действительно является наиболее общей из всех знаковых систем, и археологи охотно признают, что в отличие от биологов или физиков они почти не нуждаются в существенном обновлении лексики и тем более — грамматики родного языка для описания интересующих их предметов и явлений. Труды археологов обычно доступны для специалистов естественных наук, если не считать трудностей, связанных с древними языками. Обратное же невозможно, по крайней мере в течение последних двух столетий. Поэтому мы будем рассматривать естественный язык как одну из категорий знаковых систем, используемых для представления данных в археологии, памятуя, однако, что эта категория включает в себя много разных языков (китайский, английский, арабский и т. д.) и что каждый из них может предложить свою собственную систему названия вещей вообще и археологических объектов в частности²⁰.

Впредь естественный язык будем обозначать сокращенно ЕЯ, независимо от того, будет ли идти речь о ЕЯ как об одной из многих знаковых систем или о ЕЯ как об отдельном языке (русском, французском и т. д.). Каким бы «нетехническим» ни был язык археологии, он стремится обзавестись специальными словами и выражениями, заимствованными иногда из других областей знания (например, из архитектуры, геологии и т. д.) или созданными внутри археологии для более точного и лаконичного обозначения фактов, которым естественный язык может дать название либо расплывчатое, либо утомительно длинное. В тех случаях когда эти неологизмы становятся плодом специальных терминологических конференций или иных дебатов, они принимают систематический характер. Таким образом, возникает «специальный язык», еще зависимый от естественного языка, главным образом от его грамматики и лексики. Он богат всякого рода неологизмами, кото-

---

²⁰ Влияние родного языка на способ понимания и обозначения окружающих нас объектов было показано Б. Уорфом (Whorff, 1956), заново разработавшим идеи, высказанные ранее В. Гумбольдтом и Э. Сепиром. Интересные экспериментальные подтверждения гипотезы Уорфа в этнолингвистике см.: Conklin, 1955, 1972; Hymes, 1964; Tyler, 1969. Конечно, родной язык археолога тоже оказывает подобный эффект при описании объектов. В этом можно убедиться, сравнивая термины, заимствованные из разных естественных языков для классификации, скажем, типов глиняной посуды (горшки, миски, плошки и т. д.) и не имеющие абсолютно точных эквивалентов в других языках.

рые придают такому языку видимость автономной системы выражения. Несомненно, что в археологии тоже развивается специальный язык, хотя его связи с естественным языком остаются еще очень тесными. Таким образом, мы должны рассмотреть второй вид знаковых систем, используемых для описания наших объектов. Эти системы достаточно близки к естественным языкам, но постепенно они должны будут от них отделиться тем же способом, каким в течение последних столетий постепенно из естественного языка выделились языки других наук. «Специальные языки», «научный язык», «язык науки» — все эти выражения мы примем, но с некоторыми оговорками, о которых будет сказано ниже (гл. III, § 3.3). Язык науки (научный язык) обозначим сокращенно НЯ, опять же как в смысле данной знаковой системы в целом, так и в смысле ее разновидностей (язык физики, химии, археологии и т. д.).

Третий вид знаковых систем появился на свет лет двадцать тому назад, вскоре после того, как стала ясной неадекватность двух первых видов языков (ЕЯ и НЯ) задачам анализа данных. Я имею в виду так называемые «информационные языки» или «документальные языки», предназначенные для облегчения обработки данных любого вида (в данном случае — археологических)²¹. Принци-

---

²¹ Первые критические замечания о традиционной практике работы с археологическими источниками см. Gardin, 1955. Аргументация была развернута в Gardin, 1963, 1968. О первых информационных языках, использованных для описания археологических объектов, таких, как предметы (глиняная посуда, орудия труда), рельефные изображения (монеты, резные печати, орнаменты), тексты (глиняные таблички), см.: Gardin, 1958a, 1958b. Эти языки, которым мы давали тогда несколько неверное название «коды» (см. гл. III, § 3.1), постигла различная судьба. Некоторые из них были использованы в их первоначальном виде для создания Компляций, опубликованных в различных формах (набор перфокарт для ручной обработки — Deshayes, Gardin, 1956; набор суперпозиционных перфокарт — Christophe, Deshayes, 1964; база данных для ЭВМ — Digard, 1975). Другие были приспособлены к использованию в различных археологических областях (Gardin, 1976, с. 9). Наконец, третьи не получили другого выхода, кроме их запоздалого опубликования, примерно через двадцать лет после того, как были созданы их первые прототипы (Le Rider, 1975; Gardin, 1978a; Salomé, 1978, 1979). Вместе с тем аналогичные коды были успешно использованы для других категорий памятников (главным образом в архитектуре: Lagrange, 1975; Nivelles, 1975) с далеко идущей целью создания базы данных по историческим памятникам Франции (Gardin, 1972a). Все упомянутые коды появились на свет в результате деятельности одного и того же коллектива — Центра археоло-

пиальное отличие этих систем описания состоит в том, что они порывают с традиционной линейно-повествовательной формой изложения и обращаются к аналитическим выражениям. Элементы этих выражений комбинируются по правилам морфологии или синтаксиса, не имеющим никакого отношения к правилам образования слов или фраз в литературном языке, или, точнее, в текстах (я имею в виду не только язык художественной литературы, но шире — язык печатных публикаций вообще, независимо от достоинств их стиля). Основанием для отказа от литературного языка были причины чисто практического характера. Стало очевидным, что увеличение количества и объема сводов археологических источников рано или поздно заставит добавлять к ним мощный вспомогательный аппарат многотомных справочно-поисковых указателей, структура и функция которых должна быть подобна структуре и функциям библиотечных или иных систем документальной информации²². Развивая эту аналогию дальше, легко понять, что содержание археологических Компилаций может быть прекрасно изложено языковыми средствами таких документальных систем при некотором расширении их лексики и синтаксиса и сокращении чисто словесных описаний. Тем самым указатель становится центральной частью построения, вместо того чтобы быть дополнением к нему, а место естественного языка занимает язык индексов, используемый для анализа и поиска данных²³.

Далее я буду пользоваться обозначением ДЯ для всех документальных языков в указанном выше смысле, т. е. для всех систем знаков, разработанных специально для описа-

---

гического источниковедения (1958—1972), но все они имеют определенные различия. Либо предложенные языки описания отражают более синтетическое видение вещи (Ericson, Stickel, 1973), если не вообще типологическое (особенно, в случае описания каменных орудий, см., например, Bordes, 1961; Brézillon, 1968; Laming-Empeyre, 1969), что не соответствует принципам аналитичности и нейтральности этих кодов. Либо эти языки служат только инструментом описания, необходимого для составления некоей «матрицы данных», которая скорее предназначена для статистического исследования, чем для составления источниковедческой базы данных (библиографию и обсуждение этого вопроса см. в Doran, Hodson, 1975, с. 99—114).

²² В этой связи тогда же и возник интерес к семиологическим аспектам информационных процессов вообще и в гуманитарных науках в особенности (Gardin, 1962a; 1964a,b; 1969).

²³ Иллюстрациями этого «переворота» могут служить Allard et al., 1963; Christophe, Deshayes, 1964; Digard, 1975.

ийя и анализа археологических источников (как самих памятников, так и относящихся к ним публикаций) и отличных по своей логике от употребляемых с той же целью ЕЯ и НЯ.

Проблема представления данных в построениях Пк может быть, таким образом, сведена к проблеме выбора между тремя видами языков: ЕЯ, НЯ и ДЯ. Начнем с наименее известного из них — с ДЯ (гл. III, § 3.1), чтобы затем рассмотреть его связи с ЕЯ (гл. III, § 3.2) и с НЯ (гл. III, § 3.3). После этого можно будет попытаться определить то место, которое разумно отвести в археологических Компилациях каждому из этих видов языков (гл. III, § 3.4).

3.1. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДАННЫХ СРЕДСТВАМИ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ЯЗЫКА (ДЯ)

Вопреки распространенному мнению, идея использования специальных кодов для облегчения источниковедческого анализа ни исторически, ни тем более логически не связана с появлением перфорированных карт и электронно-вычислительной техники. Как я только что отметил, составление библиотечного каталога или организация автоматизированной картотеки по разделам (отрасли знания, области изучения, темы и т. д.) уже требуют применения определенного кода, т. е. списка условных терминов и символов, которыми обозначаются выбранные разделы. Комплекс этих терминов, как бы их ни называли (заголовки, рубрики, дескрипторы, ключевые слова и т. д.), составляет *лексику* соответствующего языка описания. Правила, в соответствии с которыми можно комбинировать эти термины с целью создания составных выражений, образуют *синтаксис* этого языка. Несомненно, что и в том и в другом случае речь идет не об упрощенном или нормализованном ЕЯ, а об определенной системе автономных знаков, даже если названия ее элементов и их связей для удобства заимствованы из словаря естественного языка²⁴. Именно

---

²⁴ Чтобы убедиться в этом, достаточно напомнить об использовании одной и той же классификации или одной и той же системы индексации на разных языках. Например, перевод Универсальной Десятичной Классификации (УДК) на японский, русский, испанский языки является, по существу, переводом одной и той же металингвистической системы, лексические компоненты которой являются собственными знаками УДК и тех значений, с которыми

Поэтому представляется разумным рассматривать такие системы, как «метаязыки», в отличие от того или иного естественного языка, словарь которого частично используется «метаязыком» (Gardin, 1969; 1973, p. 144). Совершенно ясно, что один и тот же термин, например «основание», может употребляться совершенно по-разному, в зависимости от того, принадлежит ли он словарю естественного русского языка или условной лексике документального (мета) языка, в рамках которой он имеет более точное значение.

Такое уподобление наших археологических кодов библиотечным метаязыкам может вызвать возражение, поскольку первые относятся к материальным объектам, тогда как вторые ориентированы главным образом на письменные тексты. Не следует ли предполагать, что и средства представления таких разных объектов должны радикальным образом отличаться? Легко доказать, что это не так, но абстрактное доказательство заняло бы здесь слишком много места. Поэтому обратимся к более очевидному в данном случае примеру иконографического анализа, который подскажет нужный путь рассуждений. Рассмотрим уже известный нам барельеф (рис. 24). Описав «объективные» элементы сцены (персонажи, их позы, атрибуты, особенно — птицу на руке одного из них и т. д.), исследователь этого памятника предлагает видеть здесь сцену церемонии инвеституры или инициации, при которой султан посвящает своего сына в охотники. Допустим, что мы должны включить этот памятник в корпус мусульманских рельефов или шире — в свод иконографии ислама, ограниченный определенными пространственно-временными рамками. Какими терминами следует воспользоваться для документального описания этого памятника? Возможности выбора довольно широки, начиная с тех, которые относятся к общему уровню. Можно, например, остановиться на перечне тем. В данном случае, согласно автору А₁, это — обряд пожалования права на охоту. Согласно автору А₂, это — магическое общение между духовным покровителем

они связаны. Следовательно, природа этих знаков не имеет другого значения, кроме удобства записи. Кодовый знак не точнее знаков естественного языка, важна точность связанных с ним дефиниций. Вообще, говоря о документальном языке археологии, не вполне удачно пользоваться понятием «код». Достоинства кода состоят не в замене понятных слов буквенно-цифровыми индексами, как кое-кто думает, а исключительно в качестве определений и ассоциируемых с их помощью понятийных средств анализа.

и его учеником. Можно обратиться к перечислению сюжетов, но о каких сюжетах следует говорить? И какие из них смогут служить обоснованием интерпретации сцены согласно авторам A_1, A_2 ..? И далее, какие из индивидуальных элементов изображения составитель свода сочтет отличительным в каком бы то ни было плане (семантическом, техническом, стилистическом и т. д.)? Каким бы ни был ответ на эти вопросы, становится ясно, что способ представления памятника средствами ДЯ зависит не только от восприятия памятника как физического *объекта*, но и от «прочтения» разных *текстов*, посвященных его описанию и интерпретации, включая текст самого автора, составителя свода. Иначе говоря, представление на ДЯ может равным образом быть представлением изображения и представлением достаточно развернутого описания, ассоциированного с этим изображением, или, как говорят, «легендой» (в этимологическом смысле этого слова). Такая двойственность, хорошо заметная на примере способа представления изобразительных памятников, не менее очевидна и в других случаях. Способ представления какого-либо орудия труда, здания, ювелирного изделия и т. д. в терминах документального языка передает то, что можно *сказать* об этих предметах на одном или нескольких естественных языках, и может рассматриваться как металингвистическая формулировка, относящаяся как к самому *объекту*, так и к возможному его *описанию* или интерпретации. Поэтому противопоставление между материальными данными и текстуальными данными не имеет того особого значения, которое мы ему склонны придавать на практике²⁵. Во всяком случае, это противопоставление не столь значительно, чтобы исключить возможность использования при составлении сводов археологических материалов как кодов, так и метаязыков, понимаемых в более широком смысле, чем в библиотеках или информационных центрах для описания и классификации научной литературы, включая и археологическую.

---

²⁵ Впрочем, то же самое и в теории: на нескольких развернутых примерах можно было бы показать, что семиологические построения всякой науки могут равным образом (в смысле — одновременно) относиться к самим физическим феноменам или/и к их знаковым представлениям. Приближается ли язык этих представлений к языку естественному или, напротив, он уже преобразован в автономную семиологическую систему в соответствии с уровнем развития данной науки — в самой сути этой двойственности ничего не меняется.

Достоинство такого подхода состоит уже в том, что он позволяет использовать результаты исследований структуры и функции документальных языков вообще (в любой области и на любом уровне применения), проводившихся за последние пятнадцать лет. Опираясь на достаточно доступные публикации (Gardin, 1964; Coyaud, 1966; Hutchins, 1975 и др.), можно сформулировать основные особенности документальных языков следующим образом:

А. Основная часть языка — это специальный *словарь*, т. е. совокупность терминов, обозначающих реальности, выбранные для изучения. Последние должны быть четко индивидуализированы и, следовательно, снабжены именами в соответствии с принятой в данной области исследования системой представления данных. Подчеркнем еще раз, что эти термины не являются терминами естественного языка, даже если по форме они совпадают со словами ЕЯ. Напротив, это — условные символы (знаки), каждый из которых получает свое определение в рамках документального языка. Оно не обязательно должно совпадать с определением соответствующего слова ЕЯ, если таковое существует (рис. 10).

Б. Вторая важная особенность документальных языков — это *структура лексики*, т. е. множество точно обозначенных отношений между терминами. Структура лексики может выражаться разными средствами: группировкой терминов по классам, иерархическим (или иным) распределением этих классов, кодификацией терминов, выражающей повторяющиеся семантические компоненты, подобно морфологии слов ЕЯ и т. д. Можно выявить два типа этих отношений. Одни выражают семантические связи, независимые от контекста (например, связь между родовым термином «сиденье» и специальным термином «стул» в иконографическом коде, фрагмент которого представлен на рис. 10). Другие отношения, наоборот, выражают логическую структуру, присущую только определенному контексту (например, между людьми как «субъектами» действия или сцены и животными как «объектами» того же действия). Эти отношения можно учитывать при организации или кодификации терминов данной лексики (например, термин, обозначающий класс «субъекты действия», находится в родо-видовом отношении с терминами «субъект-человек», «субъект-гибрид», т. е. зооантропоморфное существо и т. д., или термин, обозначающий класс «животные» — «лев-субъект», «лев-объект» и т. д.).

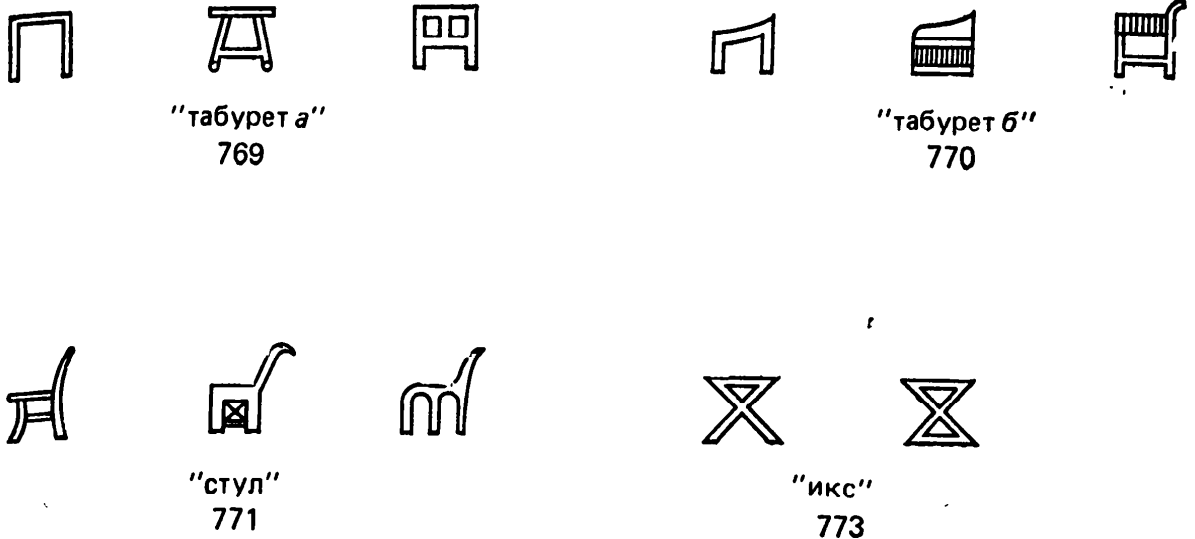

Рис. 10. При использовании в документальном языке терминов естественного языка их функция существенно преобразуется. Это видно на примерах, заимствованных из аналитического кода для описания цилиндрических печатей (Digard, 1975, т. 2, с. 225—227, глава «Сидения»). Например, здесь слово «табурет» используется только в составных терминах «табурет а», «табурет б» и поэтому неравнозначно тому же слову в естественном языке. Слово «стул» здесь имеет более узкое семантическое поле, чем в естественном языке, поскольку то, что здесь называется «табурет б», в естественном языке, получило бы название «стул». Термина «икс» в естественном языке вообще нет. В данном случае все слова, заимствованные из естественного языка, могут быть без каких-либо потерь заменены числами (769, ... , 773), используемыми в данном коде параллельно, поскольку они свои первоначальные функции слов естественного языка утратили и являются такими же условными терминами, как и числа.

В. Синтаксический аппарат. Как это было видно из предыдущего пункта, морфология словаря документального языка фактически выполняет и синтаксические функции. В этой связи можно было бы выделить только два типа отношений (семантические и логические), чтобы в пункте «Б» рассмотреть только семантические компоненты ДЯ, а в настоящем пункте все его синтаксические составляющие, т. е. те средства, которыми выражаются логические отношения между терминами ДЯ, такие, как функциональные аффиксы, или классы (см. предыдущий пункт), или составные термины, связующие символы и т. д.²⁶

²⁶ Эта триада — лексика, ее семантическая организация (парадигматика) и синтаксические правила (синтагматика) — подробно изложена в Gardin, 1964a, а также в трудах, посвященных документальным языкам (Hutchins, 1975; Москович; 1971; Черный, 1975 и др.). О типах семантической организации ДЯ (Gardin, 1966), о синтаксической функции некоторых лексических свойств и, в частности, об упомянутых выше археологических кодах (Gardin, 1962b; 1965c).

Указанные общие принципы присущи любым языкам представления (Gardin, 1973) и, в частности, археологическим документальным языкам и кодам. Это легко проверить, если в порядке эксперимента попытаться выделить в каждом из таких языков перечисленные выше компоненты: а) лексическую базу, т. е. минимальные единицы, обозначающие отдельные признаки и соответствующие им символы; б) семантические отношения, устанавливаемые заранее очень точно между отдельными или всеми признаками, и способы их выражения; в) наконец, синтаксические отношения между отдельными или всеми элементами (признаками) в избранной системе представления; в отличие от предыдущих, последние устанавливаются не заранее, а в ходе анализа.

С помощью этой схемы можно без труда описать структуру любого документального языка. Гораздо труднее сформулировать правила, которым необходимо следовать при создании каждого из них. Решающим и одновременно самым сложным моментом является, очевидно, составление лексической базы, т. е. выбор признаков. Вопрос можно поставить так: какой минимально необходимый набор отличительных особенностей следует выбрать в данном комплексе материалов для их описания, чтобы Компиляция действительно могла удовлетворить запросам потенциальных пользователей в соответствии с приводившейся выше схемой (рис. 8)? По-видимому, достаточно ясно, что фундаментальное значение имеет цель данной Компиляции. Качество Компиляции и языка представления, выражающего ее содержание, измеряется только пригодностью их к использованию. Поэтому бесполезно стремиться к какому-то идеальному и абсолютному решению проблемы описания и каталогизации, не принимая во внимание тех задач, для решения которых составляется данное описание или данный каталог. Вот почему я воздержусь от ответа на поставленный вопрос до тех пор, пока мы не рассмотрим критерии, позволяющие установить соответствие Компиляции и ее цели (гл. III, § 5).

Остается тактический аспект проблемы: как должны действовать составители Компиляций после того, как уровень исследования уже определен, чтобы, работая с одними и теми же объектами, добиться приблизительно одинакового описания? Когда-то я предложил для достижения этой цели систему правил из трех пунктов: а) правила *ориентации*, цель которых — установить каноническое про-

страпственное положение объекта при его описании исследователем; б) правила *сегментации*, т. е. общепринятые способы членения объекта или памятника на различные части (например, для форм глиняной посуды — тулово, горловина, край и т. д.; для изображений — центральная сцена или сюжет, подчиненные или второстепенные сцены и элементы, декоративные мотивы и т. д.); это членение обычно отражается в структуре документального языка; в) наконец, правила *дифференциации*, которые определяют объем и природу различий, которые должны быть описаны в терминах выбранного кода или языка. Эти правила применимы для любых категорий археологических материалов от плотницких гвоздей до мозаичных изображений. Полное изложение этой системы правил можно найти в Gardin, 1967a (см. также: Ковалевская, 1970, с. 211—213), а примеры ее применения — в упомянутых выше кодах.

3.2. ОБРАБОТКА ДАННЫХ В ТЕРМИНАХ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА (ЕЯ)

Несколько отвлеченный характер предшествующих рассуждений является для многих археологов лишним поводом для подозрительного к ним отношения. Нужно ли, могут они спросить, так усложнять работу, если речь идет всего лишь о составлении каталога? А главное, стоит ли так поспешно отказываться от хорошей литературной прозы, обладающей явными достоинствами перед сокращенными и, в сущности, нечитабельными аналитическими выражениями документальных языков и кодов? Постараюсь сразу же отвести оба возражения. Первое из них просто непродуманно: анализ методов работы с каталогами неизбежно приводит к выводу о непригодности их литературной формы. Второе возражение я отвожу потому, что в его основе лежит дважды ложная посылка, утверждающая, что а) каталоги составляются для того, чтобы их читать, и что б) традиционная форма каталогов читабельна... Естественный язык кажется более легким для изучения и обращения с ним, чем язык документальный. Но это только с первого взгляда и, как говорится, «при прочих равных условиях». Если верно, что употребление кодов как средств источниковедческого анализа сложно, то нужно доказать, что естественный язык является более удобным инструментом для работы с теми же целями и на том же уровне

эффективности (точность, скорость, гибкость и т. д.). Сам факт широкого распространения документальных языков во всех областях науки за последние двадцать лет доказывает обратное.

Некоторые серьезно размышляющие исследователи отдают тем не менее предпочтение естественному языку как носителю научной информации (археологическая информация в данном случае является лишь одним из вариантов). Но, добавляют они, при условии использования ЭВМ, чтобы с ее помощью исправить или нейтрализовать наиболее очевидные недостатки ЕЯ: двусмысленность, синонимия, многословие и т. д. Первым апологетом этой стратегии был Д. Свенсон (1960). В основу своей аргументации он положил не гуманитарную традицию, а меру относительной эффективности. К несчастью (ибо в случае успеха все достижения Свенсона стали бы всеобщим достоянием), точными были только измерения, но не сделанные на их основании выводы. При внимательном рассмотрении его приемов информационного поиска на естественном языке обнаруживается, что в момент формулирования темы поиска эти приемы включают в себя лингвистические трансформации, обратные тем, без которых обошлись при регистрации источников (иллюстрации к этому см. Gros, Gardin, Levy, 1964, p. 26—31; Крос, Гарден, Леви, 1968, с. 24—28).

Миф об источниковедении на естественном языке оказался, однако, настолько живучим даже в самой археологии (Ginouès, 1971), что было бы бесполезно изложить то заблуждение или недоразумение, которое его поддерживало. Многие считают, что сама формулировка «информационный поиск на естественном языке» освобождает от всякого применения документального языка (рис. 11 показывает, что это не так и что он просто применяется иначе)²⁷.

Еще одно недоразумение возникает в связи с тем, что естественный язык, о котором идет речь, может оказаться не языком источников, а языком поставленных перед ними вопросов. При этом обычно ссылаются на процедуру анкетирования на так называемом разговорном языке, близком

---

²⁷ Попадобилось почти десятилетие, чтобы этот очевидный факт был полностью признан: К. Монтгомери (США) почти слово в слово повторяет высказанное выше положение (Montgomery, 1972), опубликованное в Европе за восемь лет до этого.

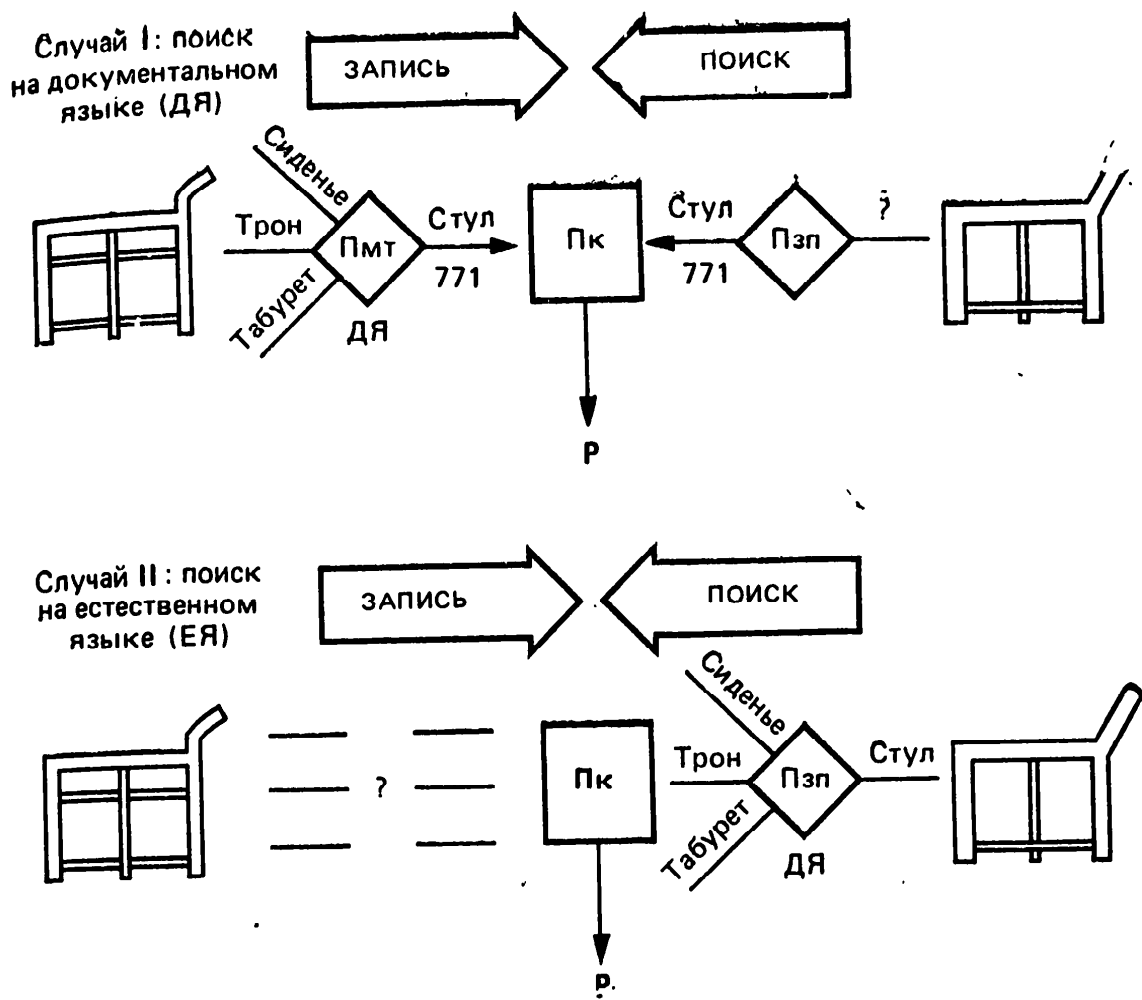
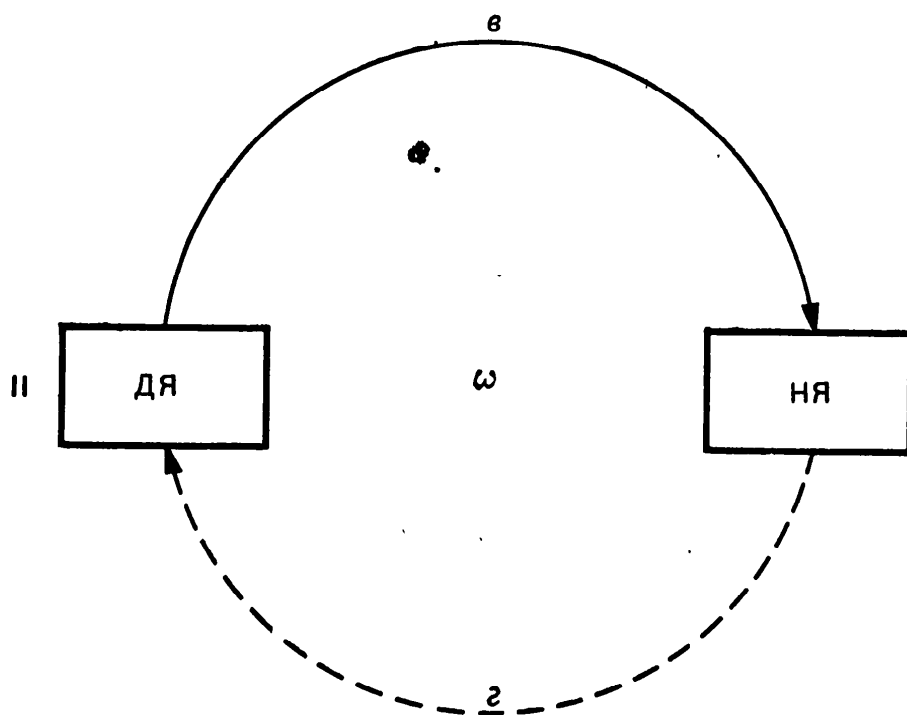
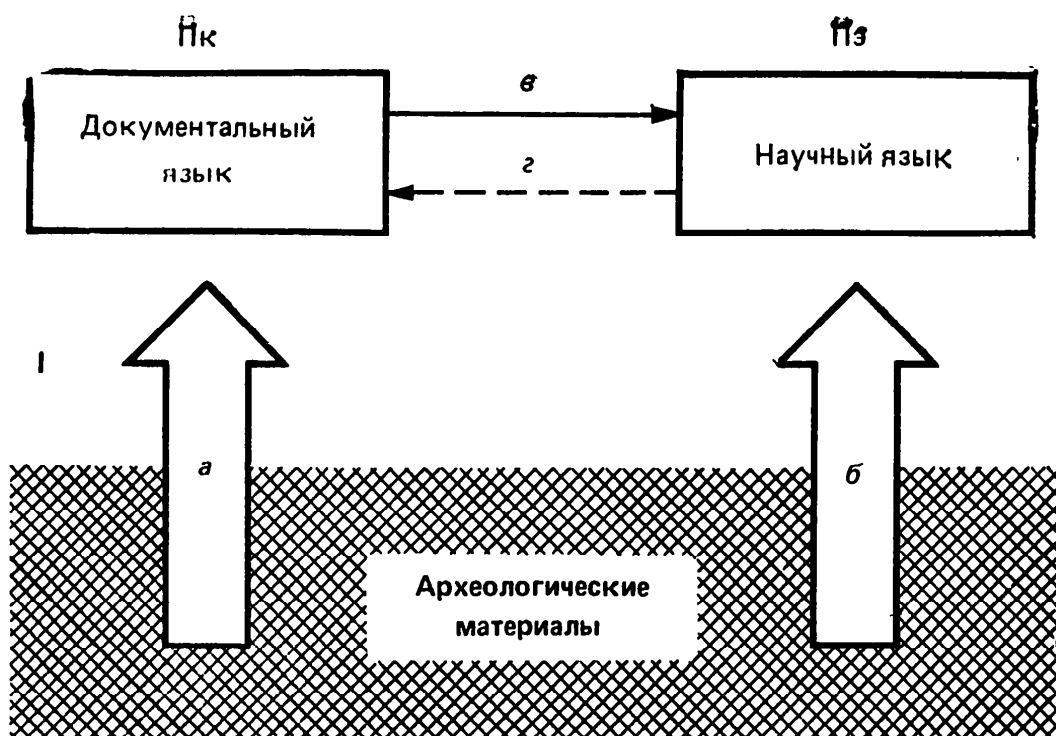

Рис. 11. Истинный смысл противопоставления между информационным поиском на документальном языке (случай I) и так называемым «информационным поиском на естественном языке» (случай II). На самом деле и в случае II без ДЯ обойтись нельзя. В случае I ДЯ используется для приведения разных названий одного и того же объекта на ЕЯ к условному термину, принятому в данном ДЯ. В случае II, наоборот, ДЯ используется тоже, но для расширения значения термина, представленного в данном запросе. К нему добавляется некоторое количество терминов ЕЯ, считающихся в данном случае эквивалентными запрашиваемому. Разумеется, что в обоих случаях необходим один и тот же семантический инструмент—тезаурус,—указывающий более или менее эквивалентные термины, которыми разные авторы, пользуясь ЕЯ, могут обозначать одни и те же объекты. Оценка эквивалентности может меняться по мере уточнения ответов на запросы. Любой тезаурус такого типа содержит термины с искусственно суженной семантикой и входит в семейство ДЯ даже тогда, когда его используют для так называемого «поиска на естественном языке», следуя случаю II.

к естественному. Однако не следует забывать, что язык анкетирования должен употребляться как для вопросов, так и для ответов.

Фактически известно мало примеров, если они вообще имеются, действующих систем научной информации, в ко-

Рис. 12. Взаимодействия между документальным и научным языками. Схема I: документальный язык Компильций (Пк), будучи языком описания исходных данных для будущих Экспликаций (Пэ), в то же время отражает подход к восприятию археологических материалов, принятый в предшествующих Экспликациях. Схема II: документальный и научный языки взаимодействуют также и в описанном ниже циклическом процессе научного исследования по направлению к воображаемой точке ω , где оба языка совмещаются (рис. 17).

торых естественный язык был бы единственной формой выражения и самих данных и вопросов к ним, без всякого насилия над используемой терминологией и фразеологией²⁸. Впрочем, обратное было бы удивительнее. Вернемся снова к функциям Компиляций, о которых из-за этого отступления мы рискуем забыть. Напомним, что и язык публикаций такого рода, кажущийся естественным, тоже неизбежно отличается от общеупотребительного языка. Неизбежность этого расхождения только подтверждается изложенными выше тщетными попытками защитить ЕЯ как единственное средство выражения научной информации. А использование ЭВМ не только не сглаживает эти различия, а, напротив, подчеркивает их. Теперь остается только показать, что логическим выходом из этого положения является подчинение Компиляций языку науки, поскольку он не допускает вольностей в выражениях, которые кое-кому хотелось бы сохранить.

3.3. ЯЗЫК ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ И ЯЗЫК НАУЧНЫЙ

Любое наше возражение против ЕЯ оказалось бы несостоятельным, если бы ЕЯ можно было рассматривать не только как язык повседневной жизни, но и как язык науки, подчиненный тем же самым грамматическим правилам, что и естественный язык. Тогда не было бы необходимости исправлять недостатки терминологии, уже, по существу, очищенной. Что касается свободной и естественной фразеологии ученых, то мы могли бы овладеть ею при соответствующей формализации грамматики ЕЯ. Подобное предположение не следует заранее считать абсурдным, и многие теоретики в области научной информации склонны

---

²⁸ Единственным исключением, по-видимому, является изучение письменных источников, когда литературная форма сама по себе является предметом намеченного исследования (например, филологическое изучение древних текстов, архивных документов и т. д.). В этом случае, конечно, можно удовлетвориться запросом к картотеке по нетрансформированным символам ЕЯ, чтобы получить нужные данные (указатели, таблицы сопоставлений) или статистические сводки. Но на практике и это происходит не так: каждый знает, что этот вид работы включает в себя предварительное аннотирование текстов или сверку со справочными таблицами (категории грамматические, семантические, синтаксические и т. д.), которое в данном случае играет роль индексирования.

согласиться с этим²⁹. Однако оно обладает одним явным недостатком: оно применимо только к одному конкретному естественному языку. В самом деле, мы еще не знаем такой дисциплины, где научная терминология была бы трансформирована в метаязыковую лексику, используемую исследователями всех стран (ссылки на математику и химию еще не являются доказательством). Следовательно, допустив возможность использования ЕЯ в роли НЯ, мы тотчас же оказываемся перед проблемой соответствий одного естественного языка другому. Решение этой проблемы тоже возможно и путь его известен: построение многоязыкового тезауруса и принятие стандартных символов для обозначения каждого списка терминологических эквивалентов, т. е. ... невольное возвращение к металексике, которая уже не является лексикой естественного (английского или иного) языка даже в том случае, когда источником выбора стандартных слов является тот же язык. Более того, обращаясь от лексики к синтаксису, становится очевидным, что множество допустимых естественных языков потребовало бы создания такого же числа формальных грамматик или различных синтаксических анализаторов. Затем понадобились бы еще и правила соответствий одной грамматики другой, с тем чтобы надлежащим образом перегруппировать различные способы выражения на этих языках одних и тех же логических конфигураций³⁰. Таким образом, говоря о стандартной грамматике (естественной или иной) как единственно удобном средстве перевода с языка на язык, мы снова приходим к метаязыку. Но дело не только в этом. Главное препятствие состоит в том, что, несмотря на объемистые труды по формальному анализу и переводу с естественных языков, появившиеся за

---

²⁹ По крайней мере, когда их родной язык позволяет это. Не удивительно, что предложения использовать естественный язык в качестве научного, а также и документального языка исходят от авторов, для которых онтологически единственным «естественным» языком кажется английский.

³⁰ Кроме контролируемой лексики, условия успешного развития информационного поиска должны включать в себя некоторые минимально необходимые логические отношения между словами ЕЯ. Такой логический анализ может быть сформулирован в терминах машинных программ. Первое условие, которое еще лет пятнадцать—двадцать тому назад иногда оспаривалось, теперь, как мне кажется, не нуждается в доказательствах. Что касается второго, то оно здесь приводится как мера требований, предъявляемых к документальному метаязыку хорошего качества.

последние двадцать лет, на сегодняшний день подобные средства перевода с ЕЯ на НЯ фактически отсутствуют (Gardin, 1973, p. 151).

Но и это не все. Представим себе, что мы работаем с источниками, написанными на уникальном научном языке и при этом располагаем необходимыми средствами лингвистического анализа (и лексическими, и синтаксическими), чтобы с их помощью исключить все вольности выражения. Из этого вовсе не следует, что теперь мы можем отказаться от использования какого-либо искусственного языка представления данных в том смысле, как это было определено выше (гл. III, § 3.1). Причина здесь проста. Прежде всего неверно считать, что научный язык, язык ученых (НЯ) является по определению унифицированным. Существуют различия в терминологии, далеко не всегда связанные с диалектными различиями. Чаще они являются результатом разного понимания эмпирических фактов и, следовательно, разного способа их названия. Сосуществование различных систем обозначения в научном языке не должно вызывать беспокойства, поскольку это необходимое условие его выживания. Только невежа или слепец может вообразить такое «состояние языка», когда подобные явления устранены в результате насилия над языком, которое к тому же должно квалифицироваться как научное. Без сомнения, исследователь обязан выявить всякого рода синонимию и перекрывания между конкурирующими терминологиями. Он даже может предложить собственную оригинальную систему обозначений, необходимую для перевода одной терминологической системы в другую. Но он не может *выбирать* между ними, по крайней мере тогда, когда они отражают различия теоретических позиций, а не появляются в силу привычки или случайности. Таким образом, и здесь возникает необходимость в металингвистических средствах, даже если конкурирующие языки тоже «научны», насколько это для них возможно.

Кроме того, потребность в специальном описательном языке вызвана еще и тем, что научный язык, которым пользуются в публикациях, подчиняется правилам риторики естественного языка. Эти правила, как известно, не способствуют информационному поиску, так как они позволяют и даже рекомендуют использование синонимов, употребление сложных названий, обобщающих смысл и в то же время скрывающих его элементы, которые можно было

использовать в другом месте для других терминов. Они также разрешают использование различных оборотов и синтаксических структур для обозначения одних и тех же логических отношений между парами элементов x и y (например, таких, как x влияет на y , воздействие x на y , варианты x в силу действия y , соотношение x и y , присутствие признаков x в y и т. д.). С точки зрения риторики все эти свойства естественного языка — достоинства, но здесь они превращаются в недостатки, которые нужно каким-то способом исправлять. Одним из таких способов является составление вспомогательного указателя к научным публикациям. Роль предметного указателя, несомненно, не сводится к перечислению всех случаев употребления в научных текстах одного и того же слова или выражения. Его роль скорее состоит в том, чтобы объединить под каждым из его терминов те части текстов, где в *разной лингвистической форме* выражен один и тот же смысл. Таким образом, металингвистический характер этих терминов не вызывает сомнений. Ранее (гл. III, § 3.1) мы видели, что такие указатели можно считать прообразами более систематических документальных языков, которые появились за последние два десятилетия под знаменами информатики. Даже публикации по физике и химии, написанные на столь точном языке этих наук, нуждаются в указателях и индексах, составляемых и используемых с помощью ЭВМ. Тем более трудно себе представить, чтобы без такого документального языка могла обходиться археология.

Из всего сказанного следует вполне очевидный вывод: если даже, приняв наивную гипотезу, допустить, что в будущем археология сформирует могущественный, специализированный и систематизированный научный язык (НЯ), необходимость в параллельном развитии документальных языков не исчезнет. Любопытно отметить обратную тенденцию. При обсуждении дескриптивных археологических кодов снова и снова высказывается мнение о необходимости усовершенствования научного языка археологии³¹. Эта ситуация представляется опасной: инверсия превращается в правило. И даже коды, о которых идет речь, объ-

---

³¹ Нередко на совещаниях, посвященных использованию ЭВМ в археологии в источниковедческих или иных целях, возникают разговоры (в основном бесплодные) о необходимости «стандартизации» научного языка, которая снимет все семиологические проблемы источниковедения.

являются ныне наилучшим способом сближения естественного языка с научным, отсутствие которого и нужду в котором вдруг ощутила археология. Нет ничего более ошибочного. И поэтому полезно еще раз повторить: язык науки и язык научной информации не преследуют одинаковых целей. Рассчитывать на то, что можно просто и ясно создать первый из второго, несерьезно даже тогда, когда в подтверждение этому можно привести несколько удачных примеров³².

3.4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ДЯ, ЯЗЫК КОМПИАЦИЙ

Пришло время сделать заключение. Мы установили, что функция научных Компиляций обязывает употреблять для их составления системы знакового описания. Мы дали им родовое имя — документальный язык (ДЯ). Он обязательно отличается от естественного языка (ЕЯ) даже в тех дисциплинах, где ЕЯ имеет тенденцию уступать место глубоко специальному научному языку (НЯ), например в физике или в химии. Археология тем более не может обойтись без ДЯ. Заменить его не могут ни иконические методы представления (изображения, муляжи), ни стандартизованная терминология, достоинства которой весьма сомнительны. Однако, допуская необходимость и возможность использования в археологии документальных языков, не следует ожидать, что они повлекут за собой революцию в области теоретических построений этой науки. Единственная цель документальных языков состоит в том, чтобы обслуживать составление Компиляций и обращение

---

³² Такими удачными примерами можно считать некоторые построения на основе математических методов классификации или сериации. В этих случаях от представления на ДЯ, или описаний типа «-тических», переходят к *эмпирически испытанной* теории (типологии, хронологии), которую можно считать новой формулировкой тех же данных на НЯ, или описанием типа «-мического», выведенного из первичного описания на ДЯ. Слова, выделенные курсивом,— это главное. На самом деле нужно иметь очень веские основания, чтобы быть уверенным в познавательной ценности такого построения и считать его удачным примером преобразования ДЯ→НЯ. Беспристрастное изучение попыток такого рода, столь многочисленных за последние пятнадцать лет, не внушает оптимизма. Оно убеждает также в том, что удачные примеры (а несколько таких случаев действительно существует) — это скорее результат счастливой случайности, нежели логического рассуждения. Они неповторимы, и использовать их принципы в других построениях невозможно (см. гл. IV, § 2.1).

Origine : CILICIE, Niveau : Tranchée X
 Références : MERRIN, 207, fig.127, n° 12.

TYPES	A	⊙		p q r	r1 r2	
PANSE	B	haut : $\frac{x'}{o'}$ bas : $\frac{x}{o}$	liaison : C	H/L : r 2	haut/bas : r 3	ouverture : $\text{⊙} > - +$
BASE	C	profil : ⊙	Inclin. : ⊙	raccord : ⊙	dimens. : $\text{⊙} > r \dots$	part. :
	D	y	face ext. : $\angle$	face Int. :	liaison :	
COL	E	profil : $\frac{d, v}{i}$	liaison : C	dimensions : $\text{⊙} > \text{⊙} +$		
LEVRE	F	Inflexion : $\frac{3}{2}$ Inclinaison : $\frac{1}{2}$	faces : $\frac{d}{d'}$	⊙	extrém. : $\frac{a}{a'}$	part. :
A N S E	type	G	⊙ at a' of et e'	numéro : 2	< - >	
	place	H	point inf. : 4	point sup. : /4	w ...	
	forme	I	profil : $\frac{4, 2}{x}$	i u o	w w' b g	Inclin. :
	section	J	...			
détails	K	2	bouton, trou : f & n	décor : s ...	dimens. : >	
REC types ou forme VER- COIR sect.	L	⊙ ...	a place :	Inclin. : k & h	dimens. : >	
	M	côté sup. :		côté inf. :	i u o	
	N	p q r	a e j	part. :	décor : s ...	
DETAILS	P	B C E F G L Z		⊙ 1 2		p q r
CARACTERIS- TIQUES GLOBALES	Q	dimens. : $\frac{4}{4} \text{⊙} - \text{⊙}$	matière : ⊙ ...			s
	R	technique : ⊙ w ...	cessure :	feature : - +	couleur :	
	S	décor : $\frac{1}{2} \frac{3}{3} \frac{4}{4} \frac{5}{5} - +$	opette :	traitement : $\frac{1}{2} \frac{3}{3} \frac{4}{4}$	couleur :	
VASES PARTICULIERS	Z	⊙ 1 2 3	n	p q r		

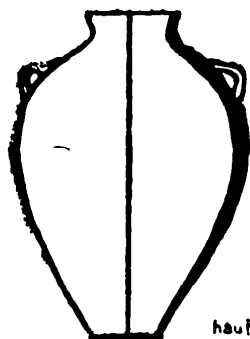

Рис. 13. Пример описания археологического объекта в терминах «аналитического кода», т. е. на документальном языке, форма которого приспособлена для информационного поиска механическими или электронными средствами (см. Gardin, 1976, с. 103).

ние с ними, не забывая того, что сами Компиляции являются орудием исторического исследования. Причем вовсе не обязательно, чтобы системы представления, выбранные на начальном этапе исследования, использовались и на втором этапе. Это уже было показано на рис. 7, где Компиляции появляются как возможный, но не обязательный

этап научного исследования, полностью направленного к Экспликациям.

На деле переход от одной категории знаковых систем к другой осуществляется в обратном направлении (от НЯ к ДЯ). В любой научной области Компиляции только тогда приносят реальную пользу, когда они учитывают разные способы видения, а следовательно, и описания одних и тех же фактов в соответствии с местом, которое эти факты уже занимают в существующем теоретическом построении. Очевидно, также обстоит дело и в археологии. Один и тот же памятник может быть представлен различными способами. Это зависит и от задач исследования (изучение технологии, датировка, определение функции и т. д.), и от пути, избранного каждым исследователем для ее решения. Документальный язык должен отразить это разнообразие одним из двух способов: 1) перечислением соответствий, установленных между специальными терминологиями, относящимися к одним и тем же объектам (синтетический подход); 2) выработкой системы основных обозначений (т. е. терминов ДЯ), которые затем, комбинируясь определенным образом, позволяют выразить суть любого научного описания с достаточной степенью точности (аналитический подход)³³. Очевидно, что и в том и в другом случае проявляется как зависимость ДЯ от НЯ, так и отмеченная ранее автономия. Схема на рис. 12 демонстрирует эту двойственность документального языка: одновременно он и зависит от научного языка, и свободен в выборе собственных путей, когда необходимо описать те же факты, но иначе и с иными целями.

4. УПОРЯДОЧЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ НА ДЯ

Данное выше определение Компиляции (гл. II, § 3) может быть теперь дополнено следующим кратким, но важным уточнением: «Компиляция — это любая последовательность взаимосвязанных высказываний в терминах ДЯ, предназначенная для описания предметов материальной

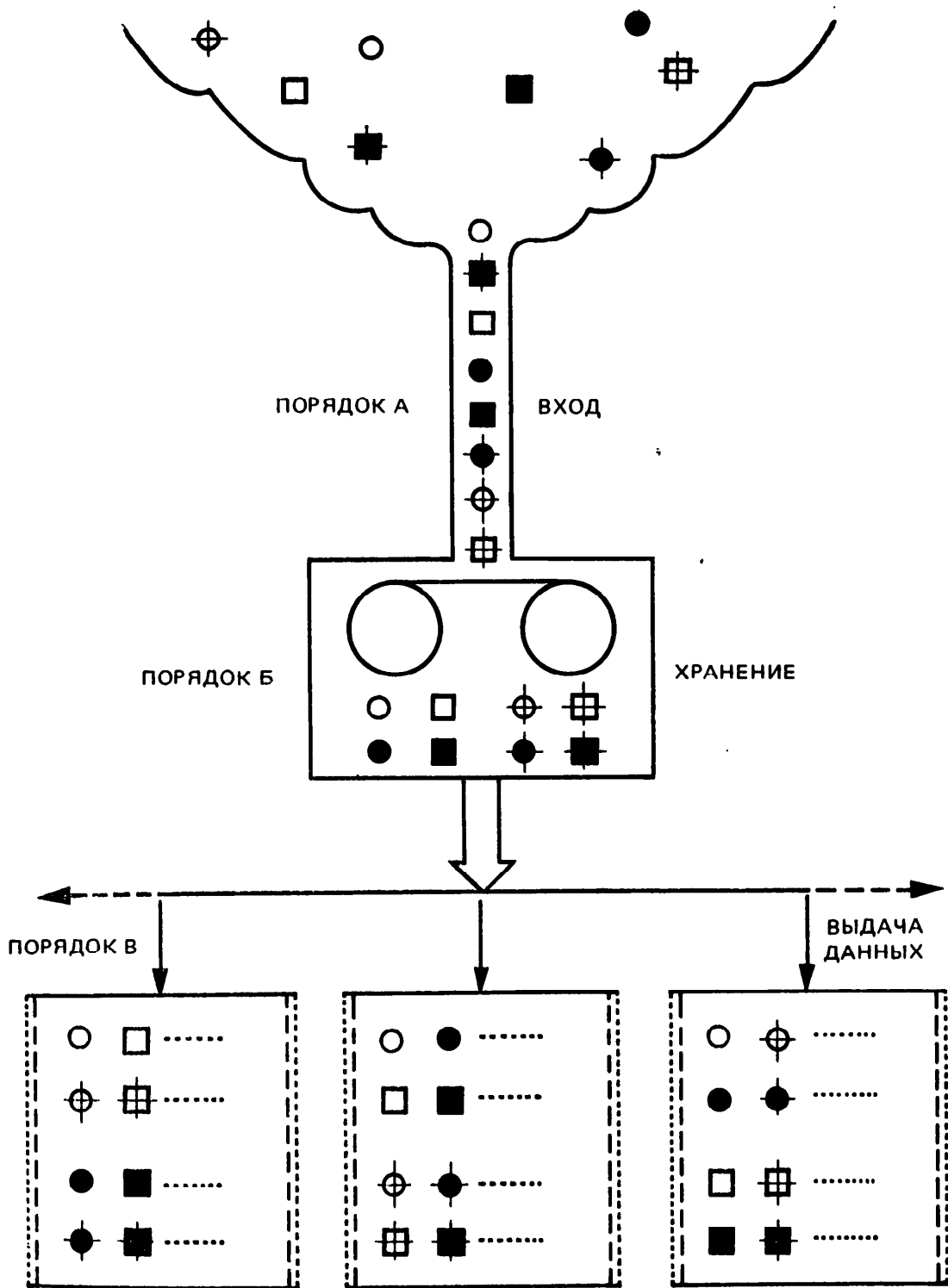
---

³³ Многочисленные примеры подобных систем обозначения читатель найдет в упомянутых выше кодах (сноска 21, с. 87 наст. изд.). «Код для анализа фигурных изображений на греческих вазах» (Salomé, 1979) — хороший пример синтетического способа, по крайней мере, в том, что касается описания общих тем этой иконографии; «Код для анализа геометрических орнаментов» (Gardin, 1978) — предельное выражение аналитического способа.

культуры, которые нужно объединить в одном своде, чтобы облегчить изучение связанных с ними исторических проблем». Достаточно ясный пример подобной «последовательности взаимосвязанных высказываний» приведен на рис. 13. Это — схема индексирования, используемая при заполнении перфокарт или других носителей информации. Каждая такая схема представляет собой последовательность знаков, определяемых по коду, или слов на особом документальном языке. Все они относятся к одной и той же совокупности памятников материальной культуры и являются высказываниями на ДЯ в том смысле, как это было сформулировано в приведенном выше определении. Совокупность же таких высказываний в терминах ДЯ образует Компиляцию. Например, машинный каталог, состоящий из 10 000 описаний найденных при раскопках глиняных сосудов, является, по существу, такой же Компиляцией, что и печатный каталог тех же находок, описанных на естественном языке. При этом следует отметить, что такие описания имеют только видимость естественного языка, поскольку они тоже подчиняются требованиям, несвойственным естественному языку.

Более существенное различие между машинными и печатными каталогами, как двумя формами Компиляций, связано с порядком изложения данных. Для машинного файла, как известно, этот порядок имеет второстепенное значение, или, точнее, можно выделить три типа организации данных (рис. 14): а) организация данных в момент их ввода в память ЭВМ; б) организация тех же данных внутри ЭВМ; в) организация всех или части данных на выходе из ЭВМ, например в машинной распечатке. Основная функция ЭВМ как раз и состоит в том, чтобы облегчить эту последовательную организацию данных, т. е. представлять нужные пользователю данные не в единственно фиксированном порядке, а в нескольких разных, независимо от порядка ввода в ЭВМ.

Для печатных каталогов, напротив, существует в основном единственный порядок изложения описаний. Он может отражать последовательность поступления материалов, как это делается, например, при составлении описей архивных фондов или библиотек. Но чаще всего описания в терминах ДЯ группируются на основе общих или смежных терминов. И эта классификация, собственно, и является главным условием эффективного доступа к данным (например, каталоги объектов, сгруппированных по датам, месту

Рис. 14. Процедура упорядочения данных в автоматизированных или механизированных Компиляциях (т. е. в информационных системах). А — на вход данные могут поступать в случайном порядке; Б — в «памяти» системы данные хранятся в соответствии с принятой классификацией; В — порядок выдачи данных определяется характером и содержанием запросов.

происхождения, по материалу, функции и т. д.). Такие группировки действительно облегчают поиск нужных вещей или сведений, разумеется, *при условии, что тема исследования выражена в терминах этой же классификации*. Однако это условие может не соблюдаться. И тогда составитель свода, каталога должен добавить к нему один или несколько указателей, в которых приводятся и другие термины-синонимы. Эти указатели дают возможность исследователю собрать факты, рассеянные в данном каталоге. Подобные перегруппировки данных выполняют ту же функцию, что и устройства вывода данных из ЭВМ в требуемом порядке (рис. 14, В). Правда, реальные возможности таких перегруппировок неограничены, поскольку трудно предусмотреть все темы исследований, которые потенциально осуществимы на материалах данного каталога, оставаясь в рамках избранного языка представления.

Идет ли речь об автоматизированных базах данных или о традиционных сводах, и в том и в другом случае бессмысленно тратить время на решение *теоретических* проблем классификации. Функции обоих видов каталогов (автоматизированного и печатного) одинаковы. В случае автоматизированной базы данных можно вообще обойтись без предварительно составленных распределений по классам и указателей, а в печатном каталоге они нужны для преодоления некоторых чисто *практических* неудобств (фиксированное размещение описаний на ДЯ и терминов, из которых они состояются; ограниченное количество комбинаций терминов и перегруппировок описаний в том виде, как они должны были бы соответствовать заранее сформулированным темам исследования и т. д.). Иными словами, при составлении печатных каталогов и сводов существует не *теоретическая* проблема упорядочения материала, а проблема практического удобства избранного способа организации описаний на ДЯ, учитывая отмеченные выше ограничения, присущие печатной публикации³⁴, а также характер данного комплекса объектов и направление исследований, для которых настоящий свод должен

---

³⁴ Тот же вопрос возникает и в случае использования автоматизированных информационных систем (АИС), когда выбор внутренней организации данных зависит от характера предполагаемых запросов. Однако следует признать, что для печатных каталогов выбор способа организации данных несравненно более важен в силу только что упомянутых причин. Эта свобода выбора была подчеркнута в определении Компиляции словами «любая последовательность...».

служить источником. Предпочтение, оказываемое в одних случаях географической или хронологической классификации, а в других — классификации, называемой с большим или меньшим основанием типологической (см. гл. IV, § 1.2) и т. п., не следует считать теоретическим выбором, поскольку он всегда может нарушить связность самой концепции данного каталога или свода. В то же время заведомо приемлемо все, что способствует его практическому использованию. Тогда качество составленного свода или каталога можно проверить его практическим употреблением. Рассматривая всякий свод или каталог как информационно-поисковую систему (ИПС), можно ввести некоторый критерий эффективности, широко известный в информатике, но редко употребляемый в археологии.

5. ОЦЕНКА КАЧЕСТВА КОМПИЛЯЦИЙ

Оставим пока вопрос о разработке языка представления данных для археологической Компиляции и рассмотрим, каким образом можно установить соответствие этого языка, если он уже имеется, объекту описания.

Выше уже отмечалось, что структура языков представления данных археологических Компиляций аналогична классификационным системам библиотек (гл. III, § 3.1). Эта аналогия поможет понять наш подход в целом.

Допустим, что нам необходимо найти в какой-нибудь археологической библиотеке материалы, содержащие планы жилищ II тыс. до н. э. на острове Сицилия. Вообразим также, что в библиотечном каталоге наиболее близкая к этой теме рубрика такова: «Эпоха бронзы. Острова западного Средиземноморья». Маловероятно, что все источники, собранные под этой рубрикой, содержат планы жилищ. И еще менее вероятно, что все описанные в них жилища — сицилийские и относятся ко времени между 2000 и 1000 гг. до н. э. Иными словами, просматривая эти источники, мы отметим, что ответ на наш специальный запрос содержится только в части из них. Остальные источники к делу не относятся либо потому, что в них идет речь о других памятниках, а не о жилищах, либо, если даже речь идет о жилищах, они принадлежат к другим историко-географическим рамкам. Эту «лишнюю» (нерелевантную) часть данных, получаемую в ответ на заданный вопрос, на жаргоне информатики иногда называют «шумом» информационной системы по несколько метафорической аналогии с этим понятием в математической теории информации.

Достаточно ясно, что этот шум нужен свету к минимуму. Одним из средств минимизации информационного шума является усовершенствование языка классификации или индексирования. Например, изучая сицилийские жилища, можно было бы, во-первых, *подразделить* географические названия так, чтобы выделить Сицилию среди островов западного Средиземноморья. Во-вторых, можно было бы *изменить* систему хронологической классификации: вместо широкой периодизации типа «эпоха бронзы» использовать более точные датировки — по тысячелетиям и столетиям. Наконец, можно *добавить* к категориям пространства и времени категорию вида памятников и сформулировать более подробные составные рубрики, например такую: «Эпоха бронзы. Острова западного Средиземноморья. Архитектура».

Предположим, что удалось составить достаточно подробную классификацию, включающую рубрику, точно соответствующую теме исследования, например «Сицилия. II тыс. до н. э. Жилища». Но и тогда трудно себе представить, что собранные под этой рубрикой источники дадут все сведения, относящиеся к данной теме. Ведь термины классификации обозначают только главное содержание каждой работы, а не все материалы, все эпохи, все места, о которых может идти речь в данной публикации в любой форме (сравнительные данные, происхождение или распространение изучаемых памятников и т. д.). Следовательно, под другими рубриками классификации (например, «Неолит. Придунайские области. Социальная структура») могут оказаться источники, часть которых не представляет прямого интереса для темы данного исследования, но в другой их части могут обнаружиться какие-нибудь материалы и наблюдения, тесно с ней связанные. Эту часть данных, относящихся к теме запроса, но не обозначенных в главной рубрике, по аналогии с шумом иногда называют информационными «потерями» данной системы. Одним из способов избавления от «потерь» в нашем примере является адаптация языка представления данных к разным уровням анализа, учитывая характер и цели источника, главные и второстепенные объекты, представленные в нем³⁵.

---

³⁵ Если «потери» образовались от того, что искомые данные не были обозначены и не вошли в классификацию, тогда к ней могут быть добавлены новые термины любой степени обобщенности (в том смысле, в каком острова Средиземноморья включают Сицилию, а архитектура — жилища).

Вероятно, в этом случае уже трудно было бы удовлетвориться классификацией источников по их главному содержанию. Попадобилось бы составить дополнительную тематическую картотеку для параллельного учета второстепенных данных. Иначе говоря, язык классификации должен развиваться в более богатый и гибкий язык индексирования, по без изменения его статуса и функции.

Пока неизвестно никаких других методов оценки качества документальных языков, кроме соотношения объемов «шума» и «потерь»³⁶. Оно может быть установлено только в процессе работы с данным сводом по данной теме и зависит от степени точности языка представления (кода, классификации, указателя и т. д.). Предполагается, что исследователю известен некоторый эталонный перечень данных, в сравнении с которым устанавливается недостаток или избыточность информации в данном своде или каталоге. Сугубо прагматический характер этой процедуры очевиден, но придумать какую-либо другую пока не удалось. Вот почему Компиляция является не более чем удобным средством соединения в одном источнике определенных материалов с достаточной точностью и в соответствии с требованиями и привычками каждого составителя. Однако ни удобство, ни точность языка, каким бы изощренным он ни был, не являются той теоретической базой, на которой можно было бы построить общую теорию составления сводов и каталогов³⁷.

Кроме того, относительность таких характеристик, как «удобство», «точность», сводит на нет идею некоего «иде-

---

³⁶ Все учебники информатики уделяют много места методам оценки эффективности информационных систем (см., например, Cros, Gardin, Levy, 1964, гл. V; Крос, Гарден, Леви, 1968; Vickery, 1973, гл. XI; Meadow, 1973, гл. VII). Правда, в этих учебниках есть явные расхождения в формулах, по которым можно наиболее точно вычислить меру эффективности информационной системы. Несмотря на эти разногласия, все авторы вполне единодушны в том, что эффективность информационной системы зависит от соотношения между «шумом» и «потерями» и от их количества. С этих же позиций мы будем оценивать и качество археологической Компиляции.

³⁷ Я не уверен, что и сам не уступил когда-то обратному, весьма лестному убеждению, когда речь шла об относительно удачных Компиляциях, которые стоили мне, как и другим, определенных усилий (см. Allard et al., 1963; Christophe, Dehayes, 1964; Digard et al., 1976). Вот почему мне показалось необходимым сделать теперь некоторые уточнения. Их цель состоит в том, чтобы предостеречь от подобных заблуждений в будущем (см. Gardin, dans Digard, vol. I, pp. 10—16; Gardin, 1977a).

ального» языка, пригодного для представления любой категории данных, т. е. идею такого языка, который для задач информационного поиска оказался бы предпочтительнее любого другого. Опровергнуть эту идею теперь очень легко. «Судьями» языка Компилляции являются те, кто ею пользуется. Их представления об «идеальном» языке Компилляции могут меняться в зависимости от целей поиска. Это может быть и «перетряхивание» обширных раскопочных архивов, и собирание объектов по музеям и частным коллекциям, и составление таксономических серий, независимых от мест происхождения или хранения предметов и т. д. Но как бы ни менялся язык описания, сами исследуемые материалы остаются во всех отношениях неизменными. Иными словами, вполне естественно, что один и тот же памятник может быть объектом различных описаний в Компилляциях, предназначенных для разных целей. Поэтому и оценка их имеет смысл только тогда, когда она соотнесена с конкретными, специальными условиями и задачами их использования.

Такая оценка какой-нибудь Компилляции возможна, по крайней мере дважды и с двумя разными целями. В момент первоначальной выработки языка представления Компилляция оценивается с точки зрения формы описания материалов и с учетом направления исследований, которым она должна служить. При последующем расширении объема или при пересмотре Компилляции ее оценка связана с включением новых материалов в свете новых знаний и опыта, приобретенных со времени ее последней публикации. В первом случае методы оценки содействуют рациональному построению языка представления. Во втором случае они способствуют его изменениям, если количественный и качественный прогресс знания в данной области требует модернизации или корректировки языка (рис. 8). Оба вида оценки Компилляции могут сочетаться. Оба они, строго говоря, являются оценкой функции «выживания» данной информационной системы³⁸. Без нее всякая Компилляция обречена на умирание и на потерю связи с изменчивым миром фактов и идей, питающих исследовательский поиск (рис. 12).

---

³⁸ Функция, широко признанная в информатике. При разработке информационных систем обычно рассматриваются одновременно методы построения и оценки средств представления данных, что отмечено в названии одной из недавних обобщающих работ на эту тему (Swanson, 1975).

Можно только удивляться тому, что оценка языка сводов, каталогов и иных публикаций занимает столь мало места в археологической литературе, тем более в такой важной ее части, как Компиляция, которая является областью эрудитов. Действительно, редко встречаются инвентари, своды и каталоги с серьезно продуманным семиологическим аппаратом, адекватным тем целям, которые стоят перед данной публикацией. Эта странная лакуна, по-видимому, объясняется несколькими причинами: например, еще свежи воспоминания о временах коллекционеров, когда «объединение материалов в единый свод» было важнее, чем рациональность их описания; широко распространено мнение о доступности такого способа представления, как изображения, вопреки всей его непоследовательности и абсурдности с точки зрения науки (см. гл. III, § 1); наконец, пока нет таких научных обществ, которые бы устанавливали определенные нормативы и стандарты описания, подобно тому как это делается в других областях знания (в физике, химии, технике и т. д.). Легко показать, что все эти причипы были обусловлены историческими условиями и самой логикой развития археологии. Однако в настоящее время можно надеяться, что это наследие вскоре уступит место рациональной позиции и различным формам организованности. Я уже много говорил о том, на чем основывается эта надежда, а также о характере тех изменений, которые, как мне кажется, должны произойти (Gardin, 1975). Остается убедиться, насколько эти изменения будут успешны в археологии. Этот вопрос вместе с другими будет поднят в заключительной главе.

Глава IV

АНАЛИЗ ЭКСПЛИКАЦИЙ

Настоящую главу мне бы хотелось начать с замечания, связанного с содержанием предшествующих строк. Существует обычный способ оценки качества археологической Компилляции. Это — привычная «игра в аналогии». Рассматривая определенный объект или памятник и некую Компилляцию (каталог, свод), содержащую такие же материалы, мы описываем наш объект в терминах того же языка, который использован для составления каталога и затем ищем «параллели», т. е. объекты, имеющие идентичное или близкое описание. Если таких параллелей окажется слишком много, т. е. какая-то их часть не будет соответствовать (не будет релевантной) данному объекту, это значит, что наше «аналитическое сито» оказалось слишком редким (или вопрос был сформулирован неточно). Если же, напротив, часть аналогий окажется пропущенной, значит аналитическое описание было слишком «тонким», т. е. недостаточно обобщенным (или же опять вопрос был сформулирован неточно). Все это можно проделать в обратном порядке. Исходя из описания в терминах данной Компилляции, археолог может составить группу воображаемых объектов, соответствующих этому описанию. В зависимости от того, окажется ли эта группа слишком разнородной или, наоборот, бедной (или то и другое одновременно), выявятся неточности языка, требующие исправления. Такие способы оценки Компилляций достаточно банальны, и нетрудно показать, что они действительно как в гуманитарных, так и в естественных науках (Gardin, 1969). Но из них, однако, следует необходимость некоего доверия к суждению специалиста (составителя или пользователя), который в конечном счете квалифицирует получаемые группы объектов как «нерелевантные», «неполные», «разнородные», «бедные»... Из этого явствует, что оценка Компилляций на

деле связана с наукой о *классификации*, к принципам обоснования которой нам и следует теперь обратиться.

Это и будет отправным моментом нашего анализа экспликативных археологических построений, или сокращенно—Экспликаций. Определение им было дано выше (гл. II, § 4).

Как и многие другие авторы, отметим, что классификации предметов и памятников материальной культуры — это такие «экзерсисы», которым многие археологи предаются особенно охотно. Классификационные построения можно рассматривать как элементарную форму экспликативных построений, или Экспликаций. Однако по условиям построения и по своей организации они существенно отличаются от Компляций (гл. III, § 4).

1. ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСТРОЕНИЯ

«Если бы я мог сосредоточиться на одной проблеме и сделать ее целью сложных, изобилующих ловушками исследований по археологической теории, я выбрал бы проблему понимания и осуществления классификации (Chang, 1967, с. 4). Я вполне разделяю это мнение. Единственное, что бы я исключил из приведенной выше цитаты — это слова *focal point* (цель, точка прицеливания). Они могут ввести в заблуждение. Классификация не является целью теоретического исследования в археологии, во всяком случае в том ее понимании, которое было сформулировано выше (гл. II, § 4). Классификация является лишь начальным этапом рассуждений, ведущих к иным целям. Правда, есть случаи, когда распределение объектов по классам становится завершением исследований, называемых типологическими, авторы которых неохотно соглашались с теми, кто не видит в таких исследованиях какого бы то ни было теоретического характера. Итак, первый вопрос, который нужно рассмотреть, следующий: в чем различие между группировкой материалов в Компляции и типологией этих же материалов в экспликативном построении?»

Ответ на этот вопрос, естественно, зависит от того смысла, который вкладывается в термин «типология». Разнообразии построений, имеющих такое название, и изобилие работ, посвящаемых последние лет тридцать «типологической концепции», столь велико, что попытка дать общее определение типологии представляется почти безнадежной

задачей. Поэтому я не буду связывать себя многочисленными вариациями на тему о типологии. Определение, которое я хочу дать ниже, не стремится вобрать в себя нечто самое лучшее или самое общее из предшествующих определений типологии. Оно лишь выделяет характерные черты, на которые необходимо опереться, чтобы ответить на поставленный выше вопрос. Для начала я буду называть типологией *любое упорядочение множества объектов, которое позволяет автору делать заключения относительно фактов, не содержащихся в первичном представлении этих объектов*. Чтобы пояснить это несколько отвлеченное определение, приведем три простых примера.

Пример 1. Допустим, что перед нами коллекция черепков, найденных в ходе стратифицированных раскопок. В момент первичной инвентаризации они могут классифицироваться на основе исключительно внутренних, т. е. присущих им самим особенностей, таких, как материал, техника, форма, декор и т. д. Предположим, что между некоторыми из этих классов и стратиграфией находок наблюдаются определенные соответствия. Естественное побуждение археолога — установить, исходя из этих соответствий, хронологическую последовательность классов, которая в первичном описании отчетливо не была выражена.

Хронологическая последовательность может стать также результатом сравнения серий (сериации). В таком анализе никакие внешние данные, например стратиграфия находок, не участвуют. Но в конечном счете и здесь археолог должен придать установленной на любой основе сериации еще хронологическое значение.

В обоих случаях конечный порядок построения является для нас «типологическим», поскольку он отражает историческое значение полученных классов, неизвестное на стадии первичного описания (или Компилляции).

Пример 2. Представим себе свод скульптуры, рассеянной по разным музеям, точное происхождение которой неизвестно. Это обстоятельство не мешает построить первичную классификацию на основе аналогий или различий, наблюдаемых в характере самих предметов, без привлечения внешних данных. Полученная таким образом упорядоченность будет иметь характер компилятивного построения (Пк). Но предположим, что в другом своде обнаруживаются какие-то скульптуры, место происхождения которых или мастерская — известны. При этом они демонстрируют сходство в какой-то мере с тем или иным классом

первого Пк. Вероятно, археолог сможет дать сходству этих классов географическое, или, более обобщенно, пространственное объяснение, представляя их как «локальные варианты» в самом общем смысле этого понятия (страна, город, школа, мастерская, художник и т. д.). Таким образом, эти классы можно рассматривать как региональные или стилистические «типы».

Пример 3. Возьмем, наконец, каталог различных металлических орудий труда — пожи, серпы, топоры и т. п., собранных на разных поселениях. Предположим, что они сгруппированы по форме и функции на категории, такие, как, например, орудия с поперечным лезвием, двояковыпуклые лезвия, насадки для продольного наконечника и т. д. Такая группировка основана на одной лишь внутренней логике технического развития орудий труда. Причем законы этого развития предполагаются универсальными во времени и пространстве (Christophe, Deshayes, 1964). Изучение «контекстов», в которых были найдены все или часть этих орудий (например, кухни, мастерские, усадьбы и т. д.), может привести к гипотезам относительно их специальных функций в одном или нескольких определенных обществах. Следовательно, может появиться новая классификация с культурно-исторической точки зрения более богатая по содержанию. Эта вторая классификация, согласно данному выше предварительному определению, уже может считаться типологией.

Последний пример показывает, что понятие «типа» используется на разных уровнях. Оно включает в себя не только однородные серии объектов, составленные на основе их особенностей, но также и определение общих классов — например, «наборы объектов», «культуры», «технокомплексы» и т. д. Упомянутые выше морфофункциональные серии орудий могут быть перегруппированы по разным критериям (гл. IV, § 3.2) и стать элементами этих классов.

Исходя из сказанного, можно было бы предложить более удобный, с нашей точки зрения, путь: ограничить употребление таких терминов, как «объекты» или «памятники», «черты» или «свойства» и т. д., и принять более общую терминологию, которая бы отражала только «сущностные группировки». Каждая такая группировка должна характеризоваться общими «элементами», согласно следующей схеме (обозначения группировок здесь имеют чисто иллюстративный характер):

Уровни интеграции	Элементы	Сущности	Группы
1	Признаки	Объекты	Типы
2	Типы	Наборы объектов	Культуры
3	Культуры	...	...

Между тем я предпочитаю придерживаться более емких терминов уровня 1, имея в виду, что дальнейшие рассуждения согласуются с любыми группировками на самых высоких уровнях интеграции.

1.1. ПРИЗНАКИ ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ

Примеры, приведенные выше, показывают важную особенность типологических построений: для классификации материалов используются признаки, или, точнее, — определения свойств, не отмеченные в первичном представлении этих материалов. В первом примере это были определения Времени, во втором — Места, в третьем — Функции. В первичном описании материалов (в Компилляции) они четко не обозначены или просто неизвестны, а появляются в результате рассуждений, связанных с этим описанием. В ходе такого рассуждения используются гипотезы или внешние данные. Например, *гипотезы* привлекаются при упорядочении серийных объектов. В этом случае предполагается, что последовательное упорядочение материалов на основании их подобия отражает их эволюцию во времени. *Внешние данные* привлекаются тогда, когда устанавливается связь между материалами данного свода и внешними по отношению к ним объектами или фактами, а из этой связи выводятся определения места или функции.

Схема на рис. 15 отражает переход непосредственно от признаков, представленных в Компилляциях (сокращенно — Пк — построения компилятивные), к обоснованным определениям в Экспликациях (сокращенно — Пэ — построения экспликативные).

Было бы просто и на первый взгляд правильно представить такую трансформацию, как переход от *внутренних*

свойств объектов (материал, форма, пиктографические знаки на вещах и т. п.) к *внешним* характеристикам (дата, происхождение, назначение и т. д.). И тогда стало бы возможно противопоставить категории, которые предполагаются по своей сущности внутренними (технология, морфология, любые знаки на вещах: надписи, орнаменты и т. д.), категориям внешним (Время, Место, Функция — утилитарная, социальная, символическая и т. д.). Однако такой подход не столь прост, как это кажется. Во-первых, нередко внутренние особенности очень четко указывают на функцию, место и время. Прежде всего это касается надписей на известных языках. Такие надписи могут свидетельствовать о дате объекта. Например, стела, установленная над захоронением, может иметь надпись с указанием даты или эпохи. Они также могут указывать на место изготовления, например, монеты с указанием места чеканки. Наконец, в них может содержаться прямое или косвенное указание функции памятника, например изображения с поясняющей их легендой. Правда, в последнем случае еще можно противопоставить внутренние особенности надписи, скажем, признаки палеографические внешним, т. е. извлекаемым из самого прочтения. Именно это противопоставление отражено схемой на рис. 15. Оно действительно сводится только к процедуре прочтения надписи. И конечно, было бы более «естественным»³⁹ включить эти внешние данные, полученные из прочтения, в число внутренних особенностей объекта. Иным словами, каталог стел, организованный в хронологическом порядке на основании дат, имеющихся в надписях на них, с нашей точки зрения, не

---

³⁹ Я прекрасно понимаю всю относительность этой «естественности». Достаточно только отметить, что прочтение было трудным, гипотетическим, спорным, и сразу соответствующая атрибуция уже не кажется «естественно» вытекающей из надписи. Ее можно считать результатом экспликативного построения P_3 , т. е. результатом перехода от внутренних признаков — палеографических, иконографических — к внешним данным о месте, значении, времени и т. д. Вместе с тем нетрудно убедиться, что этот пример лишний раз показывает, как по-разному понимаются используемые в научных построениях отличительные особенности (признаки) в зависимости от того, отражают ли они только гипотетические представления или, напротив, уже установленные факты (см. гл. II, § 5). Таким образом, нет ничего шокирующего в том, чтобы считать «прочтение» надписей, изображений и, шире, памятника в целом то внутренней его характеристикой, если она не вызывает сомнений, то внешней, если существуют другие, противоположные прочтения.

является типологией, точно так же, как и каталог монет, классифицированных по указанному на них месту чеканки, или каталог картин, составленный по названиям, данным художниками.

Во-вторых, наоборот, бывает, что внутренние признаки в изложенном выше смысле, обнаруживаются не сразу, и для их определения нужны некоторые рассуждения. Обычно это происходит при изучении фрагментарных объектов или памятников. В этом случае их форма, полный текст надписей на них или любое другое такое же «внутреннее» свойство восстанавливаются при помощи сравнения с материалами лучшей сохранности. Формально подобные реконструкции, несомненно, являются типологическими действиями, поскольку речь идет о том, чтобы соотнести объекты с классами. Причем эти классы не имеют четкого выражения в описании данных объектов. Но определяются классы внутренними свойствами объектов (форма, знаки и т. д.), а не внешними, как это предполагалось выше. Следовательно, переход от Компляции (Пк) к типологиям (Пэ) не сводится к вытеснению внутренних признаков внешними определениями. Напротив, этот переход может осуществляться между свойствами любой из двух данных категорий, расположенных на обоих концах цепи (рис. 15). Так называемые внутренние характеристики, используемые, как правило, в Пк, могут также применяться в типологиях (Пэ). И обратно — так называемые внешние данные, образуемые обычно в результате Пэ, часто присутствуют уже в Пк. Таким образом, типологическое построение определяется, главным образом обогащением или замещением категорий признаков первичного представления материалов категориями признаков, полученными в результате определенного рассуждения. Типология оперирует данными или гипотезами, не включенными в первичное описание. Однако при этом первичные и конечные классы не обязательно должны различаться по характеру.

Рассмотрим ближе различные случаи, представленные в схеме на рис. 15.

Для удобства введем следующие обозначения.

Рвт — ряды, построенные с учетом *только* внутренних особенностей (признаков), относящихся к одной из следующих категорий.

Ф — «физика» объектов, т. е. материалы, из которых они были созданы, признаки технологического характера, приемы орпаментации и т. д.

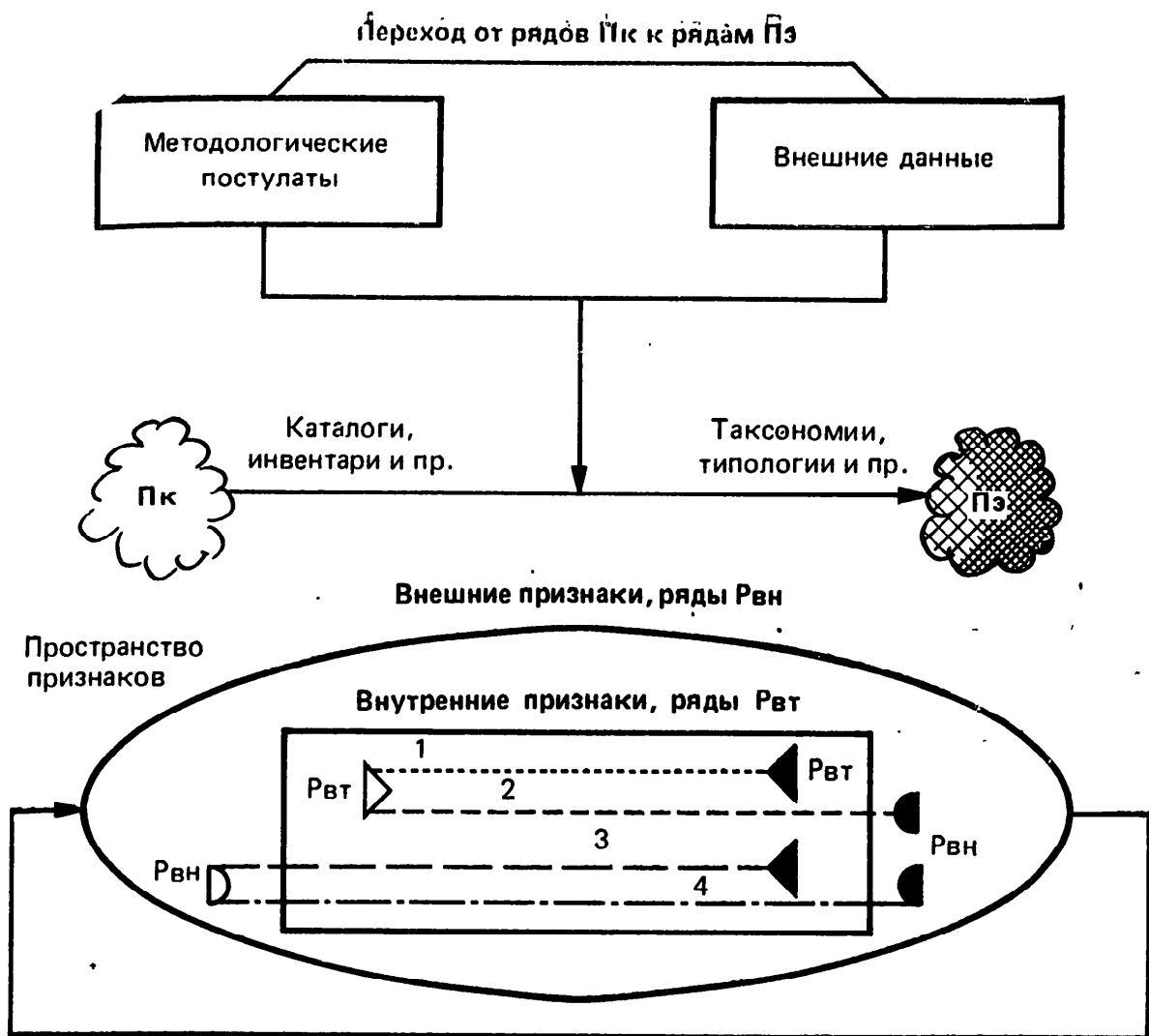

Рис. 15. Переход от рядов документальных, принятых в Компьютерных (П_к), к рядам интерпретационным, предлагаемым в Экспликациях (П₃). Такое преобразование часто приводит к новым определениям внешних характеристик (происхождение, дата, функция), исходя из внутренних признаков, учтенных в П_к (линия 2), и из внешних признаков (линия 4). Однако при этом же преобразовании возможны и новые определения классификаций в П_к в терминах выявленных заново внутренних свойств (или их новых групп, линия 1) или внешних (линия 3). Обратная стрелка в нижней части схемы показывает относительность противопоставлений между рядами П_к и П₃, см. рис. 17.

Γ — «геометрия» объектов, т. е. их форма, особенности, используемые для определения размеров, профилей, разрезов, объемов и др.

S — «семиотика» — любые фигурные знаки на объектах: орнаменты, подписи, сцены, символы, надписи и т. д.

R_{vn} — ряды, построенные с учетом не только внутренних, но также и внешних особенностей (признаков), относящихся к одной из следующих категорий.

Вр — Время, т. е. разного рода признаки, указывающие на какой-нибудь период истории археологического объекта: возникновение, изменение, исчезновение, новое применение и т. д.

М — Место, понимаемое в широком смысле, не только как пространственная или географическая привязка, но и как связь со средой культурно-исторической (мастерские, школы, общества, культуры).

Фк — Функция, понимаемая тоже в широком смысле, на разных уровнях: физическая или материальная (например, назначение орудий труда); социологическая (например, связь помещения или объекта с различными видами общественной активности — с политикой, религией и т. д.); экологическая (например, приспособление поселения к сложным природным условиям); символическая (например, значение изобразительных памятников) и т. д.⁴⁰

Путь 1. Переход от одного Рвт к другому Рвт

Пусть имеется некоторый каталог керамики, составленный по ее физическим свойствам (например, керамика толсто/тонкостенная, глазурованная/неглазурованная и т. д.) и по геометрическим формам (например, сосуды открытые/закрытые, большие/малые и т. д.). Представим себе, что какой-нибудь археолог задумает составить новую классификацию той же керамики на основе тех же свойств Ф и Г, но при этом применит методы количественного анализа, с его точки зрения, более результативные, чем методы предшествующей классификации, основанные на интуиции исследователя. Такое преобразование можно представить схемой $Rvt_1 \rightarrow Rvt_2$, где Rvt_1 — первичная классификация, а Rvt_2 — конечная типология. Как первая, так и вто-

⁴⁰ Оправдание такого расширительного понимания функции объекта см. ниже (гл. IV, § 3.3). Вообще говоря, наши триады {Ф, Г, С} и {Вр, М, Фк} в данном случае имеют одну цель: проиллюстрировать смысл, вкладываемый в понятия «внутренние признаки» и «внешние признаки». Для этого можно было бы использовать любое другое сочетание категорий признаков при условии сохранения сути различия между ними. Например, не упомянутая здесь категория признаков, использованная в первой главе, категория О — человеческие общества, — может быть, в частности, выражена через комбинации значений Вр и М (по этому поводу см. гл. IV, начало § 3). Поскольку категориям Вр и М придается столь широкий смысл, их сочетаниями могут быть выражены и некоторые стилистические определения. Относительно критериев, позволяющих различать стилистические и функциональные (в смысле упомянутой выше категории Фк) признаки см. Dunnell, 1978.

рая части исследования оперируют исключительно терминами, описывающими внутренние свойства, без ссылок на внешние признаки типа «Время» (Вр), «Место» (М); «Функция» (Фк).

Можно ли в таком случае считать ряд Рвт_j типологией? Если вспомнить предложенное ранее определение, ответ скорее будет негативным. Здесь археолог только заменяет одну классификацию другой, не извлекая ни из первой, ни из второй классификации никаких историко-культурных выводов. Таким образом, он по-прежнему остается в пределах построения Пк, не достигнув стадии Экспликации (Пэ), частью которой, с нашей точки зрения, является типология. Но, если воспользоваться схемой на рис. 15, ответ будет скорее положительным. В самом деле, вторая классификация основана на некоторой гипотезе, независимо от того, сформулирована она или не сформулирована. Согласно этой гипотезе, всякая классификация, построенная при помощи математического метода, априори «лучше» классификации, основанной на интуиции исследователя. Если бы не это обстоятельство, составление новой классификации не имело бы в данном случае никакого смысла. Но, с другой стороны, если бы речь шла только о составлении новой Компляции, не было бы необходимости в «более совершенных» математических методах. Как мы уже видели, распределение материалов в Пк играет относительно второстепенную роль, зависит от практических соображений и не связано с экспликативными типологическими целями, что позволяет вообще обойтись без *всякой* классификации (гл. III, § 4). Следовательно, если уж допустить, что ряд Рвт_j чем-то «лучше» ряда Рвт_i, то только за счет экспликативных качеств. Сделаем это хотя бы потенциально, в надежде, что практический опыт подтвердит такое предположение.

Какую же из этих двух непримиримых точек зрения выбрать? С одной стороны, логично допустить, что класс, построенный по определенному, известному принципу, по существу, более «реален», чем класс, основанный на личных впечатлениях составителя свода. С другой стороны, *столь* же логично предположить, что, если этот, говоря языком математиков, «реальный» класс не дает возможности сделать исторические выводы относительно Вр, М и Фк, его формальные достоинства много теряют. Данная альтернатива поставила в тупик не одного теоретика. Например, Чжан Гуанчжи категорически отказался называть

«типами» классы, определенные без специфических интерпретативных целей. Но при этом он тут же ввел различия между двумя категориями типов, только одна из которых удовлетворяет данному условию. Он назвал эти две категории «относительные типы» и «объективные типы». «Относительные типы» обусловлены различными моделями поведения, характерными для данной социальной или культурной системы. «Объективные типы», по Чжан Гуанчжи, определяются на основе «межкультурных и межсоциальных критериев... имеющих, насколько нам известно, универсальное действие и применимость» (Chang, 1968, с. 4). Археолог, изучающий памятники и историю какого-либо *отдельного* общества, должен, по мнению Чжан Гуанчжи, выявить главным образом «относительные типы». Что же касается «объективных типов», то здесь археологу придется довольствоваться надеждой на их «полезность для установления категорий, из которых должны быть выделены „относительные типы“» (там же). В сущности, это попытка придать „объективным типам“ те потенциальные экспликативные качества, о которых шла речь выше.

Мне представляется целесообразным действовать в данном случае следующим образом.

Прежде всего отделим группы (классы), наблюдаемые в Компляциях, от групп (классов), образуемых в классификациях. В первом случае это могут быть необязательные, возможно даже случайно сгруппированные классы, но вместе с тем полезные, поскольку их главная функция — облегчить доступ к нужной информации. Во втором — они образуются на основании теоретических гипотез, методологического, как в только что упомянутом примере, или исторического (см. ниже) характера. При этом не будем заранее считать их хорошо или плохо обоснованными⁴¹. Более того, следуя традиции, согласимся признать классификации такого рода типологиями или типологическими, независимо от способа их создания. Однако, чтобы не смешивать с не вполне ясным определением Чжан Гуанчжи («объективный»)⁴², назовем их «нейтральными» типоло-

---

⁴¹ Дело в том, что приведенная выше гипотеза относительно заведомого превосходства математических методов классификации мне не кажется обоснованной ни теоретически, ни практически (гл. IV, § 2.1). Но это личное мнение ничего не меняет в самом принципе изложенной аргументации.

⁴² Действительно, термин «объективный» можно понимать по крайней мере двояко, либо как отсутствие авторского «субъектив-

гиями, а составляющие их классы — «нейтральными типами». Последние порождаются в результате некоторого процесса упорядочивания, сопровождающего переход от Rvt_i к Rvt_j , и они нейтральны по отношению к признакам времени (Bp), места (M) и функции (Fk), которые, как об этом говорилось выше, в сущности, не учитываются в рядах, построенных на основе только внутренних особенностей (Rvt)⁴³.

Путь 2. Переход от ряда Rvt к ряду Rvn

Рассмотрим теперь случай новой организации того же самого каталога керамики, первоначально составленного на основании внутренних «физических» (F) и «геометрических» (G) признаков. Теперь будут использованы внешние признаки Bp , M и Fk , взятые в отдельности или в сочетании. Такое преобразование кажется более знакомым, чем предыдущее. Действительно, речь идет о том, чтобы выделить группы объектов, совпадающие во времени (тип Bp) или в пространстве (тип M), или чаще всего в том и в другом вместе (тип BpM). Или же допустим, что необходимо выделить группу объектов, близких по функции — физической, социальной, символической — (тип Fk) и относящихся к определенным пространственно-временным рамкам (тип $BpMFk$). В этом по преимуществу и состоит процесс создания типологии, осуществляемый индуктивным путем от частного к общему, от следствия к причине. Иными словами, в основе типологического построения лежит постулат о том, что внутренние свойства объектов своими изменениями отражают изменения обстоятельств, в которых изучаемые объекты создавались и

ного» предубеждения в описаниях и классах, либо как отражение в абстрактных понятиях определенных эмпирических фактов. «Объективные типы» Чжап Гуанчжи объективны только в первом смысле. Мне же более значительным представляется второй.

⁴³ Название «нейтральные типы» — не более чем уступка традиции. Я предпочел бы называть типами классы—носители информации плана Bp , M , Fk (см. далее п. 2, 3 и 4). Ряды Rvt , заведомо лишенные исторического, географического или функционального значения, можно было бы, например, назвать «таксономическими». Но традиционно эти ряды называются типами (см., например, Clarke, 1968, с. 187—229), а под «числовой таксономией» имеются в виду построения, основанные на математических методах, независимо от того, имеют они исторический смысл или нет. Кроме того, противопоставление между «таксономиями» и «типологиями» уже обсуждалось в другом смысле (Rouse, 1972, с. 52—53; см. также гл. IV, § 1.2 и рис. 18).

использовались (где, когда, что, почему и т. д.). Следовательно, изучая объекты, организованные соответствующим образом по их внутренним свойствам, археолог может что-то узнать об обстоятельствах, под влиянием которых изменились свойства объектов. Это может быть специфика эпохи, когда изготовлялись одни сосуды и не изготовлялись другие (типы Вр), особенности региона или мастерской, в которой создавались сходные по форме изделия (типы М), наконец, особые черты образа жизни, обусловленного бытом, политикой, религией, войнами и т. д., находящие свое выражение в относительном единстве некоторых памятников и объектов (жилища, изображения, орудия труда и т. п. — типы Фк).

В результате такого преобразования во всех случаях получается классификация типа Рвн, определяемая соотношением двух групп переменных: внешними и внутренними. Первые снабжают полученные классы своего рода этикетками (например, *неолитическая посуда... норманнская столовая посуда эпохи... погребальная керамика в ...* и т. д.). Вторые выражают различное содержание этих классов (рис. 16). Процедура построения подобных рядов в основном всегда одинакова: археолог устанавливает «параллели» между каким-нибудь объектом данного каталога и другим объектом, носителем сравнительной информации. Объект, выбранный из каталога, характеризуется только внутренними признаками Ф, Г, С. Для объекта, носителя сравнительной информации, археолог располагает также и определениями М, Вр и Фк. Этот диагностирующий объект обычно находится вне изучаемого каталога, но не обязательно. В каталоге типа Рвн, составленном на основе свойств Ф, Г, С, некоторые объекты вполне могут обладать надежными признаками Вр, М, Фк. В любом случае привлечение аналогий имеет целью распространить значения признаков М, Вр или Фк на объект, сравниваемый с другим объектом, для которого эти значения известны. Последовательно применяя этот же прием по возможности ко всем объектам данного корпуса или свода, мы в конечном итоге приходим к замещению ряда Рвт типологией Рвн, которая будет тем богаче по смыслу, чем больше в ней использовано значений признаков М, Вр или Фк.

Не будет преувеличением сказать, что вся археология вовлечена в эту «игру в аналогии». К цепочкам такого рода сводится большинство археологических экспликативных построений. Какими бы разнообразными ни казались фор-

Мы интерпретаций пространственно-временных (наборы объектов, стили, культуры, школы..., события, фазы, периоды и т. д.) и — еще больше — функциональных (способы изготовления, социальная организация, религиозные верования, смысл рисунков или неясных текстов и т. д.), за ними, без сомнения, скрываются логически однообразные способы рассуждений. То же самое можно сказать и о множестве признаков Ф, Г, С и их разновидностей, благодаря которым определяются изменения памятников по Вр, М или Фк. И здесь за обилием частных проявлений⁴⁴ стоит все то же преобразование

Рвт→Рвн.

Недавнее введение в археологию методов математики и информатики ничего в этом однообразии не изменило.

Путь 3. Переход от ряда Рвн к ряду Рвт

Предыдущая процедура может быть проделана в обратном порядке. Это возможно в том случае, если определение признаков М, Вр, Фк с самого начала известно настолько, что может служить основой для составления первичной Компляции (Пк). Обратимся опять в качестве примера к каталогу керамики. Представим себе, что составителю типологии, работающему с этим каталогом, известно не только пространственно-временное происхождение объектов, входящих в каталог (признаки П и Вр), но и образ жизни людей, создавших эти объекты и использовавших их в определенных условиях (признак Фк). В этом случае проблема будет состоять в том, чтобы среди внутренних свойств Ф, Г, С одних и тех же сосудов найти такие, классификация которых максимально приближалась бы к первичной группировке Рвн по классам М, Вр и Фк. Разработка типологии осуществляется здесь дедуктивным путем — от общего к частному, от причины к следствию: составитель типологии стремится выявить конкретные последствия или отражение уже установленного «родства» отдельных объектов данного комплекса. Результатом построения в данном случае станет ряд Рвт, описанный в терминах значений внутренних признаков. Эти термины

⁴⁴ ... и за множеством словесных формулировок, которыми тоже прикрывается однообразие мышления. По этому поводу см. очень справедливые критические замечания о тщетности моей собственной риторики в банальном построении Рвт→Рвн (Chevrièr, 1959).

выбираются на основе их связи с классами исходного ряда Рвн.

Смысл этого преобразования Рвн→Рвт состоит в том, что оно позволяет представить материалы на основе таких признаков, о которых можно сказать, что они по своей сути обладают надежным познавательным или «экспликативным» качеством. Действительно, эти признаки, взятые порознь или в сочетании, позволяют дифференцировать классы объектов, имеющие различное значение для того или иного определения по М, Вр или Фк. Наличие тех же признаков в новых объектах позволит, следовательно, предположить для них аналогичные определения. И если они подтвердятся фактами, то будет доказано диагностическое значение ряда Рвт. Одним из способов такой эмпирической проверки, необходимой для успешного типологического построения, может быть возврат к пути 2: внутренние признаки, определяющие классы Рвт, служат, как и раньше, для обоснования определений внешних признаков. На практике оба способа типологического построения дополняют друг друга или же более или менее систематично следуют друг за другом, согласно схеме обратной связи, с которой мы уже знакомы (гл. I, § 2, рис. 1). Однако вряд ли возможно (и, впрочем, бесполезно), чтобы эта схема с исторической точностью воспроизвела все колебания на пути, приводящем к конкретному ряду Рвт или Рвн в данном месте и в данный момент археологического исследования.

Путь 4. Переход от одного ряда Рвн к другому ряду Рвн

Такой же сложный или комбинированный характер следует признать и за этим случаем. Действительно, переход от одного ряда внешних признаков к другому имеет смысл только тогда, когда одновременно обращаются и к внутренним свойствам, чтобы выяснить, что меняется в процессе этого преобразования. Обратимся снова к нашему воображаемому каталогу глиняной посуды. Вообразим, что он был составлен сначала по типу Рвн на основе пространственно-временных определений («регион М₁, периоды В₁, В₂, ..., В_п; регион М₂, периоды В₁, В₂, ..., В_п и т. д.»). Представим себе также, что изучение этих классов обнаруживает различные приемы работы гончаров в разных планах: выбор и обработка глины, техника обжига, декорировка поверхности и т. д. Составитель типологии весьма закономерно почувствует искушение заменить первоначальный

пространственно-хронологический ряд рядом «функциональным» в том широком смысле, который мы вкладываем в этот термин. Тогда некоторые *внутренние* свойства (здесь это — Φ и C) будут соотнесены с распространением глиняных сосудов по месту (M) и времени (Bp), первоначальным или пересмотренным с целью извлечения более значительных исторических выводов. Производимое в этом случае преобразование можно выразить формулой $R_{вн_1} \rightarrow \rightarrow R_{вн_j}$. Но эта трансформация обретает смысл только при условии восстановления подтверждающего ее промежуточного перехода через ряд $R_{вт}$. Тогда экспликативное построение осуществляется по формуле

$$R_{вн_1} \rightarrow R_{вт} \rightarrow R_{вн_j}.$$

То же самое произошло бы и в обратном смысле, если бы речь шла, например, о замене функциональной типологии, безразличной к пространственно-временному распространению объектов, классификацией, построенной на региональных или хронологических вариациях. Или же, если бы серия, представляющая распределение объекта в пространстве, была заново пересмотрена с хронологической точки зрения и т. д. На таких примерах, а их в археологии очень много, нетрудно показать, что изменение системы рассмотрения внешних признаков сопровождается более или менее многочисленными изменениями и дополнениями, вносимыми в употребляемую систему представления ряда внутренних признаков. Вот почему стрелка, указывающая путь 4 в схеме на рис. 15, проходит через область внутренних признаков. И это является для нас лишним основанием считать подобный путь комбинацией двух предшествующих. Все это можно выразить следующей формулой: сначала $R_{вн_1} \rightarrow R_{вт_j}$ (путь 3), затем $R_{вт_j} \rightarrow R_{вн_j}$ (путь 2).

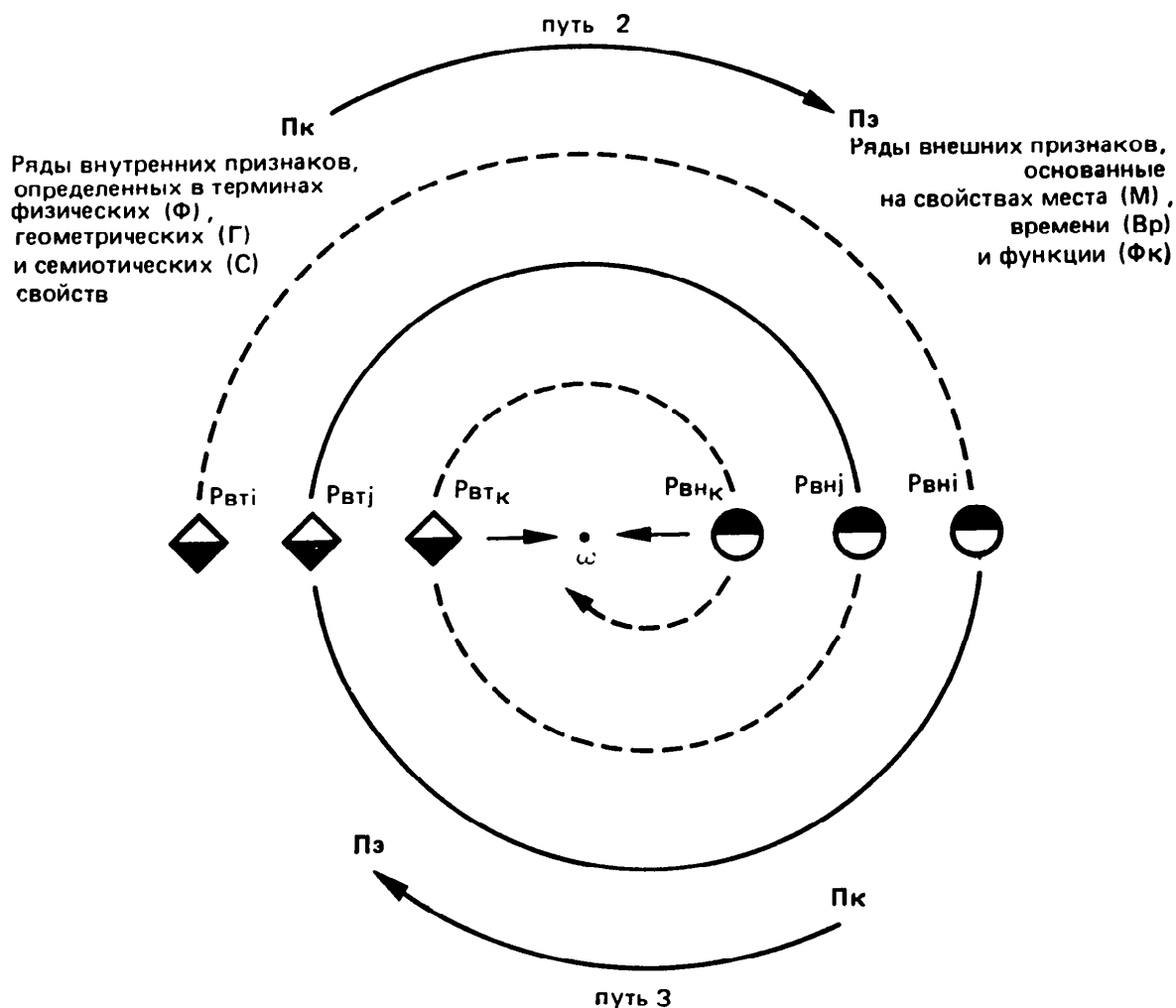
Рис. 17 показывает, что эта комбинация соответствует полному циклу $R_{вн_1} \rightarrow R_{вн_j}$: путь 4 предстает как некая квинтэссенция типологического построения, при котором постоянно возвращаются к внешним данным — носителям исторического смысла ($R_{вн_1}$), чтобы обогатить их или заменить другими ($R_{вн_j}$), имеющими в области внутренних данных ($R_{вт}$) более глубокое и широкое отражение.

1.2. ПРОМЕЖУТОЧНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ТИПОЛОГИЙ

Осмысляя таким образом приемы типологического построения, можно расширить его общее определение, предложенное выше (гл. IV, § 1). Как было уже сказано, цель типологии — это «заключения относительно фактов, не содержащихся в первичном представлении объектов». Рассмотренные только что преобразования позволяют теперь яснее понять механизм этих заключений. Он состоит в *установлении систематических соответствий между внутренними свойствами объектов и их внешними характеристиками* посредством постоянного возвратно-поступательного движения между ними (пути 2 и 3). Цель таких действий — получить максимальное число внешних характеристик М, В и Фк из минимального числа свойств Ф, Г и С (путь 4).

На первый взгляд данная новая формулировка может вызвать некоторую неясность по двум противоположным причинам. С одной стороны, можно подумать, что она приложима к большей части каталогов и инвентарей, охарактеризованных ранее как Компляции (Пк). С другой, может показаться, что такая формулировка подходит для всех экспликативных построений (Пэ), и специфика типологических конструкций среди них теряется. Я отвечу на оба эти возражения последовательно.

А. Известно, что большая часть каталогов и сводов существует в виде классификаций, основанных на сочетаниях внешних и внутренних особенностей. Опять приведем три примера: а) каталог монет, сгруппированных по периодам, династиям и т. д., причем монеты определены не по надписям (внутренние эпиграфические данные типа С), а по существующим нумизматическим исследованиям (сравнительные внешние данные Вр); б) инвентарь археологических материалов, сгруппированных по поселениям и слоям (внешние характеристики М), иллюстрируемый таблицами находок по слоям и сопровождаемый (или не сопровождаемый) их краткими описаниями; в) музейная классификация нескольких тысяч орудий труда, разделенных на группы в соответствии с их назначением (сельское хозяйство, лесоразработки, обработка меди, транспорт и т. п., внешние характеристики типа Фк), не принимая во внимание различий в происхождении (пространство, время, культуры). Не следует ли считать эти Компляции типологиями в смысле нашего определения, особенно если

Рис. 17. Взаимодействия между рядами внутренних признаков (Рвт, ромбы, составленные из черных и белых треугольников) и рядами внешних признаков (Рвн, кружки из черных и белых половинок) в типологических построениях. Операции, обозначенные стрелками 2 и 3, приводят к тому, что документальные ряды, представленные в Компляциях (Π_k) (белые части ромбов и кружков), заменяются или дополняются новыми рядами, представленными в Экспликациях (Π_ω), как в более богатых по смыслу построениях, в терминах внешних или внутренних свойств. Спираль обозначает постепенную сходимость всего процесса к воображаемой точке ω , где дихотомия между Рвт и Рвн, Π_k и Π_ω постепенно исчезает.

дополнить каждый выделенный класс общими описаниями в терминах внутренних свойств: материал, иконография, форма и т. д.? Я сказал бы, что все зависит от того, как делается это описание. Если в примере «а» описание каждой группы V_i сводится, как это часто бывает, к непосредственному прочтению или интерпретации эпиграфических или иконографических элементов на каждой монете, никто не решится считать эту группу типом. Можно было бы сде-

лать иначе, подразделив произвольно данную группу на некоторое число серий, каждая из которых характеризуется той или иной комбинацией внутренних свойств. Действительно, в таком случае нередко говорят о «типах» в широком смысле. И это не так уж несовместимо с нашим определением, несмотря на то что внешние характеристики не очень точны и плохо отличают серии одну от другой.

То же самое и в случае «б». Никто не станет априори отстаивать статус типологии для группировок, подобранных по значениям M_1 . Но может оказаться, что выбор этих значений в своде или инвентарной описи позволяет отличать каждую группировку от данной историко-культурной территории или от данной «культуры» по ее собственной внутренней характеристике. Если это так и если эта дифференцирующая характеристика отчетливо выражена в своде или описи (при этом одних только графических представлений для исследовательских целей явно недостаточно), ничто не помешает и на этот раз увидеть в данном своде познавательные достоинства типологии, по крайней мере в том широком смысле, который был вложен в ее определение (гл. IV, § 1, пример 3). Это определение предполагает, что типологические классы могут быть организованы на различных уровнях интеграции, но так, чтобы соотношение между группировкой и ее компонентами было таким же, что и соотношение между типом и признаками, которые его определяют.

Наконец, в примере «в» межкультурный характер рассматриваемых функциональных классов Φ_k не позволяет смешивать эти классы с отдельными различительными типами — региональными, временными или этническими. Однако функциональные различия, как и определения места и времени, выявляются тоже не просто. И было бы абсурдным отрицать в них такое же познавательное значение, что и в историко-культурных типах (в смысле типологическом), хотя бы с такой точки зрения, как, например, развитие техники на протяжении всей человеческой истории, начиная с момента появления человеческого общества.

Более того, достаточно обнаружить внутри функциональных групп неравномерность распространения в пространстве и времени каких-то серий объектов, чтобы возникла потребность продолжить классификацию и дойти до стадии типологии в собственном смысле слова, как ее понимают этнологи и археологи.

Таким образом, граница между классификациями, применяемыми в Компляциях, и классификациями, претендующими на звание Типологий, не всегда бывает четкой. Приведенные выше примеры позволяют заметить, что это различие, несомненно, зависит от того, насколько строго относится каждый исследователь к употреблению слова «систематический» в предложенном определении. Недостаточно только распределить материалы по группам М, Вр или Фк и описать суммарно каждую из них в терминах Ф, Г и С, чтобы подойти к типологическому ряду. Соотношение между теми и другими должно быть установлено настолько, чтобы можно было перейти от изучения свойств Ф, Г и С к предсказанию признаков М, Вр и Фк или, наоборот, от изучения признаков М, Вр и Фк к предсказанию соответствующих свойств Ф, Г, С. Вряд ли можно спорить с тем, что описания и классификации в Компляциях редко приводят к такому результату.

Б. Другой вопрос касается места, занимаемого типологиями среди экспликативных построений в археологии вообще. Действительно, может показаться, что экспликативные построения всегда возникают на последнем этапе анализа в результате «установления систематического соответствия между внутренними свойствами и внешними характеристиками», о котором шла речь выше как о механизме построения типологий. Чтобы удостовериться в этом, достаточно снова вспомнить общее строение Экспликаций, как это было изложено в гл. II, § 4. Они состоят из высказываний, относящихся к событиям или образу жизни людей в древности, сделанных на «основе свойств, присущих данной совокупности археологических материалов». Таким образом, устанавливается соответствие между этими внутренними свойствами, с одной стороны, и выводами, извлекаемыми из них, — с другой. Данные выводы относятся к событиям и образу жизни древних людей, и логически они (выводы) занимают такое же место в экспликациях, какое определения внешних характеристик занимают в типологии. Можно привести тысячи примеров: а) реконструкция путей обмена средиземноморских и ближневосточных районов в неолитическую эпоху в результате спектрального анализа предметов, найденных во время раскопок на территории от Сардинии до Ирана (Dixon, Cann, Renfrew, 1968); б) объяснение изменений декора глиняной посуды, изготовленной в XVIII веке индейцами Арикара (долина Миссури) эволюцией технических приемов,

связанной с постепенным смешением этого народа с индейцами Дакоты и европейскими иммигрантами (Deetz, 1965); в) гипотетическая реконструкция многолетних циклов сельскохозяйственных работ в Центральной Европе в эпоху неолита на основе изучения морфологии поселений и занятий их жителей, последовательно сменявшихся во времени (Soudsky, 1966) и т. д. Во всех подобных случаях логическая процедура исследования одна и та же. Начальный момент — это сбор исходных археологических данных (свойства Ф, С или Г соответственно последовательности приведенных примеров). Далее, эти данные сопоставляются с пространственно-временными определениями (имеющимися или полученными в зависимости от рассматриваемого примера). Из такого сопоставления затем извлекаются заключительные высказывания⁴⁵ относительно различий в образе жизни и социальных институтов отдельных народов в изучаемых историко-географических рамках (выводы типа Фк, согласно принятому в этой книге широкому значению слова «функция»: экономическая деятельность в примере «а», социальная структура в примере «б», особенности земледелия в «в» и т. д.). Если признать, что подобные примеры представляют собой те построения, которые являются целью экспликативной археологии, то становится очевидным, что типология — одна из их разновидностей в смысле того определения, которое было ей дано в этой книге. Вместе с тем можно указать сразу две отличительные особенности типологий. Во-первых, типология всегда имеет дело с множеством объектов, как этого и требует определение (гл. IV, § 1). Правда, существует большое число экспликативных построений, в которых исходным является только один объект. Пример тому — монографии в буквальном смысле слова. Их авторы стремятся выявить значение одного памятника (неизданного, непонятого, неаттрибутированного и т. д.), не привязывая его, как кажется, к определенному типу. Однако внимательное рассмотрение этих монографий показывает, что данная их отличительная особенность на деле оказывается мнимой.

---

⁴⁵ Под «заключительными высказываниями» следует понимать *заклучения* экспликативных построений. Правда, кое-кто предпочел бы считать их гипотезами, являющимися целью такого построения по гипотетико-дедуктивной модели. Это — вопрос методики, и к нему мы вернемся (гл. VII, § 1.1). Пока такой подход не вызывает возражений.

Соответствия в других системах		РАУЗ 1960	ШВАРЦ 1967	ЧЖАН ГУАНЧЖИ 1968	ФРИЦ И ПЛОГ 1970
Виды классов					
КОМПЛИКАЦИИ	Документальные классы: классификации (гл. III, § 4)	ТАКСОНОМИЯ	АНАЛИЗ		Классификации на формальной или контекстуальной основе
	Нейтральные типы: таксономии (гл. IV, § 1.1, путь 1)				
ЭКСПЛИКАЦИИ	Пространственно-времен ные типы: типологии в узком смысле (гл. IV, § 1.2)	Исторические типы	Аналитические типы	Относитель- ные типы	
	Функциональные типы: интерпретационные построения (гл. IV, § 3)	АНАЛИЗ	ИНТЕРПРЕТАЦИЯ		

Рис. 18. Разные виды археологических классификаций, выделенные в гл. IV, §1, и их эквиваленты в некоторых предыдущих систематизациях. Жирными линиями в каждой колонке указано место основной дихотомии, понимаемой в абсолютном смысле даже тогда, когда в соответствии с предшествующей схемой (рис. 17) ей нужно было бы придать смысл относительный.

Фактически же в большинстве таких работ изучаемый единственный объект сравнивается с другими. Нетрудно убедиться, что подобные сравнения логически тождественны построению серий для обоснования тех или иных определений или для заключительной интерпретации на том или ином этапе и в той или иной их части (Gardin, Lagrange, 1975). Включение объекта в многочисленные серии для сравнительного анализа всякий раз играет ту же роль, что и возможная привязка его к определенному типу в общем процессе экспликации. Следовательно, выдвинутое выше сомнение больше не должно нас смущать.

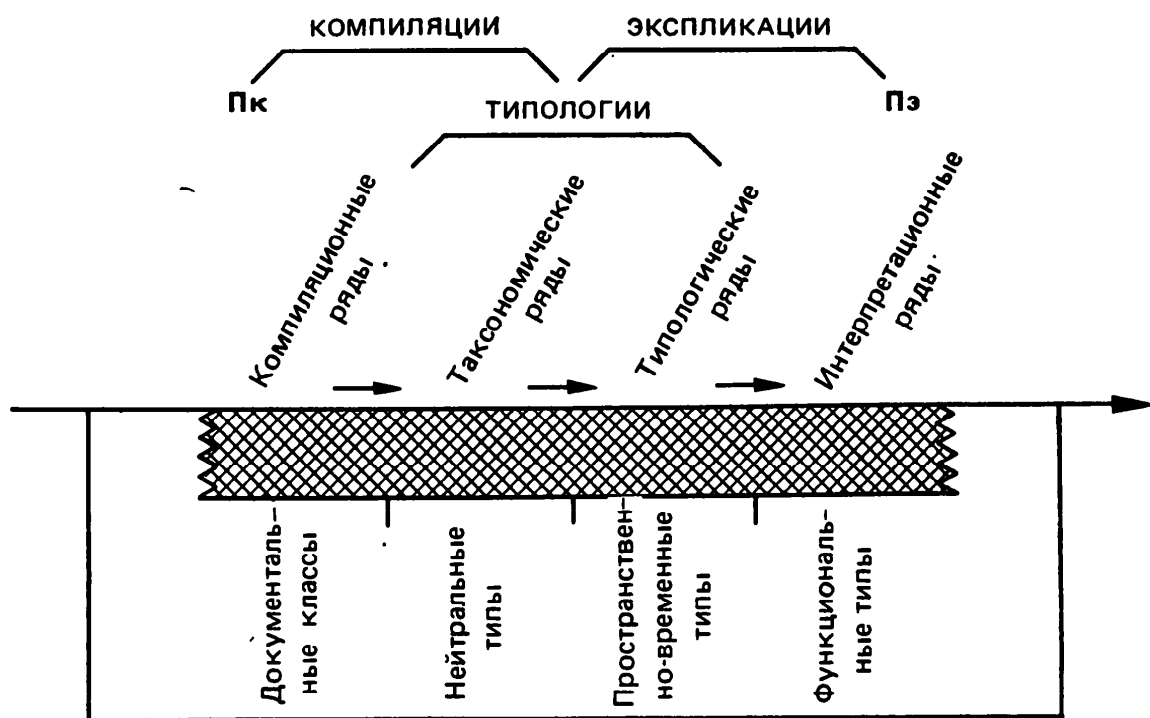
Существует, однако, еще одна отличительная особенность типологий, труднее поддающаяся анализу. Типологические построения часто ограничиваются интерпретациями М и Вр, т. е. пространственно-временными определениями. Между тем экспликативные построения стремятся

пройти этот уровень и подойти к более широким историко-культурным интерпретациям Фк. Точнее скажем так: по существующей традиции название «типологический» сохраняется за построениями, главная отчетливо выраженная цель которых — определения МВр. Тогда построения более широкого значения, в которых определения МВр являются только отправным моментом или этапом на пути к развернутым экспликациям типа Фк, выделяются в особый случай. Суть таких построений, безусловно, тоже типологическая в соответствии со смыслом, вложенным в это понятие выше, но выражена эта суть в общей схеме менее отчетливо.

Такое понимание места типологий в системе археологических экспликативных построений известным образом совпадает со взглядами на этот вопрос других теоретиков. В качестве примера сошлюсь на работы Дж. Фритца и Ф. Плога, которые подчеркивают возможность подобного совпадения классификаций и экспликаций на определенном концептуальном уровне и поэтому предлагают различать два вида классификаций: 1) классификации, основанные исключительно на фактах эмпирических, «формальных и контекстуальных»; они соответствуют нашим типологиям МВр; 2) классификации по функции объектов («характер использования в прошлом такого-то объекта или такого-то его свойства... способ изготовления и употребления» (Fritz, Plog, 1970, с. 407)); эти классификации соответствуют нашим типологиям Фк, в них обнаруживаются черты экспликативного построения.

Несколькими годами ранее Б. Шварц противопоставлял таким же образом аналитические типы пространственно-временного характера функциональным типам, выделяемым на основе предполагаемого одинакового употребления (Swartz, 1967, с. 490, 493). В работе Ирвина Рауза можно также найти очень тонкие сопоставления «исторических типов», сформированных с целью установления пространственно-временных различий и культурных типов, основанных на «обычаях», т. е. на «всех нормах жизни, понятиях и обычаях, которым подчинена деятельность ремесленников данного общества» (Rouse, 1960, с. 313, 318).

В. Схема на рис. 18 указывает на соответствия между различными подходами к характеристике основных сегментов, из которых состоит всякая археологическая классификация и их последовательности. Различия в терминологии не мешают согласовать подходы разных авторов по

Рис. 19. Промежуточное положение типологий между классификациями источниковедческими, принятыми в Компиляциях (P_k), и классификациями исследовательскими (интерпретационными), предлагаемыми в Экспликациях (P_z). Стрелка обратной связи в нижней части схемы, однако, напоминает об относительном характере различий между ними, поскольку интерпретационные ряды сегодняшних P_z могут стать основой источниковедческих рядов завтрашних P_k . При таком подходе невозможно четкое определение начала и конца *типологии* в широком смысле на континууме исследовательских действий от P_k к P_z . Верхняя часть схемы демонстрирует умышленную нерешительность в определении места, которое мы условились отвести типологическим рядам в узком смысле в процессе перехода от P_k к P_z .

существо. Моя схематизация не претендует на оригинальность. Главное ее достоинство, на мой взгляд, не в том, что в основу положены резко различающиеся определения типов. На практике содержание таких определений раскрыть трудно. Различия между этими определениями типов проявляются скорее в акцентах, по мере перехода от одного сегмента к другому (рис. 19).

Вспомним к тому же, что эти различия со временем могут меняться в зависимости от того, насколько данная типология или интерпретация могут предопределить порядок и суть последующих компиляций (рис. 17). Поэтому уместно придерживаться откровенно относительной позиции, для которой понимание общего развития построений важнее, чем однозначное отнесение каждого из них к определенному виду. Последние замечания позволяют дать

окончательное, несколько более узкое по смыслу определение типологий. Оно точнее, чем оба предшествующих, выражает промежуточное положение типологических построений между чисто практическими классификациями (Пк) и группировками более широкого смысла (Пэ). *Типология — это любая организация какого-нибудь комплекса археологических материалов, основанная на систематическом сопоставлении их внутренних и внешних признаков, из которой исследователь получает информацию о положении этих материалов в пространстве и во времени в широком смысле этих слов.* Именно так следует понимать «промежуточный» характер типологии, отмеченный в названии данного параграфа и представленный графически на рис. 19.

2. ЛОГИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ПОСТРОЕНИЙ

Остается рассмотреть способ построения определенных таким образом типологий. Опираясь терминами логистического анализа (гл. I, § 3.5), проблеме можно сформулировать следующим образом: какова последовательность точно определенных операций, с помощью которых происходит переход от первичного понимания какого-нибудь комплекса объектов к их типологии? Начну с явного отличия типологических операций от тех, с помощью которых создаются Компляции (см. схему на рис. 8). Тогда задача состояла в том, чтобы привести в действие систему представления данных, сопровождаемую или не сопровождаемую классификацией материалов. И система представления, и классификация предназначались для облегчения источниковедческого поиска изучаемых объектов. Теперь речь идет о том, как, *употребляя по-разному оба эти средства* (систему представления данных и классификацию), добиться такой организации материала, которая позволила бы получить информацию относительно распространения данных объектов и их датировки в соответствии с нашим определением. Это изменение задачи не замедлит сказаться на каждом из трех этапов исследования, рассмотренных в гл. III: отбор материалов (§ 2), определение языка представления исходных данных (§ 3), выбор принципа классификации (§ 4), который можно было бы считать самым результативным. Именно на этом мы сосредоточим свое внимание на последующих страницах.

К тому, что было сказано в гл. III, § 2, относительно отбора материалов для свода или каталога, остается с соответствующими изменениями добавить немного. Необходимо обосновать принципы выбора одних объектов или памятников в данном построении и исключения других. К сожалению, обычно этому не придается большого значения, как будто составление свода происходит само собой или диктуется обстоятельствами, над которыми археолог абсолютно не властен. Нам тоже придется временно принять эту ситуацию и сделать вид, что мы рассматриваем свод как своего рода «естественную» совокупность наблюдений, не являющуюся результатом специальной, точно определенной процедуры выбора. Но этот вопрос будет поставлен заново в более общем плане ниже (гл. V, § 1.2).

Еще теснее связан с целью конкретного исследования выбор языка представления данных. Как и при составлении Компилаций, успех или неудача исследования во многом зависит от выбора языка, поскольку может считаться хорошим, «разумным» (в этимологическом смысле этого слова) любой отбор признаков, если только он позволяет определить типы, хорошо оконтуренные на данной территории и для данной эпохи. Таким образом, описание и классификацию следует рассматривать как две стороны единого типологического процесса, определяющие одна другую в зависимости от смысла их отношений. Во всяком случае, именно к этому выводу приводит меня изучение основных методов типологизации, представленных в археологической литературе. Они объединяют в себе аналитический способ описания и синтезирующий характер классификаций. В зависимости от степени свободы, которой располагает составитель типологии (или на которую он вынужден согласиться), можно выделить три вида типологических построений:

- свободные построения (§ 2.1)
- управляемые построения (§ 2.2)
- предопределенные построения (§ 2.3)

2.1. СВОБОДНЫЕ ПОСТРОЕНИЯ: ТАКСОНОМИЧЕСКИЕ РЯДЫ

«Свободными» будем называть такие построения, в которых выбор признаков и классификация объектов не обусловлены (во всяком случае, явно) никаким предвари-

тельным знанием об их распространении и датировке. Свод в данном случае можно рассматривать как совокупность объектов, ни один из которых не обладает признаками M и Vr , так же как и ни одно внутреннее свойство этих объектов не может быть объяснено с точки зрения пространственно-временных определений ни в абсолютном, ни в относительном смысле. Под относительным определением будем понимать любое высказывание следующего типа: объект или свойство x должны классифицироваться как объект или свойство y или, наоборот, независимо от причины — стратиграфического положения, отмеченного многообразия и т. д. Иными словами, рассматриваемый случай — это типологическое построение в *terra incognita*, когда предполагается, что археолог ничего не знает о пространственно-временных рамках или «культурных» связях тех памятников, которые он изучает. Случаев такого рода, как мне кажется, немного. Вернее, на практике археолог редко действует так, как будто действительно он не может заранее определить признаки M , Vr и Fk изучаемых памятников и их свойств. Чаще всего, наоборот, при выявлении отличительных особенностей памятников, уже в процессе исследования одновременно формулируются гипотезы о возможности использования этих особенностей для определения M , Vr и Fk . И такой подход не является нейтральным видением памятника, в котором не участвуют предшествующий опыт и знания, как это иногда утверждают. Если бы он был действительно нейтральным, исследователи отдельной культуры и даже отдельной духовной функции одного и того же общества не приходили бы столь часто к разным оценкам «естественных» классов в коллекциях каких-то материалов (Carroll, 1964). Более того, достаточно прочитать тексты, сопровождающие свободные (в указанном смысле) рассуждения археологов, чтобы убедиться в том, что главную роль в них играют явные или неявные, априорные авторские предположения о понимании и организации данных. Например, в работе (Higham, 1972) «первоначальное формулирование модели как *terra incognita*» на деле состоит в описании и в организации археологических фактов, неразличимых по M в некоторую последовательность культурных фаз в соответствии с априорно существующей моделью.

Можно было бы ограничиться только упоминанием этого первого вида типологических построений, если бы не развитие математических методов классификации, которые

за последние годы превратились в определенную моду. Об этом следует сказать несколько слов. Применяя в археологии математические методы классификации (многочисленные примеры приведены или упомянуты у Hodson, Kendall, Tautu, 1971, p. 30—290; Doran, Hodson, 1975, p. 158—284), авторы действительно зачастую рассуждают так, *как будто* внешние признаки всех изучаемых памятников или их части совершенно неизвестны. Работа сводится к исчислению классов или к выявлению серий, начиная с матрицы исходных данных, содержащей некоторое количество признаков для каждого объекта или группы объектов. При этом выбор признаков вообще ничем не обоснован, и все происходит так, *как будто* формальные достоинства использованного метода упорядочивания⁴⁶ снимают любые вопросы о достаточно произвольном характере описательных данных, к которым этот метод пытаются применить. Так получилось в некоторых наивных применениях общих «кодов», создававшихся только для целей информационного поиска, когда их стали использовать для составления математических классификаций и сериаций археологических материалов, относящихся к специфическим культурам. Например, в 1956 г. был разработан код для анализа форм керамических сосудов. Он должен был подготовить почву для создания различных механических или электронных картотек. Спустя двадцать лет этот код не вполне уместно стал использоваться в мало отличающихся формах для задач автоматической классификации римских амфор, этрусских буккеры или средневековых сосудов (Gardin, 1976, с. 8—9). Думается, что такой метод типологического исследования не обещает большого будущего. В его основе лежит множество непроверенных, если не сказать больше, эпистемологических постулатов. В частности, они затрагивают: а) вопрос о «естественном» совпадении языков представления, в результате чего любой из них может быть принят за основу типологического построения, лишь бы он казался достаточно тонким, точным, детальным и т. п.; б) вопрос о закономерной или случайной природе гомоморфизма между «-тическими» категориями первичных описаний и «-мическими» — типологических определений

---

⁴⁶ Это слово понимается здесь в широком смысле: и как классификация, и как построение серий независимо от употребляемого метода в отличие от Ф. Р. Ходсона, который считает термин «упорядочивание» исключительно синонимом «сериации» (Doran, Hodson, 1975, с. 167).

(гл. II, § 5); в) проблему достоверности классов, полученных в результате «исчисления» или, точнее, возможность доказать эмпирически их достоверность; г) и наконец, главное — однозначность и обоснованность их исторической интерпретации, которая в соответствии с определенной выше целью формулируется, как правило, в терминах М и Вр; при этом, в сущности, не допускается, что ряды, классы, образованные автоматической классификацией, могут *равным образом* быть результатом факторов Фк, столь же различных и многообразных, а в некоторых случаях и независимых от М и Вр (например, совпадения, связанные с межкультурными, экологическими и технологическими детерминизмами; блестящий анализ царящей в этом вопросе путаницы см. в Speth, 1972) ⁴⁷.

Не слишком ли много требуем мы от «природы вещей», с которыми нам приходится иметь дело? От вещей, которые не созданы ни Природой, ни каким-либо единым Создателем, чьей воле можно было бы приписать желаемый порядок и связи вещей. Напротив, все это зависит от многообразия человеческой Культуры, материальные воплощения которой вряд ли могли быть связаны с такими жесткими постулатами. Коротче говоря, этот первый способ типологического исследования представляется плохо обоснованным и потому мало продуктивным (еще один критический анализ см. в Thomas, 1972б). Крестовый поход в его защиту, организованный некоторыми математиками (например, Benzécri, 1973), безусловно, понятен. Так же как и понятна вера многих археологов в его «эвристические» достоинства, которыми он может быть украшен за неимением лучших. Но упомянутые эпистемологические ограничения объясняют, почему мне представляется неверным уподоблять образованные таким способом классы настоящим археологическим типам (ср. гл. IV, § 1.1, путь 1) и почему я предпочел для них более нейтральное название, использованное в заголовке настоящего раздела.

⁴⁷ В данном случае речь идет не только о путанице, но и о непоследовательности. Один и тот же автор в одних публикациях пренебрегает сложностью изучаемого явления и предается всякого рода статистическим подсчетам, чтобы установить неслучайный характер изменений, наблюдаемых между какими-то свойствами или объектами, выбор которых остается «большой частью произвольным и неопределенным» (Speth, 1972, с. 35), но в других публикациях тот же исследователь подчеркивает, что было бы рискованно выдвигать какую-либо нетривиальную интерпретацию изучаемого феномена, поскольку он зависит от множества сложных факторов.

2.2. УПРАВЛЯЕМЫЕ ПОСТРОЕНИЯ: ИНДУЦИРОВАННЫЕ ТИПОЛОГИИ

В противоположность только что рассмотренному случаю будем считать типологическое построение не «свободным», а «управляемым», если отбор определенных свойств и даже отнесение определенных объектов к тому или иному типу определяется тем, что об изучаемых материалах уже известно археологу. Когда речь идет о признаках, среди них выбираются такие, в которых опыт и логика археолога обнаруживают связь с целью исследования. Например, если нужно разделить в пространстве и времени какие-то классы памятников, характерных для разных исторических групп, то здравый смысл требует обращаться при описании памятников преимущественно к тем признакам, которые в данном случае являются отличительными. Это делается на основании любых наблюдений: изучение местности, предшествующие знания, логические или физические детерминизмы и т. д. Говоря далее об объектах, будем включать в типологию те их определения, которые известны хотя бы в относительном плане, о чем говорилось выше. Например, « x должен фигурировать в классе, предшествующем по времени классу y »; « x и y относятся к совершенно разным географическим группам»; « x и y могут или должны принадлежать к одному и тому же хронологическому классу» и т. д. (рис. 20). Иными словами, построение идет не от реального или предполагаемого беспорядка исходных данных, как это было при «свободных» построениях, к их формальному упорядочиванию. Теперь оно отталкивается от *отдельных* порядков, наблюдаемых или постулируемых в данном комплексе объектов, и приходит к *общему* порядку, в котором, насколько возможно, учитываются все эмпирические данные.

Нетрудно заметить, что большинство археологов следует именно этому, второму методу построения типологии, поскольку обычно им приходится иметь дело с памятниками, координаты M и V_r которых известны не полностью. Вернее, они подсказываются не прямо и не полно полевыми наблюдениями и/или относительно обширными сравнительными данными. Однако, как бы ни был банален и прост этот путь, он не становится от этого яснее, поскольку составители типологий редко берут на себя труд четко объяснить последовательность выбора, которая приводит к данному типологическому построению. Тем более трудно

найти обоснования этого выбора, сформулированные в какой-либо четкой форме. Можно, конечно, удивленно возразить: разве комментарии, которыми обычно сопровождаются типологические публикации, не содержат изложения логики самого построения? Увы, нет. И всякая попытка реконструировать эту логику — занятие если не безнадежное, то трудное. Действительно, редко удается придать какому-нибудь эмпирическому ряду логистический статус, строя и перестраивая его с помощью «последовательной цепочки строго определенных операций», как об этом говорилось выше (гл. I, § 3.5). Некоторые уже опубликованные работы такого рода, с этой точки зрения, очень поучительны, особенно когда речь идет о построениях авторов, очень авторитетных в различных областях археологии и истории искусств. Такими, например, являются классификация архаической скульптуры Греции, составленная Гизеллой Рихтер (Borillo, 1970); классификация керамики Оваско (Северная Америка), составленная Ритчи и Мак-Нейшем (Whallon, 1972); классификация планов сицилианских аббатств, составленная Димье (Lagrange, 1973), и др. От таких построений до строгости математического рассуждения остается, очевидно, один шаг. В наше время он совершается быстро, но по-разному. Есть два пути. Первый состоит в том, чтобы, сохраняя и язык представления данных, и предложенную типологию, оставаться в рамках эмпирического построения, сделанного данным автором. При этом математическое (или логическое) моделирование (далее для краткости — исчисление) используется только тогда, когда оно может воспроизвести приемы исследования на том или ином его этапе. Идя вторым путем, можно, напротив, сохранить только основу, т. е. совокупность эмпирических данных и, опираясь на них, построить самостоятельное исчисление, которое теперь уже не моделирует приемы исследователя, ни даже его результаты, а приобретает независимое значение. Таким образом, словесные рассуждения *заменяются* математическим методом классификации, превосходство которого состоит в его «строгой формальности».

Первый путь фактически равносителен изменению стратегии: эмпирическая типология рассматривается как *исходные* данные, т. е. как первичное представление материала. Затем необходимо найти метод, позволяющий перейти от данных индивидуальных описаний к данным обобщенных типов с помощью «последовательной цепочки

строго определенных операций» любого вида, математических или иных. Это — дедуктивный подход, поскольку операции, являющиеся формальной опорой всего построения, фактически «извлекаются» из самой моделируемой типологии. К этому вопросу мы еще вернемся ниже (гл. IV, § 2.3).

Остается второй путь — индуктивный. В этом случае сохраняется та же последовательность рассуждений, что и при эмпирическом построении типологии: от исходного множества данных через более или менее расчлененные операции к искомому результату. «Управляемые» типологические построения создаются именно таким образом. Они направляются определенными эмпирическими фактами, и в этом их отличие от «свободных» типологических построений. И определение, и применение исследовательских операций осуществляются в «управляемых» типологиях достаточно строго. Несомненно, некоторые математические методы классификации могут помочь в уточнении характера операций, а сами операции должны быть приспособлены к эмпирическим данным. Иначе возникнет опасность повторения указанных выше недостатков «свободных» построений.

2.3. ПРЕДОПРЕДЕЛЕННЫЕ ПОСТРОЕНИЯ: ДЕДУКТИВНЫЕ ТИПОЛОГИИ

«Предопределенными» будем называть такие типологические построения, классы которых определяются наблюдениями данных внешнего (например, раскопки, письменные источники и т. п.) или внутреннего (например, надписи на вещах) характера, содержащих сведения типа М и Вр. Конечно, «прочтение» этих данных всегда можно оспорить истолкованием стратиграфии, разбором текстов, палеографическими дешифровками и т. д. Но если данное «прочтение» принято, то включение в типологию признаков М и Вр неоспоримо. Работа составителя типологии в этом случае, помимо сбора и анализа данных внешнего порядка, состоит в изучении и отборе характеристик внутренних свойств Ф, Г и С, если они имеют определенное отношение к предполагаемой классификации. Затем исследователь должен определить такой порядок этих свойств, в котором они могут сыграть роль критериев истинности искомых классов или хотя бы приблизиться к этой роли. Эта часть процедуры вполне рациональна (в смысле логи-

ческой воспроизводимости). Исследователь берет определенные факты в заданном виде, чтобы извлечь из них некоторые следствия относительно описания рассматриваемых объектов в терминах Ф, Г, С. Таким образом, можно было надеяться, что процесс рассуждений в построениях такого рода достаточно ясен. Однако и здесь дело обстоит не лучше, чем в предыдущем случае. В этом нетрудно убедиться, если вспомнить о крайнем разнообразии систематизаций и рационализаций, *конкурирующих* в тех областях археологии или истории искусств, где группы МВр установлены точно. Например, в некоторых разделах нумизматики, где места и даты выпуска монет известны, или в исследованиях, посвященных памятникам архитектуры, пространственно-временные определения которых тоже недвусмысленны. И даже, наконец, во множестве работ, обычно относящихся к истории искусств и цель которых не столько в установлении отчетливых групп МВр под тем или иным названием (школы, мастерские, стили и т. д.), сколько в систематизации отличий между ними, выраженных в терминах внутренних свойств. При этом возникает впечатление, что каждый автор видит и называет эти свойства по-своему.

Но разнообразие способов систематизации само по себе еще не является пороком. Нет ничего необычного в том, что могут разойтись мнения по поводу тех иконографических или палеографических особенностей, которыми монеты Афин классического периода отличаются от синхронных этому времени монет любого города Малой Азии. Или, например, все еще неясно, что же позволяет с большим или меньшим успехом отличать пирамиды «предклассической» эпохи в искусстве майя от пирамид «классической» эпохи. Или по-прежнему появляется множество работ, посвященных сравнительному анализу стиля Тициана и Тинторетто, или любых других групп памятников искусства. Несмотря на объективную, по сути, разграниченность этих групп, обнаруживаемые в них особенности порождают бесконечные попытки выражения этих наблюдений в словесных описаниях. Таким образом, трудность возникает не от разнообразия мнений или способов рассуждения, что вполне естественно, а от неясности механизма связи между материальными объектами и их словесными характеристиками. Эта связь столь туманна, а когда ее пытаются прояснить, столь непрочна, что в конце концов появляется сомнение в существовании какой-нибудь логической

цепочки высказываний и процедур, способных её объяснить. Выше я упоминал небольшое число недавних работ, показывающих, насколько трудно отыскать рациональное обоснование типологическим построениям, которые считаются неопровержимыми или в смысле настоящего параграфа «предопределенными». Помимо некоторой тяжеловесности используемого математического и логического аппарата, здесь имеются три трудности: а) либо приходится прибегать к статистическому «короткому замыканию», не имеющему прямого отношения к эмпирическому подходу составителя типологии, как это, например, делает Р. Уоллон (Whallon, 1972); б) либо для адекватного отображения всей сложности эмпирического подхода приходится создавать сложную модель, которую надо всякий раз перестраивать при переходе от одного построения к другому, как это сделано, например, в работе (Gardin, Lagrange, 1975); в) либо, наконец, попытка вообще проваливается, очевидно, из-за невозможности математического или логического «исчисления» соответствий между тем, что *говорит* археолог о памятниках и типах, и тем, что он *делает*, конструируя эти типы с целью их упорядочения в пространстве и во времени (см., например, Borillo, 1970; Lagrange, 1973)⁴⁸.

Однако эти трудности не должны вызывать сомнений в самом методе. Археология не сможет всерьез претендовать на научность, пока для всякого археолога не станет правилом опираться на точные и легко воспроизводимые (математические или *иные*) рассуждения при составлении пространственно-временных серий, лежащих в основе большинства типологических построений. Конечно, рассмотренные выше попытки рационального обоснования уже созданных систем представления данных или классификаций, причем созданных, как это легко видеть, отнюдь не только рациональными способами, — это не лучший способ

---

⁴⁸ Не следует удивляться, что, сославшись на эти публикации первый раз в связи с «управляемыми» построениями, я снова упоминаю их по поводу построений «предопределенных». С последними эти работы связаны благодаря их собственному методу (априорная установка на анализ типологии). С «управляемыми» же построениями они связаны ссылками на исследовательские приемы тех или иных авторов типологий (Ритчи и Мак-Нейш, Рихтер и т. д.). Не должно также настораживать и упоминание работы Лагранж (Lagrange, 1973), где попытка логического анализа касается не типологий, а монографий. Выше были указаны причины, позволившие в данном случае пренебречь этим различием (гл. IV, § 1.2, Б).

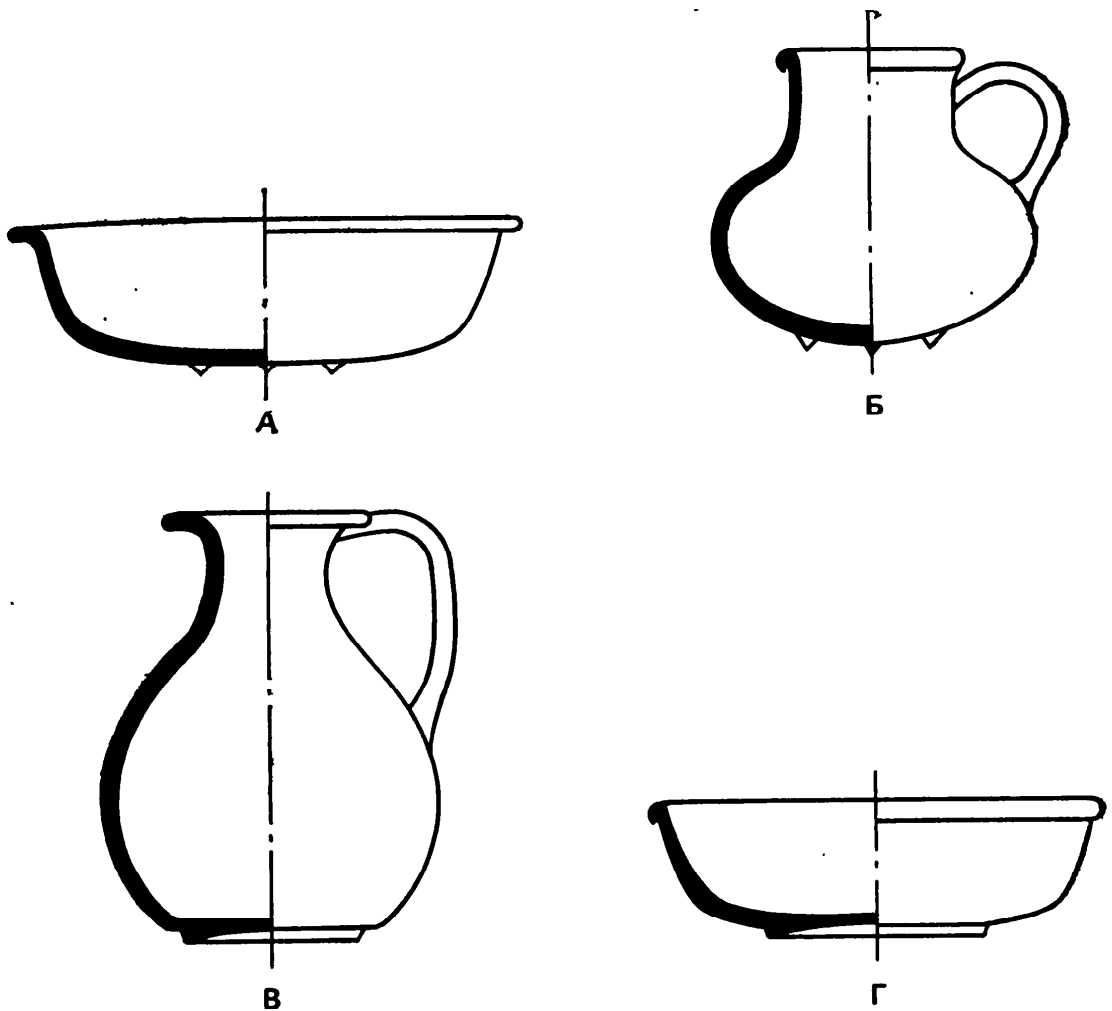

Рис. 20. Построение типологических рядов в узком смысле индуктивным методом. Предположим, что для составления классификации сосудов А, Б, В и Г рассматриваются только два морфологических признака: *поддон* и *тулово*. Каждый из них имеет по два значения: поддон может быть *дисковидным* (сосуды В и Г) или в виде *трипода* (сосуды А и Б), а тулово — *открытым* (сосуды А и Г) или *закрытым* (сосуды Б и В). Тогда по первому признаку можно построить ряд № 1 {(А, Б) (В, Г)}, а по второму — ряд № 2 {(А, Г) (Б, В)}. Но при этом уже невозможен ряд № 3, основанный, например, на *профиле венчика* {(А, В) (Б, Г)}. Допустим далее, что составитель классификации для выявления связей между объектами и их особенностями, исходит из внешних данных, таких, как, например, «диск древнее трипода, следовательно, В и Г старше, чем А и Б», или «Б и Г отличаются происхождением», или «В и Г одновременны». Тогда простое рассуждение показывает, что только Б и Г резко отличаются друг от друга и по времени, и по территории. Между тем, если учитывать только временной план, А может совпадать с Б, а В — с Г. Таким образом, ряд № 2 исключается. Остается либо ряд № 1 {(А, Б) (В, Г)}, либо более подробные классификации, такие, как {(А, Б) (В) (Г)}, {(А) (Б) (В, Г)} и {(А) (Б) (В) (Г)}. Все они соответствуют нашим внешним данным. Само собой разумеется, что можно получить и другие типы, рассматривая либо другое сочетание эмпирических данных, либо другой код, либо и то и другое вместе.

превращения археологии в строгую науку. Было бы эффективнее сочетать в исследовательском процессе требование достоверности эмпирического наблюдения и строгости формальных построений. Те, пока еще редкие работы, в которых эти требования сочетаются, позволяют отказаться как от старых, опирающихся на факты, но плохо обоснованных типологий, так и от современных таксономий, прекрасная форма которых является их единственным достоинством (например, Guénoche, Tchernia, 1977). Сочетание эмпирического и логического в экспликативных археологических построениях является результатом циклического процесса рассуждения, при котором индукция и дедукция поочередно включаются в действие и, как это видно из схемы на рис. 17, работают до тех пор, пока самая богатая по содержанию типология, составленная в коррелированных терминах М и Вр (ряд Рвн), не получит отражения в описательно-порождающей системе, полностью определенной в терминах Ф, Г, С (ряд Рвт).

2.4. ИТОГ

Несомненно, читатель заметит определенный параллелизм между только что изложенными видами построений и рассмотренным выше взаимодействием внутренних и внешних признаков при разработке типологий (гл. IV, § 1.1). Фактически и то и другое — два взаимодополняющих способа понимания проблемы построения типологий. В первом случае проблема рассматривается как классическое противопоставление внутренних и внешних признаков. Во втором случае — под более острым углом — с логической точки зрения (гл. IV, § 2). В таблице на рис. 21 предпринята попытка согласовать обе точки зрения (колонка 1) и обобщить характеристики каждого вида конструкций или логических реконструкций⁴⁹, отличающихся

---

⁴⁹ В этой таблице я пытался объединить условия создания оригинального типологического построения и условия создания логической реконструкции этого построения с целью придать уже имеющейся типологии формальную обоснованность. Сходство обоих экспериментальных построений в идентичности используемого в них языка представления данных (колонка 3) и в результатах классификации (колонка 4). Единственное различие между ними состоит в том, что в реальных построениях эти характеристики являются результатом археологических исследований (эмпирические данные), тогда как в реконструкциях они всего лишь «правила игры», соблюдаемые исследователем (формальные ограничения).

друг от друга в каждом из этих случаев (колонки 2—5). Строка 4 таблицы демонстрирует схождение того и другого анализа в общее построение более высокого порядка, которое мы будем называть *логико-эмпирическим*, чтобы передать в одном понятии диалектику порождения типологических построений и согласовать их познавательное значение с формальной строгостью.

3. ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЕ ПОСТРОЕНИЯ

Интерпретацией будем называть широкий процесс осмысления результатов какой-нибудь обработки и организации археологических фактов и наблюдений. Например, серии из двух, трех, ... из n объектов, сформированные на основании их «сходства»; классы памятников, относящихся к одному пространственно-временному единству и т. д. Иначе говоря, создавая интерпретационное построение, исследователь выходит за рамки формальной организации данных, чтобы *объяснить* их значение. Выше уже отмечалось промежуточное положение типологий, благодаря которому они приобретают двойственный характер (гл. IV, § 1.2). С одной стороны, типологии ограничены эмпирическими данными; с другой — уже в самом характере их построения заложена потенциальная необходимость в объяснении (в противном случае теряется смысл самих построений; например, отнесение объектов к одним и тем же пространственно-временным группам уже является в какой-то мере интерпретацией). Однако эта объясняющая функция типологий не самоочевидна. В уже составленной типологии она выявляется при помощи специальных рассуждений, к анализу которых мы теперь и приступим.

Напомним и усилим два приведенных выше обоснования (гл. IV, § 1.2, Б), чтобы объяснить, почему типологические построения должны предшествовать интерпретациям археологических фактов и вообще быть для них предпосылкой. Во-первых, как помнит читатель, по определению экспликативных построений, интерпретация обычно состоит в установлении связей между изучаемыми фактами, с одной стороны, и «событиями или образом жизни древних людей, индивидуумов или общественных групп» — с другой (гл. II, § 4). Однако эти индивидуумы и эти группы не могут изучаться иначе, чем на основе специфических пространственно-временных определений. Или же, применяя введенные выше символические обозначения

ФОРМИРОВАНИЕ ТИПОЛОГИЙ, начиная с установления отношений, наблюдаемых в Рвт и Рвн или между ними (гл. IV, § 1)	ОГРАНИЧЕНИЯ •			РЕЗУЛЬТАТЫ ТИПОЛОГИЗАЦИИ (гл. IV, § 2)
	в 2 степени	в 3 описании	в упоря-4 дочении	
Свободные классификации = путь 1, Рвт → Рвт 1	нет	○	○	Таксономические классы Нейтральные типы, псевдо-типы (гл. IV, § 2.1)
Управляемые классификации = путь 2, Рвт → Рвн, ограничения выбора всех или части описательных признаков (колонка 3) и / или для части классов (колонка 4) 2	частично	2а ● ○		Индукцированные типы, полученные на основании выбора ряда, совместимого с эмпирическими ограничениями, свойственными некоторым классам и всем или некоторым признакам (гл. IV, § 2.2)
		2б ○ ● ● ○		
Предопределенные классификации = путь 3, Рвн → Рвт, ограничения во всех классах (колонка 4) и для всех или для части описательных признаков (колонка 3) 3	все	3а ○ ● ●		Дедуцированные типы, полученные на основании выбора ряда, совместимого с эмпирическими или формальными ограничениями, свойственными некоторым классам и всем или некоторым признакам (гл. IV, § 2.3)
		3б ● ●		
Логико-эмпирические классификации = путь 4, Рвн → Рвт → Рвн ограничения как в строках 2 и 3 соответственно (см. рис. 17, спираль Рвн _i → Рвт _j → Рвн _j) 4	Конфигурация как в строках 3а и 2а или б соответственно, до того, как получится конфигурация 3б			Логико-эмпирические типы, полученные выбором такого порядка, который одновременно удовлетворяет формальным требованиям и соответствует эмпирическим данным (гл. IV, § 2.3)

• Эмпирические ограничения, которые управляют или определяют образование новой типологии или формальные ограничения, наблюдаемые при обосновании или перестройке уже существующей типологии (гл. IV, § 2.3)

- Условные знаки:
- отсутствие ограничений для первичного отбора признаков (колонка 3) и для окончательного отбора классов (колонка 4)
  - ограничения в отборе некоторых признаков (колонка 3) или некоторых классов (колонка 4)
  - ограничения в отборе всех признаков (колонка 3) или всех классов (колонка 4)

Рис. 21. Сводная таблица различных способов типологического построения или перестроения, рассмотренных в гл. IV, § 1 и 2.

(см. гл. I, § 1), археолог вообще не может изучать историю древности (O), если предварительно он не выделит объекты, обнаруживающие признаки M и B и характеризующие O. Например, исследование городских поселений, основанных Александром Македонским, предполагает, что мы умеем тем или иным путем распознавать класс городских поселений по характерным для них признакам M и Bp, а

также по некоторым их внутренним свойствам Ф, Г и С. Или другой пример: археолог не может изучать скотоводство у средневековых монголов, пока им не отобраны материалы, свидетельствующие об этом виде хозяйственной деятельности, привязанные к определенным пространственно-временным рамкам и относящиеся к культуре монголов.

Можно возразить, что привязки археологических материалов к определенным М, Вр и О не обязательно должны быть типологическим действием. На это я отвечу так (и это будет вторым обоснованием): пространственно-временные и культурно-исторические привязки редко возникают сами по себе, изолированно. Обычно они сочетаются с различными пояснениями внутренних особенностей изучаемых археологических материалов, нужными для того, чтобы либо подтвердить атрибуции, сделанные по внешним признакам, либо показать специфику, присущую данному времени, данной территории, данному обществу. В обоих случаях неизбежно составление сравнительных серий. В одном из них составляются сравнительные серии внешнего характера. На них основаны атрибуции для отбора первичного множества материалов (например, для составления корпуса или свода). В другом — сравнительные серии внутреннего характера. Они служат основой для систематического представления материала (аналитическое описание и упорядочение) и либо направляют последующую интерпретацию, либо уже содержат в себе ее элементы. Будем ли мы рассматривать эти «доинтерпретативные» или уже содержащие в себе элементы интерпретации серии как типы или нет, в данном случае неважно. Важно другое: когда мы пытаемся объяснить механизмы составления этих серий, выясняется, что и те и другие обязательно, как это только что было рассмотрено, используются для составления типологий в широком и узком смысле. Именно поэтому представляется целесообразным, чтобы все интерпретативные построения проходили через стадию предварительного типологического упорядочивания.

3.1. ПРОСТЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ: СОВПАДЕНИЕ, ВЛИЯНИЕ, НАСЛЕДОВАНИЕ

Простыми интерпретациями будем называть такие построения, в которых вопреки внешнему впечатлению объяснения почти не выходят за рамки уже известных опре-

делений М, Вр и О. Например, выясняется, что на поселениях эпохи бронзы Средней Азии встречаются типы керамики, характерные для синхронных поселений долины Инда. Исходя из этого, высказываются различные, «объясняющие» этот факт гипотезы: экономическая экспансия, завоевания, миграция, обмен и т. д. (Lyonnet, 1977), но ни одна из этих гипотез не «доказана». Еще один пример: в некоторых провинциях Ирана, начиная с последних Сасанидов (VI—VII вв.) и до первых мусульманских династий (VIII—IX вв.), наблюдается постоянство определенных архитектурных форм. На этом основании делаются различные «заключения»: например, сила местных архитектурных традиций, особенности климата и материала, отставание некоторых районов, стремление сохранить национальную культуру в условиях арабского или месопотамского завоевания и т. д. Но на деле эти заключения остаются гипотезами. Ни одно из них не «доказывается» как исключительное, так чтобы при этом все другие были отвергнуты^{49а}. Другими словами, в обоих примерах интерпретация — это только логическая парафраз, устанавливающая сходство между памятниками, рассеянными в пространстве и времени. Но при этом нужно помнить, что эта парафраз почти всегда *одна из многих*, и чем меньше мы учитываем этот простой факт, тем более правдоподобными будут казаться такие парафразы.

Кстати, было бы небезынтересно составить перечень всех подобных парафраз в археологической литературе. Конечно, из него мы не узнали бы больше того, что подсказывает здравый смысл, но развернутое изложение всей совокупности обоснований, привлекаемых для интерпретации сходства фактов (или, говоря более широко, изложение всякого рода «закономерностей»), может выявить две-три простые истины, не всем археологам одинаково хорошо известные.

а) Во-первых, как бы ни было много этих обоснований, все они могут быть сведены к нескольким экспликативным классам рекуррентных последовательностей. Самое интересное, что этих классов немного и потому они создают

---

^{49а} В данном случае высказываемые гипотезы вовсе не обязательно должны быть альтернативными. Постоянство определенных архитектурных форм могло складываться под влиянием разных факторов одновременно: здесь могли действовать совместно и сила местных традиций, и особенности климата, и стремление сохранить национальную культуру, и другие причины. — *Прим. ред.*

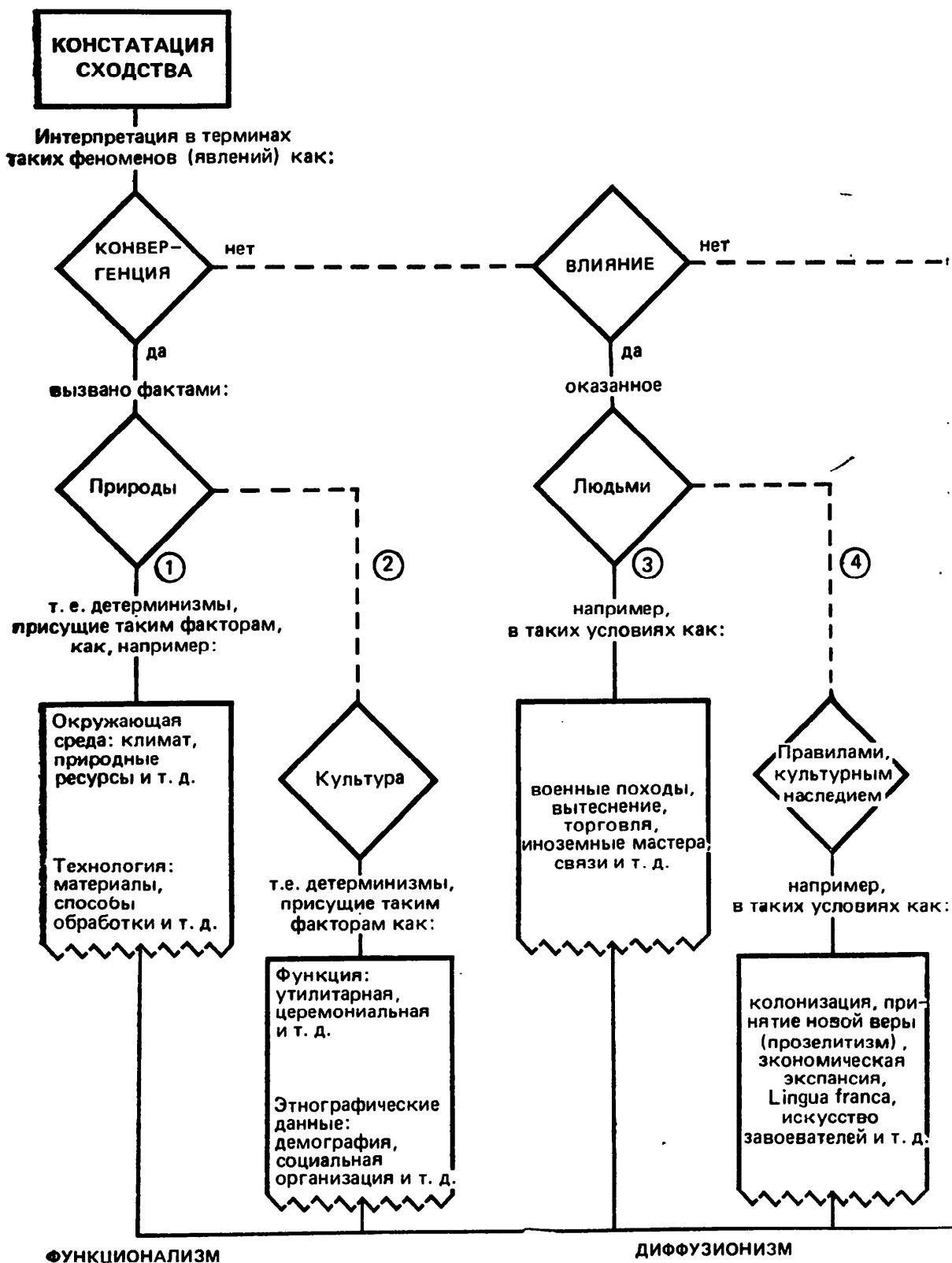
впечатление некоего однообразия интерпретаций. Схема на рис. 22 наиболее простая, дает представление о самых общих факторах, воздействующих на интерпретации и на способы систематизации, применяемые для их изложения. В этой схеме также обозначены пути, которые археолог выбирает для обоснования своей экспликации, в принципе обязывающей его опровергнуть другие экспликации.

б) Во-вторых, наоборот, «дерево» археологической экспликации может оказаться весьма обобщенным. Тем не менее оно достаточно разветвлено, и на фоне множества допустимых решений всякая отдельная интерпретация кажется поразительно узкой. Отсюда легче понять, почему археологи не очень доверяют построениям, в которых приводятся аргументы только в пользу какой-нибудь *одной* интерпретации, но при этом не излагаются причины непригодности любой другой. Скептическое отношение к подобным построениям, без сомнения, вызвано отчасти тем, что их чтение кажется очень скучным занятием. Интерес к ним быстро притупляется из-за стереотипности схем. Даже богатство их исторического содержания не восполняет бедность их логических форм.

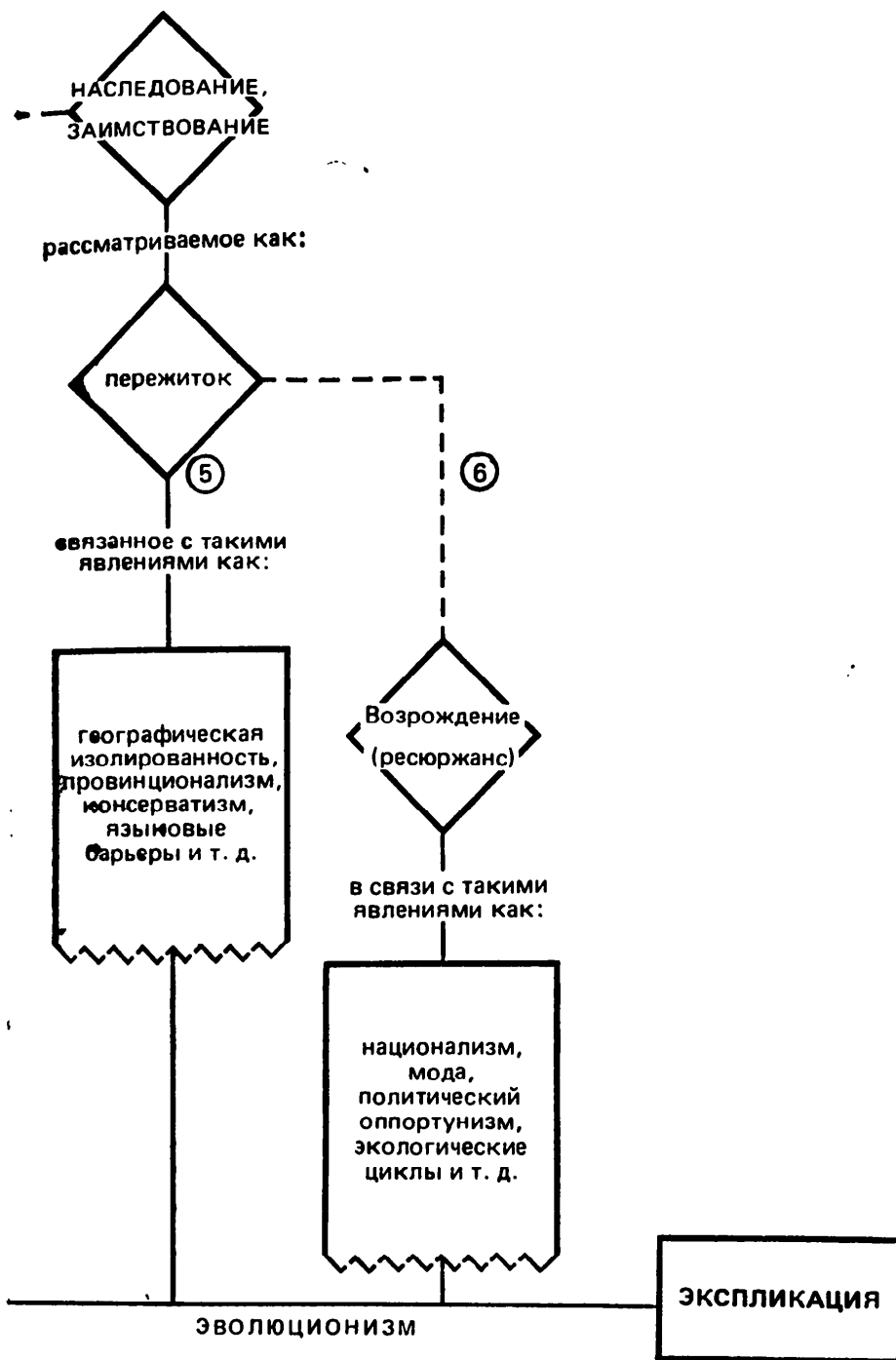
в) К этим двум очевидным истинам следует добавить еще одну, третью. Она менее очевидна, но и от нее тоже зависит, насколько можно доверять интерпретациям предыдущего типа. Речь идет о значении (правда, не до конца ясном) не сходства, а *различия* (отчетливого или неотчетливого) между данными в так называемых сравнительных построениях. Следующий пример поможет установить и природу этого явления, и его познавательное значение. Известно, что ахеменидские «цари царей» одновременно с расширением своих владений в направлении Средиземноморья вели завоевательные войны в Средней Азии. Их результатом было разделение этого региона на сатрапии (Бактриана, Согдиана, Маргиана и т. д.), подчиненные власти Персеполя. Эти данные были получены независимо, из исторических источников и из надписей ⁴⁹⁶. На их основе у археологов возникла мысль о том, что упомянутые провинции должны были в течение двух или трех столетий своей зависимости испытывать влияние более разви-

---

⁴⁹⁶ Здесь автор несколько непоследователен, поскольку надписи—это тоже исторические источники. Вероятно, речь идет о надписях на скалах, вошедших в научный оборот в результате археологических исследований. — *Прим. ред.*

Рис. 22. Самые общие для археологии виды «эксplikаций» (в смысле объяснений), основанных на констатации сходства. Эту схему нужно читать сверху вниз и слева направо. Основные разветвления, отмеченные ромбами, обозначают виды эксplikаций, среди которых исследователь должен выбирать по принципу «да—нет», пока он не получит перечня факторов (обстоятельств, явлений), объясняющих с его точки зрения полученные факты. На практике многие элементы, относящиеся к разным видам, нередко упоми-

наются одновременно в одной и той же составной Экспликации. Это показано объединением вертикальных линий в нижней части схемы. Конечно, альтернатива «да/нет» является чрезмерным упрощением. Было бы вернее заменить ее более гибкими формулами, например: «да/но, возможно, и не...», «не только/но и...», которые лучше выражают обычный в таких случаях характер аргументации.

тых форм иранской цивилизации, особенно в сфере материальной культуры: в архитектуре, скульптуре, торевтике и т. д. И действительно, в памятниках Ирана и Средней Азии эпохи Ахеменидов обнаруживаются некоторые признаки связей типа «оригинал — копия». Вместе с тем резко проявляется одно исключение: керамика обеих обширных областей в одно и то же время развивается по совершенно разным традициям^{49в}. Единственные точки соприкосновения имеются в смежных географических областях на восточных границах иранского плато (Cattenat, Gardin, 1978). В данном случае предлагаются два направления рассуждений. Во-первых, можно сохранить своего рода приоритет сведений, извлекаемых из письменных источников и из изучения наиболее выдающихся памятников. Тогда придется допустить, что различия в керамике *для данного случая* особого значения не имеют. Но можно пойти и обратным путем, т. е. придать этим различиям тот смысл, который обычно придается им *в других случаях*, когда несовпадение особенностей двух групп сосудов бегло упоминается, как знак определенного культурного различия. Но тогда, следовательно, нельзя принять интерпретацию письменных источников. Каждый из этих подходов имеет своих сторонников (Cattenat, Gardin, 1978, с. 243 и сл.), хотя, например, в первом случае возникает принципиальное осложнение, обойти которое очень трудно: каковы те критерии, на основе которых принимается решение, имеет или не имеет данное различие какое бы то ни было значение? Или, иными словами, каковы те «особые случаи», когда отмеченное различие ни о чем не говорит? И каковы другие, «особые случаи», когда, напротив, можно обоснованно утверждать, что наблюдаемые различия о чем-то свидетельствуют? И все это говорится об одной и той же категории вещей.

Создается впечатление, что археологи не спрашивают себя об этом. Лишь иногда такие вопросы возникают в связи с общими замечаниями относительно опасностей аргументации *a silencio*, которая, впрочем, имеет иные основы, нежели рассуждения *a differentia*. На самом деле, для от-

---

^{49в} Гарден имеет в виду разные традиции развития керамики Бактрии и Согда, с одной стороны, и синхронной ей керамики Фарса и Хорасана — с другой. Этот пример, приведенный в английском издании данной книги (Gardin, 1980, с. 93), почему-то опущен во французском. — *Прим. ред.*

вета на подобные вопросы недостает некоего инструмента, как, например, другое «дерево решений», подобное изображенному на рис. 22. Но его «корнем» на этот раз должно быть *несходство* (вверху, слева), а ветви должны привести к всевозможным его объяснениям. Среди этих объяснений должно фигурировать «нулевое» объяснение. Оно используется тогда, когда археологические факты случайно или по какой-либо причине не получают расшифровки. Тогда окажется, что «нулевая» интерпретация гораздо более точна, чем какая-нибудь другая, ибо она равносильна признанию неприменимости к «данному случаю» не только всех факторов, всех ситуаций, всех явлений, порождающих сходства, упомянутых в дереве 1, но также и всех возможных причин несходства, перечисленных в дереве 2... Конечно, можно отказаться от столь суровых требований, но тогда придется смириться с относительной слабостью любого объяснения, построенного по таким схемам.

Термин «парафраз», использованный выше, приобретает, таким образом, законную силу. Действительно, недостаточно просто указать на более или менее многочисленные исторические или природные факторы, чтобы объяснить ими, почему те или иные памятники или признаки присутствуют или отсутствуют в данных пространственно-временных культурно-исторических единствах. Какими бы блестящими и научными ни были эти интерпретации, они опираются на тривиальные семантику и логику правдоподобия («тривиальность» не следует здесь понимать в уничижительном смысле, см. далее: гл. VII, § 2), причем вовсе не необходимую, как это бывает в науках, придающих значение логике рассуждений. Конечно, сегодня считается благопристойным объяснить тот или иной случай изменчивости археологических фактов влиянием экологических или социальных систем, нежели отдельными историческими событиями. Но не стоит обольщаться. *Способ* мышления изменился не так радикально, как жаргон. С методологической точки зрения дистанция между жесткими «эколого-социальными детерминантами» модных ныне интерпретаций и более мягко выраженными «влияниями» былых времен не так уж велика. Определение «простые», данное интерпретациям этого рода в заголовке настоящего параграфа, никоим образом не относится к содержанию объясняемых фактов. Речь идет только о поверхностной и как бы незавершенной форме аргументации в том смысле, как это было только что показано.

3.2. НОРМАТИВНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ: ИДЕИ, ВЕРОВАНИЯ, КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ

Построения, рассмотренные только что, можно было бы считать простыми и на другом основании: они опираются на анализ относительно однородных серий памятников, а следовательно, малоперспективных для обоснования достаточно развернутых интерпретаций: городские поселения, предметы пастушеского хозяйства, бытовая керамика и т. д. Однако известно, что археология стремится охватить более разнообразные совокупности материалов, отыскивая в них группы, формально аналогичные типам, но определенные на более высоких уровнях исследования: группы (и подгруппы), культуры (и субкультуры), объединения, общества и т. д. (см. выше: гл. IV, § 1). Не должна ли интерпретация этих совокупностей отличаться от типологических серий в строгом смысле, ограниченных одной категорией материалов и даже единичными отличительными особенностями?

Ответить на этот вопрос можно, сделав предварительно два почти бесспорных замечания. Во-первых, не все совокупности, о которых идет речь, имеют одинаковые контуры. И дело не только в том, что используемая для их обозначения терминология меняется от автора к автору или от школы к школе. Дело еще и в том, и это основное, что существуют разные мнения по поводу состава той или иной совокупности материалов, чтобы она оказалась пригодной для максимально полных историко-культурных обобщений. Перечислять все предложенные хотя бы за последние десять-пятнадцать лет способы систематизации такого плана было бы нестерпимо скучно, а значит, и не слишком полезно для нашей задачи (см., например, Leroi—Gourhan et al., 1966; Chang, 1967a; Deetz, 1967; Clarke, 1968 и т. д.). К тому же это имело бы смысл только в том случае, если бы мы вышли за пределы сугубо «западной» и даже, более конкретно, англосаксонской археологии. Нужно было бы принять во внимание и участие в этих дебатах других археологов, например советских, имеющих иной опыт и традиции (по поводу понятий «культура», «этнос», «общество» и т. д. см.: Артамонов, 1970; Грязнов, 1970; Массон, 1970; Третьяков, 1970, а также публикации, последовавшие за этими дискуссиями: Каменецкий, 1970; Клейн, 1970, 1971; Клейн и др., 1970; и недавно — Бромлей, 1977; Пименов, 1977). Оставляя в стороне подробно-

сти, запомним только общую, наиболее характерную черту всех этих построений. Она состоит в разделении комплекса исходных данных на малое число видов или «уровней». Предполагается, что каждый из них отражает определенные нормы поведения определенных человеческих групп, различных по характеру и составу: от индивидуума (например, отдельные ремесленники и мастера) до общества, этнической группы и т. д. Сюда же включаются все называемые по-разному промежуточные группировки. Уверенность, с которой делаются эти усложненные построения, иногда вызывает улыбку. Так, Дж. Дитц в небольшой, но, впрочем, превосходной книге пишет: «Культура человеческого поведения проявляется на четырех уровнях» (Deetz, 1967, с. 108). Эта книга имеет по крайней мере то ценное качество, что в ней указана цель этой работы: прослеживая закономерности и вариации в археологических материалах, определить такие совокупности данных, которые легко подчиняются определенным формальным правилам распределения, в частности распределению Гаусса. Выделенные на этом основании совокупности данных можно считать отражением «норм» поведения, действующих в соответствующих человеческих обществах. В зависимости от характера и размера изучаемого общества эти нормы могут быть поняты по-разному. Но всегда они отсылают, пусть даже неявно, к волюнтаристским схемам. В них предполагается, что человеческое поведение подчиняется идеям, ценностям, верованиям или мотивациям, общим для всех членов общества. Такова наиболее устойчивая интерпретативная система, применяемая в современной социологии и этнографии вплоть до конца 60-х гг. (Kluckhohn, 1951; Kroeber, 1952; White, 1959).

Нетрудно заметить, что схемы интерпретации, рассмотренные в предыдущем параграфе, посвящены более элементарным построениям. Действие подобных норм предполагается в них заранее. Например, утверждать, что в основе особенностей сельских жилищ на Корсике лежит средиземноморский климат, генуэзская колонизация или островной характер, — это значит во всех данных случаях предполагать «нормативное» действие перечисленных факторов в статистическом или в социологическом значении⁵⁰.

---

⁵⁰ Достаточно одного первого значения: в сфере культуры можно ссылаться на нормы, не осознанные носителями культуры, но обнаруживаемые в их поведении. Избитый пример — язык.

Из всего сказанного вытекает второе замечание: для интерпретации изменчивости памятников можно выбирать любой по характеру, объему и сложности комплекс материалов. Но при этом на всех уровнях обобщения будут действовать (управлять) те же исходные допущения и мыслительные действия, что и рассмотренные в предыдущем разделе. Примером может служить схема семантической структуры разных уровней интерпретации, представленная на рис. 22. Ее понятия с одинаковым успехом используются и как средства объяснения распределений материалов в элементарной сравнительной или типологической серии и для того, чтобы интерпретировать пространственно-временное распространение какой-нибудь многосложной группировки.

Итак, следует уточнить ответ на вопрос, поставленный в начале этого параграфа. В построениях, предназначенных для раскрытия исторических явлений или историко-культурных комплексов на основе изменчивости археологических материалов, применяются механизмы интерпретации, аналогичные тем, которые под разными названиями фигурировали выше: функционализм, диффузионизм, эволюционизм. Тем не менее этим построениям присуща своя оригинальность: особое значение придается в них изучению больших сравнительных или типологических классов, отобранных благодаря потенциальному значению их связности (или несвязности) с данными единствами М, Вр или О. Таким образом, познавательная ценность этих построений зависит от двух условий: если, во-первых, способ интерпретации изменчивости каждой серии будет свободен от указанных выше недостатков (гл. IV, § 3.1) и, во-вторых, если не будет допущено ошибок в интерпретации связности (или несвязности) между сериями, связанных с использованием различных понятийных систем.

Но то же самое можно сказать и о многих других сферах человеческой деятельности: некоторые закономерности объясняются нормами, которые существуют только в сознании этнографа, но не в сознании посетителя данной культуры. Это — антропологическое переложение старого философского спора между реализмом и номинализмом. Оно вызывало и вызывает гораздо больше дискуссий, чем этого заслуживают, как нам кажется, современная антропология и философия (см., например, дискуссию в *American Anthropologist*, 1964, т. 66, № 1: Hammel, 1965; а также короткую статью (Burling, 1964), заглавие которой прекрасно выражает явную бессмысленность этого вопроса).

3.3. ДИНАМИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ: СИСТЕМЫ ПОВЕДЕНИЯ

Рассмотренные выше методы имеют две достойные внимания особенности. Во-первых, эти методы при объяснении изменчивости данных опираются больше на *сходства*, чем на различия (гл. IV, § 3.1). Во-вторых, они способствуют построению статичных моделей, в которых упомянутые только что сходства рассматриваются как результаты соответствующих норм поведения, а последние в свою очередь вводятся в модель в качестве инвариантов, свойственных разным по характеру и объему человеческим обществам (гл. IV, § 3.2). Обе эти особенности могут оказаться взаимозависимыми. Действительно, систематическое рассмотрение *различий* может привести к преимущественному изучению причин *изменений* в изделиях человеческих рук от региона к региону и от периода к периоду, но не к объяснению соответствий между ними. Именно этот путь рекомендуется сегодня многими археологами, которые испытывают законное желание добавить немного жизни в слишком застывшие интерпретационные схемы. Их конек — это понятие «системы» или «процесса»: объяснение вариабельности материальной культуры состоит не только в том, чтобы установить закономерности зависимости от постоянных природных и культурных факторов; необходимо также раскрыть систему, согласно которой всякое изменение этих факторов влечет за собой изменение жизненного поведения, что в свою очередь отражается на общем перераспределении вариабельности.

Наиболее усердные защитники этого пути исследования (Binford, 1965, 1968a, 1968b; Binford, Binford, 1968, с. 14—16; Flannery, 1967, 1973b; Clarke, 1968, с. 38—40, 101—130; Watson, LeBlanc, Redman, 1971; Plog, 1973 и др.) охотно усматривают в нем отличительную черту новой школы. Они называют ее «процессуальной археологией», или же «системной археологией». Действительно, внимание здесь сосредоточено не на исторических или социологических движущих силах, влияющих на развитие материальной культуры, а на системах, которые, по мнению сторонников этой школы, регулируют изменяющееся воздействие исторических и социологических факторов на материальную культуру. Как очень педурно выразился К. Флэннери, «Теоретический процесс состоит не только в том, чтобы за артефактами увидеть Индию», но, скорее, в том, чтобы

и за артефактами, и за Индией увидеть систему» (Flannery, 1967, с. 120). Классическим примером стало исследование, выполненное Д. Томасом в одной из долин Невады, с целью проверить теорию, сформулированную Дж. Стьюардом тридцать лет тому назад относительно экологических факторов, воздействующих на некоторые виды социальной и экономической деятельности индейцев чочонов до Конкиты (Thomas, 1972a). Метод исследования состоит в том, что памятники материальной культуры, природа и распределение которых должны быть выявлены, изучаются непосредственно в том месте, где, как предполагается, осуществлялась эта деятельность. При этом изучаются естественные ресурсы, имеющиеся в регионе, вероятные способы их добычи и использования и археологические следы всего этого. Таким образом, строятся отдельные системы (или подсистемы), в которых задействованы три категории искомым данным: экологические, социально-экономические и археологические. Их функционирование и общие следствия можно моделировать посредством исчисления. Таким образом, появляется возможность проверки относительной ценности теории. Для этого достаточно установить, насколько наблюдения, сделанные на месте, соответствуют предсказаниям модели или отличаются от них. Результат исследования, таким образом, не ограничивается обнаружением причинно-следственных связей между экологическими и социокультурными данными, с одной стороны, и распределением археологических материалов — с другой. Результат скорее в том, что формулируется некоторая сверхобобщенная система, в которой эти связи не только фиксируются, но и исчисляются в логическом или математическом смысле этого слова, что позволяет предвидеть изменения уклада жизни, вызванные любым, даже малейшим изменением всего комплекса условий окружающей среды^{50а}.

Ныне уже не перечить исследований, выполненных по этой общей схеме. Многочисленные работы подобного типа изложены или упомянуты в (Clarke, 1972; Renfrew, 1973b). Большинство из них, помимо системной ориентации, имеет две общие особенности, четко сформулированные в при-

---

^{50а} В нашей литературе понятие «окружающая среда» обычно включает в себя только природное окружение. Здесь же его следует понимать как не только природное окружение, но и другие факторы, действующие на общественную жизнь, такие, как экономические, демографические.— *Прим. ред.*

веденном выше примере. Во-первых, это — явная склонность к учету природных (в широком смысле) факторов или «подфакторов» (экология, география, биология, состав пищи и т. д.). Они не без основания считаются регулирующими факторами, обязательно присутствующими в процессах культурного взаимодействия (особенно см. Уско, Dimbleby, 1969; Tringham, Dimbleby, 1972). Во-вторых, не менее оправданное настойчивое требование рассматривать множество разных систем (или подсистем), моделирующих действие экологических и культурно-исторических процессов. Это требование противостоит обманчивому монизму нормативных интерпретаций, рассмотренных в предыдущем параграфе⁵¹. Являются ли эти две особенности чем-то новым, как это (более или менее решительно, в зависимости от личного темперамента) утверждают многие исследователи. Признаюсь, я отношусь к тем, кто не согласен с этим утверждением, и вот почему. Прежде всего, и в «до-системной» археологической литературе нетрудно обнаружить множество экспликативных построений, в которых естественноисторические факторы занимают центральное место. Гордон Уилли (Willey, 1968, с. 208) указывал на это до меня. У него это звучит особенно авторитетно, поскольку он раньше других примкнул, если можно так выразиться, к экологической парадигме (Willey, 1953, 1956). К тому же никто не осмелится утверждать, что только с появлением «процессуальной» школы археология

---

⁵¹ Некоторые археологи, увлеченные идеями системного анализа, иногда стремятся составить подробный перечень «подсистем», «параметров», «измерений», «парадигм» и т. д., вводимых в действие при изучении явлений культурного взаимодействия. Например, у К. Ренфрю — Ресурсы, Металлургия, Технология, Социальные системы, Знаковые Системы и Отражающие системы, Торговля и Коммуникации, Популяция; у Ф. Плога (согласно К.-А. Мобергу—Moberg, 1975) — Популяция, Дифференциация, Интеграция, Энергия; у Д. Кларка — Морфология, Антропология, Экология, География (Clarke, 1972, р. 6—7) и т. д. Вполне понятно, что между авторами пока еще нет согласия ни относительно внутреннего смысла слов, взятых в кавычки, ни относительно количества и характера универсалий системного анализа, отмеченных заглавными буквами. Пожалуй, сейчас такое согласие было бы вымученным, по крайней мере в вопросе об универсалиях. И я надеюсь, что мне простят мою осторожность (или слабость), заставившую меня объединить весьма многозначным символом Фк совокупность факторов, используемых для обоснования «функционального» объяснения вариабельности археологических данных. Причем само слово «функциональное» имеет здесь чисто формальное значение (см. выше: гл. IV, § 1.1).

открыла составной характер факторов, прямо или косвенно влияющих на вариабельность объектов материальной и духовной культуры. Этой проблемой в свое время занимался Джулиан Стьюард, пользуясь иными методами и другой терминологией (Steward, 1955). Структуралистская школа тоже по-своему выделяла множество систем, которыми регулируется человеческое поведение в обществе (Lévi-Strauss, 1958). И наконец, главное: формулирование систем и моделей в археологии — это зачастую не более чем риторическое переложение уже встречавшихся ранее интерпретационных высказываний только в формах менее системных. Примеры этому я уже приводил (Gardin, 1974, с. 344—345). При этом я старался подчеркнуть, что редактор книги, из которой заимствовались примеры, лучше, чем кто-либо другой, осознавал условность этой ситуации: «Осознаем мы это или нет, но при интерпретации данных и наблюдений мы всегда оперируем концептуальными моделями. Мы все похожи на того персонажа Мольера, который с восторгом узнал, что всю жизнь, не зная этого раньше, говорил прозой» (Clarke, 1972; с. 3).

И тут же Дэвид Кларк добавляет: «Эти операционные модели должны быть *эксплицитными и верифицируемыми*» (там же, курсив мой. — *Ж.-К. Гарден*). Очевидно, именно в этом и состоят особенности новой археологии, и этим она отличается от аналогичных по существу и целям, но менее системных по замыслу и формам старых построений. Следующие два параграфа будут посвящены требованиям эксплицитности и проверяемости археологических интерпретационных построений (гл. IV, § 4 и 5).

4. ЛОГИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫХ ПОСТРОЕНИЙ

Прежде всего отметим, что указанные выше три способа интерпретации не столь уж разительно отличаются друг от друга, как это может показаться из их характеристики в связи с разными школами. Постулаты и факты, лежащие в основе достаточно элементарных экспликативных схем функционализма, диффузионизма или эволюционизма (см., например, гл. IV, § 3.1), являются частью более обобщенных построений истории культуры или исторической археологии (гл. IV, § 3.2). То же самое можно сказать и об экспликациях, выраженных в терминах процессов и дина-

мических систем. По существу, они являются переложением на более отчетливый язык явлений взаимодействия фактов, которые были выражены предшествующими школами на их собственном языке (гл. IV, § 3.3). Этот более отчетливый язык можно назвать «аналитическим» в том смысле, в каком Дэвид Кларк назвал аналитической археологию (Clarke, 1968). Всякий беспристрастный исследователь может в этом убедиться: достаточно посмотреть, насколько нетрудно перевести результаты некоторого построения с языка какой-нибудь одной школы на язык другой. И при этом в *существе* интерпретации ничего не изменится. Например, Дж. Дитц описывает «динамическую систему», связывающую изменения в декоре глиняных сосудов индейцев Арикара с изменениями их местообитания, происходившими в результате прямых или опосредствованных контактов с европейцами. Тотчас же возникает мысль о «нормативной схеме», которая могла бы выразить все то же самое на языке исторической археологии: например, в данном случае можно вспомнить теорию культурного контакта. С ее помощью можно столь же убедительно показать, что рост многообразия изучаемых археологических объектов связан с прогрессирующим рассредоточением тех социальных групп, с которыми эти объекты соотнесены. И без особого труда можно было бы перейти к «диффузионистскому объяснению», внешне более простому. В нем должна была быть выражена предполагаемая связь между давлением европейцев на местное население Небраски и Дакоты в XVIII веке и ослаблением ремесленных традиций в керамике Арикара в ту же эпоху по мере рассеивания групп населения, поддерживавших эти традиции⁵².

Констатируя общность рассмотренных интерпретаций по содержанию, мы не можем игнорировать различия в их *форме*. Наиболее существенным представляется различие в большей или меньшей тщательности, с которой делаются определения логических и семантических операций, применяемых для перехода от первоначального изучения материалов (*explanandum*) к конечным концептуальным высказываниям (*explanans*), или, наоборот, в зависимости от того, пользуются ли в данном случае индукцией или дедукцией (рис. 23).

---

⁵² Более аргументированное изложение этой синкретической точки зрения и, в частности, пример из археологии Антильских островов, привлеченный для ее подкрепления, см. в (Rouse, 1977).

Рассмотрим сначала первый случай: от *explanandum* к *explanans*. С моей точки зрения, системные методы — это не только те, которые используют динамические модели интерпретации. Скорее, это методы точного определения всех звеньев в цепи рассуждений, связывающей эмпирические факты и результаты их интерпретации. И не имеет значения, зависят ли какие-то интерпретации от так называемой системной школы или нет. Иными словами, требование эксплицитности не является привилегией системной школы, как это можно было бы предположить, исходя из названий некоторых ее манифестов (Watson, LeBlanc, Redman, 1971). Этому требованию должна удовлетворять любая интерпретация, к какому бы из трех представленных выше видов она ни относилась. Именно так следует понимать те все более многочисленные работы, которые посвящены рациональному обоснованию цепочек выводов, извлекаемых из изучения любых категорий археологических материалов, будь то погребальные комплексы (World Archaeology, 1975, т. 7, № 1), типы жилищ (Reynolds, 1975), кости животных (Ziegler, 1975) и др. Далеко не все авторы этих работ считают, что эксплицитность может быть достигнута только под знаменами системной революции в археологии.

То же самое можно сказать и об обратном пути: от *explanans* к *explanandum*, когда встает вопрос о возможности подтверждения конкретными археологическими материалами концепций, входящих в экспликативные построения. При этом учитываются не только те понятия, которые заведомо кажутся наиболее близкими к исходным материалам, например, количественное выражение понятия «производство» в первобытный период (Ascher, Ascher, 1965). Учитывается все, вплоть до различных абстрактных понятий. Они могут выражать отношения между человеком и средой, например «доместикация» животных (Colliger, White, 1976) или растений (Renfrew, 1969). Или же они могут отражать общественные отношения — социально-экономические (Массон, 1976), политические (Trigger, 1974) и т. д. В любом случае цель исследователя — сделать эксплицитными те критерии, которые являются инструментом для определения, вывода или распознавания фактов, норм или систем поведения, включаемых в археологические экспликации (Watson, 1976). Или, если такой язык предпочтительнее, речь идет о раскрытии механизма «трансформаций», позволяющих нам выстроить мост меж-

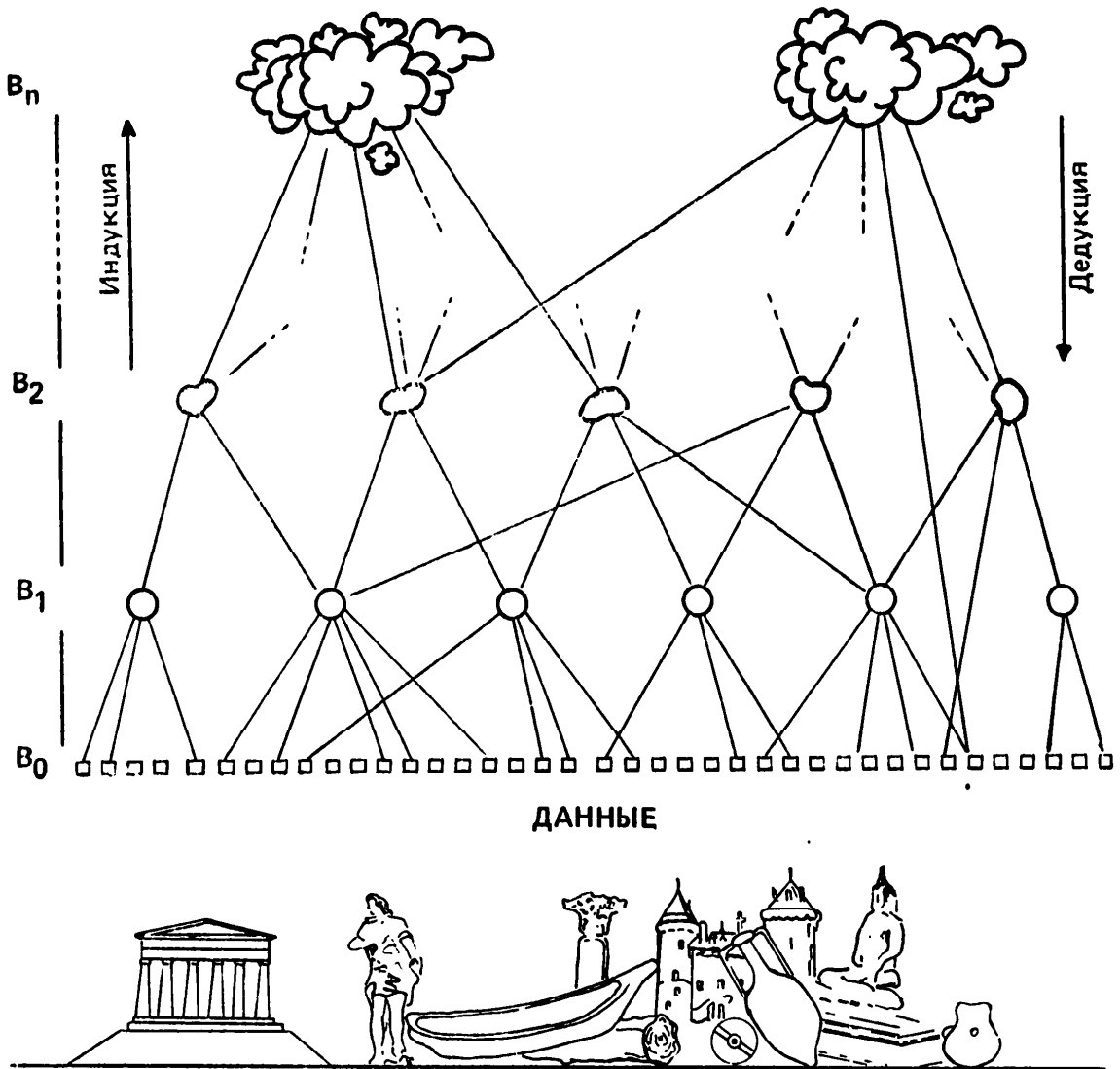
ду функционированием историко-культурной системы прошлого, с одной стороны, и определением исторического места и объяснением данных, собранных археологом, — с другой (Schiffer, Rathje, 1973, с. 169; см. также Schiffer, 1976, с. 12—17).

Ясно, что именно здесь находится ключ к пониманию интересующей нас процедуры. И в самом деле, где еще можно лучше понять механизм рассуждений археолога, как не в этих «трансформациях», с помощью которых осуществляется переход от изучения материальных объектов и фактов к теоретическим высказываниям. И не эти ли трансформации определяют в конечном счете познавательную ценность всякого археологического научного построения? Построение будет прочным, если трансформации ясны и убедительны, и оно будет слабым, если трансформации плохо обоснованы и оспоримы. Еще раз подчеркнем, что речь идет обо *всех* возможных построениях, к какой бы школе они ни относились. Поэтому в данном случае нет необходимости учитывать все различия между экспликатными построениями, упомянутые в предыдущих разделах. Логистический анализ приложим к очень разным по характеру и содержанию построениям. Поэтому, например, при анализе палеоэкологических исследований неважно, опираются ли они на традиционный постулат адаптивного поведения или на новейшее понятие экосистем (Burnham, 1973). То же самое относится и к биоархеологическим построениям (Sahlins, 1976). Аналогичный подход применим и к реконструкции религиозных обрядов, которые могут рассматриваться в столь различных контекстах, как палеолит (Leroi-Gourhan, 1964) и Пальмира римского времени (Seyrig, 1934—1966). Две последние работы явно различаются по характеру археологических материалов и использованных источников. Но использованные в них методы интерпретации с точки зрения логистического анализа не менее поучительны. И так далее, и так далее. Таким образом, дальнейшие рассуждения в одинаковой мере относятся к построениям любого вида, какими бы ни были их теоретические блуждания или эмпирическая неадекватность в глазах каждого исследователя.

4.1. НАДСТРАИВАНИЕ СИСТЕМ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

Как и при рассмотрении типологических построений, возьмем для примера уже существующий свод. Критерии, а также операции, используемые для его построения, будут

ОБЪЯСНЕНИЯ

Рис. 23. Приемы интерпретации в археологических построениях. А — эмпирически-индуктивные: от изучения эмпирических фактов к изложению экспликативных высказываний (восходящее направление). Б — гипотетико-дедуктивные: от изложения теоретических гипотез к их подтверждению эмпирическими фактами (нисходящее направление). В обоих случаях структура таких построений может быть представлена в форме пирамиды из высказываний $V_1, \dots, V_{n-1}$ (или, наоборот, $V_{n-1}, \dots, V_1$), образованных из первичных описательных высказываний V_0 (или из гипотез, нуждающихся в проверке V_n), с целью установления искомых логических связей между Данными (внизу) и их Объяснениями (вверху).

рассмотрены ниже (гл. V, § 1.2). Природа и количество изучаемых объектов для нашей задачи большого значения не имеют. Одни и те же способы интерпретации применяются и к своду, состоящему из одного объекта (например, значение изображения, функция здания), и к своду, состо-

ящему из тысячи объектов. Поэтому в последнем случае можно не уточнять характер тех совокупностей объектов, свойства которых нужно «объяснить» (например, клад монет, предметы из захоронений, квартал города и т. д.). Во всех случаях процесс интерпретации сводится к схеме, представленной на рис. 23, и мы будем пользоваться именно этой схемой, чтобы выяснить операции, с помощью которых осуществляется переход от *explanandum* к *explanans*.

А. Рассмотрим сначала наиболее распространенный случай, когда некоторое научное построение возводится снизу вверх, от археологических материалов к извлекаемым из их изучения выводам. Чаще всего именно так работают археологи в силу особых условий исследования (раскопки неизвестных ранее памятников, новостроечные спасательные раскопки и т. д.). Обратная же процедура, которую настоятельно рекомендует методика, применяется только как способ рационального обоснования уже готового построения, выполненного в таком восходящем направлении (см. гл. VII, § 1.1). Знаком B_0 обозначим первичные описательные высказывания. Ими могут быть символы, слова или фразы, которыми на данном языке представления обозначаются свойства материальных объектов, служащих основой построения. Выбор B_0 , очевидно, является решающим моментом, т. к. направление и характер выводов $B_1, B_2, \dots, B_n$ определяется содержанием этих высказываний. В этом смысле высказывание B_0 должно рассматриваться как первый этап интерпретации, хотя обычно его выделяют в отдельный, предшествующий интерпретации этап под названием Описание так, как будто Описание требует автономии внутри построения. В исследовательской практике, когда заранее принимается любой вид представления данных (гл. IV, § 2.1), такое разделение между Описанием и Интерпретацией, которые считаются двумя отдельными этапами исследования, стало традиционным, и многие археологи продолжают рассуждать в соответствии с этой схемой (пример и возражение см. ниже: гл. IV, § 4.2). Однако эта альтернатива — не более чем условность, ибо всякое описание — это та же интерпретация, но только сведенная к описанию (гл. III, § 3.3 и 5). Поэтому ограничимся тем, что примем описательные высказывания B_0 за семантическую базу любого построения.

Само построение далее осуществляется посредством последовательных, разветвленных преобразований (рис. 23).

Уже первые результирующие высказывания (B_1) меняют вид построения и превращают его из описательного (компилятивного) в объясняющее (экспликативное), поскольку высказывания типа B_1 относятся уже не к материальным объектам (как B_0), а к людям, которые их создавали, использовали или изменяли. Связь B_0 — B_1 , таким образом, играет особую роль в археологических построениях. Она является в буквальном смысле слова *сцепкой*, соединяющей два плана исследования, выделенные уже в первых главах: Компилации, обращенные к памятникам (как и B_0), и Экспликации, обращенные к древним людям (как и B_1). Именно с переходом от B_0 к B_1 принято связывать понятие культурных трансформаций (К-трансформаций), предложенное Шиффером для объяснения «протранственных, качественных и контекстуальных характеристик археологических материалов, являющихся источниками сведений о породивших их культурных системах» (Schiffer, Rathje, с. 170; Schiffer, 1976, с. 14—15). Выше уже отмечалось, что с недавнего времени растет число работ, посвященных систематизации выводов типа B_0 — B_1 для некоторых категорий археологических материалов: захоронения, поселения, фауна и т. д. Однако было бы ошибкой и неоправданным упрощением сводить интерпретацию к этой единственной операции. На самом деле экспликативные высказывания, то, что мы называем «заключениями», не всегда образуются прямо из B_0 . Большинство из них является результатом промежуточных высказываний, которые, как и B_1 , относятся к историческим событиям или к поведению древних людей, но представляют собой этапы рассуждений между B_1 и «заключениями» (B_n).

Схема на рис. 23 упрощенно выражает идею такой общей конструкции. Нетрудно заметить, что по мере продвижения к конечным высказываниям B_n (т. е. к «заключениям») исследователь по праву может пользоваться понятийным аппаратом любых предшествующих уровней, вплоть до исходного B_0 . Иначе говоря, элементы высказывания B_1 (промежуточного) могут происходить не только из непосредственно предшествующих высказываний B_{1-1} , но и из любого высказывания $B_0, B_1, \dots, B_{1-1}$, сформулированного на каком-нибудь более раннем этапе построения. Расчленение рассуждения на составные элементы, как это сделано в схеме на рис. 23, уже придает ее связям гораздо большую отчетливость, чем словесное изложение. Большинство ответвлений $\{B_0, \dots, B_1\} \rightarrow B_{1+1}$ на самом деле со-

проводится аргументацией, на которую они опираются. Ее необходимо тем или иным способом включить в аппарат построения. Предположим, например, что в ходе какого-нибудь исследования устанавливается угасание жизнедеятельности на некоторых поселениях и запустение земельных угодий в определенные, весьма длительные промежутки времени. Исследователь связывает эти факты с историческими событиями (например, нашествие) или географическими условиями (например, изменение климата). Сами предположения исследователя не входят в состав B_0 , поскольку они не являются первичными наблюдениями в буквальном смысле этого слова, т. е. сделанными непосредственно в ходе раскопок. Но это не мешает им оставаться элементами построения в целом. Они привлекаются на разных этапах $B_1, \dots, B_k$ с целью подойти к заключениям (B_n) относительно различительных характеристик населения изучаемого региона по эпохам (см., например, Gardin, Gentelle, 1976; 1979). Таким образом, следует расширить схему на рис. 23, введя в нее также и эти внешние предположения и способ их включения в структуру общего построения $B_0, \dots, B_n$.

Б. Прежде чем привести пример, иллюстрирующий полностью все построение, рассмотрим кратко второй путь рассуждений, представленный в нашей схеме (рис. 23): обратное движение от высказываний B_n к высказываниям B_0 . Это и будет тот гипотетико-дедуктивный процесс — одно из орудий «научной революции», — которому борцы за новую археологию придают особое значение (Binford, 1968b; Hill, 1972 и др.). Отправным моментом теперь будут высказывания B_n , относящиеся к изучаемым событиям или фактам общественной жизни древних людей. В данном случае эти предположения формулируются как гипотезы, которые должны быть проверены во время раскопок. Метод верификации здесь следующий: из B_n ⁵³ выделяются некоторые элементы, части в форме высказываний B_{n-1}, B_{n-2} и т. д., относящиеся к той же области данных, до тех пор пока не будет достигнут уровень высказываний B_1 , которые можно перевести в соответствующие, приблизительные или точ-

---

⁵³ Чтобы сохранить связь между прямым и обратным процессами рассуждений, я буду употреблять одинаковые обозначения. Таким образом, «первоначальные» высказывания гипотетико-дедуктивного построения я буду называть B_n , а заключительные высказывания — B_0 .

ные, археологические термины B_0 . Сравнение этих «предсказаний», относящихся к B_0 , с реальными эмпирическими фактами позволяет установить степень достоверности отправной гипотезы.

Несмотря на очевидную аналогию обоих методов построения высказываний, они не тождественны. В этом можно убедиться без особых доказательств. Действительно, если высказывание B_n является результатом изучения археологических материалов B_0 , то из этого вовсе не следует, что для подтверждения гипотезы B_n необходимо изучать только эти B_0 . Или, выражаясь более отвлеченно, пути, ведущие от B_0 к B_n , не обязательно должны совпадать с путями, ведущими от B_n к B_0 . Например, при рассуждении по «восходящей» линии можно, исходя из наблюдаемых изменений в структуре жилищ (B_0), сделать заключение о демографических фактах (например, о росте количества населения). Но это вовсе не означает, что при рассуждении по «нисходящей» линии гипотеза о росте населения (B_n) должна обязательно быть подтверждена изменениями в структуре жилищ (B_0). Это более чем банально и более чем известно. Однако нужно помнить, что концептуальные системы, в рамках которых действует исследователь-интерпретатор, в обоих случаях составлены из идентичных материалов. Следовательно, на этой стадии анализа можно рассматривать вместе логико-семантические механизмы и инструменты любого археологического построения: и индуктивного, и дедуктивного. Именно к этому рассмотрению мы и перейдем сейчас на конкретном примере.

4.2. ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ И ИНСТРУМЕНТЫ

Хорошим примером, иллюстрирующим рассуждения археолога в соответствии со схемой на рис. 23, является иконографический анализ изображений, смысл которых требует расшифровки. В этом случае отправным моментом исследования является развернутое *описание* изображения, т. е. B_0 . Оно предоставляет исследователю основные элементы для интерпретации изображения. Конечный пункт анализа — это *смысловая* реконструкция изображения, т. е. B_n , в соответствии с авторским комментарием. Именно в этом комментарии и происходит весь процесс преобразования $B_0, \dots, \rightarrow B_n$, точно определенного хотя бы в

Рис. 24. Каменная стела из музея г. Конья (Турция).

своих крайних точках (в начальной и конечной). Именно поэтому работы, посвященные иконографическому анализу, представляются удобной областью для изучения логических преобразований, занимающих промежуточное положение между иногда примитивными пространственно-временными типологиями и более разработанными в археологии сложными построениями типа экологических и культурных систем.

Чтобы избежать пенужных длиннот, взят пример, уже достаточно глубоко проанализированный в работе, к которой читатель может при желании обратиться (Gardin, Lagrange, 1975). Речь идет о короткой, но весьма проникновенной статье тюрколога Ж.-П. Ру (Roux, 1971). Она посвящена барельефу из музея г. Конья. Смысл изображения на этом барельефе показался автору непонятным, несмотря на многочисленные попытки его истолкования в прошлом (рис. 24). Это — стела, происходящая, несомненно, из округа г. Конья. Все исследователи относят ее ко времени династии Сельджукидов, правившей в Анатолии

в XII—XIII вв. На стеле изображена сцена, с описания которой автор начинает свое исследование. В описании перечислены не все элементы изображения, а только те, которые, как заявляет автор, «могут служить нашему доказательству». Отметим мимоходом это удачное признание, сделанное автором: описание (B_0) совершенно недвусмысленно делается только для обоснования одной, конкретной интерпретации $B_0, \dots, B_n$. Приведу текст (B_0) за исключением той части, где речь идет о самом камне: «...Два персонажа разного роста обращены лицом друг к другу. Они одеты в одинаковые длинные одеяния с широкими бортами, перехваченные в талии поясами. Левый персонаж более высокого роста. Он сидит на примитивном сидении, напоминающем складной стул. В правой руке, одетой в перчатку, он держит большую птицу.левой рукой он поддерживает подбородок персонажа, стоящего напротив. Меньший по росту персонаж стоит справа, засунув левую руку за свой пояс, а правую — за пояс сидящего человека». Затем следует изложение прежних интерпретаций этой сцены, где автор указывает, что он принимает и что отвергает в каждой из них и почему. Принимает он главным образом идентификацию высокого сидящего персонажа (*сельджукидский султан*) и птицы (*сокол*). Но он отклоняет все попытки объяснить общий смысл сцены. Например, для одного из исследователей — это эпизод «дрессировки сокола», для другого — «магическое общение между духовным покровителем и его последователем или учеником» и т. д. Два определения, выделенные курсивом, служат основой для двух следующих выводов. Во-первых, если один из изображенных — сельджукидский султан, значит, изучаемый сюжет связан с *традициями тюркских народов*, известными по современным им текстам. Во-вторых, участие в сцене прирученного сокола внушает мысль об изображении сцены *охоты*. Но, добавляет автор, о самой соколиной охоте не может быть и речи в силу «*торжественной статичности рельефа*», ибо это предполагает, скорее, изображение какой-то *церемонии*.

Остановимся на время на этой промежуточной стадии построения. На уровне B_0 были использованы три группы особенностей изображения (признаков), схематически представленные в нижнем ряду рис. 25: а) в первую группу входят неточно определенные признаки, которые служат основой для идентификации сидящего персонажа как «сельджукидского султана» (возможно, что и внешние

признаки стелы подтверждают эту интерпретацию); б) во вторую группу входят точно определенные признаки, служащие основой для идентификации «сокола»; в) в третью группу входят опять неточно определенные признаки, к тому же стилистические по своему характеру; они служат основой для определения «торжественной статике рельефа». Три термина или три выражения, заключенные в кавычки, составляют высказывания уровня В₁. Каждое из них является основой для новых выводов уровня В₂: от «сельджукидского султана» (и/или от только что упомянутых внешних признаков стелы) переходят к гипотезе, связывающей эту сцену с *традициями тюркских народов*, затем от «сокола» к *охоте* и, наконец, от «торжественной статике» и т. д. к *церемонии*. Соединение всех трех выводов ведет в этом случае к новой формулировке уровня В₃: вероятно, сцена представляет церемонию, связанную с парадной царской охотой в чью-то честь у турков, живших в Анатолии в XIII в. (эпоха, которой датируется стела).

Следующий этап построения предполагает поиск сведений о традициях охоты у тюркских народов в исторических источниках. Ж.-П. Ру находит два упоминания, которые показали ему относящимися к теме исследования: 1) у тюркских народов охота «считалась привилегией представителей высшей власти; она осуществлялась от имени владыки, с его разрешения и на основании пожалованного им права»; 2) пожалование права на охоту могло быть только в момент совершеннолетия юноши; тогда оно служило поводом для «церемонии инициации, где главным действующим лицом... был шаман, отец или владыка». Однако тюрки, о которых идет речь в этих литературных источниках, это — не те «западные турки», которые жили в Анатолии в XIII в. Речь идет о «восточных тюрках», обосновавшихся в Центральной Азии, в нескольких тысячах километров от Анатолии, еще до переселения какой-то их части к Ирану и Средиземному морю в XI в., т. е. до того переселения, в результате которого возникла династия Сельджукидов. Следовательно, необходимо объяснить, каким образом делается вывод о том, что обычаи, наблюдаемые только у восточных тюрков, можно считать характерными и для западных турков. Автор выходит из положения, употребляя своего рода вероятностный силлогизм следующего содержания: (А). Тексты свидетельствуют о том, что у восточных тюрков существовала церемония пожалования властью (религиозной, политической или обществен-

пой) права на охоту юношам, достигшим совершеннолетия. (Б). Известно также из других источников (не из тех, из которых взяты изложенные выше сведения «1» и «2»), что у западных турок в Анатолии XIII века охота была частью ритуальной практики, хотя в чем-то и отличной от таковой у восточных предшественников, но в основном следующей той же субординации и тем же правилам. (В). Следовательно, можно предположить, что среди ритуалов западных турок существовала церемония инвеституры, зафиксированная двумя-тремя столетиями раньше у их далеких предков из Центральной Азии.

Схема на рис. 25 отражает эту часть построения, начиная с уровня B_3 , на котором мы остановились. Высказывания «А» и «Б», взятые из письменных источников, образуют уровень B_4 . Сопоставление «А» и «Б» приводит к высказываниям уровня B_5 , который завершает индуктивную фазу построения: сцена представляет собой церемонию инвеституры — сельджукидский султан жалует своему сыну право на охоту в момент его совершеннолетия.

Но это еще не все. Высказывание B_5 на самом деле — не более чем гипотеза, выведенная только из части признаков B_0 . Остается проверить, совместима ли эта гипотеза с другими элементами описания. Именно этим занимается автор, стремясь продемонстрировать, насколько данная гипотеза «позволяет расшифровать многие характерные детали» стелы, не использованные на индуктивной стадии построения. Он отмечает, например, такие наблюдения: а) «легкость сиденья, на котором сидит султан, позволяет предположить, что оно поставлено под открытым небом при охоте»; б) манера держать сокола — «символ удачной охоты и, без сомнения, одновременно символ царской власти над теми, кто собирается на свою первую охоту»; в) малый рост второго персонажа по сравнению с фигурой султана говорит о том, что «он еще не достиг того положения, которое приобретает только после инициации»; г) идентичность одежд обоих персонажей указывает «на их одинаковое социальное положение»; д) наконец, положение «младшего» персонажа, который «одной рукой держится за свой пояс, а другой — за пояс отца, свидетельствует о зависимости, повиновении, подчинении». Рис. 26 обобщенно отражает установленные таким образом уже после исследования семантические связи между гипотетической экспликацией сцены (B_5) и элементами описания (B_0), не вошедшими в экспликацию в процессе ее форми-

рования. На первый взгляд заключительный этап построения можно считать своего рода *подтверждением* гипотезы В₅. В этом случае проверяется соответствие «предсказаний» эмпирическим данным. Однако далее нам придется выразить по этому поводу некоторые сомнения.

Прежде всего может оказаться бесполезной реорганизация нашей схемы в другом порядке. Во-первых, отметим, что, несмотря на ясно выраженное желание автора включать в описание только те черты изображения, которые используются в интерпретации, соответствие между элементами описания и интерпретации не всегда однозначно. Например, один из элементов изображения, отмеченный в первоначальном описании — жест сидящего персонажа, который «левой рукой... поддерживает подбородок персонажа, стоящего напротив», — далее в экспликации не участвует. Этот жест не упоминается ни при формулировании гипотезы, ни при ее подтверждении. Обнаруживается также и обратное явление, еще более затрудняющее исследование: некоторые иконографические особенности, используемые в интерпретации, не только не присутствуют в первоначальном описании, но даже не вошли в комментарий. Например, идентификация сидящего персонажа с «сельджукидским султаном» или, более обобщенно, — с властителем. Если признать, что определение «сельджукидский султан» не столько выводится из внутренних особенностей изображения, сколько основано на внешних признаках стелы, встает вопрос, на каких же именно? Автор этого не уточняет. За неимением веских доказательств, пишет он, «мы принимаем данное определение, в силу почти единодушного мнения исследователей (они пользуются аргументами, которыми трудно пренебречь); к тому же никакой другой, более убедительной гипотезы не существует». Но «аргументы», приводимые предшествующими исследователями, не дают достаточно надежного перечня внешних признаков, доказывающих или предполагающих «царственность» сидящего персонажа. Ссылаться же на отсутствие другого истолкования этого персонажа равносильно своего рода определению от противного. Неадекватность такого определения очевидна. Еще более поучителен другой пример. Говоря о «торжественной статике рельефа», автор тем самым отвергает гипотезу о сцене соколиной охоты и утверждает гипотезу о церемонии. Однако при этом он не ссылается явным образом ни на один элемент описания. описа-

ние имеет исключительно семантический характер, а не стилистический. Оно включает в себя *значения* элементов изображения (персонажи, их жесты, одежда и т. д.), а не *способ их исполнения* и не *впечатление*, которое они могут произвести на исследователя в зависимости от того, насколько в нем развита способность чувствовать. Это тем более поразительно, поскольку рассматриваемый памятник — изображение, а не текст. Между тем все происходит так, как будто все рассуждения относятся к экспликации текста, т. е. к высказываниям уровня B_0 , содержание которых каждый может себе представить любым способом: схематически или обращаясь к рисунку. Иными словами, все решает здравый смысл (или предполагаемый здравый смысл) *читателя*, но не *зрителя*, изучающего стелу. Условия, которыми определяется характер графического воспроизведения B_0 , не предусмотрены интерпретацией. Во всяком случае, они не присутствуют в ней настолько отчетливо, чтобы подобная интерпретация оказалась в принципе приемлемой для любого изображения «двух персонажей разного роста... лицом друг к другу, одетых в одинаково длинные одежды», и т. д. Рис. 27 демонстрирует несоответствия, которые возникают в том случае, если не упомянуты какие-нибудь связи между описанием и изображением. Практически это построение *не может* не зависеть от чувственного восприятия некоторых внутренних особенностей изображения, по поводу которых автор ограничивается только замечанием, что они «понятны без слов», и о которых, следовательно, он ничего не говорит. Именно такие свойства композиции служат основанием для вывода о «торжественной статике», сделанного при переходе от B_0 к B_1 в приведенном выше примере. И без сомнения, точно так же некоторые стилистические элементы в совокупности с внешними признаками служат основой для определения «сельджукидский», а значит, и основой для поиска в письменных источниках информации, относящейся к охотничьим традициям тюрков (рис. 25). Чтобы убедиться в этом, достаточно вообразить, какой характер приобрела бы интерпретация нашей стелы, если бы она оказалась не в музее г. Конья, а была бы, скажем, кем-то вывезена в Мексику и оказалась бы в музее Культуры с указанием «происхождение неизвестно».

Все это позволяет лучше понять, в каких пределах к преобразованиям $B_0 \rightarrow B_1$ предъявляется требование эксплицитности. И было бы неверно думать, что это требова-

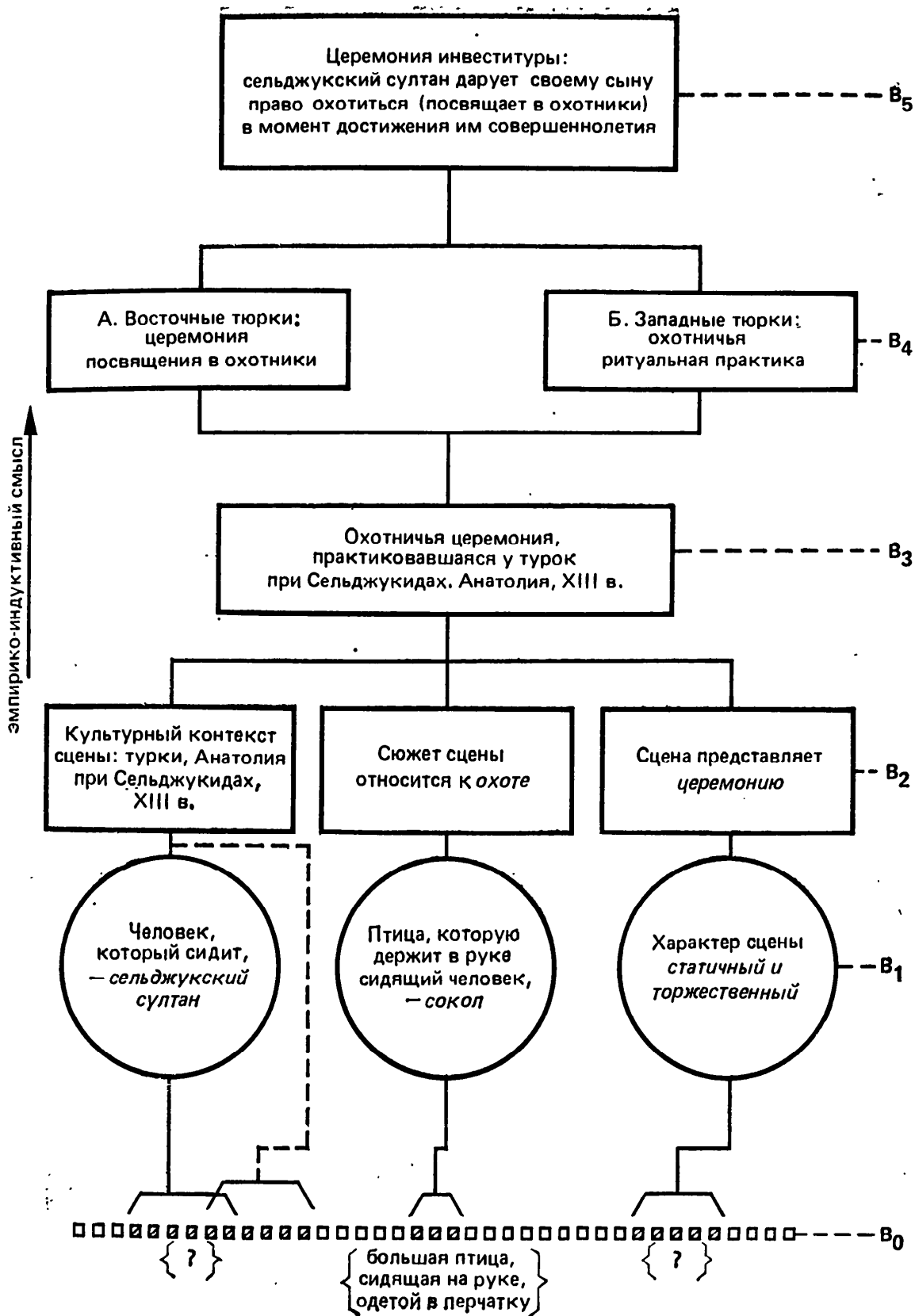

Рис. 25. Схематическое представление эмпирически-индуктивной интерпретации Ж.-П. Ру изображения на стеле (рис. 24). Условные обозначения те же, что и на рис. 23. Знаки (?) на уровне V_0 обозначают, что элементы описания (черные квадраты), на которые опирается вывод на уровне V_1 , определены неточно.

ние порождает сложности только в случае так называемого стилистического анализа (например, искусство эпохи Сельджукидов или «торжественная статика рельефа») в отличие от семантического анализа. С формальной точки зрения различия между ними—это не более чем различия в уровнях. Нетрудно догадаться, что выявление связей $B_0 \rightarrow B_1$ в обоих случаях связано с выяснением механизмов распознавания образов или структур, что само по себе является «построением», и нелегким (см. гл. I, § 3.3).

На первый взгляд кажется, что наиболее отчетливо обоснования рассуждений выявляются при переходе к высшим уровням построения. Действительно, никто не станет возражать против того, что прирученный сокол вполне закономерно напоминает об охоте, а статика всей сцены наводит на мысль о какой-то церемонии и т. д. Столь же закономерным кажется и выявление связи между различием в возрасте и в положении персонажей и их разным ростом и жестами (рис. 26). В основе этих соответствий лежат такие знания, которые в данном случае представляются еще достаточно общими для всех читателей. Эти знания можно разделить на две группы. Во-первых, это своего рода «универсальная семантика» или по крайней мере такая, которая достаточно хорошо известна среди предполагаемых читателей. Таким образом, отпадает необходимость в обосновании указанных соответствий. Во-вторых, это ссылки на особые факты и события, не выходящие за пределы «локальной» культуры, т. е. определенной эпохи, региона или народа, известных только специалистам, изучающим ее прошлую и настоящую историю (этнографам, историкам и т. д.). В первом случае обоснование соответствий или выводов опять предполагается «понятным без слов», и автор ничего об этом не говорит (например, если сокол — значит охота, если малый рост — значит юноша-принц и т. д.). Во втором случае, напротив, привлекается определенный научный аппарат для обоснования выводов, которые (обоснования) получают форму примечаний со ссылками на памятники или письменные источники. Такие примечания устанавливают предполагаемую связь вывода с его обоснованием (например, связь между положением рук «за поясом» и отношениями подчинения у некоторых народов Азии; связь между «легкостью сиденья» и обычаем некоторых *тюркских и монгольских владык* присутствовать на охоте и, сидя, наблюдать за подвигами своих подчиненных и т. д.). Но различие между универсальной и

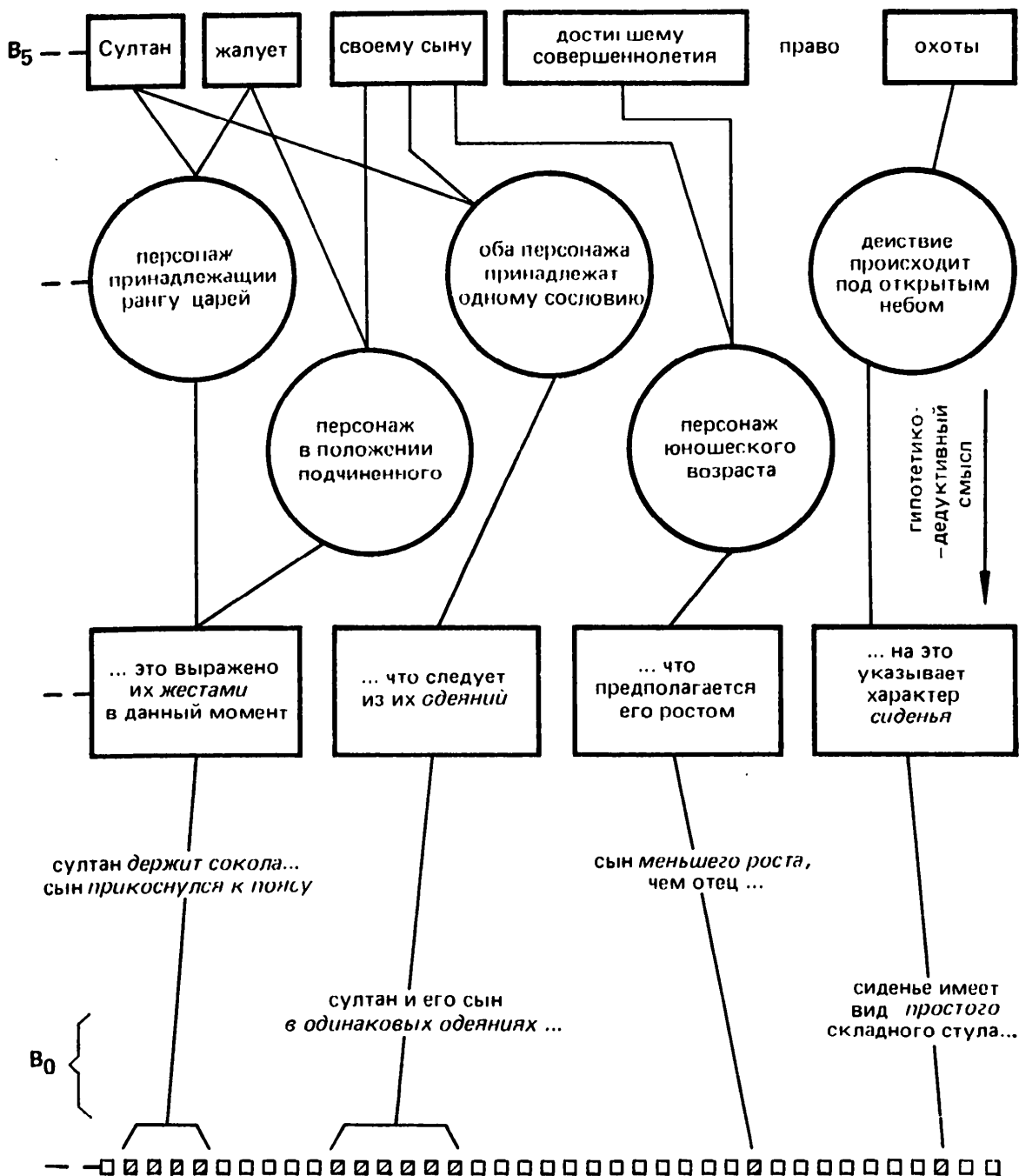

Рис. 26. Схематическое представление гипотетико-дедуктивной процедуры по Ж.-П. Ру для доказательства предшествующей (рис. 25) интерпретации.

локальной семантиками тем не менее весьма относительно. Совершенно очевидно, что универсальная семантика — это только фикция⁵⁴. В данном случае приходится гово-

⁵⁴ По крайней мере в том прагматическом смысле, в каком я употребляю здесь это выражение. Это не та «универсальная семантика», о которой пишут логики от Р. Карнапа до Й. Бар Хиллела. Их концепции определяются аналитическим содержанием, а не фактическими ссылками (Bar Hillel, 1970, с. 190). Как мы это

речь о каких-то более или менее локальных семантиках или «семантических полях», границы которых могут меняться между воображаемыми полюсами: они могут быть сужены до пределов «данной культуры» (локальной в этом смысле) или, напротив, расширены до некоей гипотетической «природы» вещей (универсальной в этом смысле). Выбор между ними можно сделать, опираясь на практику авторов-исследователей. К «универсальному» семантическому полю можно отнести все, не обоснованные явным образом связи (или, если угодно, обоснованные имплицитно). И наоборот, все связи, установленные на основе эксплицитно выраженных ссылок, можно отнести к «локальному» семантическому полю (Gardin, Lagrange, 1975, с. 51).

Однако, как и при рассмотрении преобразований $B_0 \rightarrow B_1$, мы вправе задать несколько вопросов по поводу выводов $B_1, \dots, B_n$ первого вида, т. е. тех, которые «понятны без слов». Например, так ли уж само собой разумеется, что «торжественный и статический» характер сцены (если предположить, что все его замечают) внушает мысль об изображении церемонии? И будет ли это более достоверным, чем объяснение данной сцены, как, например, изображения на надгробной стеле? В этом случае ее сюжет может быть истолкован как «воспроизведение эпизода из жизни погребенного», что и предполагал другой исследователь. Или же, так ли уж очевидно, что «легкость» сиденья, на котором восседает человек с соколом (если предположить, что все эту «легкость» замечают), свидетельствует именно о сцене под открытым небом? И не может ли эта «легкость» быть просто характерной чертой этого предмета мебели или способа его изображения в том культурном контексте, который нас интересует? И так далее...

Достаточно сформулировать вопрос таким образом, и ответ напрашивается сам собой. Если кажется, что такие выводы не требуют никакого обоснования, никакой особой ссылки, то это вовсе не потому, что они *неизбежны* в силу своей принадлежности к семантической области строго определенного характера. Скорее, это потому, что автор, убежденный в их *приемлемости* для всех, не считает нуж-

---

увидим далее, способ использования в археологии семантических универсалий (имплицитный и неформальный, а, скорее, резговорный) не имеет ничего общего с семантическим исчислением в логическом смысле. Было бы осмотрительнее за всеми этими логическими и лингвистическими по внешнему виду терминами и выражениями признать только метафорическое значение,

ным их доказывать. Но недостаток такой позиции в том, что при этом упускается из виду чрезвычайно важный факт: существуют другие, не менее приемлемые выводы, соответствующие к тому же более или менее естественному порядку вещей... Иначе говоря, чтобы принять выводы $B_1, \dots, B_n$, «понятные без слов», недостаточно доказать только приемлемость каждого из них. Нужно также доказать неприемлемость или меньшую приемлемость любого другого вывода, который может возникнуть в сознании читателя на том же этапе рассуждения и принадлежать к той же семантической области⁵⁵. Но так бывает редко, и поэтому интерпретации одних и тех же конкретных памятников имеют много толкований.

Мы уже отмечали это обстоятельство выше, в связи со схемой на рис. 23: от каждого пересечения линий, воспроизводящих соответствие одного понятия другому, отходит множество всевозможных ответвлений вместо одного-единственного, но обязательного. Поэтому преобразования, осуществляемые в концептуальном пространстве, редко бывают строго связаны между собой имплицитивными или дедуктивными связями. Это же верно и при продвижении по схеме сверху вниз, т. е. по направлению гипотетико-дедуктивных рассуждений. Вернемся, например, к рис. 26. Совершенно ясно, что признаки, вписанные в ромбы, не были строго выведены из гипотезы B_5 в том смысле, в каком, например, из упоминания о «султане» и его «сыне» выводится высказывание «два персонажа». Ссылка на «султана» подразумевает человека, персонажа, но ссылка на «охоту» не подразумевает ни то, что он обязательно сидит на легком сиденье, ни то, что он сидит вообще. Упоминание о «сыне» подразумевает наличие второго персонажа,

---

⁵⁵ Здесь можно вернуться к аргументации, развернутой в гл. IV, § 3.1. Хорошие примеры приводил Дж. Коугилл (Cowgill, 1975) по поводу исследований, основанных на демографических данных или гипотезах, эксплицитно или имплицитно исходящих из «факторов роста». Они считаются очевидными с точки зрения здравого смысла, хотя изучение современного общества заставляет в них сомневаться. Эта «очевидность» объясняется только недостаточным вниманием к противоположным факторам. Вот почему необходимо отличать дополнительные или противоположные пути исследования. Теоретическая археология (впрочем, как и физика или биология), стремясь к обоснованности своих рассуждений, не может избежать этой необходимости. Подробнее об этом с точки зрения теории познания см. Scriven, 1959, с. 461—463, и в частности Smith, 1977.

Но вовсе не обязательно, чтобы он был одет так же, как султан, и т. д. Впрочем, именно благодаря этой множественности возможных выводов от V_n к V_0 каждый из них может рассматриваться как дополнительная информация в том точном значении, которое этому слову придает теория информации. Ведь предсказание наличия в изображении двух персонажей, сделанное исходя из гипотезы «султан жалует своему сыну...», очевидно, не является столь уж важным открытием, а возможность противоположного мнения говорит об относительной слабости таких дедукций или предсказаний. Каждая из них — почти всегда — «одна из многих, равным образом допустимых». Поэтому их эмпирическая проверка имеет только ограниченное значение. Если бы, например, одно из предсказаний (рис. 26, ромбы) не было проверено, автор все равно не считал бы свою объясняющую гипотезу недостоверной. Или, скажем, идя сверху вниз, можно «предсказать», что в сцене «султан жалует своему сыну право охоты» должны быть представлены два действующих лица, одетых по-разному, и старший из них должен сидеть на величественном троне и т. д. Можно также вообразить, что схема на рис. 26 читается в обратном порядке, снизу вверх, но и тогда нельзя не видеть возможностей разных объяснений. Легкость сиденья тоже с одинаковым успехом позволяет предположить и другие обстоятельства, помимо действия под открытым небом. Идентичность одежд может иметь другие причины, нежели родственные отношения персонажей и т. д. (по поводу непрочности этой логики рассуждений см. Salmon, 1975, 1976; Smith, 1977).

Последнее замечание возвращает нас к тому свойству семантических сетей, которое уже отмечалось по поводу общей схемы на рис. 23. Известно, что всякое построение считается результатом возвратно-поступательного движения между *explanans* и *explanandum*. Но тем не менее на практике выбор между восходящими и нисходящими операциями очень произволен, если не сказать больше. Например, Ж.-П. Ру уверяет нас, что он использовал одни признаки уровня V_0 в восходящем направлении, чтобы формулировать гипотезу (рис. 25), а другие — в нисходящем направлении, чтобы ее проверить (рис. 26). Ни в коей мере не ставя под сомнение добросовестность автора, нельзя не отметить, что нисходящее движение *тоже* сыграло свою роль в зарождении гипотезы, хотя бы и неосознанно. В конце концов, в порядке эксперимента, можно поменять

направление обеих схем, представив себе, что на рис. 26 показана схема рассуждения в восходящем направлении, от анализа данных к гипотезе, а на рис. 25 — в нисходящем, от гипотезы к ее проверке фактами. Позднее я вернусь к этому вопросу, когда речь пойдет о способах оценки экспликативных построений вообще (гл. IV, § 5). В данном случае важно лишь то, что исследователь волею совмещать в едином *комплексе* ту или иную группу признаков уровня B_0 как для индуктивной базы построения, так и для дедуктивной оценки его достоверности. Это зависит от того, какой путь он предпочтет, и в любом случае данная альтернатива не может быть поводом для «священных войн».

Но может возникнуть возражение: действуя таким образом, исследователь рискует невольно скрыть историческую или психологическую реальность схемы. Если действительно интерпретация Ж.-П. Ру построена, а затем проверена теми путями, о которых он пишет, то почему бы не воспроизвести их в виде ориентированных графов, сохраняя различие между способами построения? Это было бы возможно, хотя здесь есть опасность, и даже — двойная. Во-первых, термины «проверка гипотез» или «верификация» воспринимаются слишком серьезно. «Двуликость» построения Ж.-П. Ру не придает ему большей основательности, чем если бы оно было представлено единой схемой в указанном выше смысле. Думается, что эти два условия, которым должна удовлетворять подобная логическая конструкция, следует понимать в более широком контексте, чем в рамках одного данного построения (гл. IV, § 5). Во-вторых, в конечном итоге характер этого различия может остаться скрытым. Возможно, что кому-то и интересно узнать, что Ж.-П. Ру *сначала* пришел к своей гипотезе благодаря первой части высказываний B_0 , а затем *утвердился* в ней, обратившись ко второй части первичного описания (признаюсь, я не убежден ни в том, что это действительно было так, ни в том, что это «интересно»), но все равно остается неясным, почему и как нужно отделять друг от друга эти два способа схематизации рассуждений и каков механизм этого разделения.

Последнее замечание относится как раз к механизму. Если рис. 25 и 26 рассматривать как «интерпретации» общей схемы (рис. 23), то следует отметить, что интерпретация сосредоточена на «узлах» и «вершинах» графа, а о значении «ветвей» или «арок», связывающих узлы и вер-

шины, ничего не говорится. Между тем эти связи весьма разнообразны. Некоторые из них могут быть охарактеризованы достаточно отчетливо.

1. *Составные определения.* Например, термин «сокол» на уровне B_1 образуется из терминов «большая — птица — сидящая — на руке — одетой — в перчатку» уровня B_0 .

2. *Ассоциативные связи*, например, между элементами и их функциями (от «сокола» к «охоте» или от «охоты» к «действию под открытым небом») и др.

3. *Условно-знаковые связи*, которые позволяют переходить от абстрактных понятий к их *символическим выражениям*. Например, связи между узлами, очерченными кругами или ромбами, позволяют перейти к их символическому изображению на рис. 27.

4. *Парадигматические и синтагматические связи* в классическом сосюрловском понимании. Примером парадигматических связей может служить разделение «тюрков» на «восточных» и «западных». Примером синтагматических связей может быть объединение понятий «церемония», «охота» и «тюркский контекст», сформированные независимо друг от друга на уровне B_2 и преобразованные в синтетическое высказывание уровня B_3 .

Совершенно очевидно, что анатомия археологических построений должна опираться на систематический перечень этих связей и *отношений*. Они столь же необходимы, как и перечень исходных *данных*. Всякое исследование, собственно, всегда является результатом продуманных комбинаций тех и других, осуществляемых по определенным, но не всегда явно сформулированным правилам. Вместе с тем для выработки подобных правил нужен некоторый словарь, более богатый, чем если бы он состоял из одного слова «вывод», которым мы обычно обозначаем все разнообразие связей между данными, их сочетаниями, обобщающими понятиями, формулируя гипотезы или проверяя их аналогично тому, как это показано на рис. 25 и 26.

Если предположить, что такие связи перечислены, а правила их построения для данного исследования определены, то, выражая все это в единой схеме, нетрудно убедиться в ее двуплановости, т. е. в том, что она состоит из двух видов элементов: семантических и логических. *Семантические* элементы — это узлы (вершины графа), которые воспроизводят понятия, введенные исследовате-

лем в данное рассуждение. *Логические* элементы — это ветви схемы (ребра графа), соответствующие операциям преобразования от одного или нескольких понятий к другому, а сами операции обусловлены природой связей, объединяющих их в единую схему⁵⁶.

4.3. ПРОБЛЕМЫ ФОРМАЛИЗАЦИИ

Итак, логистическое требование, предъявляемое к интерпретационным построениям в археологии, начинает приобретать форму. Оно предполагает логико-семантическую организацию (ЛСО) данных и методов их обработки, общих или специальных (или, если это предпочтительнее, «универсальных» или «локальных» в вышеуказанном смысле), которая лежит в основе всего процесса исследования. Единственный пример, приведенный в предыдущем параграфе, может показаться слишком скудным основанием для утверждения, что *всякая* интерпретация должна быть организована таким образом и что *все* ЛСО обладают одинаковой структурой, соответствующей общей схеме (рис. 23). Однако именно это решение мы собираемся предложить. И другого доказательства, кроме этой схемы, у нас нет (гл. IV, § 4.1). Но тогда возникают вопросы. До какого предела, например, следует углубляться в выяснение ЛСО, обуславливающей и определяющей археологическое построение? Приобретает ли археология благодаря ЛСО более «научный» характер? Если да, то в какой мере? Или, говоря обобщенно, каково место ЛСО во всем процессе возрастания формализации в археологических построениях?

---

⁵⁶ Из этого вовсе не следует, что схемы на рис. 24—26 иллюстрируют именно этот конкретный способ организации данных для логистических реконструкций. И вполне естественно могут возникнуть многочисленные возражения. Например, относительно неудобства бинарных связей, когда речь идет о N-местных предикатах. Или по поводу относительности большинства предложенных логико-лингвистических различий (например, между отношениями парадигматическими/синтагматическими, дефиниционными/функциональными и т. д.) или по поводу любой формальной проблемы такого характера. Тем не менее, думается, что не стоит начинать дискуссии по этим вопросам, предварительно не познакомившись со структурой археологических построений по специальной литературе (ссылки см. в гл. IV, § 2.2, 4.1, 4.2) и с логикой научной речи на том или ином естественном языке (Cros, Gardin, Lévy, 1964, с. 40—75; Gardin, 1965a, 1967b; Bély et al. 1970 и др.).

Рассмотренный только что пример подсказывает первое замечание относительно содержания ЛСО. Если судить о нем по этому примеру, то техническая сторона ЛСО может показаться столь слабой, что вполне оправдан вопрос о ценности такого средства: можно ли только *к нему* свести все материалы и механизмы археологической экспликации? Корректный утвердительный ответ на этот вопрос заставляет напомнить, что при построении ЛСО археологических интерпретаций мы имеем дело с особым видом семантики и логики, которые можно условно назвать «естественными». Под «естественной» семантикой мы будем понимать общепринятую в археологии систему определений и классификаций, выражаемую словами «естественного» языка, не строго однозначными, в отличие от научных языков, специальных областей исследования (см. выше: гл. III, § 3.3). И если возникает впечатление, что при логическом обосновании археологических построений можно обойтись без четкой семантической системы обозначений, то причина этому представляется скорее в неразработанности системы понятий и терминов, чем в самой природе обоснования. То же самое можно сказать и о «естественной логике». Это операции, выражаемые в «размытой» форме словами естественного языка, которые скрываются под не вполне ясными или одинаково значимыми для всех словами: «преобразования», «выводы», «трансформации», «новые формулировки» (ими мы пользовались выше). «Естественная» логика не предполагает использования какого-либо технического, математического или вообще формализованного аппарата. Поэтому и воспроизведение в наших схемах связей, порождающих гипотезы, имеет достаточно примитивный вид. Поскольку интерпретационные построения создаются в терминах и правилах естественного языка, экспликация понятий и операций, составляющих эти построения, не должны требовать более точного аппарата, чем вышеуказанные ЛСО зачаточного характера.

Но как доказать, что ЛСО действительно отображают структуру исследования? Откровенно говоря, никак. Но это и неважно, поскольку не в этом доказательстве состоит цель нашего исследования. ЛСО не претендует на конкретное воспроизведение последовательности этапов исследования, «реально» пройденных в сознании данного автора. Скорее — это механическая схема, модель последовательности рассуждений явных или неявных, осознанных или кажущихся «ясными без слов». Одной из главных осо-

бесплодней ЛСО является стремление оставаться в рамках «дискурсивной» логики (Vignaux, 1976), т. е. логики связей, сформулированных на естественном языке, а не в результате применения количественных определений и выводов математического типа. Последние кажутся очень далекими от методов интерпретации археологических фактов. Поэтому в данном случае необходим аппарат, который не был бы в буквальном смысле математическим, как, например, в типологиях (формирование типологических классов гораздо легче поддается исчислению, чем формирование гипотез). Скорее, нам нужен аппарат лингвистический, по крайней мере в том широком смысле, который этому слову придают теоретики языка (Lakoff, 1970; Mel'chuk, Zholkovskij, 1970; Grimes, 1972; Petöfi, Rieser, 1973; Noël, 1973 и др.).

Однако ссылка на лингвистику тоже небезопасна. Прежде всего следует подчеркнуть, что дискурсивный анализ, который мы пытаемся здесь определить, не имеет никакого отношения к методам порождающего или трансформационного анализа, вызывавшим недавно интерес некоторых археологов (Deetz, 1967, с. 83—93); И. Мюллер в изложении и комментариях Д. Хаймса (Hymes, 1970). Оговорки, сделанные Д. Хаймсом по поводу первых попыток обращения к лингвистическим методам, верны, в том числе и для взаимодействий между историками, лингвистами и информатиками (Robin, 1973). Иными словами, не следует надеяться, что лингвистическая теория, как и любая дисциплина, изучающая проблемы связей (математических, логических, информационных), сможет когда-нибудь дать такой аппарат формализованного анализа, применение которого к любому явлению сделает сразу понятным скрытый смысл этого явления. Настойчивая и наивная вера то в одну, то в другую панацею — это одна из причуд гуманитарных наук наших дней (Gardin, 1974a, с. 44—55; 1979). Не лучшими являются в этом смысле и перспективы прикладной или математической лингвистики, поскольку употребляемые ею средства научного анализа только для нее и пригодны. По существу, они не предназначены для универсального применения. Допустим, например, вполне реальную возможность построения таких алгоритмов, с помощью которых ЭВМ сможет «обработать» резюме научных текстов с той же тщательностью, что и специалист в данной области (например, Bély et al., 1970). Но столь же реально, что эти алгоритмы предполагают приме-

Пепие средств семантического анализа, пригодных только для этой единственной области. И еще одно, более существенное ограничение: эти алгоритмы будут отражать только то состояние знаний, которое *именно в этот момент* было использовано для понимания изучаемых текстов, «понимания» в том смысле, который придается этому слову в математической лингвистике (Winograd, 1972; Виноград, 1976; Schank, Rieger, 1974 и др.). Но состояние многих знаний в гуманитарных науках столь же неустойчиво, как и в естественных. Поэтому содержание правил, выводов и интерпретаций приходится постоянно пересматривать по мере того, как меняется организация знаний. Истинно «формализованная» часть исследовательского процесса, инвариантная при всех изменениях состояний знаний, оказывается, таким образом, относительно бедной в сравнении с объемом и сложностью упомянутых семантических средств. К тому же выясняется, что эти семантические средства управляют всем процессом вплоть до понимания *логических* связей, объединяющих термины и высказывания на всех этапах построения (Gardin, 1967b, с. 35—36; 1973, с. 154—158). Таким образом, в смысле перспектив формализации существует явная аналогия между схемами ЛСО и средствами, предлагаемыми со всех сторон специалистами по «концептуальному» анализу текстов на естественных языках (Bobrow, Collins, 1975; Norman et al., 1975; Schank et al., 1975 и др.). Эта же аналогия поможет нам установить пределы возможностей формализации в археологии.

Упомянутые выше поиски в самом деле имеют тенденцию отойти от относительно хорошо определенных задач и методов лингвистического анализа в буквальном смысле слова и подойти к анализу познавательных процессов вообще, применительно к каким-нибудь текстам или другим объектам. Теоретической базой этих поисков теперь становится не порождающая грамматика, а искусственный интеллект, роль «духовного отца» играет уже не Н. Хомский, а М. Минский, и авторы «программ, понимающих естественный язык», отныне числятся по «департаменту вычислительной техники или психологии и уже не имеют отношения к лингвистике» (Damerau, 1976, с. 109). Может ли такой поворот обеспечить будущее формализации? Думается, что нет, и по очень простой причине. Такое изменение точки зрения или стратегии исследования, сколь бы оно ни было похвально, связано с риском возродить утра-

чейные иллюзии относительно *общих* методов анализа текста. Нетрудно показать, что под знаменами искусственного интеллекта эти иллюзии столь же малообещающи, как и под знаменами теоретической лингвистики. Указанное выше препятствие одинаково неизбежно проявляется в обоих случаях: исследователь обязательно должен составлять крайне сложные ЛСО под разными названиями (распознающие системы, деревья отношений, матрицы состояний и т. д.), чтобы определить достаточно простые процессы рассуждений. И при этом он ощущает печальную уверенность в том, что он обречен повторять эту операцию каждый раз, когда приходится иметь дело с хотя бы чуть-чуть новой областью рассуждения. Это «предупреждение» впервые было высказано еще в 1960 г. по поводу находившихся тогда в полном разгаре работ по автоматическому переводу текста (Bar Hillel, 1960). Было предсказано, что тот же самый логик в процессе работы может спустя некоторое время дать новые формулировки, в терминах более радикальных, чем прежде. Это предсказание осталось не опровергнутым (Bar Hillel, 1975). В конечном счете мы приходим к следующей альтернативе: либо ограничиться только изучением специальных областей исследовательской деятельности с целью выяснения концептуальных систем, управляющих построениями в каждой из них, взятой в отдельности (как наши ЛСО); либо настаивать на поиске правил более общей дискурсивной логики, выходящей за пределы ограниченных областей применения.

Правильность второго пути вызывает большие сомнения. Приведу некоторые примеры. Бесплодность или полная неудача «общих методов, которыми пытаются воспроизвести деятельность центральной нервной системы, применяя для этого некоторые способы решения проблем достаточно широкого профиля» (Lighthill, 1973). Тайна, которая продолжает окружать такие понятия, как естественная логика, логика аргументации, дискурсивная логика и т. д. Они вошли в обиход лет десять—двадцать тому назад, преимущественно как инструмент анализа речи. Но никто пока не сумел придать им такую операционную форму, которая позволила бы создать настоящее исчисление. Те же недостатки обнаружались и в последних лингвистических теориях, разработанных, казалось бы, как раз с целью преодоления этих недостатков («сетевые грамматики», «познающие грамматики» и т. д., см., например, Lakoff Thompson, 1975). Вот почему я охотно подписался бы под

неожиданным заключением, сделанным в результате одной экспериментальной работы, посвященной операциям извлечения выводов, причем умышленно были выбраны самые простые из них: «Обращение при интерпретации данных к здравому смыслу, а не к формальным построениям и моделям может показаться странным, но это — первый шаг к более ясному пониманию реальных познавательных процессов» (Paris, 1975, с. 83—84). И здесь же автор поясняет: «Интерпретация связей в терминах условной истинности не является адекватным отображением процесса понимания смысла, поскольку эксплицитно игнорирует⁵⁷ семантические связи между элементами высказывания... Понимание связей между высказываниями, кроме всего прочего, зависит от понимания связей между компонентами высказывания» (там же, с. 89—90).

Иными словами, мы рискуем оказаться на пути применения ЛСО, как бы изменчивы они ни были и какую бы отрицательную реакцию ни вызывали. В силу своей ограниченности ЛСО могут отображать структуру небольшого числа специальных построений конкретной дисциплины, конкретной школы и даже конкретного исследователя и ни в коей мере не могут служить основой всех познавательных процессов вообще. Таким образом, представляется, что при современном состоянии наших знаний в области искусственного интеллекта «формализация» экспликативных построений в археологии может быть только в виде конкретных попыток, применительно к анализу определенных исследований. Они пока весьма далеки от решения тех обширных задач, которые предполагаются, или, точнее, должны предполагаться, если понятие «формализация» воспринимать серьезно. Вот почему я готов разделить мнение логика Ж.-Б. Гриза, который предлагает различать *формализацию* в прямом смысле, когда модели являются настоящими формальными системами, связанными так или иначе с математической логикой, и *схематизацию*, т. е. «модели, создаваемые словами какого-либо естественного языка» (Grize, 1974, с. 204). Совершенно очевидно, что

---

⁵⁷ Соединение этих двух терминов («эксплицитно» и «игнорирует») может показаться случайной ошибкой. Я же, напротив, вижу в этом своеобразный способ выражения определенной позиции, если не «эксплицитной», то очевидной. Это позиция сторонников моделирования языка и мысли, которые стремятся как можно дольше «игнорировать» особые семантические условия, ограничивающие практическое значение таких моделей.

логистический анализ, в том смысле как он определен и проиллюстрирован в этой книге, прежде всего имеет своей целью схематизацию, а не формализацию археологического рассуждения. Какую же еще пользу можно извлечь из логистического анализа, ограничив таким образом его формальные задачи? В конечном итоге, никакой другой, кроме более ясного осознания того, что наши построения, как бы мы их ни хвалили от имени той или иной заново открытой «научной» методологии, имеют *постоянные пределы*. Это хорошо видно на примере интерпретации изображения на каменной стеле (гл. IV, § 4.2). Смысл ЛСО исследования малознакомого памятника состоит не в том, чтобы придать этой схеме больше строгости или больше истинности в терминах исчислимых вероятностей. То же исследование можно повторить в применении к шести предшествовавшим (т. е. до Ж.-П. Ру) интерпретациям этого же памятника, и с первого взгляда было бы невозможно заметить, какая из них наиболее близка к истине. Смысл этого эксперимента совсем в другом: в выявлении определенной эквивалентности разных построений, одинаково *допустимых* и даже в некоторых случаях *совместимых* между собой, при условии незначительной переработки ЛСО, лежащих в основе каждого из них. Это можно показать, если вывести гипотезу Ж.-П. Ру из шести предшествующих интерпретаций с помощью исчисления, изложенного в (Gardin, Lagrange, 1975, с. 38—48). Иными словами, смысл логистического анализа состоит в том, чтобы беспощадно снять всякие покровы с постулатов и предположений, привлеченных для каждого построения. Тогда археолог получает возможность точно определить те элементы построения, которые кажутся ему непрочными или даже недопустимыми.

Вообразим на мгновение, что все археологические публикации внезапно предстали в форме ЛСО, построенных по модели, представленной на рис. 23. Допустим, что в них подобраны все желаемые наименования вершин и ребер графа, а также логико-семантические правила преобразования от одного уровня V к другому V_{+1} и V_{-1} (рис. 25 и 26 соответственно). Предположим также, что ЛСО и эти правила образуют вместе некую «познавательную грамматику» археологических построений, существующих в литературе. Можно быть уверенным, что построение, созданное по правилам такой «грамматики», было бы чрезвычайно «свободным». Все его пути, хорошо организованные *с точки зрения грамматики*, были бы по каждому поводу

столь многообразны, что в конце концов пропала бы всякая надежда внести в них когда-нибудь какой-то порядок. Иными словами, мы снова можем оказаться в ситуации, уже упоминавшейся выше, когда речь шла о несистематических интерпретациях: данное объяснение кажется нам настолько же приемлемым, насколько мы проявляем осторожность по отношению к другим, тоже, казалось бы, приемлемым объяснениям (см. гл. IV, § 3.1 и § 4.2).

Достаточно очевидный, таким образом, вывод сводится к трем пунктам:

а) Логистический анализ или, если угодно, схематизация экспликативных построений в археологии, это *не* формализация, о которой мечтают некоторые археологи. С другой стороны, не очень ясно, как можно подойти к формализации, минуя ЛСО или, по крайней мере, дискурсивные формы построения рассуждений с тем, чтобы обратиться к логическим или математическим преобразованиям. Во всяком случае, надежда на дружное движение по этому пути исторических наук, частью которых является археология, очень невелика.

б) Даже при этих весьма скромных задачах логистический анализ содержит в себе приемы «приведения к форме», гораздо более трудные, чем те, к которым вообще готовы археологи, как бы они ни были заинтересованы в научной строгости своих построений. Вот почему нет необходимости в том, чтобы вся археология пошла по тернистому пути схематизации. Представляется более приемлемым разделение, подобное тому, которое существует в естественных науках между их прикладными и теоретическими ответвлениями. Тогда теоретическую археологию можно определить как некую логическую структуру научных построений в археологии или в «практических» археологиях, т. е. таких, которые изучают определенные памятники в конкретных областях⁵⁸. Эти прикладные отрасли

---

⁵⁸ По поводу обоснованности этого простого определения можно было бы долго спорить. Я ограничусь только следующими замечаниями: а) во-первых, этот вопрос не кажется мне столь уж значительным; главное — договориться о содержании и смысле «критического изучения моделей археологического рассуждения», каким бы именем это ни называлось (Clarke, 1973, с. 15, см. приведенную на с. 29 более полную цитату); б) во-вторых, выражение «теоретическая археология» было введено в употребление в советской археологии (Klein, 1977), но в гораздо более широком смысле, для которого мне представляется более подходящим термин «общая археология» (Шер, 1976).

могут превосходно развиваться вне требований и задач теоретической археологии, даже если это и наносит им ущерб. В этом случае теоретическая археология уже не будет иметь такого императивного характера, каким бы ее хотели наделить особо усердствующие теоретики. Ее «инквизиторская» роль, безусловно, останется, но лишь в первом значении этого слова, а печальные судебные предписания, которые добавляются к ней всякий раз, когда возникает желание направить по этому пути всю науку, будут исключены.

в) Признание этой двойственности является не более чем признанием следствия, выводимого из более важной истины, которую теперь можно напомнить: самые прекрасные по форме построения ничего не стоят, если они тут же опровергаются фактами. Иными словами, скрупулезное выяснение семантических данных и логических операций, лежащих в основе археологических научных построений, не являются ни достаточной, ни даже необходимой мерой их научной ценности. Именно этот вопрос (определение научной ценности археологических экспликаций) мы и рассмотрим в следующем параграфе.

5. ОЦЕНКА ЭКСПЛИКАЦИЙ

Познавательная ценность научного построения совсем не обязательно связана с его формальными достоинствами. Это — очевидная истина, однако напомнить о ней будет не лишним. Особенно полезно ее вспоминать перед лицом все более умножающихся «экзерсисов», в которых удовольствие от изложения особой техники исчисления или особого алгоритма, кажется, одерживает верх над стремлением прийти к результатам, подтвержденным эмпирическими способами⁵⁹. В любой науке всякое теоретическое построение должно быть подтверждено фактами. Тем более это необходимо в археологии, по крайней мере, по двум следующим причинам. Во-первых, при ближайшем рассмотрении оказывается, что исторические интерпретации гораздо больше соответствуют естественному по-

---

⁵⁹ Это замечание адресовано не только к работам других авторов. Оно имеет отношение и к моим собственным попыткам применить математику и ЭВМ в археологии, например (Gardin, Gargelli, 1961). Этот методический «экзерсис» не имел никакого «поистине великого» применения, и его значение для ассириологии оказалось незначительным.

рядку вещей, чем строго логической причинно-следственной связи. Нередко одни и те же памятники дают основания для интерпретаций, совершенно разных. Тем не менее они все прекрасно оформлены. По крайней мере логико-семантический аппарат, лежащий в основе каждой из возможных интерпретаций, априори вполне приемлем⁶⁰. Следовательно, здесь более чем где бы то ни было необходимо обращение к фактам, которые позволяют обосновать предпочтение, оказываемое одной интерпретации перед другими.

Во-вторых, приходится признать, что в силу своего эмбрионального состояния формализованные построения в археологии могут зачастую показаться слишком бедными в сравнении с явно богатыми традиционными способами интерпретаций. В свое время Бюффон подчеркивал опасность «несуразиц, с которыми можно столкнуться в стремлении применить геометрию и математику... к объектам, свойства которых недостаточно известны, чтобы их можно было измерить. Во всех этих случаях приходится высказывать предположения, противоречащие природе, сдирать кожу с большинства ее свойств, делать из нее абстрактное существо, не похожее более на существо реальное. И наконец, многократно обсудив и подсчитав связи и свойства этого абстрактного существа, приходят к заключению, тоже абсолютно абстрактному, полагая, что нашли что-то реальное... Это приводит к бесконечным ложным выводам и заблуждениям» (цит. по Thuillier, 1976, с. 149). Археология особенно подвержена этому недостатку новоявленных формализаций. Поэтому для археологии особенно важно доказательство «реальности» ее построений.

Каким образом построить такое доказательство? Методы оценки достоверности (будем называть их своим именем) достаточно известны. Поэтому можно ограничиться кратким изложением точек зрения, высказанных ранее на ту же тему относительно гуманитарных наук вообще

---

⁶⁰ Рассмотрим один, особенно поучительный пример. Два археолога, одинаково стремящиеся к точности своих рассуждений, опубликовали работы по датировке одной и той же группы курганов (Се Гирдан, Иран). Они исходили из одних и тех же эмпирических данных и пользовались аргументами, в обоих случаях пригодными для переложения во вполне приемлемые логистические формулировки. Тем не менее, авторы пришли к датировкам, разница между которыми составляет от двух до трех тысяч лет (Deshayes, 1973; Muscarella, 1973).

(Gardin, 1974, с. 107—114). Для ясности рассмотрим сначала простой случай — типологические построения в том определении, которое было бы дано выше⁶¹.

5.1. ОЦЕНКА ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ПОСТРОЕНИЙ

Как это было показано выше, главная функция типологических построений состоит в том, чтобы распределить объекты по пространственно-временным классам (М или Вр), понимаемым в самом широком смысле (гл. IV, § 1). Отнести объект к какому-либо типу — это значит из всех его признаков выделить те, которые указывают на происхождение и дату, выразив их в определенных терминах. Чтобы проверить правильность этих определений, можно прибегнуть к тестам двух видов. Назовем их соответственно «диагностические тесты» и «тесты подделки».

А. Тесты диагностические

Допустим, что мы имеем определенные объекты-эталонны, происхождение и дата которых установлены абсолютно достоверно любым способом (из надписей, по внешним признакам и т. д.). Допустим также, что нам нужно определить пространственно-временную принадлежность некоторых новых объектов. Пользуясь типологическими характеристиками, составленными как-бы «теоретически», на основе внутренних признаков, привяжем их к объектам-эталонам. Тем самым мы оценим соответствие «теоретических» определений М и Вр тем, которые известны по эталонам. В известном смысле эта процедура равносильна исчислению «релевантности» классов, предлагаемых в типологическом построении для обоснования выводов о пространственно-временных определениях. Она приводит к

---

⁶¹ Неоднократно высказывалось мнение, что единственными методами оценки в гуманитарных науках, заслуживающими этого названия, являются статистические тесты. Некоторые исследователи даже считают иллюзорной всякую надежду оценить какую-нибудь теорию, не выраженную на математическом языке, пригодном для статистической обработки (MacEwen, 1963). Последующее изложение опирается на другой постулат, утверждающий возможность оценки высказывания, сформулированного не на математическом языке. Причем, применяемые для этого средства не более, но и не менее надежны, чем статистические. Это подтверждается их постоянным употреблением в повседневной практике, так же как и, впрочем, в научном исследовании. Рассматриваемые далее тесты относятся исключительно к этому, второму виду.

двум результатам: а) если классификация объектов-эталонов приводит не только к истинным определениям, но и к заведомо неверным (явление, аналогичное «шуму» в тестах для определения эффективности Компиляций, см. гл. III, § 5), значит типология слишком груба, как фильтр для определений М и В, и нуждается в уточнении; б) если же классификация не улавливает заведомо достоверные определения (явление, аналогичное «потерям» в тех же тестах, гл. III, § 5), следовательно, типология неудачна и нуждается в переработке.

Б. Тесты подделки

Исходя из типологических определений объектов-эталонов, попытаемся изготовить копии этих объектов так, чтобы они были *все одинаковы* (ниже я вернусь к этой оговорке). «Изготовление» можно заменить графическим или символическим изображением рассматриваемых памятников. Эти «подделки» затем нужно предъявить экспертам для определения даты и места происхождения или, если экспертам известно, что это — подделки, для определения даты и происхождения тех вещей, которые служили прообразами для подделок. При этом, разумеется, знания экспертов считаются эталоном надежности. Как и в предыдущем тесте, успех или неуспех испытания послужит дифференциальной мерой ценности типологии относительно выраженных в ней особенностей М и Вр. Здесь тоже может быть два исхода: а) в одном классе могут оказаться подделки, сделанные по одному и тому же типу, но на самом деле относящиеся к разным М и Вр, следовательно, типология слишком груба (явление, аналогичное «шуму»); б) подделки соответствуют оригинальному типу, но не отражают всех его свойств, следовательно, использованные типологические определения слишком узки (явление, аналогичное «потерям»).

Тест подделок менее удобен в употреблении. Изготовление убедительных подделок — дело нелегкое, доступное далеко не каждому археологу. Кроме того, оговорка *все вещи одинаковы* на практике весьма сомнительна. Одно дело — воспроизвести ту или иную характерную особенность класса. Но совсем другое, и гораздо более трудное дело — изготовить целый объект, который можно было бы считать представителем данного класса. Простой пример может пояснить эту трудность. Предположим, что нужно

сравнить архитектуру романскую и готическую⁶². В этом случае можно следовать таким простейшим противопоставлениям: арка — круглая/стрельчатая, свод — полуциркульный/стрельчатый и т. д. Без особого труда можно научиться рисовать или даже делать круглые и стрельчатые арки как отдельные детали. Однако намного сложнее делать достаточно верные воспроизведения романских и готических церквей с учетом всех невыраженных признаков, подразумеваемых, когда мы говорим «все вещи одинаковы» (конструкция стен, форма проемов, столбов, контрфорсов и т. д.). Вот почему эта оговорка просто призвана показать недостаточный характер типологических различий. Эти различия действительно только в пределах одного собрания данных, и признаки, на которые они опираются, не обязательно могут быть использованы для характеристики памятников данного комплекса в целом в сравнении с другими комплексами объектов.

В. В силу своей ограниченности тесты подделки могут и должны быть необходимым дополнением к тестам диагностическим. Вполне возможно, например, что изучение соответствующим образом определенных особенностей позволит предсказать весьма уверенно признаки М и В некоторых памятников-эталонов (диагноз), но знания этих признаков окажется недостаточно для их воспроизведения со всей желаемой точностью (тест подделки). Только что приводившийся пример является хорошей иллюстрацией этого положения и даже почти карикатурой на него. Можно вообразить, что все романские арки — круглые, а все готические — стрельчатые. Тогда было бы достаточно только этих двух признаков, чтобы построить дихотомию, способную выдержать любые диагностические тесты... Но испытание тестом подделки тотчас же обнаружит бессмысленность столь обобщенного определения каждого типа.

5.2. ОЦЕНКА ДОСТОВЕРНОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫХ ПОСТРОЕНИЙ

Рассмотрим теперь построения более сложного вида. Их цель состоит в том, чтобы, исходя из уже установленных пространственно-временных характеристик, прийти к

---

⁶² Определения «романский» и «готический» употребляются здесь не в метафорическом смысле, а как примеры пространственно-временных определений (см. гл. IV, § 1.1. об употреблении признаков М и В в широком смысле в анализе типологических построений).

«функциональным» (Фк) выводам: например, назначение памятников, различные социальные условия их создания и использования, исторические причины их упадка и т. д. (гл. IV, § 3). Если все эти построения свести к их конечным высказываниям в указанном выше смысле (гл. IV, § 4), то проблема практической оценки их достоверности может быть сформулирована так же просто, как это только что было сделано в применении к типологическим построениям. Можно воспользоваться примерно теми же двумя способами: либо оценкой предсказательной способности построения, как в тестах диагноза, либо оценкой его порождающих свойств, как в тестах подделки.

А. Предсказательная способность

Рассмотрим различные типы жилищ, характерные для какой-то отдельной группы людей. Допустим, что специальная функция каждого такого сооружения была определена в результате некоторого интерпретационного рассуждения (семейные дома, хранилища, культовые сооружения и т. д.). Вообразим, что социологические характеристики строений выражены в форме некоего единственного высказывания B_n относительно этих различных типов. Первый способ проверки истинности B_n — обращение к подобным, пригодным для сравнения сооружениям, построенным и использованным теми же людьми, вся социология которых (если можно так выразиться) известна. Если то же самое рассуждение, примененное к известным данным и структурам (к эталонам), приведет к «правильным» выводам, значит, построение заслуживает доверия. Именно для такого рода доказательств археолог часто использует данные этнографических наблюдений. В этом случае, справедливо это или нет, он изучает современные этнические группы, которые считаются наследниками реконструируемой им культурной традиции. Конечно, это — опасный путь, поскольку редко удастся *доказать* непрерывность развития типов поведения от древних обществ (О) к их современным потомкам (Chang, 1967b; Watson, LeBlanc, Redman, 1971, с. 49—51). Ценность данного метода такова же, какова ценность лежащего в его основе постулата. Но если знание-эталон относится к самим изучаемым памятникам и к их функции в изучаемой группе, то этот путь неопровержим. Таким образом, это — тот случай, когда исследование ведется параллельно: по результатам раскопок и по древним текстам, и археологические наблюдения и выводы могут быть соотнесены со свидетельствами письменных

источников. Надежность интерпретаций такого рода проверяется затем последующими археологическими раскопками и разведками. Характерным примером подобного исследования является работа Р. Бонигсена, который сопоставил две категории данных: результаты наблюдений над остатками недавно покинутого индейского поселения с целью выявления его социальной структуры и сведения о действительной организации этого поселения, известные со слов одного из его обитателей (Bonichsen, 1973). Р. Эшер показал, к каким заблуждениям может прийти археолог, пытаясь дать социально-экономическое объяснение конфигурациям автомобильных кладбищ в США (Ascher, 1968) ⁶³.

Второй, более классический способ оценки достоверности интерпретации — это гипотетико-дедуктивный метод, упоминавшийся выше (гл. IV, § 4.1.Б). Рассматривая B_n как гипотезу, которую следует проверить, нужно вывести из нее определенные следствия — «предсказания» относительно тех или иных свойств и особенностей изучаемых материалов. Для этого используется логико-семантическая организация (ЛСО) той же формы и даже того же содержания, что и та, которая лежит в основе B_n , а по изучаемым материалам можно судить о том, насколько эти предсказания действительно верны. Именно так действовал Ж.-П. Ру, чтобы проверить свою интерпретацию анатолийского барельефа (гл. IV, § 4.2) ⁶⁴. Уже отмечались причины сомнений в надежности этого способа, несмотря на его высокий престиж в современной «научной» археологии. Главная из них — это, если можно так сказать рыхлый характер ЛСО, применяемых в интерпретационных построениях. ЛСО могут даже строиться как бы по заказу, чтобы получить почти любую гипотезу ⁶⁵. Этот фундаментальный вопрос еще будет рассмотрен в гл. VII (§ 1.1.Б). Пока же

---

⁶³ Другой поучительный пример такого рода уже упоминался выше (Cowgill, 1975).

⁶⁴ На самом деле интерпретация Ж.-П. Ру является результатом индуктивного построения, однако при ее проверке автор действует так, как *будто* использует дедуктивный путь.

⁶⁵ Основанием для этого утверждения является прежде всего пластичность ЛСО, примеры которой приводились выше. Можно добавить примеры более анекдотичные и не менее поразительные, если вспомнить о многочисленных, как правило, мертворожденных, взаимоисключающих и эфемерных гипотезах, которыми сопровождается повседневный процесс любых археологических раскопок и разведок. *Однако все, или почти все такие гипотезы могут быть при желании оформлены соответствующей логико-семантической аргументацией, что является еще одним примером ненадежности ЛСО.*

Хотелось бы остановиться на мнении, которое в силу своей преднамеренной тавтологичности является одновременно и компромиссным, и неопровержимым: гипотетико-дедуктивный путь проверки гипотез имеет не большую ценность, чем более или менее эксплицитный логикосемантический аппарат, лежащий в основе дедукций и предсказаний, употребляемых для доказательства.

Б. Порождающие свойства

Теперь рассмотрим гипотезу V_n как своего рода дескриптивнопорождающую модель изучаемой археологической реальности. Сначала она была задумана для характеристики определенного комплекса памятников. Но, исходя из этой гипотезы, можно «породить» воображаемые памятники, которые по своим внутренним признакам будут соотносимы с данной интерпретацией, а *в остальном все вещи одинаковы*. Представим себе остатки поселения какой-то человеческой группы с присущими ему структурными и функциональными особенностями. Словесно или с помощью рисунка можно воспроизвести план этого поселения в соответствии с гипотезой V_n . Затем можно предложить специалистам указать те общества, для которых характерны поселения с такого рода планами. Если, по мнению экспертов, описание «искусственно» порожденного поселения будет только незначительно соответствовать «реальному» поселению, значит, модель несовершенна. Или же это значит, что оговорка «в остальном все вещи одинаковы» была выдвинута слишком поспешно, как и ранее (гл. IV, § 5.1.Б), и тогда какая-то часть «остального» должна быть уточнена и включена в модель.

Конкретным примером такого способа могут служить исследования первобытной техники и технологии. Стремясь определить приемы изготовления древних предметов, археолог в конечном счете приходит к собственноручному изготовлению «искусственных» предметов, пользуясь гипотетическими приемами и затем сравнивая «подделки» с оригиналами (Hester, Heizer, 1973; Семенов, 1957; 1968).

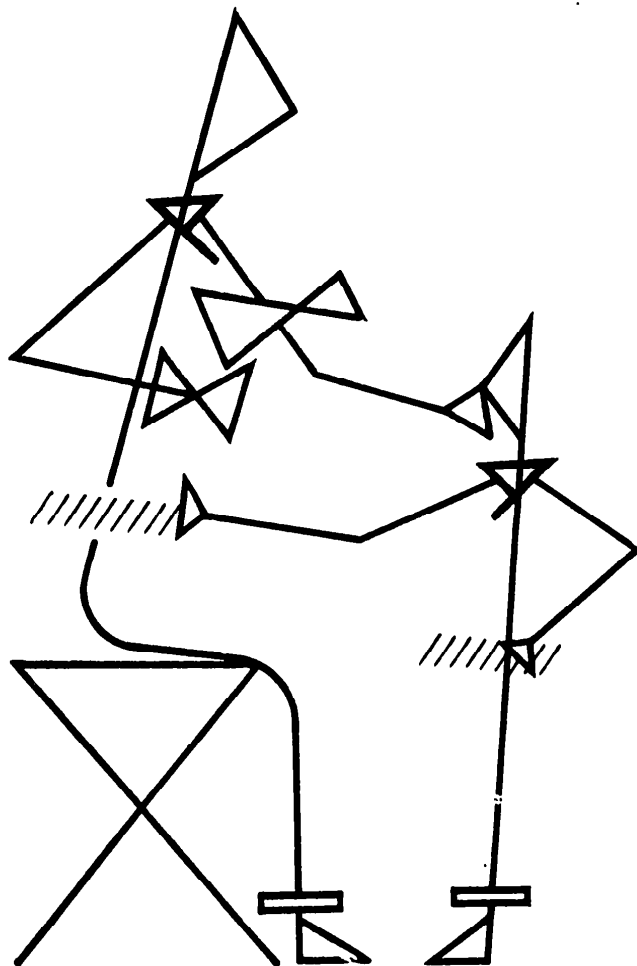
Именно такой путь (с соответствующими изменениями) предлагался выше для проверки иконографической интерпретации Ж.-П. Ру. На рис. 27 по семиологическим данным «сфабриковано» изображение, составленное из тех элементов, которые привели автора к пониманию барельефа как сцены пожалования права на охоту. После этого можно поставить вопрос: подсказывает ли данный рисунок ту же интерпретацию (гл. IV, § 4.2 и рис. 27)?

Совершенно очевидно, что мы снова пришли к методу «подделки», уже упоминавшемуся в связи с оценкой достоверности типологических построений. Замечания, сделанные по поводу этого метода в отношении типологических конструкций, имеют такое же значение и здесь: хотя практическая реализация метода «подделок» трудна, он достаточно точно указывает предел, к которому должно стремиться всякое экспликативное построение. Оно должно быть способным к «порождению» искусственных объектов (не обязательно физических), наделенных теми же особенностями, которые были представлены в экспликативной схеме. Расхождения между оригиналами и моделями позволяют в известной степени установить истинность построения в целом как в отношении оригинала, так и в отношении модели.

5.3. СИСТЕМАТИКА МЕТОДОВ ОЦЕНКИ ДОСТОВЕРНОСТИ

Между двумя парами рассмотренных только что тестов (§ 5.1 и § 5.2) существует параллель, которую невозможно не заметить. Тесты диагностические совместимы с тестами предсказательной способности, а тесты «подделок» — с тестами порождающих свойств. Эти параллели обусловлены соответствиями в механизмах обеих пар тестов. Грубо говоря, их можно противопоставить друг другу как анализ и синтез, или, пользуясь школьным языком, как перевод и изложение. В первом случае (диагноз, предсказание) экспликативным построением пользуются как — сохраним аналогию со школьной практикой — «грамматикой», которая должна помочь сформулировать правильную интерпретацию археологических материалов, взятых в качестве эталона по пространственно-временным (М и Вр) и функциональным особенностям (Фк), т. е. как в упражнениях по переводу с исправлением ошибок. Во втором случае (подделка, порождение) экспликативное построение играет роль «общих указаний» к изготовлению или символическому воспроизведению объектов в соответствии с теорией, а принадлежность к определенным пространственно-временным и функциональным классам определяется экспертами.

Преимущество такой дихотомии состоит также и в том, что она приложима и к методам оценки эффективности Компилаций (гл. III, § 5). Допустим, что имеется некая база данных, содержащая сведения о каком-то конечном множестве памятников, описанных на соответствующем

Условные знаки:

	рука в перчатке		сидящий персонаж
	широкополюе одеяние		низ одеяния
	птица		пояс
	ноги		стоящий персонаж
	складное сиденье		рука
	голова		

Рис. 27. Один из возможных способов графического представления сцены на стеле из Коньи. Условными знаками обозначены только те термины описания, которыми пользовался Ж.-П. Ру.

документальном языке. Чтобы проверить и оценить эффективность этого языка, можно обратиться к тем же методам «перевода» или «изложения». Метод «перевода» состоит в том, что берутся новые памятники, не представленные в данном своде, но достаточно близкие по характеру, и описываются в терминах принятого языка. Затем из такого же набора терминов составляется «запрос» к базе данных (к своду, каталогу), и рассматривается содержание «ответа». Соответствие «ответа» (т. е. группы аналогичных памятников, представленных в данном своде) содержательным характеристикам, а также наличие в нем «шума» и «информационных потерь» позволяют определить примерную меру эффективности данной Компиляции. Наоборот, метод «изложения» состоит в том, чтобы, пользуясь набором терминов и правил данного документального языка, составить описание воображаемых объектов, а затем сравнить их с реальными объектами данного свода. Однородность или разнородность составленных таким образом групп также служит показателем практической ценности Компиляции.

Приведенная ниже таблица объединяет все перечисленные методы оценки компилятивных и экспликативных построений. Распределение на два класса (колонки 1 и 2) свидетельствует о взаимной дополнительности тестов, опре-

Категории построений	взаимодополняющие методы оценки достоверности	
	анализ	синтез
Компиляции	тесты <i>релевантности</i> (параллели)	тесты <i>приемлемости</i> (подделки)
Экспликации	тесты <i>диагностические</i> (предсказания, дедукции)	тесты <i>подделки</i> (имитации, модели)

деленных в широком смысле как аналитические и синтетические. Относительно разных категорий построений эти тесты равноправны (строки 1 и 2). Комбинируя ключевые слова, которыми выражаются семантические тонкости названий тестов, можно сказать, что в целом оценка достоверности научного археологического построения сводится к установлению *релевантности диагноза* и *приемлемости подделок*, которые могут быть получены на основе данного построения,

Глава V

ОБЩАЯ СХЕМАТИЗАЦИЯ

Читатель не может не заметить некоторые совпадения в аргументации в главах, посвященных **Компиляциям** (гл. III) и **Экспликациям** (гл. IV). Они сводятся к следующим пунктам.

а) Прежде всего мы подчеркивали настоятельную необходимость подчинения обоих видов построений конкретным **Задачам**. Поэтому оценивать качество и пригодность к использованию **Компиляции** можно только, имея в виду ее практическое предназначение. То же самое относится и к археологическому комментарию, который имеет смысл только относительно поставленных перед ним задач.

б) В особенности это относится к **Выбору** материала для свода. В обоих видах построений он определяется или должен определяться характером задач. Вряд ли кто-либо станет теперь по традиции утверждать, что идеальный свод должен быть исчерпывающим. Практически этот идеал недостижим, так как любой свод будет пополняться новыми материалами, и даже армия усердных собирателей не сможет его исчерпать. Столь же утопический характер этого идеала можно наблюдать по типологическим и историческим построениям.

в) Мы также подчеркивали, что **Описание** не может рассматриваться как автономное исследование. Оно тоже непременно подчинено задачам археологических построений как в **Компиляциях**, так и в **Экспликациях**.

г) Далее, было рассмотрено в общем виде археологическое рассуждение, представленное как последовательность операций, совершаемых с терминами или символами описаний. Во-первых, это — операция **Упорядочения**. Они обычны и не строго обязательны для **Компиляций** (гл. III, § 4), но обязательны для **Экспликаций** (гл. IV, § 2), хотя характер их здесь совсем иной. Во-вторых, это — операции

Интерпретации, применяемые, как правило, только в Экспликациях (гл. IV, § 3—4).

д) Наконец, каждая из двух категорий построений логически завершается **Оценкой** ее достоверности (гл. II, § 5 и гл. IV, § 5). Методы оценки достоверности оказываются в обоих видах построений сходными (гл. V, § 5.3).

Сходство основных структур Компиляций и Экспликаций по перечисленным элементам позволяет попытаться объединить их в единой логической схеме. Такая схема представлена на рис. 28. Сначала мы рассмотрим организацию каждой ее части, сохраняя предложенную их последовательность (гл. V, § 1), а затем попытаемся продемонстрировать всеобщий характер этой схемы, присущий вообще всем научным построениям (гл. V, § 2).

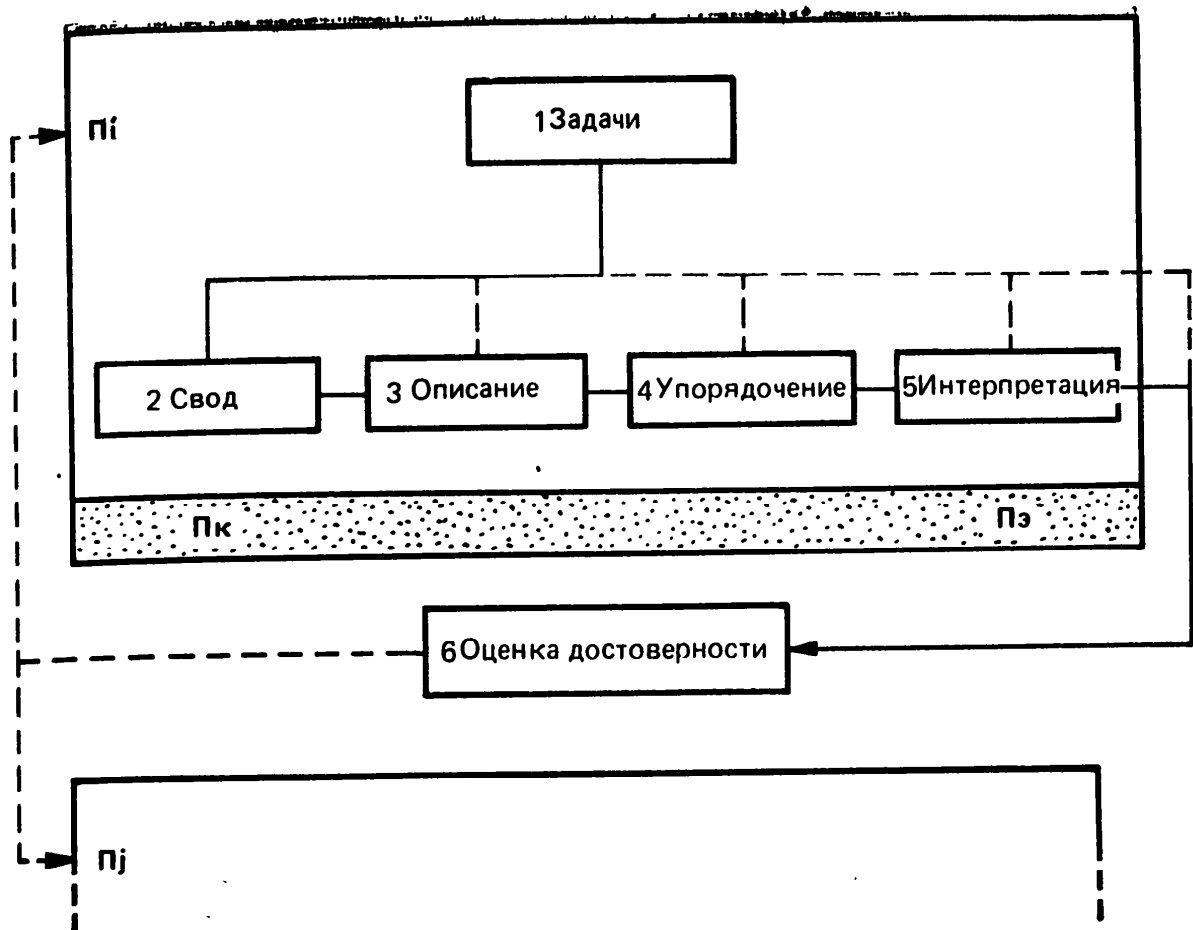
1. ОБЩАЯ СХЕМА КОМПИЛЯТИВНЫХ И ЭКСПЛИКАТИВНЫХ ПОСТРОЕНИЙ

1.1. Отметим сначала на нашей схеме место блока 1 — **Задачи**. Он не просто первый в цепи 1—6, а им определяется все построение. Действительно, от характера задач зависит выбор исследуемых материалов, способ их видения, классификации, комментирования и, наконец, даже мера ценности результатов, о чем можно судить, только соотнося их с целью и задачами построения. Именно это выражено вертикальными связями между блоком 1 и блоками 2—6.

Исходным пунктом всякой хорошей в методическом отношении публикации должно быть изложение причин ее появления. Но это нечто иное, чем просто формальное предисловие, где говорится о «важности», «богатстве», «ценности» поселений или других памятников, выбранных для исследования. На деле все эти эпитеты оказываются весьма туманными. Археологическая литература изобилует такого рода предисловиями по поводу любых объектов. Впрочем, даже само понятие «выбор» не всегда отчетливо присутствует в этих предисловиях, хотя именно оно должно быть здесь основным. Ведь если исследователь берется за изучение каких-либо районов в Андах, за составление каталога карфагенских светильников, за раскопки в Новгороде или за новую интерпретацию персепольских рельефов, это значит, что он придает *меньшее* значение другим исследованиям, каталогам раскопок, интерпретациям и т. д. Можно также ожидать и обоснования экономического

порядка, в котором наряду с перечислением исторических вопросов, поставленных в данном исследовании, должен быть определен объем и характер затрачиваемых средств. Исходя из этого, можно показать, какое исследование будет наиболее рациональным и какие конкретные цели будут перед ним стоять (относительно критериев возможных решений см. Gardin, 1978b). За исключением отдельных случаев (например, новостроечные спасательные раскопки или международные экспедиции), обоснование данного исследования обычно не излагается столь же эксплицитно и членораздельно, как бы это хотелось видеть и в самом содержании исследования. Таким образом, логистическое требование, предъявляемое к блоку 1 нашей схемы, состоит в перечислении возможных альтернативных задач и в обосновании выбора именно данной проблемы.

1.2. Существует связь между характером задач и выбором материалов, составляющих Свод (блок 2). Это — очевидная истина, не требующая комментариев. Однако обоснование этой связи оказывается более трудным, чем можно предположить, исходя из того, что публикации таких обоснований почти не содержат. В самом деле, общим правилом, пожалуй, является выбор, «понятный без слов». Если, например, задачей работы является составление каталога керамических клейм, то, как скажет любой археолог, каталог должен включать «в основном» все черепки глиняных сосудов с клеймами. Если речь идет о публикации мелких металлических предметов из Олинфа, то значит «все» они должны быть описаны тем или иным способом. Если же целью исследования является еще одно изучение истории луристанских бронз, то автор обязан рассмотреть «возможно большее число» этих предметов, опубликованных или неопубликованных и т. д., казалось бы, все ясно. И однако нет ничего менее очевидного, чем такой аргумент, основанный на выводе из положения, которое само требует еще доказательства. Стереотипное требование исчерпывающего объема материала, выраженное в той или иной наивной форме («в основном», «все», «возможно большее число»), имеет тенденцию превратиться просто в риторический оборот. И уже никто не убежден, что Компиляции должны оставаться верными этому требованию, поскольку этому требованию противоречит постоянная возможность пополнения новыми материалами. Что же касается Экспликаций, то они, как известно, ориентируются на определенные источники точной

Рис. 28. Схематизация различных звеньев археологического исследования в их взаимосвязи. Все шесть блоков можно расположить последовательно один за другим, однако, при следующих трех условиях:

а) Характер Задач (блок I) одновременно или последовательно оказывает влияние на все остальные звенья исследования, включая и Оценку достоверности (блок 6); б) Если создается только Компильция, процесс останавливается на блоках 3 и 4; в) Блок 6 играет двойную роль: как динамическая связь между звеньями в пределах одного построения Π_j (восходящая стрелка обратной связи), либо как подобная же связь, но уже между разными, альтернативными или дополняющими друг друга построениями Π_j и Π_k . Таким образом, линейный порядок блоков 1—5 следует понимать не как схему последовательности создания того или иного построения, а как логическую схему связей между звеньями.

исторической или археологической информации. Поэтому в таких источниках должны учитываться только материалы, пригодные для исследования. Искусство отбора материала в этом случае состоит не в том, чтобы собрать как можно больше данных, а в том, чтобы определить, исходя из задач исследования, такую методику отбора, которая позволит свести к минимуму число необходимых для решения данной задачи памятников. Это вовсе не значит, что вчерашние археологи совершали ошибку, действуя по примеру коллекционеров или любителей, эрудитов или натуралистов. Это, скорее, значит, что нынешние археологи

Неизбежно совершают ошибку, оставаясь верными тем приемам сбора материала, которые были подходящими на таксономической стадии, но не подходят на стадии научной теории. Логистическое нововведение, выраженное в блоке 2, имеет самое прямое отношение к стратегии минимизации исходных данных. Ее высшее достоинство состоит в том, что она помогает обосновать *ограничения* в количестве материалов для решения намеченных исторических проблем. Достаточно очевидным признаком такого нового подхода является возрастающий с недавних пор интерес к процедурам «отсеивания» (Gardin, 1972) или к методам отбора данных в археологии (Redman, 1974; Mueller, 1975; Gardin, 1977b).

1.3. Эти же замечания относятся и к блоку 3 — **Описание** (схема на рис. 28). Здесь тоже способ видения памятников зависит от ясности задач исследования. Завтрашние археологи будут удивляться тому, что их предшественники не знали, или делали вид, что не знали, или почти отрицали эту очевидную истину, не решаясь действовать вопреки необдуманному требованию «полного» описания, или более скромно (но не менее необдуманно) — «как можно более полного». Достаточно сравнить вчерашние Компляции, претендовавшие на «полноту», с Компляциями сегодняшними, в которых такие же материалы представлены уже без подобных претензий, как становится ясно, что и те и другие не заслуживают названия «исчерпывающих» описаний. Впрочем, иначе и быть не может, так как речь идет об исследовании, т. е. о *науке*, которая в силу своих особенностей не может остановиться на единственном и окончательном понимании материалов. Признание археологами принципа относительности систем представления данных означает, таким образом, прогресс научной методологии, конечно, скорее скромный, чем серьезный, но от этого не менее новый для археологии. Действие принципа относительности систем представления данных проявляется самым разным образом и в Компляциях, и в Экспликациях. В Компляциях, например, он позволяет увидеть несбыточность идеи «универсальных» документальных языков и связанной с ними надежды на составление таких сводов, которые бы заведомо включали в себя все элементы, необходимые для теоретических изысканий завтрашнего дня (Gardin, 1975). При создании экспликативных построений знание данного принципа позволит не забыть, что любая типологическая

конструкция или интерпретация отображает только часть свойств, которые характеризуют изучаемые объекты и памятники, а сам выбор этих свойств, естественно, меняется от одного исследования к другому (Clarke, 1968, с. 61—75). Более того, на основе этого принципа можно ограничить нынешнюю склонность к увеличению вариантов описания, которые расширяются якобы для уточнения или ради объективности. И наоборот, можно стимулировать минимизацию описания, о которой только что шла речь (Speth, 1972, р. 56—57), отражая в публикациях только перечни свойств, необходимых для данного исследования, и исключая все другие (Gardin, Lagrange, 1975, с. 21—24, 62—65, 100). Все эти положения, взятые вместе, достаточно ясно выражают принцип, зафиксированный в блоке 3 нашей схемы (рис. 28).

1.4. Следующим в нашей схеме является блок 4: **Упорядочение**. Описания, сформулированные на данном документальном языке и накопленные в каком-то своде, могут располагаться в нем в любом порядке. Тот порядок, в котором описания вещей, объектов излагаются в данном своде, не имеет никакого другого значения, кроме соображений составителя. Поэтому перестройка, переупорядочивание материала, представленного в Компилляции, целиком отдается на усмотрение потребителя этой информации. При больших объемах данных их упорядочивание может осуществляться с помощью ЭВМ. Итак, в компилятивном построении процедура упорядочивания не выходит за рамки источниковедческих потребностей (см. гл. III, § 4).

Иное положение в экспликативных построениях. Здесь упорядочивание данных является не только процедурой, формально предшествующей исторической интерпретации, но и, по существу, основой для последней. В самом деле, согласно общему правилу, интерпретация археологических фактов и наблюдений строится на основе изучения *серий* (в самом широком смысле этого слова) данных, выраженных в символах данного избранного описательного языка. Процесс изучения серий особенно очевиден в типологических построениях, рассмотренных в гл. IV, § 1.2. Основной целью типологических построений является формирование достаточно однородных классов или типов. Это делается в надежде на то, что полученные серии обнаружат какие-то соответствия с данными внешнего (по отношению к изучаемой серии) порядка, такими, как сведения письменных источников, место происхождения, сопутствующие памят-

ники и т. д. Такая дополнительная информация обычно дает материал для искомым выводов^{65а}.

Однако иногда кажется, что исследование обходится без серийных данных и типологических построений. Это случается тогда, когда изучается изолированный памятник либо уже так или иначе сформированная серия объектов, не поддающаяся или не требующая новой классификации. На самом же деле процедуры упорядочивания выполняются и в таких исследованиях, хотя и не в явном виде. При изучении изолированного памятника исследование может быть качественным только в результате рассуждений, сопоставляющих данный памятник с другими на основе тех или иных свойств. Нетрудно убедиться в том, что перечень «параллелей» и «сравнений» логически равносильно формированию серии или класса при таких же точно условиях, что и в случае изучения множества памятников. Идентификация памятника, установление его происхождения, его функции или же реконструкция его первоначального вида — все эти действия на первый взгляд не похожи на классификацию. Но они тоже включают в себя операции упорядочивания в том самом широком смысле, о котором только что упоминалось. То же самое можно сказать и об исследовании уже сформированных тем или иным путем классов. Суть этих исследований состоит в том, чтобы установить взаимосвязанные изменения между внешними и внутренними признаками, присущими всему классу или части его элементов. Таким образом, и здесь в неявной форме участвуют операции упорядочивания, призванные служить основой для исторических выводов или доказательств.

Итак, при всех обстоятельствах переход от описания к интерпретации включает в себя различные комбинации и перестановки данных первичного описания, чтобы выявить или обосновать основные идеи интерпретации. Все вместе они образуют понятие «Упорядочивание» в очень широком

^{65а} Думается, что в такой формулировке задачи типологических построений представлены в очень упрощенном виде. Вольно или невольно Гарден касается здесь вопроса о познавательных возможностях типологии. Тщательно и грамотно построенные типологии, в основу которых кладутся признаки, изменчивые во времени и пространстве, составляют не только «в надежде на то, что полученные серии обнаружат какие-то соответствия с данными внешнего (по отношению к изучаемой серии) порядка», но и сами они могут стать источником новых исторических фактов, особенно в связи с вопросами датировок (см., например, Грязнов, 1940). — *Прим. ред.*

смысле. Сюда относятся и самые приблизительные группировки, созданные в соответствии с традиционными сравнительными методами, и самые точные построения формализованной археологии. Да и сами данные как объект упорядочивания могут быть любого характера. Чаще всего это — памятники и их свойства. Но объектами упорядочивания могут также быть и географические области, и отрезки времени, различающиеся по тем или иным памятникам и объектам, шурфы или стратиграфические слои, характеризующиеся найденными материалами и т. д. Основная задача упорядочивания состоит в том, чтобы подвести к выводам или «доказательствам», которые невозможно вывести только из описания объектов, взятых в отдельности.

1.5. Обратимся к блоку 5 — «Интерпретация», который является едва ли не обязательным дополнением к предшествующему блоку. Впрочем, в исследовательской практике классификация и интерпретация часто взаимно перекрывают друг друга. Ведь выбор данного способа упорядочивания среди других возможных обусловлен задачей интерпретации, которая как бы подготавливается этим упорядочиванием, исходя из общих задач, зафиксированных в блоке 1. Взаимосвязь между классификацией и интерпретацией можно было бы выразить иначе, объединив оба блока в один под каким-то общим названием X. Тогда термином «Упорядочивание» можно было бы обозначить формальную сторону этого общего понятия X, а термином «Интерпретация» — его семантическую сторону. Однако представляется целесообразным сохранить данное разделение, чтобы учитывать случаи применения упорядочивания без интерпретации, как это бывает в компилятивных и таксономических построениях, конечной целью которых является упорядочивание материала (гл. III, § 4; гл. IV, § 2).

Для анализа интерпретационных построений, как это было показано выше (гл. IV, § 4), используются средства особой природы — так называемые логико-семантические организации (ЛСО) данных. Они пригодны для более или менее широкого поля исследования. С одной стороны, в эту область включаются так называемые «естественные» языки и «естественная» логика, изученные в этом плане пока недостаточно. С другой — наоборот, так называемые «специализированные» области. Как ни парадоксально, элементы и правила, используемые в них для создания теорий, известны лучше, однако не настолько, чтобы можно было

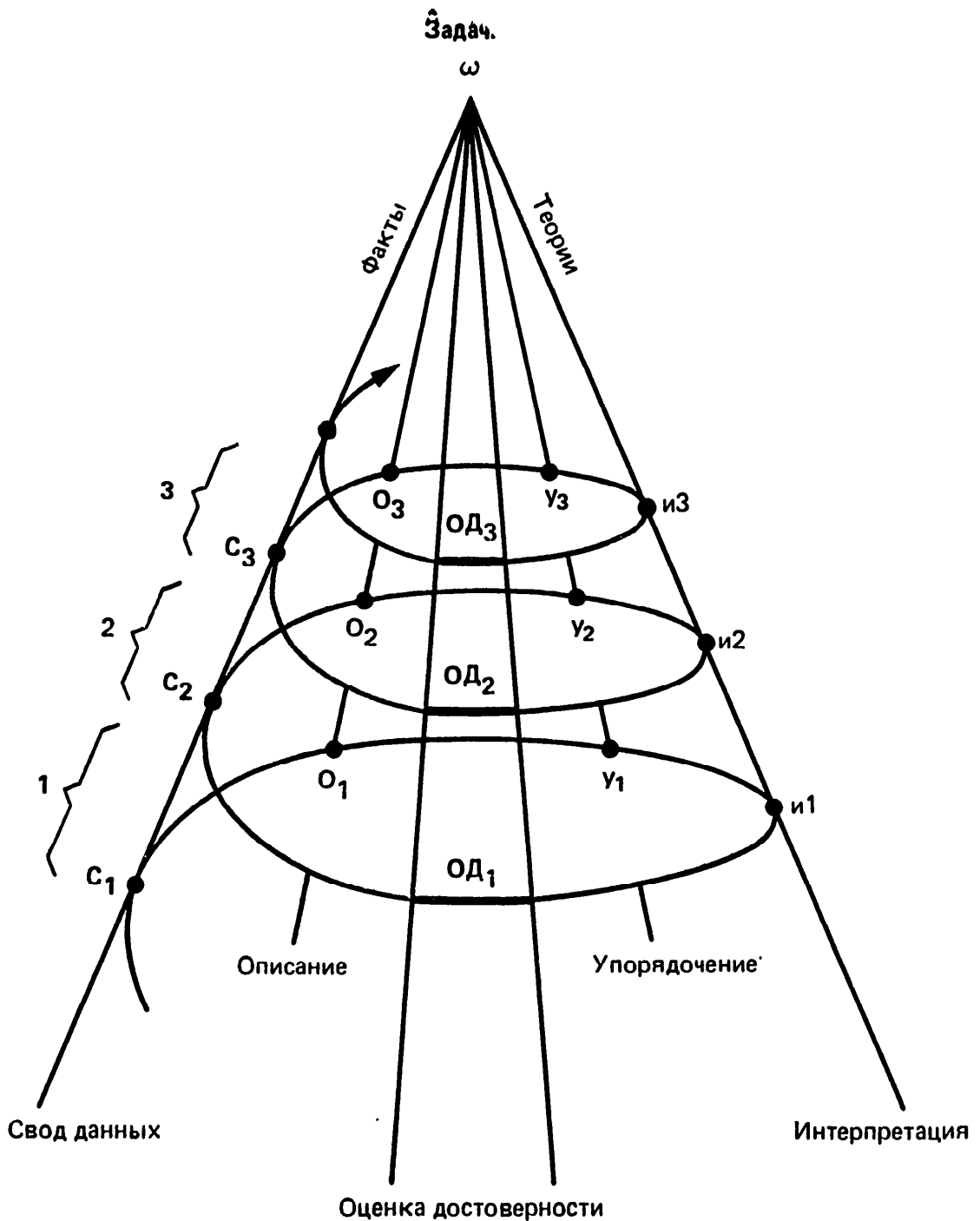
говорить о формализованных построениях (гл. IV, § 4.3). Выявление ЛСО, лежащих в основе экспликативных построений, без сомнения, самое пужное дело теоретической археологии ближайшего будущего, особенно когда станет очевидной бесспорная практическая ценность логико-семантического анализа. Причем, такой подход должен применяться к любым археологическим научным построениям независимо от изменчивого престижа некоторых из них от их целей, задач и языка. Не вполне ясные способы интерпретации простой типологии, постоянно проверяемой фактами, заслуживают в этом смысле не меньше внимания, чем различные направления интерпретации общей теории культурных изменений. Такая теория заманчива масштабом своих задач и видимой строгостью построений, но ее намного труднее подтвердить, поскольку нет отчетливых данных и рассуждений, способных ее опровергнуть. Другими словами, логистическое требование, предъявляемое к блоку 5, предполагает известную сдержанность при оценках научного значения того или иного археологического исследования. На самом деле цена подлинно научного знания намного выше, чем это представляется самым рьяным защитникам научной археологии. Во всяком случае, об этом можно судить по некоторым, удивительно наивным высказываниям. Так, в одном из них говорится, что для достижения научности «часто требуется *совсем немного*» (курсив мой. — *Ж.-К. Гарден*), чтобы допущения и обоснования были эксплицитными» (Watson, LeBlanc, Redman, 1971, с. 32). Достаточно простой пример, приведенный в гл. IV, § 4.2, со всей очевидностью демонстрирует, чего стоит это скромное требование, если его принять всерьез.

В этом можно убедиться еще больше, если рассматривать такие сугубо интерпретационные конструкции, какими являются описательные высказывания, сведенные к общей схеме (гл. I, § 3, рис. 3). Каким образом осуществляется здесь переход от неорганизованного множества признаков данного памятника, воспринимаемых человеком или машиной, к организованному их отбору для описания на специальном искусственном или естественном языке представления данных? А ведь эта процедура безусловно проще, чем переход от описания группы объектов к формулированию исторических и социальных фактов, следами которых являются данные объекты. Таким образом, требование, «чтобы допущения и обоснования были эксплицит-

нимі», да́же в э́том прѳостѳом слѳучае прѳосто чрѳезмернѳо, хѳѳя речь идет о фѳормализации прѳостейших археологических описаний, например описаний фѳорм керамических сосудов (см. Hollerbach, 1975, заключение на с. 226: «если данный тезис является указанием, то сделать хорошее описание очень трудно»; те же выводы см. Borillo et al., 1973). Из этого вовсе не следует, что нужно отказаться от попыток выяснения логико-семантических основ археологических построений. Нужно только ясно представлять себе возникающие при этом ограничения. К этому вопросу мы еще вернемся в гл. VII.

1.6. Будучи заключительной стадией экспликативных построений, интерпретация в свою очередь иногда подвергается проверке, т. е. **оценке достоверности** (блок 6). Это — самостоятельная процедура, которая логически выходит за рамки построения и обращена к нему как бы извне, хотя казалось бы, что оценка достоверности тесно связана с интерпретацией. На самом же деле, пытаясь оценить достоверность своих выводов, исследователь прежде всего обращается к эмпирическим фактам, которые гносеологически (по своей познавательной ценности) остались теми же, какими они были на начальных этапах нашей схемы (блоки 2 и 3, см. также гл. IV, § 5.3). Отделяя оценку достоверности выводов от остальных исследовательских звеньев, мы не просто выводим ее за пределы нашей схемы. Напротив, тем самым мы пытаемся найти четкое место, которое соответствовало бы роли верификации данного построения, *после* того как оно создано. Вообще говоря, оценка достоверности не должна осуществляться теми же средствами (тестами), которыми исследователь пользуется для расширения эмпирической базы своих взглядов. Скорее это должны быть другие методы, предложенные другими авторами в процессе изучения *новых* фактов, так или иначе связанных с фактами, использованными в предшествующем построении. Поэтому блок 6 (рис. 28) можно вывести за пределы построения Π_1 и поместить его в промежутке между Π_1 и другим, новым построением Π_j или последующим Π_n , подсказанным в результате оценки достоверности выводов предшествующих исследований.

Такой подход к пониманию роли оценки достоверности во всем процессе исследования археологических фактов и наблюдений имеет важное преимущество. Он выявляет динамический характер археологических исследований. Каждое вновь созданное исследование должно быть готово к

Рис. 29. Накопление разных построений 1, 2, 3... (или последовательных этапов одного построения в процессе его разработки) на пути к цели исследования. Накопление новых фактов (левая часть спирали) влечет за собой постановку новых Задач, создание новых Сводов, Описаний и т. д. Каждый виток спирали отражает новый уровень исследования. Отрезки од₁, од₂, од₃ обозначают величину разрыва между «фактами» и «теорией». Воображаемая точка ω, уже известная по рис. 17, является пределом, когда единственная теория достоверно объясняет все наблюдаемые факты.

тому, что в будущем оно может быть переоценено. И никакой способ оценки достоверности, *созданный тем или иным автором*, не является гарантией от того, что его выводы не будут впоследствии пересмотрены. Это наиболее очевидно для *Компиляций*, поскольку их цели относительно скромны (гл. III, § 5). Но то же самое неопровержимо и для *Экспликаций*. По-видимому, сказанное нуждается в уточнении. Переоценка результатов тех или иных исследований не влечет за собой полного отказа от них и их забвения. Напротив, диалектический характер научного прогресса свидетельствует о том, что любое научное построение, любая теория вносит свой вклад в познание, независимо от содержащихся в нем вопросов и сомнений и даже благодаря им. Вопросы и сомнения в любом научном исследовании неизбежны, и главная функция оценки достоверности состоит не в том, чтобы избавиться от них, а в том, чтобы точно определить момент, когда в какой-то области науки результаты исследования перестают соответствовать новым фактам.

Исключение блока 6 из общего ряда нашей схемы (рис. 28) не следует понимать как отказ от механизма эмпирической верификации в процессе всего исследования при переходе от одного блока к другому. Схема отражает не только последовательность исследовательских действий, но и общую логическую структуру *законченного* построения в целом. Процесс исследования сам по себе носит циклический характер. В поисках ответов на поставленные вопросы мы постоянно возвращаемся к Своду исходных данных, к Описанию, Упорядочиванию, Интерпретации до тех пор, пока общая интерпретация не покажется нам удовлетворяющей всем Задачам исследования. Оценка достоверности помогает нам обнаружить относительные неточности на каждом шагу. Конечно, такая схема отражает не столько реальную ситуацию, сколько идеальную картину.

2. ЦИКЛИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР СХЕМЫ

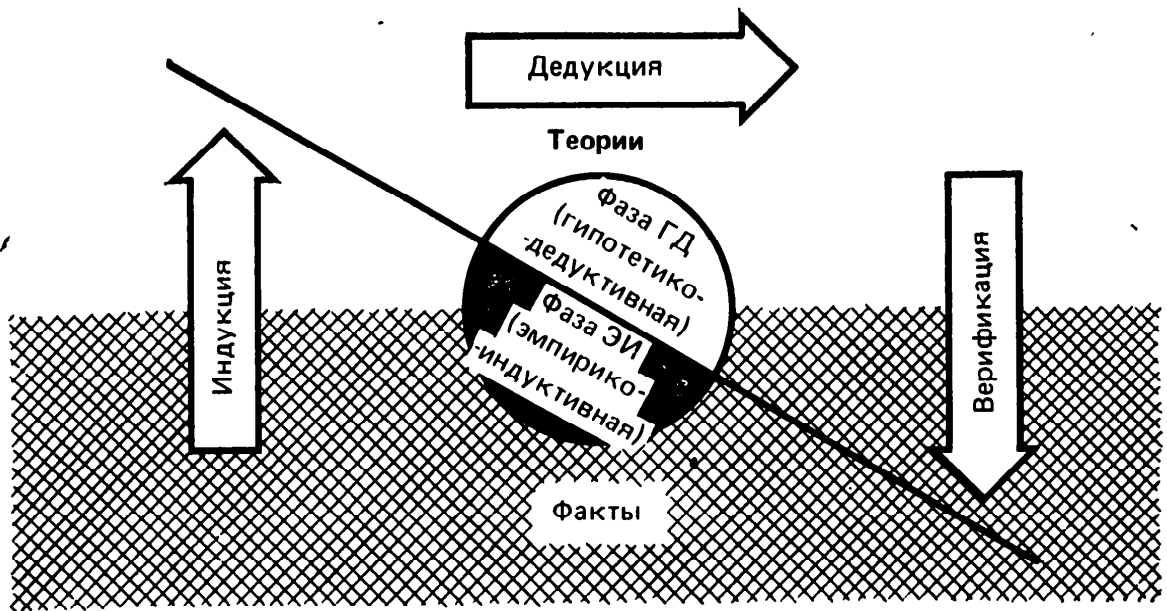
Предшествующие замечания помогают понять смысл стрелок обратной связи в схеме на рис. 28. Здесь наблюдаются два альтернативных явления. Во-первых, последовательная связь между этапами одного и того же построения Π_1 в ходе его разработки вплоть до «конечного» этапа.

На этой стадии связь остается линейной, как это и видно на схеме. Во-вторых, существует взаимозависимость между «конкурирующими» построениями Π_1 — Π_j , когда, например, создается новая работа на близкую тему (Π_j). При этом могут появиться вопросы к старой, уже опубликованной работе, в том числе и к ее структуре.

В обоих случаях наблюдается очевидная цикличность исследовательских процедур, отраженная в спиралевидной схеме на рис. 29. В первом случае эта цикличность проявляется в рамках *одного* исследования в виде последовательных шагов (определение объема Свода данных, выбор системы Описания и метода Упорядочивания данных, формулирование правил логико-семантической Интерпретации) до тех пор, пока они не приводят к конечному результату ω , который в свою очередь проверяется эмпирическими данными (Оценка достоверности) и согласованностью с целями исследования (Задачи), т. е. замыкается на начальные звенья исследования.

Во втором случае цикличность проявляется на уровне последовательности из *нескольких* научных построений 1, 2, 3 ... по мере того, как учет новых данных (Свод и Описание) или обращение к другим способам объяснения (Упорядочение, Интерпретация), или же и то и другое вместе порождают постоянное преобразование как Компиляций, так и Экспликаций в целом (Оценка достоверности), приводящее в свою очередь к воображаемой точке ω , символизирующей предельно достоверное знание.

Во всем этом нетрудно узнать тривиальную схему, которую принято называть «циклом научного исследования» независимо от того, к какой предметной области он относится. Его многочисленные проявления мы уже наблюдали (гл. IV, § 1.1) в виде возвратно-поступательного движения между внутренними и внешними данными, компилятивными и экспликативными построениями и т. д. (рис. 17). Условное воспроизведение такого цикла (по Кемени — Кемени, 1959, с. 86) приведено на рис. 30. Оно иллюстрирует постоянные переходы от области материальных фактов к области логических рассуждений (от нижней, заштрихованной части рисунка к его верхней, светлой части). Однако здесь есть одно важное для нас дополнение: весь цикл исследования делится на две части, находящиеся по обе стороны от диагонали. Левая (черная) часть соответствует эмпирико-индуктивному методу — от изучения фактов к формулированию гипотез и теорий. Правая часть

Рис. 30. Общепринятое схематическое представление «цикла научного исследования» (по Кемпену, 1959, с. 86), к которому добавлена диагональ, чтобы яснее показать место двух способов исследования (эмпирически-индуктивного и гипотетико-дедуктивного) относительно друг друга и соответствующую «склонность» каждого из них к области фактов или к области теорий.

(светлая) соответствует гипотетико-дедуктивному методу — от формулирования теории к ее проверке фактами. Два сектора, находящиеся по обе стороны от горизонтали (заштрихованный и незаштрихованный), отображают сбалансированное взаимодействие между этими двумя методами. Создается впечатление, что практики, предпочитающие эмпирико-индуктивный метод, оказывают больше доверия фактическим знаниям, а сторонники гипотетико-дедуктивного метода, кажется, больше предпочитают манипулировать идеями, чем перетряхивать факты. Впрочем, оба пути равным образом способствуют развитию теоретических исследований как в археологии, так и в других науках. Поэтому не нужно придавать этому противопоставлению аллегорического значения, считая черный цвет знаком смутных времен донаучной археологии, а белый — знаком приближения к свету истинной науки... Однако такая точка зрения сейчас поддерживается выдающимися умами, и нам вскоре придется вернуться к тому, как по-разному археологи представляют себе на практике поле теоретических операций. Это зависит от их склонности к чистому гипотетико-дедуктивному анализу или к более широкому, который мы называем «логистическим» за неимением лучшего термина (гл. VII, § 1.1).

Глава VI

ФОРМА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПУБЛИКАЦИЙ

«Новые уровни точности представления данных и их интерпретации, несомненно, могут привести к кратким и более интересным техническим отчетам, насколько это возможно при живом историческом описании»⁶⁵⁶.

Д.Л. Айсэйк

«Идеи наук о культуре заслуживают ясного представления, четкого языка и логики естественных наук; они должны быть лишены непроверяемых метафор и синонимов и адекватно отображаться в схемах, таблицах и диаграммах»^{65в}.

Ф.Т. Клоуэйк

Возможно, кое-кому покажется курьезным тот факт, что после изложения общей схемы археологических построений, тяготеющей скорее к абстракции, мы переходим к рассмотрению столь конкретного вопроса, как археологические публикации. Дело в том (и это станет главным объектом рассмотрения в данной главе), что современные методы публикации данных в археологии противоречат характеру этой общей схемы. Или, говоря более обобщенно, они противоречат логическим выводам, сделанным в результате анализа функции и структуры археологических публикаций компилятивного или экспликативного характера (см. гл. III и IV). Это не чисто академический вопрос. Моя задача состоит в том, чтобы показать практические неудобства, к которым ведут эти противоречия и те меры, которые, без сомнения, позволят в ближайшее десятилетие их уменьшить.

---

⁶⁵⁶ Isaac, 1971, с. 128.

^{65в} Cloak, 1975, с. 940.

1. ОТЛИЧИЕ КОМПИЛЯЦИЙ ОТ ЭКСПЛИКАЦИЙ И РИТОРИКА

Начнем с отмеченного выше противопоставления между компилятивными и экспликативными публикациями. Первые имеют целью облегчить поиски *источниковедческого характера*, относящиеся к *материалам*, составляющим первичную основу археологических построений. Экспликативные публикации имеют другую цель: познакомить с результатами исследований *теоретического характера*, которые основаны на изучении материалов и относятся к *истории древних народов*.

Вид построения	Изучаемые материалы	Главная функция
Компиляции	Материалы и их признаки	Источниковедческий поиск
Экспликации	Древние народы или общества, их история и образ жизни	Теоретическое знание

Различия между Компиляциями и Экспликациями, выраженные в данной таблице, кажутся на первый взгляд вполне очевидными, и можно было бы надеяться, что эти различия будут как-то отражены в замысле и форме соответствующих публикаций. Если речь идет о Компиляции, то ее первая задача — предоставить пользователям возможность найти конкретные материалы, охарактеризованные посредством всякого рода комбинаций между данными и их элементами в указанном выше широком смысле (гл. IV, § 1). Акцент, таким образом, должен быть сделан на удобстве пользования Компиляцией с целью выбора материалов и получения ответов на поставленные вопросы. Для этого не обязательно прочитывать данную работу целиком, как роман. Если же речь идет об Экспликации, то ее главная цель состоит в представлении данных и методов их обработки, лежащих в основе конкретной теории в соответствии с изложенной выше общей структурой (гл. V, § 1). В этом случае акцент должен быть сделан на ясности изложения, и правила изложения фактов, методов и выводов, очевидно, не должны смешиваться с правилами составления инвентаря или каталога.

Однако создается впечатление, что современная археологическая литература не следует этой дихотомии. Обычная форма наших публикаций — это *текст*, составленный в терминах и по правилам того или иного естественного языка. Текст сопровождается иллюстративным материалом (фотографии, рисунки), дополняющим словесные данные. Без сомнения, в компилятивных работах используется более лаконичный, почти «телеграфный» стиль изложения, но тем не менее и здесь описания вещей сохраняют вид последовательных текстов. И их нужно читать или просматривать полностью всякий раз, когда возникает интерес к новой комбинации данных и элементов, представленных в этой Компилляции. Даже наличие указателей и таблиц (кстати, необязательное) почти не освобождает от этой необходимости в силу ограничений, присущих традиционной печатной форме этих приложений: небольшое число входов, небезграничные возможности комбинаций и т. д. Что касается экспликативных построений, то в них обычным способом изложения остается традиционная риторика, а логические связи как необходимый элемент таких построений не проявляются в них с достаточной ясностью (см. ниже: гл. VI, § 3). Итак, складывается впечатление, что с точки зрения анализа, предложенного в предшествующих главах, формы и способы изложения в археологической литературе в обоих случаях не соответствуют ее функции, а преобладание одного и того же стиля в публикациях обоих жанров показывает, что пока над этим соответствием мало кто задумывался. Далее мы попытаемся показать некоторые возможности на этом пути.

2. ДОСТУП К ДАННЫМ В КОМПИЛЯЦИЯХ

Главное практическое достоинство каждого свода или каталога состоит в том, чтобы обеспечить как можно большему числу пользователей свободный доступ к любому элементу информации, включенному в данный источник под любым названием. Как уже было показано выше (гл. III, § 1), использование репродукций объектов не является достаточно эффективным решением и применение символических «языков» представления становится неизбежным (гл. III, § 3). Очевидно также, что доступ к данным более свободен тогда, когда информационный поиск может происходить по любому термину или по комбинации с другими терминами (Gardin, 1955). Печатные ука-

затели являются шагом вперед в этом направлении, но шагом небольшим. И не только потому, что существует обычай вводить в указатели только часть значимых терминов, использованных в данном своде, а главным образом потому, что таков способ построения указателей: в них отражается только малая часть комбинаций терминов, по мнению составителя, достойных внимания. Введение механических картотек позволило расширить эти пределы (например, Deshayes, Gardin, 1956). Вскоре они сменились еще более гибкими «картотеками», организованными на ЭВМ, и теперь настало время решить вопрос, могут ли базы или банки данных, как мы их ныне называем, стать более эффективным средством доступа к материалам, чем печатные публикации.

Ответ, на наш взгляд, является однозначным: развитие «сетей данных» в разных науках рано или поздно затронет и археологию. Это повлечет за собой пересмотр существующей ныне практики публикаций материалов. Суть «сетей данных» всем известна: это связанные между собой исследовательские центры (но не просто «документальные»), которые более или менее общими усилиями создают базы данных по данной отрасли знания. Они могут включать в себя не только исходные материалы, но и результаты исследовательских работ. Для составления этих баз данных используются разные средства достижения общей экономичности в эксплуатации: магнитные ленты, микрофиши и микрофильмы, картотеки (рукописные или печатные) и т. д. Все это позволяет осуществлять информационный поиск не традиционным путем изучения отдельных трудов и периодики, хранящихся в библиотеках, а прямым запросом в фонды базы данных, либо непосредственно, либо по каналам связи (если пользователь удален от базы данных). Совершенно очевидно, что главное новшество здесь не в применении электронной техники, как это многие думают, а в возможности прямого доступа к первоисточникам, собранным в одном фонде, а не рассеянными по разным печатным изданиям. При переходе к новым методам обращения к исходным данным должны уменьшиться и другие, отрицательные факторы: логические и экономические (Gardin, 1968, с. 106—107, рис. 1А и 1В).

Конечно, эти изменения произойдут не сразу. Понадобится несколько десятилетий, чтобы и отдельные исследователи и исследовательские учреждения приспособились к новой практике, которую большинство археологов пока

еще отрицает. Кроме того, бóльшая часть теоретических работ пока осуществляется с самого начала по путям, рассмотренным в гл. III, не оставляя возможности подумать прежде о разработке сетей данных, об определении границ Компилаций (гл. III, § 2), о выработке допустимых языков представления данных (гл. III, §3), о выявлении необходимых для того и другого логических механизмов (гл. III, § 6) и т. д. Таким образом, реформа, суть которой представлена здесь в виде наброска, далеко еще не созрела. И она состоит не в происходящей сейчас организации или модернизации некоторых «центров данных» в историко-археологических дисциплинах в широком смысле, как это может показаться (см., например, Chenhall, 1971; Striedter, 1971; Gardin, 1972a; Leclant, 1974 и др.). Впрочем, начавшийся процесс представляется необратимым в силу достоинств своего логико-технического детерминизма и вряд ли что-то сможет помешать последующим поколениям способствовать этому прогрессу (подробнее об этом см. следующую главу).

3. НОВАЯ РИТОРИКА ЭКСПЛИКАЦИЙ

В Экспликациях все обстоит иначе. Цель публикаций этого жанра, действительно, в корне иная. На первый взгляд она больше соответствует функции естественного языка или «текста» в той мере, в какой, начиная с Аристотеля, текст стал обычной формой изложения. Однако на практике все это не так просто. Прежде всего не все археологи одинаково удовлетворены формой публикаций. Чтобы познакомиться с историческими выводами каждой работы, ее полагается прочитать, но многие признаются, что они пользуются этой литературой примерно также, как и Компилациями, т. е. когда нужно получить какую-нибудь справку. Причину этому следует искать не только в так называемой инфляции научных публикаций в количественном плане (см. гл. VI, § 3.1), а и в том, что при традиционных способах сочинения исследовательских археологических работ читатель бывает вынужден искать иные способы прочтения, чем обычный, ассоциирующийся с этим понятием линейный процесс (гл. VI, § 3.2). В результате многие начинают ратовать за пересмотр самих способов создания экспликативных построений в пользу того, что когда-то было названо «новой риторикой» археологической прозы (Gardin, Lagrange, 1975, с. 101). Это выраже-

ние на первый взгляд кажется помпезным, но оно довольно точно выражает меру предполагаемых реформ (гл. VI, § 3.3).

3.1. ИНФЛЯЦИЯ ПУБЛИКАЦИЙ

Прежде всего о способах чтения, которые распространяются в архелогии, как и в других науках. Они порождены все возрастающим объемом публикаций новых открытий и идей. Это — мои личные наблюдения, не имеющие под собой никакой настоящей статистической базы. Они лишь отражают совпадения в ответах на вопросы, заданные по этому поводу нескольким археологам, и, безусловно, я не могу утверждать, что они выражают мнение всех археологов. Из этого абсолютно неформального опроса я извлек в основном два факта. Во-первых, существует ошутимая диспропорция между количеством работ, которые каждый археолог должен или хочет прочесть, чтобы овладеть интересующим его материалом исследования и временем, которого всегда требуется значительно больше, чем археолог может на это затратить. Иногда, чтобы подчеркнуть масштаб этого явления, приводят приблизительные цифры. Думается, что нет необходимости в их повторении для доказательства реальности этого факта. За последние двадцать лет он многократно рассматривался по отношению к другим дисциплинам с помощью более точных методов (см., например, обзор в Lin, Garvey, 1972), и было бы непонятно, каким чудом одна археология могла бы здесь составить исключение. В результате получается вынужденная замена сплошного прочтения таких текстов более быстрыми способами получения информации. Но эти способы также и более обобщенные, из чего логически следует и вопрос о форме подобных публикаций, вопрос, который формулируется в тех же выражениях, что и в случае с Компилациями.

Во-вторых, в археологической литературе особенно ощущается некоторое смещение жанров, вызывающее у читателя определенные трудности. Многие публикации имеют целью, главным образом, познакомить с неизданными материалами или памятниками. Их комментирование не обязательно является поводом для создания новых теоретических построений, но существует обычай представлять этот комментарий в виде интерпретации в том смысле, который был определен выше. В этом случае компилятивная

и экспликативная части работы четко не проявляются, и их разграничение — это труд, который перекладывается на плечи читателя. И это делается вместо того, чтобы точно информировать читателя об источниковедческой — впрочем, вполне законной — цели публикации, представленной «на манер» теоретического вклада. Можно представить, что было бы, если бы для публикаций неизданных материалов существовали одни пути, а для публикации идей, порожденных наблюдениями над этими материалами, — другие, причем их одновременное появление было бы не обязательным. В этом случае подлинно экспликативная литература была бы сведена к своим истинным пропорциям. И это нисколько бы не повредило дальнейшему обогащению Компилаций в той форме, которая была рассмотрена в предыдущем параграфе.

Таким образом, использование археологических текстов даже теми, для кого они предназначены, сопровождается определенными трудностями (пусть и не для всех). Остается определить более точно причины этих затруднений, помимо упомянутой качественной и количественной инфляции.

3.2. НЕКОТОРЫЕ НЕДОСТАТКИ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Уже более двадцати лет естественные науки идут по пути реформ, направленных на преодоление инфляции и ее последствий. Ограничивается растущее множество периодических изданий, уточняются желательные категории публикаций, вырабатываются рекомендации относительно «добрых обычаев» написания научных сочинений, обобщаются источниковедческие методы (авторские резюме, индексирование, составление указателей и аналитических таблиц к серийным изданиям и т. д.)⁶⁶. В этой области археология пока отстает от естественных наук, и только в очень немногих странах принимаются какие-то общие или специальные меры, разрабатываемые систематически только для археологии. Попытаемся связать эти реформы с анализом, составляющим предмет этой книги.

В последующей аргументации будем исходить из следующего положения: в силу изложенных выше причин

---

⁶⁶ Обзор таких мер в естественных науках и способствовавших им организационных условий см. в «Rapport UNISIST»; Gardin, 1971, p. 76—78, 105.

читатель вынужден чаще всего или прежде всего искать в данной публикации ответы на интересующие его вопросы; поэтому форма экспликативных построений должна быть такой, чтобы читатель смог без особых усилий уяснить позицию автора; она должна быть последовательно изложена по каждому из «блоков», которым были даны определения в предшествующей главе (§ 1); особенно важны начальный и заключительный блоки.

Это положение само по себе достаточно тривиально. Когда читатель просматривает археологический текст или наводит о нем справки, чтобы решить, стоит ли его читать, перед ним встают определенные вопросы. Прежде всего— это вопросы о том, *какова цель публикации и какова природа* рассмотренных в ней *памятников*. Первый из этих вопросов соответствует блокам «Задачи» и «Интерпретация» (т. е. первоначальная цель работы и ее результаты). Второй вопрос относится к блоку «Свод». Затем следуют вопросы, касающиеся методов рассуждения, использованных в данной публикации. В нашей общей схеме они разделены на три плана: системы представления (Описание), методы сравнения и классификации в широком смысле (Упорядочивание) и логико-семантические организации (Интерпретация). Совершенно ясно, что ни один читатель не станет читать публикацию вообще, если его не интересуют ни исторические выводы, ни археологические материалы. Разве что методы рассуждений вдруг обнаружат такую оригинальность, что станут неважным, к какой области археологии они применены⁶⁷. Следовательно, автор обязан четко обосновать, чем вызвана его публикация (задачи, цели, достигнутые результаты); изложить характер изучаемых материалов и конкретно отметить особые или обычные методы рассуждений, использованные в работе. Уже одно только наличие этих прямых и точных указаний (которые, впрочем, можно и следует включать в резюме) значительно уменьшило бы трудности чтения, о которых шла речь выше.

К сожалению, в целом археологическая литература

---

⁶⁷ Хорошо известно, что важным моментом, побуждающим прочесть публикацию, является имя автора или учреждения, ответственного за это издание. Но нетрудно показать, что и этот критерий опирается на опыт читателя, которого с какой-либо точки зрения интересуют работы данного автора или учреждения (цели, памятники, методы).

весьма далека от правил такого рода. Чаще наоборот, для того чтобы понять, почему автор счел полезным опубликовать статью или книгу, ее нужно полностью прочесть. Текст начинается обычно с представления одного или нескольких памятников, неизданных или уже известных. Утверждается или предполагается, что они имеют определенное историческое значение, то самое, которое станет известным в результате исследования. Затем излагается само исследование в том порядке, в каком оно выполнялось: от первичного описания, по видимости нейтрального (т. е. якобы независимого от конкретных целей автора и его видения материала), к интерпретационным высказываниям, появляющимся по мере упорядочивания описательных и сравнительных данных в соответствии с процессом, описанным в гл. IV, § 4.1. Следовательно, результат исследования вырисовывается только *по мере* чтения публикации и, исходя из него, некоторым ретроспективным путем можно понять интерес автора к значению памятника, изложенному в самом начале. Кроме того, все преобразования происходят неравномерно. Некоторые из них очень быстро приводят к заключениям, сформулированным уже на первых страницах, а затем повторяются, но не всегда обязательно в заключительной интерпретации. Другие, напротив, составляют длинные цепи, завершение которых можно найти только в конце изложения. Наконец, третьи проходят через последовательные ступени и уровни обобщения. При этом не всегда можно сразу понять, что заключения, сделанные на промежуточных уровнях, не являются теоретическими результатами, столь же значимыми, как и завершающие, обобщенные высказывания (например, Gardin, Lagrange, 1975, с. 55—83). Таким образом, для того чтобы понять и задачи работы, и ее рассеянные по всему тексту теоретические результаты, необходимо последовательно прочесть всю публикацию. Конечно, авторы таких сочинений могут льстить себя надеждой, что, поддерживая у читателя «ожидание» исхода повествования, можно надолго привлечь его внимание. И действительно, читатель может получить удовольствие от искусства автора, построившего так свое произведение, особенно если в нем обнаруживаются тонкость мысли и достоинства языка. Однако приходится признать, что ритм современной печатной продукции не благоприятствует этому, и мы ждем, что обилие археологических публикаций будет компенсировано свойствами, в известном смысле противоположными.

Публикации должны не столько *пленять* читателя, сколько, напротив, освободить его от обязанности читать *все* в соответствии с новой этикой научного сочинения.

Такие же недостатки наблюдаются в способе представления данных и рассуждений, на которые опираются авторы Экспликаций. Когда речь идет о данных, обычай требует, как это уже было отмечено, начинать с описания памятников, которые затем должны подвергнуться истолкованию. Описание должно осуществляться в терминах достаточно «объективных» в том или другом смысле (см. гл. IV). Однако в первом своем значении объективность, чаще всего, не более чем стилистический прием. Действительно, читатель редко может составить себе достаточно четкое представление о материалах, исходя только из описательных текстов, не обращаясь к иллюстрациям. Что касается второго, в познавательном смысле более плодотворного значения объективности, то оно предполагает участие в первоначальном описании всех элементов, которые затем используются в исследовании (см. схемы нарис. 23, 25 и 26). На деле это происходит редко по двум причинам. Во-первых, при последующем переходе к формулированию сравнительных данных (Упорядочение) используемые признаки и отличительные особенности часто отличаются от приведенных в описании. Во-вторых, такое же явление можно обнаружить и на стадии Интерпретации и даже при Оценке достоверности, когда автор возвращается к исходным данным (Свод), чтобы извлечь из них новые признаки, необходимые для аргументации (см. гл. IV, § 4.2). В результате, чтобы познакомиться с *видением* памятников, на которое опираются исторические заключения автора, недостаточно павести справку в описательной части публикации, и в этом смысле первичное описание неполноценно. Тем более недостаточно обращение к иллюстрациям, которые в этом плане просто немы. Нужно полностью просмотреть весь текст, чтобы собрать рассеянные частицы и вместо автора восстановить систему признаков, действительно использованную в построении. Тот, кто пытался проделать такую работу, знает, сколько времени и терпения она требует (Borillo, 1970; Lagrange, 1973; Gardin, Lagrange, 1975).

Наконец, остаются еще механизмы Экспликации в буквальном смысле слова, т. е. механизмы составления серий (Упорядочение) и исследования их значений (Интерпретация). С этой точки зрения, главный недостаток наших

публикаций не столько в разбросанности авторских замечаний, сколько в их бедности, исходя из требований «эксплицитной» археологии. Действительно, долгое время считалось, что серии аналогий (сравнения), таксономические и типологические группы (классификация) или хронологические ряды обладают неким естественным порядком, «...продиктованным самой Природой»⁶⁸. И только сравнительно недавно археология открыла полезность и одновременно трудности объективизации этих рядов. Объективизация осуществляется с помощью математических или логических методов, не исключая, однако, и традиционных методов, опирающихся на интуицию. И слабость обычных представлений не в том, что в них делается уступка «диктату Природы», а в том, что в них не проявляется достаточного интереса к собственным логическим основаниям, ограничиваясь лишь их эмпирической пригодностью (см. по этому поводу заключительные замечания гл. VII, § 2). То же самое происходит и с интерпретацией рядов (серий, классов и т. д.) на заключительной стадии Экспликаций. Большинство авторов археологических работ удовлетворяются формулированием выводов, способствующих пониманию исторического смысла этих рядов в любом плане (по «Месту», «Времени» или «Функции», как это было сформулировано в гл. IV), не проявляя особого беспокойства относительно логико-семантических организаций самих выводов. Последние, конечно, в высшей степени относительны, но на них опирается все сооружение или, по выражению М. Скрайвена, они образуют «оправдание» Экспликации (Scriven, 1959, с. 445—451).

Следовательно, и в этом случае читатель должен сам выяснять комплекс механизмов рассуждений, если он хочет овладеть логикой исследования сверх того немногого, что об этом говорят сами авторы. Совершенно очевидно, что перекладывание такого количества забот на плечи читателя не помогает ему основательно усвоить результаты. Значит нужна некая «охрана труда» труда читателя, чтобы найти менее изнурительные методы работы с текстом. Попробуем наметить некоторые из них.

---

⁶⁸ Herbert of Sherbury, *De Veritate* (1624), перевод М. Н. Carré, University of Bristol Studies, № 6, 1937: цитируется по N. Chomsky, *Cartesian Linguistics*, с. 60, Harper and Row, New York, 1966.

3.3. НОРМАТИВНЫЕ ПРИНЦИПЫ

Предложения, проистекающие из замечаний, высказанных в предыдущих параграфах, будут сформулированы в виде нескольких принципов, которым желательно следовать при подготовке экспликативных публикаций.

Принцип 1. Рациональная организация публикаций. Чтобы справиться с упоминавшейся выше инфляцией количественного характера, нужно с большей четкостью различать две функции публикаций, о которых шла речь в начале главы. Во-первых, это публикации новых *материалов* (или старых материалов, представленных в новых вариантах), сопровождаемые или нет новыми примечаниями интерпретационного характера. Во-вторых, это публикации новых *идей*, опирающихся на изучение археологических объектов, известных или неизвестных. В приведенной ниже таблице представлены все возможные случаи, находящиеся между двумя пределами: представлением «материалов» и представлением «идей», при этом хотя бы один из данных компонентов должен обладать новизной.

Идеи \ Материалы	Известные	Новые
	Известные	— — — 1
Новые	Компиляции 2	Компиляции + + Экспликации 4

Случай 1, в сущности, исключается. Он может быть связан только с популяризацией — жанром, вполне законным для археологической литературы, но не входящим в сферу теоретической археологии (тем не менее см. ниже гл. VII, § 3.3).

Случай 2 — это Компиляции в буквальном смысле. Из того что было сказано выше, вытекает вполне обоснованное желание несколько изменить форму Компиляций. С этой целью можно воспользоваться методами, предлагаемыми центрами и сетями научных данных, облегчив тем самым доступ к первичной информации, сократив объем печатных публикаций и время, нужное для их проработки (гл. VI, § 2).

Случай 3: Экспликации в буквальном смысле, цель которых состоит в том, чтобы познакомить читателя с новыми историческими точками зрения по поводу уже известных археологических материалов. Наиболее удобным способом распространения и изложения таких идей является печатная публикация.

Случай 4 включает в себя работы, создаваемые археологами наиболее часто. В них публикация новых материалов сочетается с историческими выводами, которые тоже считаются новыми. Здесь объединены оба предшествующих подхода. Однако ничто не мешает тому, чтобы их разделить и получить в итоге *два* разных вида публикаций. Первый (Компиляция) вводит в источниковедческий научный оборот неизданные памятники и обеспечивает таким образом доступ к новым археологическим материалам. Второй вид (Экспликация) призван познакомить с интерпретацией новых памятников, открытых автором, и излагается в обычной литературной форме, и тогда нет необходимости представлять в той же публикации все открытые памятники (см. Принцип 5). Такое разделение стало во многих областях естественных наук привычным делом, поскольку «количество фактов» насчитывается иногда десятками тысяч (Gardin, 1971, с. 103—104). Вряд ли археология сможет избежать такого разделения, даже если оно иногда задевает нормы традиционной учепости.

Принцип 2. Изложенные выше соображения умышленно представлены в провокационной форме. Это сделано для того, чтобы показать, что литературная форма публикации не является естественным правом тех археологов, которые производят раскопки. Она скорее является привилегией исследователей, склонных к историческим построениям, даже если они созданы на материалах, собранных другими авторами. Не прибегая к крайностям, замечу только, что необходимо восстановить престиж научной публикации как отважного поступка, который не совершается сам по себе. Нужно, чтобы не только сам автор был убежден в том, что есть веские основания привлечь внимание читателя к результатам новых размышлений, чего бы это не стоило, но и убедить в этом читателя. Другими словами, первые строки публикации должны быть посвящены своего рода *защите* предлагаемой работы, основанной на кратком доказательстве ее полезности для развития исторического знания. Я уже слышу шепоток: разве не все археологические публикации соблюдают это правило? И много ли сре-

ди них таких, которые можно расценить как бесполезные уже в момент их появления? Я говорю только о формах и нормах изложения в обычных публикациях. Существует легион примеров тому, как причина их появления либо вообще умалчивается, либо в лаконичной и стереотипной преамбуле вскользь говорится об «интересе», который представляют публикуемые материалы — поселения, памятники, надписи и т. д. Вовсе не следует думать, что подобное умалчивание или сдержанность рассматриваются как дурное предзнаменование или явный признак бедности исследования. Следуя идее предыдущего параграфа, отмечу только то, что нужно избавить читателя от необходимости самому реконструировать ту историческую задачу, которую задумал решить автор, и то значение, которое имеет его работа для данной области исследования. Коротче говоря, речь идет о том, чтобы любая публикация начиналась с четкого изложения ее мотивов и целей. Это позволит читателю, не применяя других форм толкования, решить, исходя из собственных интересов и наличия времени, стоит ли его тратить на прочтение данной работы.

Принцип 3. Из этой элементарной прописи следует другая. Она касается того, *что нам известно* о данной проблеме. Было бы очень удобно, если бы читатель сразу мог бы узнать, какие работы использованы при создании данного исследования. Желательно, чтобы они были перечислены одновременно с формулировкой проблемы. Если какие-то из этих работ известны читателю, они помогут ему яснее представить себе область исследования. Кроме того, читатель будет избавлен от необходимости выискивать ссылки на использованные источники, появляющиеся по мере изложения и, как правило, в связи с частными моментами (сравнения, датировки, интерпретации и т. д.), а также получит ясное представление о том, какую литературу автор считает по этой теме основной, а какую — второстепенной. Это особенно ценно в тех случаях, когда автор привлекает публикации, непосредственно не относящиеся к данной области исследования и в которых читатель сам должен искать все, что относится к новому для него вопросу.

Принцип 4. Как мы уже видели, в основе археологических экспликативных построений лежит совокупность признаков объектов и памятников. В соответствии с процедурой, воспроизведенной в гл. IV, § 4, исходя из них, исследователь приходит в копечном счете к интерпретации.

Следовательно, очень важно, чтобы эта «основа» была представлена как можно яснее, ибо именно на ней покоится все теоретическое сооружение. Определение основы достаточно простое: оно включает в себя три категории элементов:

а) материальные объекты, воспроизведенные при помощи единиц описания, от наиболее обширных (например, географические регионы, исследуемые зоны или места раскопок и т. д.) до самых малых (например, *Kleinfunde* — мелкие находки). В этом диапазоне могут быть перечислены любые объекты по усмотрению автора (поселения, кварталы, их структура и т. д.);

б) наблюдаемые или предполагаемые связи между объектами как логические, так и материальные (например, включения, сходство, ассоциации и т. д.);

в) наконец, внешние и внутренние признаки каждого объекта, определенные выше, — гл. IV, § 1.1.

Пользуясь терминами этих трех категорий можно достаточно ясно изложить материальную основу компилятивных построений, разделив изложение на две равные части. Первая часть соответствует тому, что мы в общей схеме назвали представлением Свода (гл. V, § 1.2). Она включает в себя данные пунктов (а) и (б). Вторая часть соответствует Описанию (гл. V, § 1.3) и включает в себя данные пункта (в). Однако предлагаемое нововведение состоит не в этой системе изложения данных, а в том, чтобы *все* рассматриваемые исходные данные собрать в одной и той же вполне доступной части текста, а не рассеивать их по всему изложению, как это делается в большинстве даже наиболее тщательно написанных публикаций, о которых шла речь в предыдущем параграфе.

Таким образом, под заголовком «Свод» (или под любым другим, который окажется предпочтительнее) читатель должен найти все указания, относящиеся к *области исходных данных* в физическом или логическом смысле:

а) география, топография, стратиграфия;

б) природные и культурно-исторические данные, представленные в виде дискретных единиц исследования;

в) системы локализации этих данных, т. е. пространственные связи между (а) и (б);

г) логические связи, включаемые в определение данных (иерархические отношения, например, между понятием «дом» и понятием «комната» в этом доме; функциональная зависимость, например, между категориями не-

движимых объектов типа «печь для обжига» и категориями движимых предметов типа «гончарный брак» и т. д.);

д) пространственные отношения, наблюдаемые или подсчитанные между элементами (б) в соответствии с системой локализации, выбранной в (с);

е) наконец, в некоторых случаях следует выделить процедуры отбора, если для рассмотрения пужно оставить только часть данных, принимаемых в качестве основных единиц построения.

Этот длинный перечень может вызвать озабоченность. Однако соблюдение подобных правил представляется необходимым, если автор хочет помочь читателю достаточно быстро разобраться в «топологии» своего исследования, не заставляя самого читателя реконструировать эту «топологию», препарируя весь текст. Впрочем, это требование во все не приводит к обязательному удлинению текста. Скорее, речь идет о необходимости перегруппировки и более четкой организации данных, разбросанных по всему тексту. Оно связано также с необходимостью в пояснениях, которые смело можно ограничить графическими средствами (карты, схемы, таблицы), разумеется, не менее ясными, чем текст.

Аналогичным образом и Описание должно содержать все пояснения, относящиеся к *области признаков* вышеупомянутых объектов, т. е. содержать полный перечень признаков, характеризующих объекты каждой категории (например, природная Среда, Поселения, Структуры жилищ, Керамика и т. д.). Очень важно, чтобы читатель смог сразу понять системы представлений признаков, в большой степени определяющие суть самого исследования, и самый простой способ достижения этого — изложить их читателю в одном месте. В этом случае Описание будет включать в себя используемые «коды» или «код», т. е. перечень описательных терминов, применяемых на любом этапе исследования. Если же в работе были использованы термины, смысл которых не подразумевается сам собой, в Описание должно быть включено их определение в словесной или графической форме. Требование эксплицитности кодов не является чрезмерным, тем более что для его выполнения хватило бы нескольких компактных таблиц. Зато оно позволило бы ускорить введение более радикального порядка построения публикаций и, кроме того, стало бы яснее, что на самом деле нередко авторы опираются не на непосредственные факты, а на результаты своего чувст-

венного восприятия (например, при анализе палеографии, стиля и т. д.), которым, однако, никто не пытается дать истинного операционного определения. Можно было бы также убедиться в субъективности подхода к описанию материальных объектов, упоминавшихся выше, т. е. в субъективности способа их видения и понимания. Собственно, поэтому одни и те же памятники оказываются представленными по-разному в зависимости от того значения, которое придается им разными исследователями. И наконец, из всего этого стало бы очевиднее, что единственной мерой ценности описания является качество выводов, сделанных автором, поскольку всякая, пропущенная в данном исследовании отличительная особенность — это только один из множества других фактов восприятия. Каждый такой признак, конечно, важен для того, чтобы *узнать* объект, о котором идет речь, или другие, похожие на него. Но не для того, чтобы *познать* данные объекты в научном смысле этого слова.

Добавим, что систематическое представление кодов, лежащих в основе экспликативных построений, могло бы значительно облегчить специалистам ориентирование среди Компилаций и их использование. Признаки, отобранные как наиболее важные для Экспликаций, рано или поздно должны войти в содержание Компилаций, иначе они могут потеряться среди так называемых чисто «объективных» наблюдений, которые ничему конкретно не служат (см. гл. III, § 5). И поэтому так необходимо, чтобы каждый автор взял на себя труд дать полный и ясный перечень используемых им признаков, имея в виду задачи будущих составителей Компилаций, и тогда им не придется самим реконструировать этот перечень, прибегая для этого к своим истолкованиям.

Принцип 5. Итак, основными данными всякого исследования являются объекты, признаки и их взаимные связи. Операции, с помощью которых осуществляется переход от этих данных к заключительным высказываниям, тоже можно свести к весьма простым формам рассуждения, которые не должны скрывать пышность традиционной риторики. В первую очередь это касается изложения сравнительных данных. В подобных случаях авторы изощряются, изобретая сотни различных способов, чтобы выразить наблюдаемое ими подобие (или различие) между объектами или их признаками: «Эта особенность обнаруживается в... Поразительная параллель существует... К этому типу

приближаются объекты, найденные в... Этот памятник в некотором роде напоминает... Такой же признак наблюдается в... Раскопки... выявили объекты, сходные с...» и т. д.⁶⁹ Все это можно было бы сделать гораздо лучше с помощью сводных таблиц, в которых можно было бы прочесть все *соответствия*. Кроме того, в таких таблицах автор смог бы, если бы захотел, познакомить с наблюдениями, объясняющими «сходство» между каждой парой или более рассматриваемых объектов и обозначить границы этого сходства или, напротив, отвергнуть его, и тогда изложение формальной базы рассуждений не было бы обязательным.

Если же эта база существует в виде какой-нибудь хорошо определенной процедуры упорядочивания в широком смысле этого слова (гл. V, § 1.4), тогда, конечно, она стоит того, чтобы ее изложить. Однако главным элементом этой части построения по-прежнему остается *результат* упорядочивания (сравнительные серии, таксономические классы, типы, типологические ряды и т. д.), а не метод, которым все это достигается. Ведь именно с этого результата начинается возведение экспликативной конструкции независимо от метода, которым данный результат получен. Следовательно, во всех случаях следует заботиться о представлении указанных рядов, а возможность формализации является не более чем удачным дополнением. При этом с познавательной точки зрения формализация не обладает тем значением, которым обладает сам «факт» существования данного ряда, если его интерпретация и ее последующая оценка достоверности действительно подтвердят это значение.

Сравнения, классификации, сериации и другие способы упорядочивания археологических материалов весьма однообразны. Этого не скрывает тысячу и одним способами их представления. То же самое можно сказать и о следующем этапе исследования — об интерпретации. По крайней мере я осмелюсь утверждать, что рассуждения, которыми обеспечивается переход от указанных выше формальных результатов к содержательным, объясняющим высказываниям, тоже достаточно просты. А следовательно, их нетрудно

---

⁶⁹ Мне кажется, что эту простодушную игру выражений практикует большинство археологов. Этого общего правила не избежали и мои собственные работы. Приведенное перечисление заимствовано мною из уже упоминавшейся здесь рецензии с. 130, автор которой высказался весьма самокритично (Chevrier, 1959, с. 313).

изложить в схематической форме. Такая форма менее многословна, но по существу она также богата, как и высказывания на естественном языке. Примера, приведенного в гл. IV, § 4, безусловно, недостаточно для обоснования столь категорического утверждения, и можно согласиться с тем, что такое утверждение несколько «спорно». В таком случае можно предложить (но не предписать) еще два нововведения к методу написания археологических работ.

Первое из них касается способа представления связей между высказываниями в процессе Описания и Упорядочивания, с одной стороны, и высказываниями заключительного характера в процессе Интерпретации — с другой. Эти связи можно в определенной мере свести к последовательным преобразованиям в смысле гл. IV, § 4.1. Наиболее удобной формой выражения таких связей представляются таблицы и схемы *того же типа* (что не означает идентичности), что и схемы, рассмотренные выше (рис. 23—26, см. также Gardin, Lagrange, 1975, с. 49—53, 87—94). Подобные схемы позволяют обнажить связи между рассуждениями значительно полнее и четче, чем в последовательном словесном изложении, где правила риторики скрывают их в завуалированных формулировках, связанных с определенным жанром работы.

Второе нововведение — это обоснование каждого преобразования, т. е. каждого шага, сделанного по направлению к выводам исследования. Такое обоснование может быть выражено в форме коротких пояснений к упомянутым схемам и таблицам. Можно также ограничиться изложением фактов, которые обосновывают переход от одного (или более) высказывания B_1 ($B_2, \dots, B_n$) к высказыванию B_{n+1} , будь они в зависимости от конкретного случая индуктивными или дедуктивными (см. Gardin, Lagrange, 1975, табл. 7 и 8, колонки «Обоснования»).

Как это было показано выше (гл. IV, § 4.2), факты легко выстроить в непрерывный ряд, начиная с тавтологий или так называемых универсальных истин и кончая самыми локальными. Примером универсальной истины может быть высказывание типа «большая птица, сидящая на руке, одетой в перчатку» (рис. 25), тогда, как допускаемое соотношение между «персонажем, держащим за пояс другого, находящегося напротив», и «подчинением» или «повиновением» первого персонажа второму (рис. 26), является примером локального семантического построения, относящегося к данной частной культурной области. В первом

случае (универсальная семантика) не принято ссылаться на какое-либо обоснование высказывания. Оно воспринимается как само собой разумеющееся. Во втором, наоборот, наличие библиографических или иных ссылок свидетельствует о том, что автор испытывал необходимость в обосновании своего вывода. Этот обычай не так уж плох, поскольку, действительно, было бы абсурдно во имя абсолютно эксплицитной археологии заставлять всех авторов обосновывать все системы дефиниций, гипотез и констатаций, лежащих в основе наиболее общепринятых логических преобразований. Но всегда ли можно быть уверенным в том, что если данное преобразование $(B_1, \dots, B_n \rightarrow B_{n+1})$ специально не обосновано, то это значит, что автор считает его самоочевидным. Во многих случаях такой уверенности нет. Вспомним, например, связь, о которой пишет в своей работе Ж.-П. Ру (гл. IV, § 4), между «идентичностью одеяний» обеих персонажей и их принадлежностью к «одному роду». Эту связь автор ничем не обосновывает, хотя он не стал бы считать ее непреложной истиной, если бы это потребовалось доказать. Вот почему было бы разумно рекомендовать, чтобы любое преобразование высказываний сопровождалось поясняющим примечанием. В нем либо должен быть изложен постулат, относящийся к «самоочевидным вещам» и положенный в основу дальнейших рассуждений, либо должны быть указаны, как это и принято делать, особые факты, играющие роль обоснования для дальнейших логических преобразований⁷⁰. Такое примечание необходимо хотя бы для тех построений, которые стремятся к формальной безупречности. Кроме того, оно предостерегает от опасной легкости объяснений, исходящих из так называемого «здорового смысла». Преобладание таких «естественных» допущений в преобразованиях первого типа придает историческим Экспликациям характер скорее допустимых выводов, чем обязательных (см. гл. IV, § 4.3). Все это позволяет в результате прояснить пределы возможностей некоторых формализмов: они более эффективны на предварительных стадиях исследования (состав-

---

⁷⁰ См., например, Gardin, Lagrange, 1975, где символ "Sém. U" (семантика универсальная) употребляется без дополнительных указаний, а в отличие от него "Sém. L" (семантика локальная) всегда сопровождается ссылкой на источник, откуда автор черпает факты для обоснования своих построений. По поводу ненужности объяснения «тривиальных истин», привлекаемых в исторической интерпретации, см. Scriven, 1959, с. 472.

ление свода, описание и упорядочивание), а не при интерпретациях (Cowgill, 1977).

Для обоснования логических преобразований второго типа (не универсальных, а локальных), культурная принадлежность которых принята, можно использовать компактные схемы или таблицы того же рода, что и упоминавшиеся выше ЛСО (логико-семантические организации, простые примеры которых см. Gardin, Lagrange, 1975, р. 40—48, 69—83). Они предпочтительнее, чем не столь ясные методы последовательного словесного изложения. В таких схемах читатель скорее найдет логические и семантические обоснования интерпретации, не прибегая к предварительному восстановлению этих обоснований по авторскому тексту. Кроме того, благодаря относительной однообразности подобных схем по ним легче сравнивать явления сходства, совпадения, противоположности и, переходя от автора к автору, определять вклад каждого из них в общую сумму знаний по данной проблеме⁷¹.

Принцип 6. Выше уже отмечалось, что интерпретация может считаться последней фазой всякого экспликативного исследования, а любая заключительная аргументация, играющая роль Оценки достоверности, является ее неотъемлемой частью (гл. V, § 1.6). Данный принцип уже излагался в одной из предшествующих работ в следующих выражениях: выше уже отмечалась эквивалентность формальных механизмов Интерпретации и Оценки достоверности (гл. IV, § 5). В силу этого Оценку достоверности полезно рассматривать как расширение эмпирической базы, лежащей в основе Интерпретации... Тогда те предположения, которые *еще ждут* эмпирической проверки, будут сохраняться в виде дедукций, а те, что *уже подтверждают* гипотезу в момент ее высказывания, пополняют индуктивную базу» (Gardin, Lagrange, 1975, р. 101). То, что здесь названо «предположениями», следует рассматривать именно как дедуктивное построение, как временную гипотезу, выведенную из данной Экспликации *для последующей проверки фактами, самому автору пока не известными.*

---

⁷¹ Пример такого исследования, в котором сделана попытка систематизировать отошения, которые согласовывали бы между собой последовательные интерпретации одного и того же памятника, можно найти в Gardin, Lagrange, 1975, с. 32—48. Такое исследование завершается своего рода «исчислением» применительно к содержанию ЛСО, чтобы объяснить последнюю интерпретацию как следствие или синтез предшествующих.

Отсюда можно сделать вывод, что заботу о проверке «предсказаний» гипотетико-дедуктивного характера следует предоставить другим исследователям, которые сумеют найти *новые* факты, подтверждающие (или опровергающие) выдвинутую автором гипотезу. Именно это имелось в виду, когда предлагалось исключить блок «Оценка достоверности» из поля *одного* конкретного исследования, а сделать его, скорее, промежуточной операцией между двумя исследованиями, которые, если говорить схематически, следуют друг за другом. Второе построение должно подтвердить (или нет) все первое построение (или его часть; рис. 29). Впрочем, все это может сделать и сам автор данной Экспликации, выдвинув некоторые предположения, которые затем он же сам может проверить. Именно в таком ограниченном смысле Оценку достоверности можно рассматривать как заключительную часть экспликативного построения.

Все рассмотренные принципы исходят из одного и того же постулата: археологические публикации, даже те, которые скорее являются Экспликациями, чем Компиляциями, чаще всего используются в справочных целях и не прочитываются полностью, а бегло просматриваются. Поэтому важно привести их форму в соответствие с их фактическим назначением. В самом деле, если следовать изложенной выше схеме (гл. V), правила традиционного литературного изложения не самые удобные для того, чтобы облегчить и ускорить понимание главных компонентов любого археологического экспликативного построения. Вот почему и возникла идея заменить их другими способами представления, перегруппировав информацию и однородные совокупности данных так, чтобы их можно было найти независимо друг от друга и получить пужные сведения. При этом логическое место каждого комплекса информации в исследовании в целом должно быть понятно сразу и лучше, чем с помощью обычной «нити изложения» (Grimes, 1975). Все это может быть достигнуто двумя способами. Первый — это сочленение текста из четко ограниченных блоков: задачи работы (принципы 1 и 2), отбор и описание данных (принципы 3 и 4), операции, производимые над данными, с целью получения заключительных экспликативных высказываний и связей между ними (принципы 5 и 6). Второй способ — сосредоточение соответствующей информации в каждом блоке в форме схем и сводных таблиц.

Из этого вовсе не следует, что мы ориентируем авторов на «формализацию» археологических публикаций в ущерб их «литературным» достоинствам. Я уже не раз подчеркивал, что подобные схемы имеют мало общего с формализацией, о которой мечтают некоторые археологи⁷². Что же касается истинных литературных достоинств наших сочинений, то мне кажется, что в наши дни они не столь уж ощутимы. И я не отрицаю, что их необходимо возродить. Но для этого еще более важно четко определить «жанры». Я не призываю к отказу от литературного языка как наиболее богатой формы выражения. Напротив, ему нужно придать особое назначение, совершенно иное, чем те, которые мы только что рассмотрели⁷³. Последние страницы данной книги будут посвящены этому дополнительному аспекту эволюции, которую хотелось бы видеть в археологической литературе.

---

⁷² См. гл. I, § 3.5; гл. IV, § 4.3. Совершенно естественно, что аналогичную точку зрения высказывает большинство логиков, изучающих практические способы мышления, выражаемые в повседневной речи. См., например, Perelman, 1971, который рекомендует в данном случае неформальный подход в соединении с «новой риторикой». Правда, следует отметить, что и «неформальный подход», и «новая риторика» только внешне подобны аналогичным терминам, используемым в данной книге, поскольку появились совсем по другому поводу.

⁷³ Читатель вправе спросить, почему я сам в своих собственных археологических сочинениях не потрудился применить только что сформулированные принципы. Причины такой непоследовательности не имеют прямого отношения к теме данной книги. Я намерен проверить указанные принципы на практике в своей будущей публикации, над которой я сейчас работаю. Ее тема — реконструкция истории земледелия в Восточной Бактрии (Афганистан). Предварительные сообщения см. Gardin, Gentelle, 1976, 1979.

Глава VII

ПРЕДЕЛЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

В конечном итоге теоретическая археология выступает как наука о рожденных пером археологов рассуждениях, выраженных в символической, знаковой форме, т. е. в терминах какого-либо естественного или искусственного языка, в том числе с помощью схем, таблиц, графиков и т. д. (для краткости будем далее называть всю совокупность этих средств выражения «символическими»). Археологическая литература — это «лаборатория», где такие рассуждения могут быть изучены *in vitro*, т. е., так сказать, «в пробирке». Собственно, это и было сделано в настоящей работе, сначала с точки зрения содержания (гл. II—V), а затем с точки зрения формы (гл. VI). Такое в сущности описательное рассмотрение привело к некоторому общему взгляду (гл. V) и рекомендациям (гл. VI), которые, строго говоря, выходят за рамки задач данной книги. Тем не менее представляется более целесообразным не исключать их из области теоретической археологии, а расширить смысл понятия «наука», придав ему некоторую двойственность, тем более что такое понимание науки принято в ряде словарей. Тогда можно сказать, что теоретическая археология — это наука о символических построениях (в сформулированном выше смысле) и одновременно искусство создавать эти построения «хорошо» с логической точки зрения.

Однако такой подход сразу порождает несколько вопросов. Прежде всего есть археологи, которые придерживаются другого мнения о том, какие построения считать «хорошими». Поэтому необходимо уточнить отношения между теоретической археологией в нашем понимании и в понимании различных школ, известных в «новой археологии» строгостью своих методов (гл. VII, § 1). Кроме того, подход, за неимением другого термина названный

здесь «логистическим», очевидно, присущ не только археологии, и будет своевременно рассмотреть другие, более показательные, чем отмеченные выше отношения между теоретической археологией и иными областями гуманитарных наук, затрагиваемых той же тенденцией (гл. VII, § 2). Смысл такого экскурса прежде всего в том, чтобы снять всякую неопределенность относительно наших истинных намерений, которые одновременно и более банальны, и более радикальны, чем задачи «новой археологии». Кроме того, и это главное, мы должны подойти к определению границ теоретической археологии. Они не менее важны, чем ее достоинства. Знание этих границ обязывает нас отметить в заключение еще один дополнительный путь археологических рассуждений, далекий от аскетических схем логицизма (гл. VII, § 3).

1. ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ НОВОЙ?

Вопрос, вынесенный в заголовок, в сущности, включает в себя два вопроса. Первый из них относится к археологии, которая называет себя «новой», и его цель состоит в том, чтобы определить связи «новой археологии» с темой данной книги (гл. VII, § 1.1). Второй вопрос, напротив, касается археологии вообще, независимо от школ или периодов и связан с местом, которое занимают в ней проблемы, собранные под общим названием «теоретическая археология» (гл. VII, § 1.2).

1.1. Было бы скучно и бесплодно снова открывать, к счастью, уже завершившиеся дебаты по поводу того, что собой представляет и чего не представляет *новая археология*. Остановлюсь только на двух, как мне кажется, особенно излюбленных темах тех авторов, которые отстаивают это направление или примыкают к нему, чтобы кратко сравнить их с представлениями, изложенными в данной книге.

А. Первая, отмечаемая этими авторами особенность новой археологии — это стремление решать при исследовании древних памятников более сложные задачи, чем просто сбор и изучение археологических материалов, и в итоге браться за решение проблем, стоящих перед культурной антропологией или историей общества. Точнее, для новой археологии характерна потребность в более систе-

матических формах антропологических и исторических реконструкций. Эти реконструкции разрабатываются в надежде на то, что они позволят сформулировать «законы» человеческого поведения, менее примитивные, чем традиционные объяснения влияниями, сходством или культурными традициями. Некоторые археологи восприняли такой подход как настоящую революцию, в результате которой «все существующие учебники должны быть пересмотрены и переписаны в этих терминах» (Renfrew, 1973, с. 11). Для других, более умеренных последователей новой археологии, ее лозунги не казались столь радикальными, что и отмечено в ряде публикаций (например, Watson, 1972, с. 210—212, где упоминаются Уолтер Тейлор, Сол Такс, Лесли Уайт, т. е. все те, кто был так активен на этом поприще еще за двадцать лет до того). Выбор того или иного «лагеря» новой археологии для нашей задачи особого значения не имеет. В сущности все экспликативные построения могут быть подвергнуты анализу по схемам, предложенным в этой книге, независимо от того, к какой «парадигме» они относятся. Так, объяснение изменчивости данных археологических материалов в результате передвижений людей (набеги, торговая экспансия, религиозные влияния и т. д.) может показаться с точки зрения новой археологии несовременным. Но от этого оно не менее достойно для логистического анализа, чем объяснения того же явления «изменениями в продовольствии, в технологии и в социальной организации, которые приводят к локальной и самопроизвольной эволюции всех этих вещей» (Renfrew, 1973, с. 11). Более того, обе категории объяснений могут быть одновременно «истинными». Это бывает тогда, когда каждое из них учитывает какой-то один аспект проблемы, не исключаящий другого. И тогда для проверки обоих объяснений можно привлекать те же факты. И наконец, главное: занимающие нас вопросы обоснования рассуждений возникают в обоих случаях и, шире, во всех видах дискурсивных Экспликаций, как в «старых», так и в «новых». Вот почему мы сразу обратились к рассмотрению разных Экспликаций, не заботясь об их нынешней репутации (гл. IV, § 3), а затем свели их все к единой формальной структуре (гл. IV, § 4). Таким образом, вопрос об относительной ценности той или иной «парадигмы» для Экспликации археологических материалов возникает за пределами того уровня абстракции, на котором мы находимся.

В. Последователи новой археологии могут возразить, что их нововведения состоят не в выборе парадигмы объяснения, а в формулировании соответствующих законов человеческого поведения, которые могут рассматриваться с точки зрения синхронии (антропология)⁷⁴ и диахронии (история). Можно также утверждать, что оригинальность новой археологии состоит в принятии такой «модели исследования посредством выявления общих законов, при которой ведущую роль играет гипотетико-дедуктивный метод для проверки заключений, полученных из изучения археологических материалов» (Watson, 1972, с. 212). Признаюсь, что в этом смысле мой анализ археологических построений идет в ином направлении. Прежде всего мне кажется, что отношение между научным объяснением и поятием закона имеет иной характер, чем это постулируют апологеты новой археологии. Высказать мысль о том, что некоторые явления кажутся подчиняющимися определенному закону, еще не значит объяснить эти явления. Многие логики подчеркивали это, а один из них даже взял на себя труд напомнить об этом археологам (Morgan, 1973, с. 264—265). И напротив, можно прекрасно объяснять явления, не прибегая к законам, даже в самых «строгих науках».^{74а} Во всяком случае, выражение некоторых закономерностей в виде законов является часто только условным приемом представления. Он может скрыть и даже исказить характер изучаемого явления (Morgan, 1973, с. 266). Этот последний момент был блестяще продемонстрирован Майклом Скрайвеном по поводу исторических Экспликаций вообще. Имся дело с отдельным событием (например, такой факт, как «Кортес отправил третью экспедицию в Нижнюю Калифорнию после провала первых двух» (Scriven, 1959, р. 447), всегда можно сформулировать какой-то закон, объясняющий это событие (например, «Все уверенные в себе и жаждущие богатства люди имеют обыкновение пускаться в предприятия, которые могут принести им богатство»). Этим «можно объяснить», что Кортес, «человек,

---

⁷⁴ Здесь имеется в виду «антропология» в том смысле, в котором этот термин употребляется в англоязычной литературе. Он близок (хотя и не идентичен) нашему термину «этнография» (подробнее см. Бромлей, 1981, с. 98 и сл.) — *Прим. ред.*

^{74а} Здесь, конечно, автор не совсем прав и отчасти противоречит самому себе. Объяснить, как это он сам отмечает выше, значит перейти от частного факта к его причине и к тем объективным факторам истории, которые на него повлияли или породили. — *Прим. ред.*

уворейный в себе и жаждущий богатства», решил предпринять новую выгодную экспедицию, несмотря на провал двух предшествующих, там же, с. 454).⁷⁴⁶ Здесь можно усмотреть аналогию с тем, как мы формулировали обоснование интерпретационных высказываний на всех уровнях экспликативного исследования в виде логико-семантических схем для каждого данного случая (гл. IV, § 4.2.). Однако существенное отличие как раз и состоит в том, что логико-семантические схемы не претендуют на выражение общих законов. Скорее, наоборот, с их помощью выявляются отдельные факты, использованные в *одном* данном построении для обоснования того или иного вывода. М. Скрайвен был прав, говоря о месте таких «обоснований» в историческом исследовании и об абсурдности попыток придать им форму законов (там же, с. 445—450, 454—458). Такие обоснования, отмечает он, не более чем «трюизмы», которые заведомо могут служить обоснованием в большинстве исторических Экспликаций (там же, с. 464—467). Все эти замечания одновременно указывают и на пределы возможностей самой *дедукции* в генезисе наших построений. Действительно, именно с помощью таких условных приемов создается иллюзия, что построение теории происходит гипотетико-дедуктивным путем.⁷⁵ Ранее я уже излагал свои доводы против такого представления (Cardin, 1974с, с. 343). До меня это в превосходной форме сделал М. Скрайвен: «Если объяснение драпируется в свои собственные дедуктивные одежды, оно становится доказательством или обоснованием самого себя» (Scriven, 1959, с. 450). Иными словами, объяснение должно существовать до того, как оно доказывается в гипотетико-дедуктивном смысле, и задача состоит в том, чтобы выявить механизм построения любой экспликативной конструкции в циклическом процессе, в котором дедукция играет далеко не первую роль (гл. V, § 2).

В заключение приведу высказывание И. Лакатоса по поводу «формалистских» или «дедуктивистских» крайно-

⁷⁴⁶ Пример с Кортесом неудачен. Если говорить об исторических законах, породивших саму Конкисту и призвавших к участию в ней «уверенных в себе и жаждущих богатства» кортесов, то дело, конечно, в более глубоких социально-экономических законах.—
Прим. ред.

⁷⁵ Выше, в конце гл. IV, § 4.2, приводился пример подобного приема, когда Ж.-П. Ру не очень убедительно пытался показать различия между данными, позволяющими ему *доказать* свою гипотезу дедуктивно, и данными, служащими для того, чтобы *вывести* ее индуктивно.

стей самой математики, которое мне кажется относящимся и к гипотетико-дедуктивной археологии. П. Тюилье резюмировал это высказывание следующим образом: «Всякое начинание, ставящее своей главной и почти исключительной целью создать или перестроить математику аксиоматически-дедуктивно—это *авторитарная и мистическая* пародия. Авторитарная потому, что втискивает воображение исследователей в очень жесткие рамки. Мистическая потому, что усиливает веру в «божественный» характер математической достоверности и вольно или невольно скрывает характер эвристических действий, наполняющих сердца математиков» (Thuillier, 1977, с. 74). А то, что эти эвристические действия сами по себе могут ничуть не меньше подвергаться анализу с точки зрения их логического обоснования и рационализации, утверждалось и помимо меня (Doran, Hodson, 1975, с. 343). Теоретическая археология в нашем понимании пытается выяснить логико-семантические обоснования, *равным образом* участвующие как в процессе открытия, так и в процессе доказательства.

В. Аргументы, представленные в пунктах «А» и «Б», указывают на неизбежность отрицательного ответа на первый из двух вопросов, поставленных в начале данного раздела. Теоретическая археология не является новой археологией, ни даже ее ветвью или частью. Единственная их общая черта — это склонность к эксплицитности механизмов рассуждения, однако и в этом далеко идущие аналогии невозможны, поскольку схемы обоснований в корне различны. Правда, можно, наоборот, новую археологию считать ветвью или, скорей, усеченной формой теоретической археологии... При этом (а) ее усеченность объясняется прежде всего присущим ей выбором исследований: для новой археологии характерны исследования антропологического (см. прим. ред. на с. 248) или экологического типа, для теоретической археологии — построения любого характера вплоть до самых тривиальных (каталоги) или самых устаревших (типологии); (б) усеченность объясняется еще и самими механизмами рассуждения: новая археология предпочитает *только* дедукцию и доказательство, в то время как теоретическая археология, кроме этого, охватывает *также* индукцию и догадки.

Уже сам факт включения одной из них в другую (новая археология могла бы войти как частный случай в теоретическую) порождает не равноправность отношений между ними. С одной стороны, они могут свободно объе-

диниться в критике способов традиционного рассуждения. Однако случается, что и построения новой археологии подвергаются критике со стороны теоретической археологии в силу того же требования эксплицитности, но в соответствии с жесткими требованиями новой археологии, возведенными на более высокий уровень⁷⁶. Из всего этого можно понять, что мы склопны находиться за пределами борьбы Старого и Современного, которая все еще продолжается.

1.2. Остается второй вопрос о месте теоретической археологии в археологии вообще или, иными словами, является ли наше стремление к рациональности коренным переломом как в традиционной, так и в современной археологии? Ответ на этот вопрос в основном зависит от оценки археологических исследований. Тот, кто считает, что раньше археологи не интересовались теоретическими проблемами, поднятыми в этой книге, совершает ошибку. Задолго до этого археологи отмечали, что существуют основания видеть в нашей науке не только «эмпирическую деятельность, но и логически построенную теорию», археологию, которая не только «констатирует то, что есть, но и... стремится также объяснить эту реальность причинами и законами» и т. д. (Déonna, 1922, с. 38; цит. по Borillo, 1971, с. 10). И в так называемой традиционной археологии можно без труда найти примеры работ, несущих на себе

---

⁷⁶ Здесь не место иллюстрировать данное замечание обстоятельными примерами. Отмечу только, какого типа недостатки могут обнаружиться в работах, где чувствуется особая забота о строгости рассуждений, если рассматривать эти исследования с логической точки зрения.

а) *Интерпретация* часто опирается на допущения или гипотезы, «оправдания» которых (по терминологии М. Скрайвена) или логико-семантические обоснования (по нашей терминологии), не столь очевидны, как это представляется автору (например, Hill, 1968).

б) Метод *упорядочивания* иногда не оправдывается или не совпадает с целью исследования (например, Whallon, 1972: здесь применение критерия χ^2 плохо согласуется с задачей последовательного описания метода составления эмпирических типологий).

в) Процедура составления *свода* материалов вообще опирается на постулаты, в лучшем случае непроверенные, а в худшем, — на такие, которые невозможно проверить (например, Redman, Watson, 1970) и т. д.

Эти три работы, я думаю, достаточно хорошо известны специалистам по методологии. Поэтому они могут без труда понять смысл этих критических замечаний, даже если они их не разделяют.

отпечаток таких устремлений, хотя бы на каком-то отдельном этапе или в каком-то специальном аспекте исследования (например, Vallois, 1966). Сегодня эти теоретические тенденции распространены гораздо шире, чем раньше, и современный археолог воспринимает их с меньшим недоверием. Однако это еще не повод для намеков на будущую революцию в археологии с целью повышения уровня ее «научности» с помощью всех благ эксплицитности, формализации и... (почему бы и нет?) логистичности. Прежде чем изложить наше мнение по этому поводу, следует убедиться, что наблюдаемая тенденция выходит далеко за пределы археологии, и установить не только масштаб этой тенденции, но и ее границы, чтобы быть более сдержанными в подобных пророчествах. Иначе есть риск допустить ошибку в оценке данной тенденции. Все это — тема следующих разделов.

2. ЛОГИСТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

Неоднократно утверждалось, что схематизация, о которой идет речь в этой книге, не является чем-то необычным. Все эти схемы являются результатом анализа «научного цикла», применимого в любой науке (гл. V, § 2). Поэтому неудивительно, что примеры аналогичных попыток анализа мы находим в других гуманитарных науках, в которых до недавнего времени эпистемологические проблемы не были первостепенными: в психологии, литературоведении, музыковедении и т. д. Прежде всего следует отметить, что в этих областях все больше и больше осознается недостаточно строгий уровень научных построений, причем даже в тех случаях, когда к этой строгости стремятся или когда используется специальный язык, а иногда и средства таких организованных наук, как лингвистика или математика. Правда, все это обнаруживается не так просто, но, во всяком случае, на различных конференциях и симпозиумах специалистов подобные высказывания звучат более или менее прямо. И можно без особого труда составить перечень аргументов, отражающих эти неизданные дебаты:

а) Перевооружение гуманитарных наук, означающее по терминологии Т. Куна революцию методов (Kuhn, 1970; Кун, 1975). Часто оно включает в себя чисто метафорическое употребление понятий и приемов, разработанных

для других наук. Даже разумного их заимствования недостаточно, чтобы данное исследование приобрело качества высокой научности.

б) Выбор и формулирование так называемых «исходных данных» часто не подчиняется никаким четким правилам, и эта свобода наблюдений и языка не способствует сосредоточению теоретических усилий.

в) В основном неизученными остаются «операции», применяемые при построении теорий. Для понимания того, как образуются элементы хорошо сформированного научного построения, недостаточно сказать, что они относятся к естественной или дискурсивной логике, которая к тому же и не имеет определения.

г) Изобилие публикаций в гуманитарных науках (например, в литературоведении) и их многословие, несомненно, объясняется всеобщей свободой выбора первичных элементов и связей, которыми определяется содержание теорий.

д) Подобные излишества возможны лишь там, где не принято подвергать проверке научные построения в том смысле, как это было показано выше (гл. IV, § 5.3).

е) В этих условиях трудно определить критерии, позволяющие показать, что данная интерпретация в сравнении с другой интерпретацией в одной и той же области исследования является «прогрессом». Поэтому никого не удивляет некая беспорядочность в том, как наши публикации следуют одна за другой, поскольку ценность каждой из них независима от предыдущей⁷⁷.

Список этих аргументов может быть продолжен, но и этого неполного перечня достаточно для того, чтобы вызвать сомнения (подробнее об этом см. Gardin, 1974a, 1979). Попытки рассеять эти сомнения, предпринимаемые

---

⁷⁷ Это хорошо видно на примере «цепочек цитирования» в таких областях, как социология, литературоведение и т. д. Автор, часто цитировавшийся при жизни, вскоре после смерти может по неизвестным причинам исчезнуть со страниц специальной литературы, и даже знание этих причин не спасает от столь поспешного забвения. Многие авторы могут почти одинаково рассуждать по одному и тому же поводу и не чувствовать при этом, что каждый из них цитирует теории по крайней мере нескольких других авторов. Не смущает и, наоборот, полное несовпадение точек зрения. Все это хорошо проиллюстрировано в работе (Natali, 1976), посвященной тридцати двум статьям, опубликованным между 1962 и 1976 гг. по поводу стихотворения Ш. Бодлера «Кошки» размером в 14 строк.

здесь и там, напоминают уже рассмотренные нами в археологии. Самая радикальная из предпринимаемых мер — это призыв к использованию *анализа систем*, который рассматривается как наиболее достойное методологическое средство наведения некоторого порядка, по крайней мере в тех областях гуманитарного знания, где слово «наука» принимается всерьез (например, Laszlo, 1972a, b; Sutherland, 1973; Mattessich, 1978 и в археологии Flanagan, 1973). Конечно, не всегда эти средства понимаются одинаково, но, в общем, они по духу близки тоже не вполне ясному логистическому анализу в том его определении, которое было дано в начале этой книги (гл. I, § 3. 5). На том уровне обобщения, на котором мы сейчас находимся, практические цели использования анализа систем и логистического анализа приблизительно одинаковы для гуманитарных наук вообще и для археологии в частности.

Аналогия между анализом систем и логистическим анализом становится еще более явной, если обратиться к средствам анализа и к их использованию в работах, даже существенно отличных от наших. Одно из таких средств — это *язык представления*, которому, наконец, отводится достойное место в структуре научных построений. Отмеченные выше фундаментальные отличия между языками естественным, документальным и научным (гл. III, § 3) постепенно входят в употребление и сопровождаются более ясными идеями относительно необходимости каждого из них в определенной части научного построения (например, Miller, Johnson-Laird, 1976, p. 109—131, 164—167 и т. д.).

То же самое можно сказать и о *логико-семантических организациях*, которые, как подчеркивалось выше, играют роль инструмента в процедуре интерпретации (гл. IV § 4). Постепенно они утверждаются в своих правах на существование, хотя и с разными названиями, но с единой целью: каждый из подобных методов по-своему способствует повышению строгости экспликативных построений. Эти способы рационализации находятся где-то посередине, между слишком свободными и мало известными правилами «естественной» логики и хорошо известными, но слишком узкими правилами формальной логики (см. Miller, Johnson-Laird, 1976, p. 167, 210—211, 290). Авторы дают этому типу интерпретативного аппарата многозначительное название *procedural semantics* и показывают, что в нем используется главным образом и естественный, и научный

язык (там же, с. 290). Наконец *квазиалгоритмические формы*, присущие логистическим построениям (гл. I, § 3; гл. IV, § 4.3 и т. д.), все чаще встречаются в эссе, посвященных обоснованию рассуждений в других дисциплинах: в анализе мифов (Klein, 1974), в музыковедении (Nattiez, 1975, p. 253 и сл.), в литературоведении (Molino, 1974; Natali, 1976) и т. д. Причины этих совпадений очевидны: создавая программу рассуждений, ведущих к той или иной теории, исследователь убеждается, что предложенная схематизация способствует эффективному достижению цели. Особенно легко вписывается в сферу подобных методов рассуждения системный анализ, включая способ записи программы (Weinberg, 1972). В этой связи следует напомнить, что логистический анализ не предъявляет к исследованию столь жестких требований, ибо они могут повлечь за собой весьма горькие разочарования⁷⁸.

Таким образом, можно сделать вывод, что стремление глубже понять и обосновать механизм рассуждений свойственно не только археологии, а является тенденцией, присущей сегодня всем гуманитарным наукам, которую можно рассматривать как распространение на область гуманитарных наук тех эпистемологических требований, которые до недавнего времени были характерны только для наук естественных. Конечно, из этого не следует, что мы находимся накануне коперниковского переворота в способах познания человеческой деятельности вообще и явлений давнего прошлого в частности. Такое пророчество выглядит смешным, если вспомнить о невнятности попыток перехода на путь строгой науки, включая и то, что предлагается в данной книге. Смысл этих попыток, по моему, скорее, в том, чтобы напомнить, что «игра» в науку не столь проста, как это можно подумать, видя, как часто слово «наука» появляется из-под наших перьев. В частности, правила этой «игры» предполагают два условия, которые естествоиспытатели учились соблюдать в течение нескольких столетий. Во-первых, это содержательность

---

⁷⁸ «Существует распространенная иллюзия, что использование ЭВМ позволяет исследователю отбросить или прояснить туманные идеи. Это верно только в очень узком смысле — когда, работая с машиной, человек ведет себя тоже, как машина. Но если речь идет о чем-либо более широком и полезном, это совсем не так. Погрязнуть в решении на ЭВМ тривиальных вопросов очень легко. Сделать анализ проблемы в целом и толково — намного сложнее (Lee, 1973, цит. по Clark, Cole, 1975, p. 50).

исследования, ибо всякое научное построение имеет значение только тогда, когда оно проверено и подкреплено фактами. Во-вторых — рациональность, под которой следует понимать способ изложения рассуждений, о чем, собственно, и шла речь в этой книге. Цель всякого такого способа состоит в том, чтобы установить связи между наблюдаемыми фактами и теорией.

Допустим, что в соответствии с выполнением этих двух условий (эффективность и рациональность), мы можем по-школьному просто оценить всякое научное построение, как «хорошее» или «плохое». Тогда в результате такой оценки можно получить приблизительно следующую таблицу распределения научных построений по жанрам.

жанр построения	классы по достоинствам (+) и недостаткам (—)	
	содержательный план (эффективность)	теоретический план (рациональность)
а) Наука	+	+
б) Магия ⁷⁹	+	—
в) Алхимия	—	+
г) «Смесь»	—	—

а) Наука — научные построения в самом строгом смысле этого слова, удовлетворяющие обоим сформулированным выше условиям.

б) Магия ⁸⁰ — построения, в которых достигается определенный результат по необъяснимым, иллюзорным или плохо сформулированным причинам.

в) Алхимия — построения, в которых, наоборот, ожидаемые результаты не достигаются, хотя способ их получения был тщательно продуман.

⁷⁹ Безусловно, спорный перевод более точного выражения Practical logic (практическое знание), использованного в английском варианте этой книги. Речь идет не о чем-то сверхъестественном или демоническом, а о способности ученого находить достоверный результат без последовательного обоснования рассуждений.

⁸⁰ В данном случае представляется более уместным понятие «интуиция», т. е. научная проницательность, основанная на опыте.—
Прим. ред.

г) Четвертый жанр, по-видимому, никогда, не имел названия, поскольку его полное несоответствие двум указанным выше условиям ведет к отрицанию самого его существования. Однако в силу того значительного места, которое занимают построения этого жанра в гуманитарных науках, я попытался выделить его в отдельный класс, назвав его заимствованным выражением «Смесь», или «Литературная смесь»⁸¹.

Развитие научной мысли в течение столетий можно схематически представить как диалектическое движение, поток, русло которого ограничено двумя пределами: относительной эффективностью одних, на наш взгляд, плохо оформленных («магических») построений и рациональностью других, основанных на научной эксплицитности, но непродуктивных («алхимических») процедур. Между тем время от времени появляются научные построения, которые дают повод верить, что им присуще счастливое сочетание обоих достоинств. Поэтому их можно назвать научными в полном смысле, хотя бы на то время, пока сохраняется вера в их истинность. Наконец, есть другие построения, более многочисленные. Их изобилие и легкость сразу же выдают их пустоту: это — «литературная смесь».

Такая очень упрощенная схема позволяет нам провести разграничение между ценными с точки зрения научной перспективы построениями и построениями, не представляющими такой ценности. Граница между ними проходит не под пунктом (а), а под пунктом (в). Иными словами, возвращаясь к нашей теме, логистический анализ совсем не исключает из поля теоретической археологии построения типа (б) и (в), которые в этом смысле могут считаться несовершенными. Наоборот, только они и могут с помощью логистического анализа привести к построениям типа (а). Это объясняется следующими причинами.

а) Так называемая традиционная археология создавала и создает исследования, которые с точки зрения упоминавшихся формальных требований нельзя считать полноценными. Но их эмпирический субстрат, т. е. круг фактов, их порождающий, выдерживает испытание новыми открытия-

---

⁸¹ Это — перевод французского слова *Feuilleton* (фельетон), которым Герман Гессе назвал «милую болтовню», буквально затопившую нас сегодня. Она не заботится ни о научной строгости с точки зрения хотя бы одного из упомянутых условий, ни тем более о литературном вкусе и поэтому не оставляет после себя и следа (Gardin, 1974, p. 57—58; см. также прим. 77 на с. 253).

ми. Называя такие исследования «магическими», мы далеки от мысли осуждать их этим. Скорее, такой эпитет выделяет их как объект, наиболее достойный внимания теоретика (см. гл. IV, § 2.3 и § 4.3).

б) Так называемая современная археология, наоборот, характеризуется применением абсолютно «объективных» формальных процедур для получения археологической информации (например, измерительная аппаратура, фотокамеры, соединенные с ЭВМ и т. д.) с тем, чтобы ее «исчислить» в логическом смысле (например, программы распознавания образов) или организовать тысячами иных способов (числовая таксономия, автоматическая классификация, сериация и т. д.). Однако интерпретация результатов этих процедур остается «субъективной». Она принимает рациональную форму в двух случаях. Во-первых, когда исследователь стремится постигнуть возможный смысл полученных результатов (эвристическая рациональность). Во-вторых, наоборот, когда исследователь использует полученные результаты для ретроспективного обоснования уже существующих эмпирических исследований (аксиоматическая рациональность). Название этого жанра исследований — «алхимические» — не носит никакого пренебрежительного оттенка, а просто обозначает вполне очевидные достоинства таких построений, связанные скорее с систематизацией, чем с солидностью или новизной фактов.

в) Теперь предположим, что «маги» и «алхимики» не игнорируют друг друга и не спорят друг с другом, а сотрудничают. Взаимное обогащение знаниями каждого из них приведет к рождению двуликих построений (Janus-faced constructs), столь дорогих сердцу Дж. Сазерленда, у «которых одно лицо обращено к эмпирическим основам, а другое — к понятийной структуре высшего уровня, составляющей каркас всего построения» (Sutherland, 1973, p. 12). Именно они и образуют класс научных построений в приведенной выше таблице ⁸².

---

⁸² Разумеется, это двуединое требование к научным построениям может быть сформулировано многими иными способами, особенно там, где данная проблема еще не решена (главным образом в гуманитарных науках). Однако суть всех таких формулировок всегда одинакова: обоим взаимодополняющим друг друга условиям придается совершенно равное значение, хотя названия они могут иметь самые разные (см., например, Colby, 1975, p. 99; Dunnell, 1978, p. 193 и др.).

Эти уточнения должны окончательно рассеять всякие сомнения относительно наших намерений, если они еще остались. Можно смело утверждать, что теоретическая археология—это не «новая» археология, противопоставленная всем другим. Теоретическая археология будет суровой и радикальной только по отношению к «литературной смеси», которую она не приемлет. Правда, возможно, что с помощью «суровых» методов теоретической археологии в разряд «литературной смеси» могут попасть построения, казалось бы, относящиеся к «благородным» классам «магии» и «алхимии», если они не выдержат испытания временем и окажутся бессодержательными как в смысле эффективности, так и в смысле рациональности. В остальном *все* без исключения исследования хороши и приемлемы. И единственное, что может «требовать» археолог-теоретик, это чтобы не отвергались его попытки усовершенствовать подобные построения в том смысле и теми методами, которые были здесь изложены.

Нужна ли еще большая осмотрительность и следует ли показать, что наша задача относится к кругу общеизвестных проблем, рассматриваемых современной философией, если это еще недостаточно ясно? Упомянем для начала аналитическую философию Дж. Мура и Б. Рассела. Они уже обращались к теории познания, основанной на логическом анализе семантических и синтаксических свойств языка в тех областях науки, где язык считается сформировавшимся. Эта философия породила затем логический эмпиризм (Р. Карнап, О. Нойрат и др.), занятый поисками форм исчисления, способных вывести из «первичных высказываний», связанных с восприятием, конечные высказывания верифицируемой теории. Или же напомним об операционалистской школе П. Бриджмена с его стремлением связать значение высказываний с операциями, используемыми для формирования или проверки этих высказываний. Сюда же можно отнести семиотику Ч. Пирса и Ч. Морриса. Тогда этим термином обозначались общие методы интерпретации *знаков*, до того как их стали применять к изучению любых общественных *феноменов* и *явлений*, сведенных в интересах исследования к знаковым системам (Gardin, 1974, p. 48—55) и т. д. Ссылки на эти имена не должны, однако, вводить в заблуждение. Их количество и их разнообразие достаточно убедительно свидетельствуют о том, что мы не стремимся заявить о себе, как об особой школе в этом общем развитии

идей, которые с некоторыми отступлениями кажутся достаточно всеобъемлющими. На самом деле речь идет только о некоей разновидности логического позитивизма, ставшего столь общепринятым в философии науки XX века, что он перестает быть в наших глазах отдельной *школой*. Достаточно термина «логицизм» в том широком смысле, которым он здесь наделен, чтобы подчеркнуть наше весьма свободное участие в этом общем движении. И уточнять еще больше корни этого понятия или слова было бы ненужным педантизмом.

3. ПРЕДЕЛЫ ЛОГИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Высказанных выше оговорок и предосторожностей может оказаться недостаточно, чтобы предотвратить недоразумения по поводу наших истинных замыслов. Поэтому представляется необходимым показать пределы возможностей логистического анализа, в силу несколько апологетического характера этой книги не всегда заметные. Эти пределы обнаруживаются, по-видимому, в трех планах: теоретическом, практическом и философском. В данной последовательности они и будут рассмотрены.

3.1. Легче всего обнаруживаются *теоретические* границы, как наиболее явные. Уже неоднократно подчеркивалось, что на практике формализация археологических рассуждений может включать в себя все фазы построения, от отдельных начальных до исчисления «структур», лежащих в основе конечной интерпретации. Например, систематические процедуры сбора материалов (Свод), инструментальные методы измерений и распознавание образов (Описание), алгоритмы сравнения, классификации, сериации (Упорядочение). Однако интерпретация этих структур чаще всего отдается на волю «субъективной» проницательности археолога. Нетрудно понять, что сформированные таким образом экспликативные построения априори не более значимы, чем построения, чьи изначальные шаги уже «субъективны» и, таким образом, строгость первых этапов построения фактически не обязательно распространяется на его последний этап (по этому поводу см. уже цитированную блестящую аргументацию: Cowgill, 1977).

Допустим, однако, что сама интерпретация стала объектом систематического изучения с помощью логико-семантических исчислений того типа, который был описан

в гл. IV, § 4. Тогда сразу обнаруживается уже отмеченное выше препятствие (гл. VII, § 1.1, Б), которое является не чем иным, как проявлением пределов возможностей искусственного интеллекта вообще (гл. IV, § 4.3). Законы, которые мы стремимся выявить, чтобы придать нашему исчислению аксиоматический характер, в большинстве своем либо тривиальны, либо являются высказываниями *ad hoc*, непосредственно продиктованными самой эмпирической интерпретацией, и мы в какой-то мере игнорируем условия, при которых они могут быть распространены на другие построения (те же критические замечания относятся и к «системному подходу в объяснениях» — Salmon, 1978, p. 181—182).

Эти оговорки сделаны не для того, чтобы воздерживаться от попыток проникновения в логические, семантические и математические основы наших построений. О них неплохо помнить, чтобы воздержаться от всяких трескучих пророчеств по поводу прогресса «строго научных» методов в археологии.

3.2. Действия, связанные с эксплицитностью, не только полны ловушек в самой своей основе, но еще и весьма дорогостоящи во многих смыслах этого слова. Поэтому не следует обходить молчанием и некоторые *практические ограничения* логистических нововведений, рассматриваемых с этой точки зрения.

Посмотрим сначала, каковы затраты, требуемые для подобного анализа (разумеется, речь идет не о финансовых затратах, хотя и они имеют значение). Логистические исследования могут потребовать применения дорогостоящей вычислительной техники (например, Lagrange, 1973), но не это является здесь главным барьером. Самое затруднительное, как кажется, это выбор определенной формы построения в соответствии с логистическими канонами. Первые тому примеры были изложены в гл. IV, § 4. Нетрудно также догадаться, что и применение сформулированных в гл. VI, § 3.3 правил письменного изложения результатов исследования происходит далеко не мгновенно, и, конечно, проще представить результаты своей работы на ста страницах, чем на десяти. Иными словами, логистический анализ требует таких «интеллектуальных вложений», что вполне естественно спросить, оправдываются ли они результатами и ожиданиями.

Помимо всего прочего, совершенно ясно, что такие труды доступны не всем. И не только потому, что они

«трудны» по существу, а потому, что они требуют еще и такого склада мышления, которое, слава богу, присуще не всем. Отсюда возникает вполне понятное опасение разлада между такой теоретической археологией и просто археологией, в которой можно обойтись без стольких затруднений. Можно также опасаться и того, что одна из этих археологий будет считаться «лучше», чем другая. Все то же самое можно сказать и о развитии банков и сетей данных, перевозносимых от имени рационализации источниковедения (гл. VI, § 2). Они могут привести к тому, что археологи, менее склонные к теоретизированию, вынуждены будут «застрять» на малопривлекательном поприще Компилаций. А отсюда — возможность новых форм иерархии, что также вызывает сожаление, как и в предыдущем случае. Кроме того, доступ к источникам будет осуществляться только через посредников, каковыми станут специальные организации, управляющие банками и сетями данных. Такое положение уже наблюдается в некоторых науках, которые раньше, чем археология, применили централизованные формы организации исследований.

Усиление дробности, сомнительные иерархии оценок, бюрократическая зависимость и т. д. — все эти препятствия известны, и именно они все глубже проникают сегодня в сферу научной работы, следуя за безмолвной революцией, имя которой никак не могут найти окончательно (индустриальная, технологическая, кибернетическая и т. д.). «Точные» науки (или «Big Science») не могут оказать должного сопротивления этой волне недостатков. А археология? Такого рода явления мало затрагивают ее в силу нашей счастливой неспособности к формулированию исторических законов, пригодных для «социального контроля» (Porrer, 1957) так же, как и в силу невозможности заставить всех разделять наше видение «археологии, служащей Человечеству» (Ford, 1973). Не можем ли мы поэтому надеяться на особую участь археологии, свободной от этих ограничений? И если логистические нововведения могут повлечь за собой столько неприятностей, не разумнее ли отказаться от них?

Этот вопрос имел бы смысл, если бы наши вкусы и наш индивидуальный выбор могли бы изменить ход эволюции археологии как науки. Окончательный ответ на все эти вопросы пока дать трудно, но одно представляется бес-

спорным: занимаясь теоретической археологией, необходимо заниматься и всеми рассмотренными проблемами.

3.3. Есть точка зрения, что логический эмпиризм — продукт культуры, для которой наивысшей ценностью является технологическая эффективность. По традиции такая культура называется технократической, а логический эмпиризм — идеология технократии, замаскированная под вид антиидеологической позиции науки, очищенной от ценностных суждений. Предшествующие замечания показывают, что мы не боимся принять эту критику на свой счет и по крайней мере готовы признать, что она сродни поставленным выше вопросам и расширяет их. Действительно, трудно отрицать, что логистический анализ структуры археологических научных построений может распространиться и на сам их объект, т. е. на те явления человеческой истории, которые мы хотим «объяснить», изучая археологические материалы. И нельзя не опасаться, что все это приведет к малопривлекательной для нас технократизации. И более того — к абстрактному и оторванному от человеческой истории видению результатов исследования.

От этих вопросов не избавиться несколькими строчками, и здесь не помогут взаимоисключающие символы веры. Одни из них утверждают рациональность естественных наук, распространяемую и на гуманитарные. Другие, наоборот, отстаивают специфику последних, не подлежащую вмешательству рационального. Нетрудно показать, что оба догмата приводили и приводят по сей день к одинаково плачевным заблуждениям. Однако выбор между этими двумя взглядами всякий раз должен делаться не столько для того, чтобы исключить один из них во имя другого, сколько для того, чтобы отстоять тот взгляд, который в данный момент оказался больше под угрозой. Я хорошо вижу уязвимость такой позиции, риск оказаться в одном ряду со всякого рода дуалистическими философиями, провозглашающими необходимость постоянной борьбы между двумя «силами», равным образом необходимыми для поддержания жизни, таким, как Добро и Зло, Инь и Янь, Апполон и Дионис, *animus* и *anima*... Достаточно заговорить на этом языке в любой форме, как возникает в лучшем случае снисходительность, а в худшем — осуждение тех, кто «знает», на чьей стороне находится единственная истина. Я не принадлежу к числу тех, кто «знает», но и не могу принять эту дилемму как *sub*

specie aeternitatis. Однако я не отрицаю, что на поставленные выше вопросы пужно получить ответ *раз и навсегда*.

Рискуя показаться непоследовательным, я начну с совершенно определенного высказывания: опасности, кроющиеся в рациональной позиции, кажутся мне сегодня особенно большими. Здесь не место для подробной аргументации, которая сделана людьми более сведущими, чем я, чьи достоинства как людей высокой науки не смогут отрицать даже самые рьяные апологеты рационалистической идеологии от Востока до Запада и от Севера до Юга⁸³. Таким образом, я согласен, что гуманитарные науки можно подвергнуть критическому анализу с позиции, которую некоторые ученые называют сайентистской. Но из этого вовсе не следует, что я присоединяюсь к этой позиции во всем, что касается больших дел всего мира и малых в этом масштабе дел археологии. И необходимо еще раз повторить, что исследование, проведенное в данной книге, никоим образом не является крестовым походом против всех тех сочинений, где об истории и культуре древних народов говорится иначе, чем с точки зрения логистической схемы. Угодно это или нет, но я без смущения признаюсь, что наиболее ценными для меня являются исторические работы, которые несут на себе глубокий след личного (и, я бы сказал, пристрастного) отношения автора к его теме. Такое отношение обычно выражается особым видом «языка», который — приходится признать — не имеет никакого отношения к логистической риторике. Путевые рассказы, которые умели писать вплоть до начала нашего столетия — это неисчерпаемый клад «субъективных» размышлений о людях настоящего и прошлого. Рядом с ними наши «научные» работы (включая и мои собственные) кажутся мне крайне бедными. Чтение

---

⁸³ Я не стану прибегать к смешной в данном случае «библиографии». Достаточно просмотреть журналы или многочисленные книги, посвященные контркультурам, распространяющимся во всем мире (включая и науку), чтобы понять происхождение и характер опасностей, на которые я намекаю. Однако найдутся читатели, которые спросят: как можно пропагандировать методы строгого анализа и одновременно выступать «против власти разума, служащего орудием науки». Таким читателям я рекомендую прочесть главу того же названия в прекрасной книге, написанной недавно Жозефом Вайзенбаумом, специалистом по вычислительной технике, профессором Массачусетского Технологического института (Weizenbaum, 1976, p. 258—280).

Э. Гиббона или М. Юрсенар⁸⁴ заставляет меня снова братья за учебники по римской истории. В свое время я получил из них надежную информацию, но мало знания или по крайней мере мало уверенности в *ценности* полученного знания, разумеется, не ту ценность, которая разменивается на мелкую монету экзаменов, дипломов и карьер, чем так обильна университетская жизнь, а ценность несколько иного бытия, чем наше.

От Маргариты Юрсенар к учебникам, без которых и она не могла обойтись, а от учебников к *мемуарам Адриана*, которые кажутся мне столь же необходимыми. Я не утверждаю ничего другого, кроме того, что эти пути дополняют друг друга. Они столь же неотделимы один от другого в течение длительного времени, как жизнь и смерть в масштабе человеческого рода и его судьбы. Это не просто формальная аналогия: если и существуют штампы, то выбор штампа небезразличен. Я действительно хочу сказать, что сосуществование обоих путей предопределено, хотя согласуются они между собой очень плохо и периодически пытаются взаимоисключить друг друга насильственными методами. То жизненный опыт и интуиция побеждают скучную рациональность Сократа или истины Галилея, то, наоборот, как сегодня, рациональность теми же средствами — изоляцией, отречением, смертными приговорами — пытается потеснить жизненный опыт. И уже заметна подготовка к нападению с противоположной стороны, но опять же с той же категоричностью. Нас снова убеждают опереться на традицию, «которая радикальным образом оспаривает обоснованность научной картины мира, превосходство интеллектуального начала, ценность технической смелости... *Анализ и ученые споры должны уступить требованиям невыраженного опыта*» (Roszak, p. 82. — *Курсив мой*). Так же говорили судьи Афин и Рима... Будет ли этот цикл повторяться бесконечно? Перефразируя по-новому старую истину дуализма интуиции, можно сказать: принцип удовольствия противостоит принципу реальности (Фрейд), как Эрос Танатосу (Маркузе), как опыт теории (Лэн). Ангелы и демоны постоянно меняются местами, и бой, который они ведут, может иметь только короткие передышки в счастливые эпохи, когда на некоторое время

---

⁸⁴ Edward Gibbon. *Decline and Fall of the Roman Empire*. Publié pour la première fois en 1776—1788. Ed. J.-B. Bury, 7 vol., 1896—1900. Marguerite Yourcenar. *Mémoires d'Hadrien*. Plon, Paris, 1951.

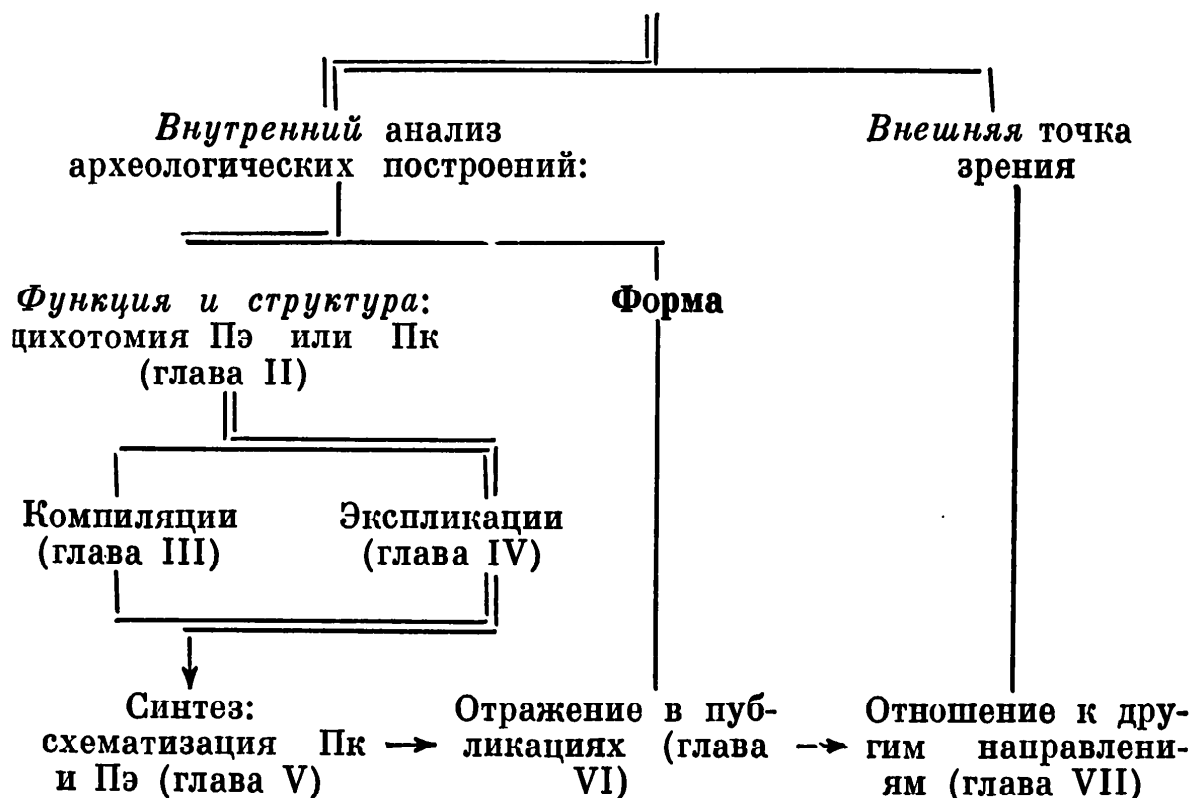
устанавливается своеобразное равновесие сил между обеими партиями.

Мне нравятся только такие эпохи, и поэтому я не испытываю никакого смущения, завершая мои размышления о науке защитой литературы. И то и другое для меня— это только два чередующихся способа свободного течения одного и того же потока мысли. Мы не знаем, откуда и куда он идет, но по крайней мере всякий раз, когда один из методов познания пытается осудить другой, мы можем считать это заблуждением. Поэтому я рассматриваю в данном случае терпимость не как нравственный принцип, а скорее, глядя сквозь призму истории, как принцип выживаемости. Во имя этого, если угодно, вынужденного либерализма, мне показалось разумным несколькими страницами ранее не исключать из сферы науки ни эффективное знание «магии», ни любопытные формальные находки «алхимии». Именно в силу все той же позиции я признаю за литературой равные возможности в воссоздании *смысла* тех явлений, которые мы изучаем, хотя эти возможности могут быть иными, чем у науки. Однако есть один путь, которому я не придаю никаких достоинств, даже если он ведет к той же цели. Это— путь, приводящий к тому, что вслед за Германом Гессе названо выше «литературной смесью». Суть этого исключения покажется очевидной только тем, кто так же, как и я, считает, что литература гуманитарных наук вообще и археологии в частности в значительной своей части состоит из работ такого рода.

ИТОГ

Диаграмма, приведенная ниже вместо резюме, демонстрирует концептуальную структуру, определяющую последовательность всех семи глав. Эту схему можно считать результатом логистического анализа. Каждый читатель может применить его, взяв в качестве объекта содержание этой книги...

«Теоретическая археология»: область и цель исследования (глава I)

ГЛОССАРИЙ И СОКРАЩЕНИЯ

I. Ниже приводится список определений самых общих понятий, используемых в этой книге. Они изложены в сжатой форме в том порядке, который, как представляется, соответствует логике их появления в тексте.

Археология. Совокупность исследований, относящихся к материальным объектам, которые вместе с другими данными могут осветить историю и образ жизни людей прошлого (отдельные события, повседневную деятельность, институты, верования и т. д.) — гл. I, § 1.4.

Построения. Любой вид текста, представляющий собой отдельный труд по археологии, — статья, книга, снабженные сопровождающими текст иллюстрациями, — имеющий целью познакомить с результатами раскопок или разведок, с содержанием какой-нибудь коллекции или каталога, с памятником или группой памятников, а также с получаемыми на основе их изучения фактами истории и образа жизни древних народов (гл. I, § 3.5).

Логистический анализ. Метод, имеющий целью выразить рассуждения, лежащие в основе археологических построений, в форме последовательности четко определенных операций (гл. I, § 3.5).

Компиляция. Любая последовательность сочетающихся по-разному высказываний, предназначенная для описания предметов материальной культуры, которые представляется полезным объединить в один свод, чтобы облегчить изучение связанных с этими предметами исторических проблем (гл. II, § 3).

Экспликация. Упорядоченное множество высказываний, характеризующих реконструкции событий или способов жизни древних людей и общественных групп на основе тех особенностей, которые обнаруживаются в конкретных археологических материалах и наблюдениях (гл. II, § 4).

Типология. а) В широком смысле слова: любое упорядоченного множества объектов, которые позволяют автору делать заключения относительно фактов, не содержащихся в первоначальном представлении этих объектов (гл. IV, § 1, начало).

б) В операциональном смысле слова: выявление систематических соответствий между внутренними свойствами объектов и их внешними характеристиками посредством постоянных рекуррентных операций. Цель установления таких соответствий состоит в том, чтобы на основе минимального числа свойств Φ , Γ , C получить наибольшее число внешних характеристик M , Bp и Φ_k (гл. IV, § 1.2).

в) В узком смысле слова: любая организация какого-нибудь комплекса археологических материалов, основанная на систематическом сопоставлении их внутренних и внешних признаков, из которой исследователь получает информацию о положении этих материалов в пространстве и во времени (гл. IV, § 1.2).

Теоретическая археология. а) Изучение логической структуры научных построений в археологии (гл. IV, § 4.3).

б) Наука о способах создания знаковых построений в археологии и искусство делать их доброкачественными с точки зрения логистического анализа (гл. VII, начало).

II. Ниже в алфавитном порядке перечислены сокращения, которыми обозначены более специальные понятия.

Вр — время: а) датировочные признаки археологических объектов (элемент триады — M , Bp , Φ_k , гл. IV, § 1.1); б) хронологические единицы, используемые при определении историко-географической области данного археологического исследования, элемент триады M , Bp , O (гл. I, § 1).

Впр—Во—Вп. Промежуточные высказывания (Bpr), образованные от описательных высказываний (Bo) или от предположительных, гипотетических высказываний (Bp), в процессе логического обоснования Экспликации, соответственно в индуктивной или дедуктивной форме (гл. IV, § 4.1).

Г. Геометрические признаки археологических объектов (элемент триады Φ — Γ — C , гл. IV, § 1.1).

ГД. Гипотетико-индуктивный метод (направление исследования), противоположный ЭИ (гл. V, § 2).

ДЯ. Документальный язык: искусственный язык, соз-

данный и используемый для описания, хранения и поиска данных, относящихся к археологическим источникам (элемент триады ДЯ—ЕЯ—НЯ, гл. III § 3).

ЕЯ. Естественный язык: язык, используемый для описания археологических материалов и комментария в специальной археологической литературе (элемент триады ДЯ—ЕЯ—НЯ, гл. III, § 3).

ЛСО. Логико-семантические организации — специальные логические схемы, используемые в качестве основы для выявления логических и семантических связей между высказываниями на всем протяжении археологического исследования от описания материалов к выводам (гл. IV, § 4.2).

М. а) Признаки места (территории) происхождения археологических материалов (элемент триады М—Вр—Фк, гл. IV, § 1.1).

НЯ. Научный язык — специальная терминология, частично связанная с ЕЯ и в то же время независимая от него, используемая в специальных археологических построениях, элемент триады ДЯ—ЕЯ—НЯ (гл. III, § 3).

О. Общество, общественные коллективы людей или институты, рассматриваемые в данной области археологического исследования (элемент триады М—Вр—О, гл. I, § 1).

П. Построение (см. выше «Глоссарий»).

Пк. Компилятивное построение (см. выше «Глоссарий»).

Пэ. Экспликативное построение (см. выше «Глоссарий»).

Рвт—Рвн. Упорядочение археологических материалов на основе только внутренних свойств (ряды Рвт) или на комбинации внутренних и внешних свойств (ряды Рвн, см. гл. IV, § 1.1).

С. Семиотические (знаковые) свойства археологических объектов (орнаментация, надписи, ритуальные особенности и т. д.), элемент триады Ф—Г—С (гл. IV, § 1.1).

Ф. Физические свойства археологических объектов, элемент триады Ф—Г—С (гл. IV, § 1.1).

Фк. Функциональные признаки археологических объектов в прямом и переносном смысле слова «функция», элемент триады М—Вр—Фк (гл. IV, § 1.1).

ЭИ. Эмпирико-индуктивный метод исследования, противоположный ГД (гл. V, § 2).

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Е. М. Классификация античных бус. — Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970, с. 59—82.

Артамонов М. И. Этнос и археология. — Теоретические основы советской археологии. Л., 1969.

Арциховский А. В. Основы археологии. М., 1954.

Асеев Ю. А., Поднозова И. П., Шер Я. А. Каталогизация музейных коллекций и информатика. — Современный художественный музей. Проблемы деятельности и перспективы развития. Л., 1980.

Асеев Ю. А., Браккер Н. В., Лисюк В. Е., Ноль Л. Я., Рябов А. Б., Шелов С. Д., Шер А. Я. Применение автоматизированных информационных систем в музеях некоторых зарубежных стран. — Музееведение и охрана памятников. Экспресс — информация, вып. 2. М., 1982.

Блаватский В. Д. Античная полевая археология. М., 1967.

Бромлей Ю. В. Очерки истории этноса. М., 1977.

Бромлей Ю. В. Энос и этнография. М., 1981.

Виноград Г. Программа, понимающая естественный язык. М., 1976.

Глушков В. М. (ред.) Словарь по кибернетике. Киев, 1979.

Городцов В. А. Русская доисторическая керамика. Труды XI Археологического съезда в Киеве. Т. I. М., 1901.

Дикшит С. К. Введение в археологию. М., 1960.

Загоруйко Н. Г. Методы распознавания и их применение. М., 1972.

Захарук Ю. Н. Проблемные ситуации в археологии. — «Советская археология», 1973, № 4.

Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А. Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). М., 1975.

Клейн Л. С. Проблема определения археологической культуры. — «Советская археология», № 2, 1970.

Клейн Л. С. Понятие типа в современной археологии. Типы в культуре. Л., 1979.

Клейн Л. С. Структура археологической теории. — «Вопросы философии», № 3, 1980.

Ковалевская В. Б. Центр анализа археологических источников во Франции. — Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.

Крос Р.-К., Гарден Ж.-К., Леви Ф. СИНТОЛ. Универсальная модель системы информационного поиска. М., 1968.

Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.

Мандельштам А. М. Рец. на J.-C. Gardin. *Ceramiques de Vastres*. MDAFA, XV, Paris, 1957. — «Советская археология». № 2. 1959.

Маршак Б. И. Код для описания керамики Пенджикента V—VI вв. Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.

Массон В. М. Развитие теоретических основ советской археологии. — Теоретические основы советской археологии. М., 1969.

Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.

Массон В. М., Боряз В. Н. (ред.) Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л., 1975.

Михайлов А. И., Черный А. И., Гиляревский Р. С. Основы информатики. М., 1968.

Москович В. А. Информационные языки. М., 1971.

Пименов В. В. Удмурты. Опыт комплексного анализа этноса. М., 1977.

Рыбаков Б. А. Историзм археологии. — Краткие сообщения Института археологии АН СССР, вып. 152. М., 1978.

Семенов С. А. Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). М.-Л., 1957.

Семенов С. А. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968.

Столяр А. Д. (ред.) Проблемы археологии. Вып. 2. Л., 1978.

Третьяков П. Н. Археологические культуры и этнические общности. — Теоретические основы советской археологии. М., 1969.

Устинов В. А. Применение вычислительных машин в исторической науке. М., 1964.

Устинов В. А., Фелингер А. Ф. Историко-социальные исследования, ЭВМ и математика. М., 1973.

Черный А. И. Введение в теорию информационного поиска. М., 1975.

Шер Я. А. О создании кибернетического фонда археологических источников с автоматическим поиском информации.— *Археология и естественные науки*. М., 1965.

Шер Я. А. Методологические вопросы археологии.— «*Вопросы философии*», № 10, 1976.

ALLARD (M.), ELZIÈRE (M.), GARDIN (J.-C.) et HOURS (F.), 1963: *L'analyse conceptuelle du Coran, sur cartes perforées*, Moulon, La Haye et Paris.

ALOUCHE (F.), BELY (N.), CROS (R.-C.), GARDIN (J.-C.), LEVY (F.) et PERRIAULT (J.), 1967: *Économie générale d'une chaîne documentaire mécanisée*. Gauthier-Villars, Paris.

ANKEL (C.), 1969. "Zur maschinellen Auswertung vorgeschichtlicher Keramik", *Archäographie* I, pp. 25—28.

ASCHER (R.), 1968: "Time's arrow and the archaeology of a contemporary community", in Chang (K. C.), ed., *Settlement archaeology*, National Press, Palo Alto, Calif., pp. 43—52.

ASCHER (R.) et ASCHER (M.), 1965: "Recognizing the emergence of man", *Science*, 147, n° 3655, pp. 243—250.

BAR HILLEL (Y.), 1960: "The present status of automatic translation of languages", in Alt (F. L.), ed., *Advances in Computers*, vol. I, Appendix III, Academic Press, New York. Reproduit in Bar Hillel, 1970, chapter 12.

BAR HILLEL (Y.), 1970: *Aspects of language. Essays and lectures on philosophy of language, linguistic philosophy, and methodology of linguistics*, North Holland, Amsterdam.

BAR HILLEL (Y.), 1975: "The impact of the essentially pragmatic character of natural language on linguistic information processing", in Debons (A.) and Cameron (W. J.), eds, *Perspectives in Information Science*, pp. 297—305, NATO Advanced Study Institute, Aberystwyth, Wales, U. K., August 13—24, 1973; Noordhoff, Leyden.

BELY (N.), BORILLO (A.), SIOT-DECAUVILLE (N.) et VIRBEL (J.), 1970: *Procédures d'analyse sémantique appliquées à la documentation scientifique*, Gauthier-Villars, Paris.

BENZECRI (J.-P.), éd., 1973: *L'Analyse des données*, 2 vol., (1: La Taxinomie; 2 : L'Analyse des correspondances), Dunod, Paris.

BINFORD (L. R.), 1962: "Archaeology as anthropology", *American Antiquity*, 28, pp. 217—225. Reprinted in Binford, 1972, pp. 20—32.

BINFORD (L. R.), 1965: "Archaeological systematics and the study of cultural process", *American Antiquity*, 31, pp. 203—210. Reproduit in Binford, 1972, pp. 195—207.

- BINFORD (L. R.), 1968 a: "Some comments on historical versus processual archaeology", *Southwestern Journal of Anthropology*, 24, pp. 267—275. Reproduit in Binford, 1972, pp. 114—121.
- BINFORD (L. R.), 1968b: "Archaeological perspectives", in Binford (S. R.) and Binford (L. R.), eds, *New perspectives in archaeology*, pp. 1—32, Aldine Publishing Co, Chicago.
- BINFORD (L. R.), 1972: *An Archaeological Perspective*, Aldine Publishing Co, Chicago.
- BINFORD (S. R.) et BINFORD (L. R.), 1968: *New perspectives in Archaeology*, Aldine Publishing Co, Chicago.
- BOBROW (D. G.) et COLLINS (A.), eds, 1975: *Representation and understanding*, Academic Press, New York.
- BONICHSEN (R.) 1973: "Millie's Camp: an experiment in archaeology", *World Archaeology*, 4, pp. 277—291.
- BORDES (F.), 1961: *Typologie du Paléolithique supérieur et moyen*, Institut de Préhistoire, Université de Bordeaux, France.
- BORILLO (M.), 1970: "La vérification des hypothèses en archéologie: deux pas vers une méthode" in Gardin (J.-C.), éd.: *Archéologie et Calculateurs*, pp. 71—90, Éditions du C.N.R.S., Paris.
- BORILLO (M.), 1971: "Formal procedures and the use of computers in archaeology", *Norwegian Archaeological Review*, 4, pp. 2—27.
- BORILLO (A.) et al., 1973: "Description des outils (mathématiques, linguistiques et informatiques) impliqués par la construction d'une chaîne automatique intégrée de traitement de l'information textuelle et graphique", *Information Storage and Retrieval*, 9, pp. 527—560, Pergamon Press.
- BREND (R. M.), 1972: *Selected writings. To commemorate the 60th birthday of K. L. Pike*, Mouton, La Haye.
- BRÉZILLON (M.), 1968: "La dénomination des objets de pierre taillée", *Gallia-Préhistoire*, IVe supplément, Éditions du C. N. R. S., Paris.
- BURLING (R.), 1964: "Cognition and componential analysis: God's truth or hocus-pocus?", *American Anthropologist*, 66, pp. 20—28.
- BURNHAM (P.), 1973: "The explanatory value of the concept of adaptation in studies of culture change", in Renfrew (C.), ed., *The Explanation of Culture Change: Models in Prehistory*, pp. 93—102, Duckworth, Londres.
- CARROLL (J. B.), 1964: *Language and thought*, Prentice Hall, Englewood Cliffs, N. J.
- CATTENAT (A.), et GARDIN (J.-C.), 1978: "Diffusion comparée de quelques genres de poterie caractéristiques de l'époque achéménide sur le Plateau iranien et en Asie centrale", in Deshayes (J.), éd., *Le Plateau iranien et l'Asie centrale, des origines à la conquête islamique*, Éditions du C. N. R. S., Paris, pp. 225—248.
- CHANG (K. C.), 1967a: *Rethinking archaeology*, Random House, New York.
- CHANG (K. C.), 1967b: "Major aspects of the interrelationship of archaeology and ethnology", *Current Anthropology*, 8, pp. 227—234.
- CHANG (K. C.), ed., 1968: *Settlement archaeology*, National Press, Palo Alto, Calif., U. S. A.
- CHEN (C. H.), ed., 1976: *Conference Record: 1976 Joint Workshop on Pattern Recognition and Artificial Intelligence*, Hyannis, Mass., June 1—3 1976. Institute of Electrical and Electronics Engineers

- (I.E.E.E.), Computer Society, 5855 Naples Plaza, Long Beach, CA 90803, U. S. A.
- CHENHALL (R. G.), 1968: "The logic of models used for processing archaeological data on computers", in Jaulin (B.), éd., *Calcul et Formalisation dans les Sciences de l'Homme*, pp. 95—105, Éditions du C. N. R. S., Paris.
- CHENHALL (R. G.), 1971: "The archaeological data bank: a progress report", *Computers and the Humanities*, 5, pp. 159—169.
- CHENHALL (R. G.), 1975: *Museum cataloging in the computer age*, American Association for State and Local History, Nashville, Tennessee.
- CHEVRIER (P.), 1959: Compte rendu de J.-C. Gardin, "Céramiques de Bactres" (Klincksieck, Paris, 1957), *Syria*, 36, pp. 307—314.
- CHILDE (V. G.), 1956: *Piecing together the past. The interpretation of archaeological data* Routledge and Kegan Paul, Londres.
- CHRISTOPHE (J.) et DESHAYES (J.), 1964: *Index de l'outillage, sur cartes perforées: outils de l'âge du bronze, des Balkans à l'Indus*, Éditions du C. N. R. S., Paris.
- CLARK (J.) et COLE (S.), 1975: *Global simulation models*, Wiley, Londres et New York.
- CLARKE (D. L.), 1968: *Analytical archaeology*, Methuen, Londres.
- CLARKE (D. L.), ed., 1972: *Models in archaeology*, Methuen, Londres.
- CLARKE (D. L.), 1973: "Archaeology: the loss of innocence", *Antiquity*, 47, pp. 6—18.
- CLOAK (F. T.), Jr., 1975: Compte rendu de Tom McFeat "Small-group Culture" (Pergamon Press, New York, 1974), *American Anthropologist*, 77, pp. 938—940.
- COLBY (K. M.), 1975: *Artificial paranoia: a computer simulation of paranoid process*, Pergamon Press, New York.
- COLLIER (S.) et WHITE (J. P.), 1976: "Get them young? Age and sex inference on animal domestication in archaeology", *American Antiquity*, 41, pp. 96—102.
- CONKLIN (H. C.), 1955: "Hanunoo color categories", *Southwestern Journal of Archaeology*, 11, pp. 339—344.
- CONKLIN (H. C.), 1972: *Folk classification*, Department of Anthropology, Yale University, New Haven, Connecticut.
- COWGILL (G. L.), 1975: "On causes and consequences of ancient and modern population changes", *American Anthropologist*, 77, pp. 505—525.
- COWGILL (G. L.), 1977: "The trouble with significance tests and what we can do about it", *American Antiquity*, 42, pp. 350—368.
- COYAUD (M.), 1966: *Introduction à l'étude des langages documentaires*, Klincksieck, Paris.
- CROS (R.-C.), GARDIN (J.-C.) et LÉVY (F.), 1964: *L'automatisation des recherches documentaires*, Gauthier-Villars, Paris, 2e éd., 1968.
- DAMERAU (F. J.), 1976: "Automated Language Processing", in Williams (M. E.), ed., *Annual Review of Information Science and Technology*, 11, American Society for Information Science, Washington, pp. 107—161.
- DEETZ (J. F.), 1965: *The Dynamics of Stylistic Change in Arikara Céramics*, University of Illinois Press, Urbana.
- DEETZ (J. F.), 1967: *Invitation to Archaeology*, The Natural History Press, Garden City, New York.

- DEONNA (W.), 1922: *L'archéologie, son domaine, ses buts*, Flammarion, Paris.
- DE PROSPO (E. R.), ALTMAN (E.) et BEASLEY (K. E.), 1973: *Performance Measures for Public Libraries*, American Library Association, Chicago, Illinois.
- DESHAYES (J.), 1973: "La date des tumuli de Sé Girdan", *Iran*, 11, pp. 176—178.
- DESHAYES (J.) et GARDIN (J.-C.), 1956: *Le fichier mécanographique de l'outillage: outils du Bronze, des Balkans à l'Indus*, Institut français d'archéologie, Beyrouth.
- DIGARD (F.) et al., 1975: *Répertoire analytique des cylindres orientaux, établi sur ordinateur*. Éditions du C. N. R. S., Paris.
- DIXON (J. E.), CANN (J. R.) et RENFREW (C.), 1968: "Obsidian and the origin of trade", *Scientific American*, mars 1968. Reproduit in Fagan (B. M.), ed., *Avenues to Antiquity*, Readings from Scientific American, W. H. Freeman & Co, San Francisco, pp. 133—140.
- DORAN (J. E.) et HODSON (F. R.), 1975: *Mathematics and computers in archaeology*, Edinburgh University Press, Edinbourg.
- DUNDES (A.), 1962: "From Etic to Emic units in the structural study of Folktales", *Journal of American Folklore*, 75, pp. 95—105.
- DUNNELL (R. C.), 1978: "Style and Function: a Fundamental Dichotomy", *American Antiquity*, 43, pp. 192—202.
- ERICSON (J. E.) et STICKEL (G.), 1973: "A proposed classification system for ceramics", *World Archaeology*, 4, pp. 357—367.
- FAGAN (B. M.), ed., 1975: *Avenues to Antiquity*, Readings from "Scientific American", W. H. Freeman, San Francisco.
- FARRADANE (J.), 1974: "The Evaluation of Information Retrieval Systems", *Journal of Documentation*, 30, pp. 195—209.
- FLANNERY (K. V.), 1973: "Archaeology with a capital S", in Redman (Ch.), ed., *Research and Theory in Current Archaeology*, John Wiley, New York, pp. 47—53.
- FORD (R. I.), 1973: "Archaeology serving Humanity", in Redman (Ch.), ed., *Research and Theory in Current Archaeology*, Wiley, New York, pp. 83—93.
- FRITZ (J. M.) et PLOG (F. T.), 1970: "The nature of archaeological explanation", *American Antiquity*, 35, pp. 405—412.
- GARDIN (J.-C.), 1955: "Problèmes de la documentation", *Diogenes*, 11, pp. 107—124.
- GARDIN (J.-C.), 1958a: "On the coding of geometrical shapes and other representations, with reference to archaeological documents", *Papers of the International Conference on Scientific Information* (I. C. S. I.), Washington, D. C., pp. 75—87.
- GARDIN (J.-C.), 1958b: "Four codes for the description of artifacts, an essay in archaeological technique and theory", *American Anthropologist*, 60, pp. 335—357.
- GARDIN (J.-C.), 1962a: "Documentation sur cartes perforées et travaux sur ordinateur dans les sciences humaines", *Revue internationale de la documentation*, 29, pp. 83—92.
- GARDIN (J.-C.), 1962b: "La syntaxe dans les langages documentaires", *Information Retrieval*, I. B. M. European, European Education Center, Blaricum (Holland), pp. 1—7.
- GARDIN (J.-C.), 1963: "Problèmes d'analyse descriptive en archéologie", in Courbin (P.), éd., *Études archéologiques*, pp. 133—150;

- Service d'édition et de vente des publications de l'Éducation Nationale (S. E. V. P. E. N.), Paris.
- GARDIN (J.-C.), éd., 1964a: *Le Syntol, étude d'un système général de documentation automatique* (4 vol.), Presses Académiques Européennes, Bruxelles.
- GARDIN (J.-C.), 1964b: "A research program in document retrieval for the behavioral sciences", *The American Behavioral Scientist*, 7, pp. 12—17.
- GARDIN (J.-C.), 1965a: *Syntol*, Rutgers Series on Systems for the Intellectual Organization of Information, Rutgers University, New Brunswick, N. J.
- GARDIN (J.-C.), 1965b: "On a possible interpretation of componential analysis in archaeology", in Hammel (E.), ed., "Formal Semantic Analysis", *American Anthropologist*, vol. 67, n° 5, Part 2, pp. 9—22.
- GARDIN (J.-C.), 1965c: "Free classifications and faceted classifications: their exploitation with computers", in Atherton (P.), ed., *Classification Research*, Elsinore 14—18 sept., 1964, pp. 161—8, Munksgaard, Copenhagen.
- GARDIN (J.-C.), 1966: "Éléments d'un modèle pour la description des lexiques documentaires", *Bulletin des Bibliothèques de France*, 11, pp. 171—182.
- GARDIN (J.-C.), 1967a: "Methods for the descriptive analysis of archaeological materials", *American Antiquity*, 32, pp. 13—30.
- GARDIN (J.-C.), 1967b: "Recherches sur l'indexation automatique des documents scientifiques", *Revue d'Informatique et de Recherche Opérationnelle*, 1re année, n° 6, pp. 27—46.
- GARDIN (J.-C.), 1968: "On some reciprocal requirements of scholars and computers in the Fine Arts and Archaeology", in Metropolitan Museum of Art, ed., *Computers and their potential applications in museums*, Arno Press, New York, pp. 103—124.
- GARDIN (J.-C.), 1969: "Semantic analysis procedures in the sciences of man", *Social Science Information*, 8, pp. 17—42; in Pouillon (J.) et Maranda (P.), éd., *Échanges et Communications: Mélanges offerts à Claude Lévi-Strauss à l'occasion de son 60e anniversaire*, pp. 628—657, Mouton, La Haye et Paris, 1970; in Gardin (J.-C.), 1974a, pp. 76—119.
- GARDIN (J.-C.), 1971: *UNISIST, Study Report on the Feasibility of a World Science Information System*, Unesco, Paris: "Étude sur la réalisation d'un système mondial d'information scientifique", Unesco, Paris, 1971.
- GARDIN (J.-C.), éd., 1972a: *L'Informatique et l'Inventaire Général*, L'informatique appliquée à la réalisation de l'Inventaire Général des Monuments et des Richesses Artistiques de la France (avec la collaboration de M.-T. Baudry, E. Chouraqui, etc.), Ministère des Affaires Culturelles, Paris.
- GARDIN (J.-C.) 1972b: "The rejection of archaeological data", Waterloo Lutherran University, Canada, avril 1972; in Gardin, 1978b.
- GARDIN (J.-C.), 1973: "Document analysis and linguistic theory", *Journal of Documentation*, 29, pp. 137—168; in Gardin (J.-C.), 1974a, pp. 120—176.
- GARDIN (J.-C.), 1974a: *Les analyses du discours*, Collection Zethos, Delachaux et Niestlé, Neuchâtel et Paris.
- GARDIN (J.-C.), 1974b: "Les projets de banques de données archéologiques: problèmes méthodologiques, technologiques et institu-

- tionnels", in Borillo (M.) et Gardin (J.-C.), éd., *Les Banques de données archéologiques*, Éditions du C. N. R. S., Paris, pp. 15—26.
- GARDIN (J.-C.), 1974c: "A propos des modèles en archéologie" (compte rendu de Clarke (D. L.), éd., "Models in Archaeology", Methuen, Londres, 1972). *Revue Archéologique*, 1974, fasc. 2, pp. 341—348.
- GARDIN (J.-C.), 1975: "Effets logiques des bases de données sur les disciplines d'érudition", *Revue internationale des Sciences sociales*, 27, pp. 815—830; *International Social Sciences Journal* (Logical effects of data bases on the study of historical sources), pp. 761—776.
- GARDIN (J.-C.), 1976: *Code pour l'analyse des formes de poteries*, établi en 1956, révisé en 1974, Éditions du C. N. R. S., Paris.
- GARDIN (J.-C.), 1977a: "L'Analyse conceptuelle du Coran (1963) et l'état présent des sciences du discours", *Cahiers du Centre de Recherches et d'Études Linguistiques* (à la mémoire de Michel Allard), sous presse, Aix-en-Provence.
- GARDIN (J.-C.), 1977b: "Archéologie et calcul": à propos de deux ouvrages récents [compte rendu de Doran et Hodson, 1975 et Mueller, 1975, cités dans cette bibliographie], *Revue Archeologique*, 1977, fasc. 2, pp. 307—320.
- GARDIN (J.-C.), 1978a: *Code pour l'analyse des Ornements*, établi en 1956, révisé en 1973, Éditions du C. N. R. S., Paris.
- GARDIN (J.-C.), 1978b: "Les stratégies de recherche en archéologie", in Groslier (B.), éd., *Coûts et profits en archéologie*, Éditions du C. N. R. S., Paris.
- GARDIN (J.-C.), 1979: "A propos de 200 projets de recherche en informatique et sciences humaines", *Actes du Colloque sur les applications de l'informatique dans les sciences humaines*, Marseille, déc. 1975 (sous presse).
- GARDIN (J.-C.) et GARELLI (P.), 1964: "Étude des établissements assyriens en Cappadoce, par ordinateur", *Annales*, sept.-oct. 1964, pp. 837—876; "Reconstructing an economic network in the Ancient East with the aid of a computer", in Hymes (D.), éd., *The Use of Computers in Anthropology*, Mouton, La Haye, 1965, pp. 377—391.
- GARDIN (J.-C.) et GENTELLE (P.), 1976: "Irrigation et peuplement dans la plaine d'Aï'Khanoum, de l'époque achéménide à l'époque musulmane", *Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient*, 68, pp. 59—99.
- GARDIN (J.-C.) et GENTELLE (P.), 1979: "L'exploitation du sol en Bactriane antique", *Actes du Colloque sur l'écologie historique en Asie centrale*, 75e anniversaire de l'École française d'Extrême-Orient, 9—11 juin 1976 (sous presse).
- GARDIN (J.-C.) et LAGRANGE (M.-S.), 1975: *Essais d'analyse du discours archéologique*, Notes et monographies techniques, n° 7, Centre de Recherches Archéologiques, C. N. R. S. (Sophia Antipolis, Valbonne 06560, France).
- GINOUVÈS (R.), 1971: "Archéographie, archéométrie, archéologie: pour une informatique de l'archéologie grégoromaine", *Revue Archéologique*, 1971, fasc. 1, pp. 93—126.
- GOCHET (P.), 1978: *Quine en perspective*, Feammarion, Paris.
- GOODENOUGH (W. H.), 1970: *Description and comparison in cultural anthropology*, Aldine Publishing Co, Chicago.

- GRIMES (J. F.), 1975: *The thread of discourse*, Moulon, La Haye et Paris.
- GRIZE (J.-B.), 1974: "Logique mathématique, logique naturelle et modèles", *Jahresbericht der Schweizerischen Geisteswissenschaftlichen Gesellschaft*, 1974, pp. 201—207.
- GUÉNOCHE (A.) et TCHERNIA (A.), 1977: "Essai de construction d'un modèle descriptif des amphores Dressel 20", in Vallet (G.), éd., *Méthodes classiques et méthodes formelles dans l'étude des amphores*, École française de Rome, pp. 241—259.
- GUNDLACH (R.), 1969: "ARDOC—Ein System zur maschinellen Verarbeitung und Auswertung archäologischer Daten", *Archäographie*, 1, pp. 58—72.
- HAMMEL (E. A.), éd., 1965: "Formal semantic analysis", *American Anthropologist*, vol. 67, n° 5, Part 2, Special Publication.
- HESTER (T. R.) et HEIZER (R. F.), 1973: *Bibliography of archaeology I: Experiments in lithic technology and petrography*, Addison—Wesley module in anthropology, n° 29, Reading, Mass.
- HIGHAM (C. F.), 1972: "Initial model formulation in terra incognita", in Clarke (D. L.), éd., *Models in archaeology*, Methuen, Londres, pp. 453—476.
- HILL (J. N.), 1968: "Broken K. Pueblo: patterns of form and function", in Binford (S. R.) et Binford (L. R.), *New Perspectives in Archaeology*, Aldine Publishing Co, Chicago, pp. 103—142.
- HILL (J. N.), 1972: "The methodological debate in contemporary archaeology: a model", in Clarke (D. L.), éd., *Models in archaeology*, Methuen, Londres, pp. 61—107.
- HILL (J. N.) et EVANS (R. K.), 1972: "A model for classification and typology", in Clarke (D. L.), éd., *Models in Archaeology*, Methuen, Londres, pp. 231—273.
- HIZ (H.), 1967: "Grammar Logicism", *The Monist*, 51, pp. 110—127.
- HODSON (F. R.), KENDALL (D. G.) et TAUTU (P.), éd., 1971: *Mathematics in the archaeological and historical sciences*, Proceedings of the Anglo-Romanian Conference, Mamaia, 1970, University Press, Edinburgh.
- HOLLERBACH (J. M.), 1975: *Hierarchical shabe description of objects by selection and modification of prototypes*, Report AL—TR—346, Artificial Intelligence Laboratory, M.I.T. Cambridge, Mass.
- HUTCHINS (J.), 1975: *Languages of indexing and classification*, Peter Peregrinus, Stevenage (Herts.).
- HYMES (D.), éd., 1964: *Language in culture and society: a reader in linguistics and anthropology*, Harper and Row, New York.
- HYMES (D.), 1970: "Linguistic models in archaeology", in Gardin (J.-C.), éd., *Archéologie et Calculateurs*, Éditions du C.N.R.S., Paris, pp. 91—118.
- Institut d'archéologie, Léninegrad, 1970: *Teoreticheskie osnovy sovet-skoj arkheologii* [Fondements théoriques de l'archéologie soviétique]. Documents de travail pour le séminaire organisé par la section de Léninegrad de l'Institut d'archéologie, Académie des Sciences d'U. R. S. S., 1970.
- ISAAC (G. L.), 1971: "Whither Archaeology?", *Antiquity*, 15, pp. 123—129.
- KEMENY (J. G.), 1959: *A philosopher looks at science*, Van Nostrand, New York.
- KLEIN (S.) et al., 1974: *Modelling Propp and Lévi-Strauss in a meta-*

- symbolic simulation system*, UWCS Tech. report 226; *Informatique et Sciences Humaines*, n° 28, 1976, pp. 63—133.
- KLEIN (L. S.), 1971: "Was ist eine archäologische Kultur?", *Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift*, 12, pp. 321—345, pp. 367—368.
- KLEIN (L. S.), 1977, "A Panorama of Theoretical Archaeology", *Current Anthropology*, 18, pp. 1—42.
- KLUCKHOHN (C.), 1951: "Values and value-orientations in the theory of action", in Parsons (T.) et Shils (E. A.), édés., *Toward a Theory of Action*, Harvard University Press, Cambridge, Mass, pp. 388—433.
- KRIEGER (A. D.), 1944: "The typological concept", *American Antiquity*, 9, pp. 271—288.
- KROEBER (A. L.), 1952: *The nature of culture*, University of Chicago, Chicago.
- KUHN (T.), 1970: *The structure of scientific revolution*, University of Chicago Press, Chicago.
- LAGRANGE (M.-S.), 1973: *Analyse sémiologique et histoire de l'art. Examen critique d'une classification*, Klincksieck, Paris.
- LAGRANGE (M.-S.), 1975: *Code pour l'analyse des monuments civils*, établi en 1965, révisé en 1969, Éditions du C. N. R. S., Paris.
- LAGRANGE (M.-S.) et BONNET (C.), 1978: *Les chemins de la Memoria: nouvel essai d'analyse du discours archéologique*, Centre de Recherches Archéologiques, C. N. R. S. (Sophia Antipolis, Valbonne 06560, France).
- LAKATOS (I.), 1976: *Proofs and refutations*, Cambridge University Press.
- LAKOFF (G.), 1970: "Linguistics and Natural Logic", *Synthese*, 22, pp. 151—271; *Linguistique et logique naturelle*, Klincksieck, Paris, 1976.
- LAKOFF (G.) et THOMPSON (H.), 1975: "Introducing Cognitive Grammar", in Cogen (C.), et al., eds. *Proceedings of the 1st annual meeting of the Berkeley Linguistic Society*, 1, University of California, Berkeley, pp. 295—309.
- LAMING-EMPERAIRE (A.), 1969: *Guide pour l'étude des industries lithiques d'Amérique du Sud*, École Pratique des Hautes Études, Paris.
- LASZLO (E.), 1972a: *The systems view of the world*, G. Braziller, New York.
- LASZLO (E.), éd., 1972b: *The Relevance of General Systems Theory*, G. Braziller, New York.
- LECLANT (J.), 1974: "Mise en place d'un inventaire systématique de la documentation concernant la civilisation méroïtique", in Borillo (M.) et Gardin (J.-C.), édés., *Les Banques de données archéologiques*, Éditions du C. N. R. S., Paris, pp. 267—275.
- LE MAITRE (J.), 1978: *La rationalisation des systèmes documentaires en archéologie*, Centre de Recherches Archeologiques, Sophia Antipolis, Valbonne, 06560, France (sous presse).
- Le RIDER (G.), 1975: *Code pour l'analyse des Monnaies*, établi en 1956, révisé en 1973, Éditions du C. N. R. S., Paris.
- LEROI-GOURHAN (A.), 1964: *Les religions de la préhistoire*, Presses Universitaires de France, Paris.
- LEROI-GOURHAN (A.) et al., 1966: *La Préhistoire*, "Coll. Nouvelle Clio", Presses Universitaires de France, Paris.

- LÉVI-STRAUSS (S.), 1958: *Anthropologie structurale*, Plon, Paris.
- LIGHTHILL (Sir J.), 1973: "Artificial Intelligence: a general survey", *Artificial Intelligence: a paper symposium*, pp. 1—21, Science Research Council (State House, High Holborn, London WC1R4TA).
- LIN (N.) et GARVEY (W. D.), 1972: "Information needs and uses", in Cuadra (C. A.), éd., *Annual Review of Information Science and Technology*, 7, American Society for Information Science, Washington, pp. 5—37.
- LONGACRE (W. A.), 1970: *Archaeology as anthropology: a case study*, Anthropological Papers of the University of Arizona, n° 17, University of Arizona Press, Tucson.
- LYONNET (B.), 1977: "Découverte de sites de l'âge du bronze dans le N.-E. de l'Afghanistan: leurs rapports avec la civilisation de l'Indus", *Annali dell' Istituto Orientale di Napoli*, 37 (n. s. 27), pp. 19—35.
- MacEwen (W. J.), 1963: "Forms and problems of validation in social anthropology", *Current Anthropology*, 4, pp. 155—169.
- MALINA (J.), 1975: *Archeologie: jak a proc?* [Archaeology: how and why?], Regional Museum, Mikulov, and Socialist Academy CSR, Breclav, 1975.
- MALINA (J.), 1981. *Archeologie včera a dnes*. Český Budějovici.
- MATTESSICH (R.), 1978: *Instrumental reasoning and systems methodology—an epistemology of the applied and social sciences*, D. Reidel Publishing Co, Dordrecht et Boston.
- MEADOW (Ch. T.), 1973: *The analysis of information systems*, 2e éd., Melville Publishing Co, Los Angeles, California.
- MEGGERS (Betty J.), éd., 1968: *Anthropological archaeology in the Americas*, Anthropological Society, Washington.
- MEL'CHUK (A.), et ZHOLKOVSKIJ (A. K.), 1970: "Towards a functioning 'meaning text' model of language", *Linguistics*, 57, pp. 40—47.
- MILLER (G. A.) et JOHNSON-LAIRD (P. N.), 1976: *Language and Perception*, Cambridge University Press, Cambridge.
- MOBERG (C.-A.), 1969: *Introduktion till Arkeologi*, Carl-Axel Moberg and Bokforlaget Natur och kultur, Stockholm; *Introduction à l'archéologie*, Maspéro, Paris, 1976.
- MOBERG (C.-A.), 1975: *Concepts of prehistoric change, and methods for its study: on some recent attempts*, Mimeographed document, University of Göteborg, Department of Archaeology (specially North-European), Gothenburg.
- MOBERG (C.-A.), 1976: *Structureville*, Mimeographed document, University of Göteborg, Department of Archaeology (especially North European), Gothenburg, 1, pp. 11—76.
- MOLINO (J.), 1974: "Sur les titres des romans de Jean Bruce", *Langages*, 35, pp. 86—94.
- MONTGOMERY (C.), 1972: "Linguistics and Information Science", *Journal of the American Society for Information Science*, 23, pp. 195—219.
- MORGAN (C.), 1973: "Archaeology and Explanation", *World Archaeology*, 4, pp. 259—276.
- MUELLER (J. W.), éd., 1975: *Sampling in archaeology*, The University of Arizona Press, Tucson.
- MUSCARELLA (O. W.), 1973: "The date of the tumuli at Sé Girđan", *Iran*, 11, pp. 178—180.

- NASATIR (D.), 1973: *Archives de données de sciences sociales: objectifs, fonctionnement et problèmes*, Unesco, Paris.
- NATALI (J.), 1976: *De l'analyse documentaire à l'analyse poétique: à propos des critiques des "Chats" de Baudelaire*, Thèse de 3e cycle présentée à l'Université de Paris 1, miméogr.
- NATTIEZ (J.), 1975: *Fondements d'une sémiologie de la musique*, Union générale d'éditions, Paris.
- NELKEN-TERNER (A.) et MacNEISH (R. S.), 1971: "La Vallée de Tehuacan (Mexique): 12 000 ans de Préhistoire", *Annales*, (Librairie Armand Colin, Paris), n° 6, nov.-déc. 1971, pp. 1141—1178.
- NIVELLE (N.), 1975: *Code pour l'analyse des Monuments religieux*, établi en 1965, révisé, en 1973, Éditions du C. N. R. S., Paris.
- NOEL (J.), 1973: "Vers une linguistique du discours", *Cahiers internationaux de symbolisme*, 26, pp. 49—65.
- NORMAN (D. A.), RUMELHART (D. E.) et LNR Research Group, 1975: *Explorations in Cognition*, Freeman, San Francisco.
- PARIS (S. G.), 1975: *Propositional logical thinking and comprehension of language connectives*, Mouton, La Haye et Paris.
- PERELMAN (C.), 1971: "The New Rhetoric", in Bar-Hillel (Y.), éd., *Pragmatics of Natural Languages*, Humanities Press, New York.
- PETŐFI (J. S.) et RIESER (H.), éd., 1973: *Studies in Text Grammar*, D. Reidel Publishing Co, Dordrecht (Holland) and Boston (U. S. A.).
- PIKE (K. L.), 1967: *Language in relation to a unified theory of the structure of human behavior*, Mouton, La Haye et Paris.
- PLOG (F. T.), 1973: "Diachronic Anthropology", in Redman (Ch.), éd., *Research and Theory in Current Archeology*, John Wiley, New York, pp. 181—188.
- POPPER (K.), 1957: *The poverty of historicism*, Routledge and Kegan Paul, Londres.
- REDMAN (C.), éd., 1973: *Research and Theory in Current Archeology*, John Wiley, New York.
- REDMAN (C.), 1974: *Archaeological sampling techniques*, Addison-Wesley Module in Anthropology n° 55, Reading, Mass.
- REDMAN (C. L.) et WATSON (P. J.), 1970: "Systematic, intensive surface collection", *American Antiquity*, 35, pp. 279—291.
- RENFREW (J. M.), 1969: "The archaeological evidence for the domestication of plants: methods and problems", in Ucko (P. J.) et Dimbleby (G. W.), éd., *The Domestication of Plants and Animals*, Duckworth, Londres, pp. 149—172.
- RENFREW (C.), 1973a: *Social Archaeology*, An inaugural lecture delivered at the University, 20th March 1973, University of Southampton.
- RENFREW (C.), éd., 1973b: *The explanation of culture change: models in prehistory*, Duckworth, Londres.
- REYNOLDS (W. E.), 1975: "The use of roof beams for defining social groups: an application of cluster analysis", *Newsletter of Computer Archaeology*, 10, n° 4, pp. 1—19.
- ROBIN (R.), 1973: *Histoire et linguistique*, Armand Colin, Paris.
- ROSZAK (T.), 1969: *The making of a Counter Culture*, Doubleday and Co, New York.
- ROULET (E.), 1974: *Linguistique et comportement humain: l'analyse tagmémique de Pike*, Delachaux et Niestlé, Neuchâtel.

- ROUSE (I.) 1960: "The classification of artifacts in archaeology", *American Antiquity*, 25, pp. 313—323.
- ROUSE (I.), 1972: *Introduction to Prehistory. A systematic approach*, McGraw Hill, New York.
- ROUSE (I.), 1973: "Analytic, synthetic and comparative archaeology", in Redman (C.), éd., *Research and Theory in Current Archaeology*, John Wiley, New York, pp. 21—31.
- ROUSE (I.), 1977: "Pattern and process in West Indian archaeology", *World Archaeology*, 29, pp. 1—11.
- ROUX (J.-P.), 1971: "Essai d'interprétation d'un relief figuratif seljukide", *Arts asiatiques*, 23, pp. 41—49.
- SAHLINS (M.), 1976: *The use and abuse of biology: an anthropological critique of sociology*, The University of Michigan Press, Ann Arbor.
- SALMON (M. II.), 1975: "Confirmation and Explanation in Archaeology", *American Antiquity*, 40, pp. 459—470.
- SALMON (M. H.), 1976: «"Deductive" versus "Inductive" Archaeology», *American Antiquity*, 41, pp. 376—380.
- SALMON (M. H.), 1978: "What can Systems Theory do for Archaeology?", *American Antiquity*, 43, pp. 174—183.
- SALOMÉ (M.-R.), 1978: *Code pour l'analyse des Textes orientaux*, établi en 1958, révisé en 1977, Éditions du C. N. R. S., Paris.
- SALOMÉ (M.-R.), 1979: *Code pour l'analyse des représentations figurées sur les vases grecs*, établi en 1960, révisé en 1965, Éditions du C. N. R. S., Paris.
- SCHANK (R. C.) et RIEGER (C. J.), 1974: "Inference and the Computer Understanding of Natural Language", *Artificial Intelligence*, 5, pp. 373—412.
- SCHANK (R. C.), GOLDMAN (N. M.), RIEGER (J. III) et RIESBECK (C. K.), 1975: *Conceptual Information Processing*, American Elsevier, New York.
- SCHIFFER (M. B.), 1972: "Archaeological Context and Systemic Context", *American Antiquity*, 37, pp. 156—165.
- SCHIFFER (M. B.), 1976: *Behavioral Archeology*, Academic Press, New York.
- SCHIFFER (M. B.) et RATHJE (W. L.), 1973: "Efficient exploitation of the archaeological record: penetrating problems", in Redman (C.), éd., *Research and theory in current archaeology*, John Wiley, New York, pp. 169—179.
- SCHOLTZ (S.) et CHENHALL (R. G.), 1976: "Archaeological Data Banks in Theory and Practice", *American Antiquity*, 41, pp. 89—96.
- SCOTT (C. T.), 1965: *Persian and arabic riddles*, Mouton, La Haye.
- SCRIVEN (M.), 1959: "Truisms as the grounds for historical explanations", in Gardiner (P.), éd., *Theories of History*, Free Press, New York, pp. 443—475.
- SEYRIG (H.), 1934—1966: *Antiquités syriennes*. 6 vol. Geuthner, Paris, vol. I (1934), pp. 27—32, 87—131; vol. II (1938), pp. 9—39, 73—106; vol. III (1953), pp. 1—44, 208—214; vol. IV (1958), pp. 99—416; vol. V (1966), pp. 31—33, 72—78.
- SMITH (B. D.), 1977: "Archaeological Inference and Inductive Confirmation", *American Anthropologist*, 79, pp. 598—615.
- SMITH (J. W.), 1976: *Foundation of Archaeology*. Beverly Hills, London.

- SOUDSKY (B.), 1966: *Bylany, Pamatniky nasi minulosti*, 4, Academia, Prague.
- SOUTH (S.), 1977: *Method and theory in historical archaeology*, Academic Press, New York et Londres.
- SPETH (J. D.), 1972: "Mechanical Basis of Percussion Flaking", *American Antiquity*, 37, pp. 34—60.
- STEWART (J.), 1955: *Theory of culture change: the methodology of multilinear evolution*, University of Illinois Press, Urbana.
- STRIEDTER (K. H.), 1971: "Der "Atlas Africanus" des Frobenius Institut. Konzeption und Perspektiven", *Paideuma*, 17, pp. 206—215.
- SUTHERLAND (J. W.), 1973: *A General Systems philosophy for the social and behavioral sciences*, G. Braziller, New York.
- SWANSON (D. R.), 1960: "Searching natural language text by computer", *Science*, oct. 1960, pp. 1099—1104.
- SWANSON (R. W.), 1975: "Design and evaluation of informations systems", in Cuadra (C.), éd., *Annual Review of Information Science and Technology*, vol. 10, American Society for Information Science, Washington D. C., pp. 43—101.
- SWARTZ (B. K. Jr.), 1967: "A logical sequence of archaeological objectives", *American Antiquity*, 32, pp. 487—497.
- THOMAS (D. H.), 1972a: "A computer simulation model of Great Basin Shoshonean subsistence and settlement patterns", in Clarke (D. L.), éd., *Models in archaeology*, Methuen, London, pp. 671—704.
- THOMAS (D. H.), 1972b: "The use and abuse of numerical taxonomy in archaeology", *Archaeology and Physical Anthropology in Oceania*, 7, pp. 31—49.
- THUILLIER (P.), 1976: "Goethe l'Hérésiarque", *La Recherche*, n° 64, pp. 147—155.
- THUILLIER (P.), 1977: "Les mathématiques: science divine ou science humaine?", *La Recherche*, n° 74, pp. 71—74.
- TRIGGER (B.), 1974: "The archaeology of government", *World Archaeology*, 6, pp. 95—106.
- TRINGMAN (R.) et DIMBLEBY (G. W.), éd., 1972: *Man, settlement and urbanism*, Duckwordth, London.
- TYLER (S. A.), éd., 1969: *Cognitive anthropology*, Holt, Rinehart et Winston, New York.
- UCKO (P. J.) et DIMBLEBY (G. W.), éd., 1969: *The domestication and exploitation of plants and animals*, Duckworth, Londres.
- VALLET (G.), éd., 1977: *Méthodes classiques et méthodes formelles dans l'étude typologique des amphores*, Collection de l'École française de Rome, vol. 32, Rome.
- VALLOIS (R.), 1944 et 1966: *L'architecture hellénique et hellénistique à Délos jusqu'à l'éviction des Déliens (166 av. J.-C.)*, De Boccard, Paris (I, *Les Monuments*, 1944; II, *Grammaire historique de l'architecture délienne*, 1966).
- VAN DEN DRIESSCHE (B.), 1975. *Le dessin au service de l'archéologie*. Louvain.
- VICKERY (B. C.), 1973: *Information systems*, Butterworths, London.
- VIGNAUX (G.), 1976 *L'argumentation. Essai d'une logique discursive*, Librairie Droz, Genève.
- WATERHOUSE (V. G.), 1974: *The history and developments of Tagmemics*, Mouton, La Haye et Paris.

- WATSON (R.), 1972: "The "new archaeology" of the 1960s" " *Antiquity*, 46, pp. 210—215.
- WATSON (R.), 1976: "Inference in archaeology", *American Antiquity*, 41, pp. 59—66.
- WATSON (P. J.), LeBLANC (S. A.) et REDMAN (C. L.), 1971: *Explanation in archaeology: an explicit scientific approach*, Columbia University Press, New York.
- WEINBERG (G. M.), 1972: "A computer approach to general system theory", in Klir (G.), éd., *Trends in General System Theories*, Wiley Interscience, New York, pp. 98—141.
- WEIZENBAUM (J.), 1976: *Computer power and human reason*, Freeman, San Francisco.
- WHALLON (R.), 1972: "A new approach to pottery typology", *American Antiquity*, 37, pp. 13—33.
- WHITE (L. A.), 1959: *The evolution of culture*, McGraw Hill, New York.
- WHORFF (B. L.), 1956: *Language, Thought and Reality: Selected Papers*, ed. J. B. Carroll, Wiley, New York.
- WILLEY (G. R.), 1953: *Prehistoric Settlement Patterns in the Viru Valley, Peru*, Bulletin 155, Bureau of American Ethnology, Smithsonian Institution, Washington D. C.
- WILLEY (G. R.), ed. 1965: *Prehistoric settlement patterns in the New World*, Viking Fund Publications in Anthropology, n° 23, Wenner-Gren Foundation for Anthropological Research, New York.
- WILLEY (G. R.), 1968: "Settlement archaeology: an appraisal", in Chang (K. C.), ed., *Settlement Archaeology*, National Press Books, Palo Alto, California, pp. 208—226.
- WINOGRAD (T.), 1972: *Understanding Natural Language*, Edinburgh University Press, Edinburgh.
- ZIEGLER (A. C.), 1973: *Inference from prehistoric faunal remains*, An Addison-Wesley Module in Anthropology, n° 43.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Алексеева Е. М. 14, 27, 271
Артамонов М. И. 160, 271
Архицовский А. В. 5, 271
Асеев Ю. А. 16, 271

Блаватский В. Д. 10, 271
Боряз В. Н. 5, 272
Браккер Н. В. 271
Бромлей Ю. В. 160, 248, 271

Виноград Г. 192, 271

Гарден Ж.-К. 272
Гиляревский Р. С. 272
Глушков В. М. 48, 271
Городцов В. А. 15, 16, 27, 271
Грязнов М. П. 160, 214

Дикшит С. К. 5

Загоруйко Н. Г. 48
Захарук Ю. Н. 16, 271

Каменецкий И. С. 27, 35, 160
Клейн Л. С. 73, 160, 272
Ковалевская В. Б. 26, 95, 272
Крос Р.-К. 27, 272
Кун Т. 252, 272

Леви Ф. 272
Лисюк В. Е. 271

Мандельштам А. М. 26, 272
Маршак Б. И. 14, 27, 271, 272
Массон В. М. 5, 7, 160, 168, 272
Михайлов А. И. 78, 272
Москович В. А. 93, 272

Ноль Л. Я. 271

Пименов В. В. 160, 272
Поднозова И. П. 271

Рыбаков Б. А. 10, 272
Рябов А. Б. 271

Семенов С. А. 204, 272
Столяр А. Д. 5, 272

Третьяков П. Н. 160, 272

Устинов В. А. 78, 273

Федоров-Давыдов Г. А. 27
Фелингер А. Ф. 78, 272

Черный А. И. 93, 272

Шелов С. Д. 271
Шер Я. А. 78, 196, 271, 272

Allard M. 88, 111, 274

Alouche F. 78, 273

Altman E. 276

Ankel C. 84, 273

Ascher M. 168, 273

Ascher R. 168, 203, 273

Bar Hillel Y. 183, 193, 273

Baudelaire 253

Beasley K. E. 276

Bély N. 189, 191, 273

Benzécri J.-P. 143, 273

Binford L. R. 5, 35, 71, 163, 173, 273

Binford S. R. 163, 274

Bobrow D. G. 192, 274

Bonichsen R. 203, 274

Bonnet C. 280

Bordes F. 88, 274

Borillo A. 85, 217, 273, 274

Borillo M. 145, 148, 231, 251, 274

Brend R. M. 73, 274

Brézillon M. 88, 274

Burling R. 162, 274

Burnham P. 169, 274

Cann J. R. 134, 276

Carnap R. 183, 259

Carroll J. B. 141, 274

Cattenat A. 158, 274

- Chang K. G. 35, 71, 115, 124,
 125, 160, 202, 274
 Chen C. H. 48, 274
 Chenhall R. G. 16, 77, 226, 274,
 283
 Chevrier P. 128, 239, 275
 Childe V. G. 275
 Chomsky N. 192, 232
 Christophe J. 87, 88, 111, 117,
 275
 Clark J. 255, 275
 Clarke D. L. 5, 10, 35, 125, 160,
 163, 164—167, 196, 213, 275
 Cloak F. T. 222, 275
 Colby K. M. 258, 275
 Cole S. 255, 275
 Collier S. 168, 275
 Collins A. 192, 274
 Condorcet 76
 Conklin H. C. 86, 275
 Cowgill G. 185, 242, 260, 275
 Coyaud M. 92, 275
 Cros R.-C. 96, 111, 189, 273, 275

 Damerau F. J. 192, 275
 Deetz J. F. 35, 135, 160, 161, 167,
 191, 275
 Deonna W. 251, 276
 De Prospro E. R. 276
 Deshayes J. 87, 88, 111, 117, 198,
 225, 275, 276
 Digard F. 87, 88, 93, 111, 276
 Dimpleby G. W. 165, 284
 Dixon J. E. 134, 276
 Doran J. E. 71, 84, 88, 142, 250,
 280
 Dundes A. 73, 276
 Dunnell R. C. 122, 258, 276

 Elzière M. 273
 Ericson J. E. 88, 276
 Evans R. K. 279
 Fagan B. M. 276
 Farradane J. 276
 Flannery K. V. 163, 164, 254, 276
 Ford R. I. 262, 276
 Frege G. 54
 Freud S. 265
 Fritz J. M. 137, 276

 Garelli P. 197, 278
 Gardin J.-C. 51, 73, 77, 78, 79,
 82, 83, 87, 88, 90, 92, 93, 94,
 95, 96, 101, 105, 111, 113, 114,
 136, 142, 148, 158, 166, 173,
 175, 184, 189, 191, 192, 195,
 204, 210, 212, 213, 224—226,
 230, 231, 240, 242, 244, 253,
 257, 259, 273—278
 Garvey W. D. 227, 281
 Gentelle P. 173, 244, 278
 Ginouvés R. 96, 278
 Gochet P. 54, 278
 Goldman N. M. 278
 Goodenough W. H. 73, 278
 Grimes J. F. 191, 243, 279
 Grize J. B. 194, 279
 Guénoche A. 148, 279
 Gundlach R. 84, 279

 Hammel E. A. 162, 279
 Heizer R. F. 204, 279
 Hesse H. 257, 266
 Hester T. R. 204, 279
 Higham C. F. 141, 279
 Hill J. N. 173, 251, 279
 Hiz H. 54, 279
 Hodson F. R. 71, 84, 88, 142, 250,
 276, 279
 Hollerbach J. M. 217, 279
 Hours F. 273
 Hutchins J. 92, 93, 279
 Hymes D. 86, 191, 279

 Isaac G. L. 222, 279
 Johnson-Laird P. N. 222, 279

 Kemeny J. C. 220, 279
 Kendall D. G. 142, 279
 Klein S. 254, 279
 Klein L. S. 196, 279
 Kluckhohn C. 161, 279
 Krieger A. D. 279
 Kroeber A. L. 161, 279
 Kuhn T. 252, 279

 Lagrange M. S. 87, 136, 145, 148,
 184, 195, 213, 230, 231, 240, 242,
 261, 278, 280
 Lakatos I. 249, 280
 Lakoff G. 191, 193, 280
 Laming-Emperaire A. 88, 280
 Laszlo E. 254, 280
 LeBlanc S. A. 163, 168, 202, 284
 Leclant J. 226, 280
 Le Maitre J. 83, 280
 Le Rider G. 60, 87, 280
 Leroi-Gourhan A. 7, 160, 169, 280
 Lévi-Strauss C. 166, 281
 Lévy F. 96, 111, 189, 273

Lighthill Sir J. 193, 281
 Lin N. 227, 281
 Longacre W. A. 71, 281

MacEwen 199, 281
 MacNeish R. S. 37, 147, 148, 282
 Malina J. 5, 35, 281
 Mattessich R. 254, 281
 Meadow C. T. 78, 111, 281
 Meggers B. J. 71, 281
 Mel'chuk A. 191, 281
 Miller G. A. 254, 281
 Moberg C.—A. 5, 35, 71, 165, 281
 Molino J. 255, 281
 Montgomery C. 96, 281
 Morgan C. 248, 281
 Mueller J. W. 212, 281
 Muller J. 191
 Muscarella O. W. 198, 281

Nasatir D. 83, 281
 Natali J. 253, 255, 282
 Nattiez J. 255, 282
 Nelken-Terner A. 37, 282
 Nivelles N. 87, 282
 Noel J. 191, 282
 Norman D. A. 192, 282

Paris S. G. 194, 282
 Perelman C. 244, 282
 Perrault J. 273
 Petofi J. S. 191, 282
 Pike K. L. 72, 73, 282
 Plog F. T. 137, 163, 165, 276, 282
 Popper K. 262, 282

Rathje W. L. 145, 148, 169
 Redman C. 5, 163, 168, 202, 212,
 251, 282, 284
 Renfrew C. 134, 164, 165, 168,
 247, 276, 282
 Reynolds W. E. 168, 282
 Richter G. 145, 148
 Rieger C. J. 192, 283
 Riesbeck C. K. 283
 Rieser H. 191, 282
 Robin R. 191, 282
 Roszak T. 265, 282
 Roulet E. 73, 282
 Rouse I. 71, 125, 137, 167, 282
 Roux J.-P. 175, 183, 186, 187, 195,
 203, 204, 206, 241, 249, 283
 Rumelheart D. E. 282

Sahlins M. 169, 283
 Salmon M. H. 186, 261, 283
 Salomé M. R. 87, 105, 283
 Schank R. C. 192, 283
 Schiffer M. B. 35, 169, 172, 283
 Scholtz S. 77, 283
 Scott C. T. 73, 283
 Scriven M. 185, 232, 241, 248,
 249, 251, 283
 Seyring H. 169, 283
 Siot-Decauville N. 273
 Smith B. D. 185, 186, 283
 Smith J. W. 5, 283
 Soudsky B. 135, 283
 South S. 35, 283
 Speth J. D. 143, 213, 284
 Steward J. 164, 166, 284
 Stickel G. 88, 276
 Striedter K. H. 226, 284
 Sutherland J. W. 254, 258, 284
 Swanson D. 112, 284
 Swartz B. K. 137, 284

Tautu P. 142, 279
 Tax S. 247
 Tchernia A. 150, 279
 Thomas D. H. 143, 164, 284
 Thompson H. 193, 280
 Thuillier P. 198, 250, 284
 Trigger B. 168, 284
 Tringham R. 165, 284
 Tyler S. A. 86, 284

Vallet G. 76, 284
 Vallois R. 252, 284
 Van den Driessche B. 23, 284
 Vickery B. C. 78, 111, 284
 Vignaux C. 191, 284
 Virbel J. 243

Waterhouse V. G. 73, 284
 Watson P. J. 163, 168, 202, 216,
 251, 282, 283
 Weinberg G. M. 255, 285
 Weizenbaum J. 285
 Whallon R. 145, 148, 251, 254
 White L. A. 161, 247, 285
 White J. P. 170, 279
 Whorff B. L. 86, 289
 Willey G. 37, 167, 289
 Winograd T. 289

Zholkovskij A. K. 193, 285
 Ziegler A. C. 170, 289

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- «Алхимия» как познавательный метод 256—259, 265—276.
Анализ приемов научных рассуждений в археологии 7, 33, 35, 40—43, способ проведения этого анализа см. Логицизм; его связь с реальным ходом рассуждения 53—55; его недостатки см. Пределы.
Анализ системный 3, 51—53, 163—164.
Антропология культурная см. Этнография.
Археология, область, цели, задачи 9, 35—40; связь с другими дисциплинами 9, 36—38; определения 40, 268. Археология новая 25, 33, 50, 54, 246—252, см. Революция научная. Археология теоретическая 5, 7, 55, 196—197, 245—246.
- Банки (базы, сети) археологических данных 16, 70, 105—109, 212, 225—226, 262.
Внешние см. Признаки.
Внутренние см. Свойства.
«Время», признаки абсолютной или относительной хронологии археологических фактов 36, 121, 123, 125—126, 128—131, 134—136—137.
Выводы в археологическом рассуждении 49—50, 167—168, 171, 182—186, 188, 234; см. Интерпретация.
- «Геометрия», морфологические свойства археологических материалов 121; см. Распознавание образов.
Гипотезы проверяемые, гипотетико-дедуктивный метод 135, 173—174, 178, 186, 203, 221—222, 248, 249—250.
Графика см. Представление графическое.
- Данные см. Банки данных, Материалы.
Дедукция см. Гипотезы (гипотетико-индуктивный метод).
Диффузионизм 156—157, 167.
Допустимость (приемлемость), наличие множества одинаково допустимых экспликаций в археологии 154—159, 173—174, 184—187, 197—207.
Дуализм (наука—литература, теория—практика и т. д.) 265.
- Задачи, назначение археологических построений 67, 78, 209—210, 229, 234—235.
Знаки, системы представления знаковые или семиологические 77—78, 87, 89—90, 259.

- Иконический см.** Представление графическое или иконическое.
Иконография, иконографический анализ 48, 90—91, 119, 174—189.
Информация см. Источники: кризис научной информации 226—228; Международная система научной информации см. ЮНИСИСТ.
Информатика и археология 26, 52—53, 190—192, 255; см. Банки данных.
Интеллект искусственный 21, 192—197; см. Распознавание образов, Моделирование, Кибернетика.
Интерпретация археологических материалов 18, 51, математические ряды, сравнительные серии 142, 151—153, 215—217, 239—242; обычные категории интерпретации 153—166; оценка интерпретационных построений 201—213, 217—219, 251. См. Экспликации, Выводы, Распознавание образов.
Искусство, история искусства и археология 9, 39, 146.
Источники, поиск информации, источниковедческие системы 77—80, 87—88, 109—110, 226—227, 229—232; см. Банки данных.
- Каталогизация, каталоги археологические** 43—44, 57—62.
Кибернетика 52—53, 78—79; см. Интеллект искусственный.
Классификация 46—47, 60—62, 65, 108—113, 115—117, 131—134; см. Упорядочение, Типология.
Коды аналитического описания археологических материалов 26, 87—88, 90, 237—238; см. Языки информационные.
Комментарий к археологическим материалам 51; его разновидности 52—53.
Компиляции в противоположность Экспликациям 11, 63—64, 70—73, 223, 227, 233, 268; примеры 64—67; структура и функции 74—80, 224—225; определение 67, 105; оценка 109—113; см. Банки данных.
- Лингвистика и археология** 21, 182—184, 191—194.
Литература см. Дуализм.
«Литературная смесь» 256, 257, 266.
Логика рассуждения в археологии 29, 53—54, 184, 189—190, 196—197, 251—252; «Логика естественная», «логика дискурсивная», 54, 190, 191, 215, 242, 254.
Логико-семантические организации (ЛСО) 19—21, 182—188, 189—197, 215—216, 242, 254.
Логицизм, логистический анализ построений 21, 22, 24; примеры 43—49; определение 54, 268; связи с логикой, системным анализом и т. д. 24, 50—55, 189—197, 247—254, 260; применение в типологических построениях 139—151; в интерпретационных построениях 166—189; в гуманитарных науках в целом 54, 252—254.
- «Магия» как способ познания** 256—257, 264—265.
Математика и археология 21, 52—53, 140—143, 148, 191—192, 199, 250.
Материалы археологические, их разнообразие 13, 38—39; их место в обосновании археологических построений 51—52, 166, 169—171; способ их отбора при составлении свода с целью компиляции или экспликации 41—43, 80—83, 139—140, 210—212, 234—235.
«Место», признаки, относящиеся к локализации археологических материалов в широком смысле 36, 122, 126, 128—131, 133—137.
Метаязык представления археологических материалов 23, 90, 92, 100, 101; см. Языки информационные.
Методика исследования 41—43.

Моделирование 51—53, 191; см. Анализ системный, Тесты.
Монотонность археологических построений 33, 60—61, 128, 153—155, 209, 222, 239; см. Однообразие.

«Общества», человеческие коллективы, с которыми связываются археологические материалы 36, 122, 151—152.

Объективность 65, 124, 231, 238, 258.

Однообразие (относительное) рассуждений и археологических построений 56—62, 114, 126, 153—159; см. Сравнительный метод, Монотонность.

Описание археологических материалов, проблема их представления посредством различных знаковых систем 14, 43—44, 52, 56—60, 64—65, 75—78, 83—105, 139, 170—171, 176, 178, 212—213, 231—232, 237, 254; см. Языки, Распознавание образов. Описание «исчерпывающее» 210—212.

Оценка достоверности (подтверждение), верификация типологических и интерпретационных построений 129—130, 201—213, 217—219, 179, 185—187, 197—208, 251. Общая схема методов 205—208.

Оценка источниковедческих систем 78; компиляций 109—113, экспликаций см. Оценка достоверности.

Палеография см. Эпиграфика.

Познание, анализ познавательных процессов, познающие грамматики 193—199; организация знаний см. Логико-семантические организации.

Поиск информации см. Источники.

Построения археологические, определение 50—51, 268; их относительное однообразие 56—62; разделение на две категории.— Компиляции и Экспликации 11, 63—70. См. Компиляция, Экспликация, Типологии.

Пределы формализованных методов 55, 142—143, 148, 193—197, 199, 211—212, 243—248; пределы логистического метода 260—266.

Представление археологических материалов см. Описание. Представление графическое или иконическое, его недостаточность 22—23, 75, 84, 103. Представление знаковое см. Знаки.

Признаки археологических объектов 75, 122—152. Признаки внешние, их разделение на категории Места, Времени, Функции 17, 122—138 и Общества 36, 122, 151—152. Признаки внутренние см. Свойства.

Процесс смены культур, его изучение в археологии 163—165.

Популяризация 36—37, 234.

Публикации археологические, их форма и функция 222—244.

Различие см. Сравнительный метод.

Распознавание образов 47—49, 83—84.

Революция научная 54—55, 173, 247, 252.

Риторика и археологическая литература 238.

Свод см. Материалы археологические; *Corpus Vasorum Antiquorum*, 65, 81.

Свойства внутренние 17, 75, их разделение на свойства физические, геометрические, семиотические 120, 121.

Семантика см. Логико-семантические организации.

Семиология см. Знаки.

«Семиотика», знаковые признаки археологических материалов (орнаменты, сцены, надписи и т. д.) 121, 126, 128—134, 259.

Системы см. Анализ системный. Системы источниковедческие см. Источники. Системы представления знаковые см. Знаки.

Сравнительный метод, широкое употребление сравнений в археологии 60—62, 114, 126, 151—159, 213—215, 238. См. Каталогизация, Классификация.

Статистика. см. Математика.

Стратегия наблюдения см. Методика исследования.

Суждения (высказывания) окончательные, заключения или результаты археологических построений 51—53, 135, 171—174, 239—240.

Схематизация построений 33, 129, 132, 194, 208—222, 244.

Таксиномии 124, 140—143; см. Классификации, Типологии.

Тесты 199—207; см. Оценка достоверности.

Типологии, типы 16—18, 60—62, 115—118, 123—125, 126—139, 131—134, 269; генезис типологий 144—151; типологическая основа интерпретационных построений 151—166; оценка типологий 199—201.

«-тический», «-мический», 72—73, 103, 142.

Упорядочение археологических материалов или их представлений 17, 53, 105—109, 120—130, 139, 208, 212, 213, 239—240, 251. См. Классификация, Таксиномии, Типологии.

Уровни интеграции археологических данных 117—118, 160—161.

«Физика», физические свойства археологических материалов 120, 126, 128, 130, 134.

«Фельетон» см. «Литературная смесь».

Формализация, анализ и формальные методы в археологии 24, 26, 33—35, 53, 189—197, 252, 254; см. Пределы, Математика, Логика.

Формы, анализ форм в археологии см. Геометрия, Представление графическое, Распознавание образов.

«Функция», признаки, по которым определяется назначение археологических материалов в широком смысле (утилитарная, символическая, социальная) 120, 122, 125—128, 131, 134, 135, 137, 141, 165. Функционализм 156, 166.

Цикл научный, циклические аспекты археологических построений 41—43, 62, 79, 105, 112, 129—130, 132, 150, 220—222.

Эволюционизм 157, 166.

Экспликация археологических материалов 1, 53, 60, 126; см. Интерпретация.

Экспликации в противоположность Компиляциям 63—64, 70—73, 223, 227—228, 233—234; примеры и определение 67—70, 268.

Эксплицитность рассуждений 54, 166, 168, 172, 215—216, 241, 249, 252. Эксплицитность или словесное описание отличительных признаков, выявленных в изображениях, см. Представление графическое.

Экофакты, данные или экологические парадигмы в археологических экспликациях 39, 244, 251.

Эмпиризм логический, эмпирические и логические обоснования на-

учных построений 260, 263—264; эмпирико-индуктивный метод 221.

Эпиграфика, палеография 38—39, 119.

Этнография и археология 9, 37—38, 71, 160—161, 165, 166—169.

ЮНИСИСТ, Международная система научной информации 27, 228.

Язык естественный для описания археологических материалов 14, 85—86, 88, 89, 95—99, 103, 105.

Язык информационный, язык документальный 14—16, 87—95, 99—109, 254.

Язык научный, специализированный 14, 86—87, 89, 99—103.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная статья	5
Предисловие к русскому изданию	30
Предисловие	33
Глава I. Анализ археологических построений	35
1. Археология в широком смысле слова	35
1.1. Область исследования	35
1.2. Цель исследования	36
1.3. Объекты и памятники	38
1.4. Определение археологии	39
2. Приемы научных рассуждений в археологии	40
3. Логистический анализ	43
3.1. Первый пример: каталогизация	43
3.2. Второй пример: классификация	46
3.3. Третий пример: распознавание образов	47
3.4. Четвертый пример: исторические выводы	49
3.5. Природа и цель логистического анализа	50
Глава II. Компиляции и Экспликации	56
1. Относительное однообразие археологических построений	56
2. Два типа построений: Компиляция и Экспликация	63
3. Компиляции (Пк)	64
4. Экспликации (Пэ)	67
5. Другие формулировки различий между Пк и Пэ	70
Глава III. Анализ Компиляций	74
1. Структура и функции Компиляций	74
2. Отбор материалов	80
3. Проблема представления	83
3.1. Представление на документальном языке	89
3.2. Обработка данных на естественном языке	95
3.3. Язык документальный и язык научный	99
3.4. Заключение: документальный язык — язык Компиляций	103
4. Упорядочение представлений на документальном языке	105
5. Оценка качества Компиляций	109
Глава IV. Анализ Экспликаций	114
1. Типологические построения	115
1.1. Признаки внутренние и внешние	118
1.2. Промежуточное положение типологий	131
2. Логистический анализ типологических построений	139
2.1. Свободные построения: таксономические ряды	140
2.2. Управляемые построения: индуцированные типологии	144
2.3. Предопределенные построения: дедуктивные типологии	146
2.4. Итог	150
3. Интерпретационные построения	151
3.1. Простые интерпретации: совпадение, влияние, наследование	153

3.2. Нормативные интерпретации: идеи, верований, культурные ценности	160
3.3. Динамические интерпретации: системы поведения	163
4. Логистический анализ интерпретационных построений	166
4.1. Надстраивание систем высказываний	169
4.2. Логико-семантические механизмы и инструменты	174
4.3. Проблемы формализации	189
5. Оценка Экспликаций	197
5.1. Оценка типологических построений	199
5.2. Оценка достоверности интерпретационных построений	201
5.3. Систематика методов оценки достоверности	205
Глава V. Общая схематизация	208
1. Общая схема компилятивных и экспликативных построений	209
1.1. Задачи	209
1.2. Свод	210
1.3. Описание	212
1.4. Упорядочение	213
1.5. Интерпретация	215
1.6. Оценка достоверности	217
2. Циклический характер схемы	219
Глава VI. Форма археологических публикаций	222
1. Отличие Компиляций от Экспликаций и риторика	223
2. Доступ к данным в Компиляциях	224
3. Новая риторика Экспликаций	226
3.1. Инфляция публикаций	227
3.2. Некоторые недостатки современной литературы	228
3.3. Нормативные принципы	233
Глава VII. Пределы теоретической археологии	245
1. Является ли теоретическая археология новой?	246
1.1. Связи с «новой» археологией	246
1.2. Место в истории археологии	251
2. Логистические перспективы в гуманитарных науках	252
3. Пределы логистического анализа	260
3.1. Теоретические пределы	260
3.2. Практические пределы	261
3.3. Философские пределы	266
Итог	267
Глоссарий и сокращения	268
Литература	271
Именной указатель	286
Предметный указатель	289

ЖАН-КЛОД ГАРДЕН
Теоретическая археология

ИБ № 11 860

Редактор А. П. Бутт
Художник Ю. П. Трапанков
Художественный редактор В. А. Пузанков
Технические редакторы Н. А. Кронова, С. Л. Рябинина,
В. Ю. Никитина
Корректор Т. С. Дмитриева

Сдано в набор 07.12.82. Подписано в печать 30.03.83. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура Новая обыкновенная. Печать высокая. Условн. печ. л. 15,54. Усл. кр.-отт. 15,54. Уч.-изд. л. 16,58. Тираж 8000 экз. Заказ № 759.
Цена 1 р. 20 к. Изд. № 36 449.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство
«Прогресс» Государственного комитета СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, 119021, Зубовский бульвар, 17

Московская типография № 11 Союзполиграфпрома при
Государственном комитете СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.
Москва, 113105, Нагатинская, 1.